

1914
Т 36

И. ТЭНЪ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ.

ТОМЪ Ш.
ЯКОВИНСКОЕ ЗАВОЕВАНІЕ.

Переводъ съ французскаго.

Подъ редакціей А. Швырова.

*Безплатное приложеніе къ „Вѣстнику Иностранной Литературы“
за 1907 годъ.*

Проз. 1965

ПРОВЕРЕНО
1950 г.

И. ТЭНЪ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.

ТОМЪ III.

ЯКОВИНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ.

524 276

ПОДАШУ

Переводъ съ французскаго.

Подъ редакціей Я. Швырова.

Установа адміністрація
"Віцебскі дзявожаўны ўніверсітэт
імя П. М. Кісялёва"
БІБЛІЯТЭКА

ПРОВЕРЕНО
1956 г.

*Безплатное приложение къ „Вѣстнику Иностранной Литературы“
за 1907 годъ*

ЯКОБИНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Якобинцы.

ГЛАВА I.

Образованіе новаго политическаго органа.—I Принципъ революціонной партіи.—Его примѣненіе.—II Нарожденіе якобинцевъ.—Основы ихъ духа разсматриваемыя по отношенію всего человѣчества.—Во всякомъ обществѣ встрѣчаются и даютъ себя чувствовать гордость и эгоизмъ.—Какъ они обуздываются въ хорошо устроенныхъ обществахъ.—Какъ они развиваются при новомъ режимѣ.—Вліяніе оказываемое средой на воображеніе и честолюбіе.—Утопическія стремленія, распушенность слова, извращеніе гонятій.—Свободныя мѣста, развитіе алчности, развращенность сердца.—III Психологія якобинца.—Его духовный обликъ.—Преобладаніе формуль и отсутствіе дѣлъ.—Нарушеніе умственнаго равновѣсія.—Признаки этого нарушенія въ революціонной литературѣ.—Языкъ и состояніе ума якобинца.—Почему такое настроеніе вредно.—Въ чемъ заключается его сила.—Вызываемыя имъ иллюзіи.—IV Что обѣщала теорія.—Какъ она льстила узавлеченному самолюбію.—Преобладающая страсть якобинца.—Признаки этой страсти въ его литературѣ и его поведеніи.—Съ его точки зрѣнія онъ одинъ добродѣтеленъ, а его противники негодяи изъ чего слѣдуетъ, что онъ долженъ избавится отъ нихъ.—Завершеніе формированія характера.—Потеря здраваго смысла и извращеніе нравственнаго чувства.

Въ такомъ разлагающемся обществѣ, гдѣ народныя страсти являются единственной реальной силой власть захватываетъ обыкновенно та партія, которая, льстя имъ, подчиняетъ ихъ своей волѣ. Поэтому наряду съ законнымъ правительствомъ, которое не въ силахъ было ни умѣрить ихъ, ни удовлетворить образуется незаконное правительство поощряющее ихъ, возбуждающее и руководящее ими. Но мѣрѣ того какъ первое разлагается и слабѣетъ, второе крѣпнеть и организуется, пока, ставъ наконецъ въ свою очередь законнымъ, занимаетъ мѣсто перваго.

I.

Первымъ дѣломъ, чтобы найти оправданіе для всѣхъ чрезмѣрныхъ притязаній и волненій народа выдвинули на первый планъ теорію и не на скоро придуманную, поверхностную и не устойчивую

чивую, но глубоко проникшую въ общественную мысль, вскормленную упорнымъ трудомъ предшествовавшей ей философіи, представлявшую изъ себя нѣчто вродѣ живучаго и крѣпкаго корня, изъ котораго выросло новое конституціонное дерево: это принципъ народовластія. Понятый буквально, онъ обозначаетъ, что правительство представляетъ изъ себя лишь довѣренное лицо, простаго слугу. „Мы его учредили и какъ до, такъ и послѣ учрежденія его, остаемся его повелителями.“ Между нами и имъ „никакого договора“, на неопредѣленное или по крайней мѣрѣ продолжительное время, который не могъ бы быть уничтоженъ по взаимному соглашенію или вслѣдствіе измѣны одной изъ сторонъ. „Какое бы оно ни было и чтобы оно не дѣлало, мы ничуть не зависимъ отъ него, а оно всецѣло зависитъ отъ насъ; мы всегда свободны измѣнить, ограничить, отнять, когда намъ вздумается, власть, хранителями которой мы его сдѣлали. Въ качествѣ первоначальной и неоспоримой собственности забота объ общественномъ благѣ принадлежитъ намъ и только намъ, а если мы передаемъ въ ихъ руки, то слѣдуемъ примѣру королей временно облакающихъ властью министра; послѣдній всегда готовъ злоупотреблять ею и нашъ долгъ наблюдать за нимъ, предостерегать, останавливать, обуздывать, а въ случаѣ нужды прогнать. Въ особенности мы должны опасаться хитрости и пріемовъ, при посредствѣ которыхъ оно подъ предлогомъ общественнаго спокойствія, пожелаетъ связать намъ руки. Основной законъ, котораго не могутъ уничтожить никакіе изданные имъ законы, запрещаетъ ему посягать на наше верховенство, а оно посягаетъ на него, когда пытается стѣснить, ослабить или помѣшать проявленіе его. Правительство даже конституціонное превышаетъ власть, когда оно обращается съ народомъ какъ съ развѣнчанымъ королемъ. Когда оно подчиняетъ его законамъ не утвержденнымъ имъ самимъ, когда оно разрѣшаетъ ему дѣйствовать лишь черезъ своихъ уполномоченныхъ; надо чтобы онъ могъ самостоятельно и непосредственно дѣйствовать, собираться, обсуждать общественныя дѣла, разматривать, контролировать, порицать дѣйствія своихъ избранныхъ, вліять на нихъ своими указаніями, исправлять ихъ промахи своимъ здравымъ смысломъ, уравнивать ихъ безволіе своей энергіей, вмѣстѣ съ ними держать руку на рулѣ, пороку устранять ихъ отъ него, рѣшительно выбрасывать ихъ за бортъ и спасать корабль, направляемый ими на подводные камни.

И дѣйствительно такова доктрина народной партіи, которую 14 іюля 1789 года и 5 и 6 октября она примѣнила на практикѣ, а Лустало, Камилль Демулэнъ, Фреронъ, Дантонъ, Марать, Петіонъ, Робеспьеръ не переставали провозглашать въ клубахъ, на столбахъ газетъ и въ Собраніи. По ихъ мнѣнію всѣ власти какъ мѣстныя, такъ и центральныя всегда являлись узурпаторами. Что мы выиграемъ отъ сверженія деспотизма, если вмѣстѣ его создадимъ новый. Мы не подчиняемся больше „аристократіи нашихъ уполномоченныхъ“? Въ Парижѣ уже „собраніе гражданъ ничего не значить, а муниципалитетъ составляетъ все“. Онъ посягаетъ на наши неоспоримыя права, отказывая окру-

гамъ въ правѣ отзывать по желанію своихъ избранныхъ, являющихся ихъ представителями въ Ратушѣ, издавая постановленія не санкціонированныя избирателями, препятствуя гражданамъ собираться, гдѣ имъ вздумается и разбивая собранія, устраиваемыя на чистомъ воздухѣ въ Палль-Рояль: „солдатчина тамъ вытѣсняетъ патриотизмъ“ и мэръ Байльи, облакающійся въ ливрею, присваивающій себѣ жалованье въ 110.000 ливровъ, раздающій капитанскіе чины, обязывающій разносчиковъ имѣть бляхи, а газеты выходить за подписью, является не только тираномъ, но лихоимцемъ, воромъ, преступникомъ, нарушающимъ народныя права.

Еще большія злоупотребленія властью позволяетъ себѣ Національное Собраніе: присягать Конституціи, какъ оно это дѣлаетъ, навязывать намъ, свое твореніе, не считаясь съ нашими верховными правами, не обращая вниманія на наши точныя предписанія, это значитъ не признавать нашего верховенства, это значитъ „издѣваться надъ величіемъ націи“, подмѣнять волю народа волею тысячи двухсотъ человекъ: „наши представители не оказали намъ должнаго уваженія“. Это ужъ не въ первый разъ, да конечно и не въ послѣдній. Они неоднократно превысили свои полномочія; они обезоруживаютъ, лишаютъ голоса и свободы дѣйствій своего законнаго повелителя; они именемъ народа издаютъ декреты противъ народа. Таковъ ихъ военный законъ, изданный, „чтобы подавить возмущеніе гражданъ“, т. е. отнять у насъ единственное средство, которымъ мы располагаемъ противъ заговорщиковъ, воровъ и измѣнниковъ. Таковъ декретъ воспреещающій всѣ коллективныя петиціи и возванія. „Безмысленный декретъ и непримѣнимый“, являющійся самымъ страшнымъ посягательствомъ на права націи. Таковъ прежде всего избирательный законъ, требующій отъ избирателей небольшой цензъ, а отъ кандидатовъ въ народныя представители большой цензъ, законъ „освящающій аристократію богатства“. Бѣдняки исключенные декретомъ должны отказаться признать его, должны заставить властей занести себя въ списки и безъ стѣсненія вотировать, ибо естественный законъ выше писаннаго и милліоны гражданъ несправедливо лишены голоса совершили бы лишь „справедливое возмездіе“, если-бы выходя изъ залы засѣданія, взяли за горло вождей самозваннаго большинства и сказали имъ: „Вы вычеркнули насъ изъ общества, потому что вы были сильнѣе насъ въ залѣ; мы же въ свою очередь вычеркиваемъ васъ изъ числа живыхъ, такъ какъ мы сильнѣе всѣхъ на улицѣ. Вы насъ убили граждански, а мы васъ убиваемъ физически.

Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, всякій мятежъ становится законнымъ. Робеспьеръ съ трибуны оправдываетъ жакерію, отказывается называть разбойниками поджигателей замковъ, признаетъ законными возстанія въ Суассонѣ, Нанси, Авиньонѣ и Колоніяхъ. По поводу двухъ повѣшенныхъ въ Дуэ, Демулэнъ замѣчаетъ, что это было дѣло рукъ народа соединившагося съ войскомъ. „Поэтому я утверждаю, не боясь ошибиться: они узаконили мятежъ“; они были виновны и прекрасно сдѣлали, повѣсивъ ихъ.

Но вожди революціонныхъ партій не только оправдываютъ убійства, они подстрекають къ нимъ. Демулэнъ „въ качествѣ главнаго прокурора Лантерны выражаетъ желаніе, чтобы во всѣхъ восьмидесяти трехъ департаментахъ ежемѣсячно производилось хотя бы одно вздергиваніе на фонарь“, а Марать въ своей газетѣ непрерывно бьетъ тревогу: „Когда общественное благо въ опасности, дѣло народа отнять власть изъ рукъ, которымъ онъ самъ вручилъ ее... Арестуйте австріячку и ея шурина... Захватите всѣхъ министровъ и ихъ чиновниковъ, заключите ихъ въ кандалы, наблюдайте за главой муниципалитета и помощниками мэра, не выпускайте изъ рукъ генерала, задержите генеральный штабъ... Наслѣдникъ престола не имѣетъ права обѣдать, когда вы голодаете. Собирайтесь въ полки, предстаньте предъ Національнымъ Собраніемъ и требуйте, чтобы оно немедленно назначило вамъ изъ національныхъ суммъ приличное содержаніе. Требуйте, чтобы государственные налоги употреблялись на пользу бѣдныхъ государства. Если вамъ въ этомъ откажутъ, собирайтесь въ армію, дѣлите между собою земли и богатства злодѣевъ, которые закапываютъ свое золото, чтобы голодомъ принудить васъ снова подпасть подъ ихъ иго... Теперь ужъ пришла пора снять съ плечей головы министровъ и ихъ сподвижниковъ, Лафайета, всѣхъ злодѣевъ генеральнаго штаба, всѣхъ начальниковъ анти-патріотическихъ батальоновъ, Байльи, всѣхъ контрреволюціонныхъ муниципальных чиновниковъ, всѣхъ измѣнниковъ изъ Національнаго Собранія. Правда среди мало мальски развитыхъ людей Марать пользуется репутаціей сумашедшаго, ненормальнаго человѣка. Однако таково послѣднее слово теоріи: въ политическомъ зданіи надъ властями уполномоченными, утвержденными и законными, она утверждаетъ анонимную власть, безсмысленную и жестокою, произволь которой неограниченъ, главенство неоспоримо, а вмѣшательство смертоносно,—это народъ, подозрительный и жестокій султанъ, который назначивъ своихъ визирей, держитъ на готовѣ руки, чтобы управлять ими и отточенную саблю, чтобы свести имъ головы.

II.

Что эту теорію могъ создать въ своемъ кабинетѣ глубокомысленный политикъ это вполне понятно: бумага все терпитъ, а абстрактные люди, безсмысленные идолы, философическія маріонетки, какъ тѣ, которыя онъ изобрѣтаетъ, годятся для всякихъ комбинацій. Что ее воспринимаетъ и проповѣдуетъ въ своемъ погребкѣ полубезумный фанатикъ это также легко объяснимо; онъ находится во власти фантомовъ онъ живетъ внѣ реальнаго міра, наконецъ вѣдь среди постоянно подымающейся демократіи это онъ является неизмѣннымъ доносчикомъ, зачинщикомъ всѣхъ бунтовъ, подстрекателемъ всѣхъ убійствъ и подъ именемъ „друга народа“ становится властителемъ жизни, настоящимъ повелителемъ. Что обремененный податями, несчастный, изголодавшійся, поучаемый ораторами и софистами народъ единогласно принялъ и сталъ примѣ-

нять на практикѣ эту теорію, это еще тоже понятно: подѣ влияніемъ чрезмѣрныхъ страданій пользуются всякимъ оружіемъ, а для угнетаемаго то ученіе истинно, которое помогаетъ ему избавиться отъ угнетенія. Но что политики, законодатели, государственные мужи, наконецъ министры и главы правительства стали послѣдователями этой теоріи, что они все болѣе подчинялись ей, по мѣрѣ того какъ она становилась болѣе разрушительной, что они въпродолженіе трехъ лѣтъ изо дня въ день, видя какъ подѣ ея ударами рушился общественный порядокъ не могли понять, что это она была орудіемъ такого страшнаго разрушенія, что при свѣтѣ горькаго опыта они вмѣсто того, чтобы признать пагубность ея, превозносили ея благодѣянія; что многіе изъ нихъ, цѣлая партія, почти все Собраніе, почитали ее какъ догматъ и до конца примѣняли съ непреклонностью и энтузіазмомъ глубокаго убѣжденія; что понавѣ, благодаря ей, въ узкій проходъ, постепенно все болѣе суживающійся они неизмѣнно шли все впередъ, по пути уничтожая другъ друга; что дойдя до конца, они въ воображаемомъ храмѣ своей мнимой свободы очутились на бойнѣ; что въ кругу этой народной рѣзни они по очереди бывали то рѣзниками, то убойнымъ скотомъ; что на своихъ правилахъ всеобщей, абсолютной свободы они воздвигли достойный Дагомеи деспотизмъ, судилище напоминающее инквизицію, человѣческія гекатомбы равныя приносившимся въ древней Мексикѣ; что посреди своихъ тюремъ и своихъ эшафотовъ они ни на минуту не переставали вѣрить въ свою справедливость, свою гуманность и свою добродѣтель и въ своемъ паденіи считали себя мучениками, это положительно странно,—такое заблужденіе ума и такая чрезмѣрная гордость никогда не встрѣчаются и для порожденія ихъ потребовалось небывалое стеченіе обстоятельствъ, какое случается только однажды.

Однако какъ чрезмѣрное честолюбіе, такъ и догматическія разсужденія не рѣдкость среди людей. Эти два корня якобинскаго ума встрѣчаются вездѣ, скрытые и вѣчные. Но обыкновенно они обуздываются хорошо устроеннымъ обществомъ. Они вездѣ стараются сорвать печать историческихъ наслоеній, придавливающихъ ихъ всей своей тяжестью. И теперь какъ и въ старину въ студенческихъ мансардахъ и меблированныхъ комнатахъ богемы, въ уединенныхъ кабинетахъ врачей безъ практики и адвокатовъ безъ кліентовъ встрѣчаются Бриссоны, Дантоны, Мараты, Робеспьеры и Сень-Жюсты въ зародышѣ, но вслѣдствіе недостатка воздуха и мѣста на солнцѣ они не могутъ развиваться. Когда двадцатилѣтній юноша вступаетъ въ свѣтъ, то что онъ встрѣчаетъ поражаетъ его умъ и его гордость. Во первыхъ каково бы ни было общество, въ которое онъ вступаетъ, оно ошеломляетъ чистый разумъ, ибо оно не построено законодателемъ-философомъ согласно ясному принципу, а создано цѣлымъ рядомъ поколѣній, устраивавшихъ его, сообразуясь съ своими многочисленными и измѣнчивыми потребностями. Это созданіе не логики, а исторіи и молодой мыслитель пожимаетъ плечами, глядя на это старое зданье, кладка камней котораго произвольна, архитектура безпорядочна и заплаты на которомъ

такъ замѣтны. Во вторыхъ, какъ бы ни были совершенны всѣ эти учрежденія, законы и нравы, все же они ужь существовали до того время онъ не можетъ призвать ихъ; другіе его предшественники избрали ихъ для него и заключили его въ опредѣленные нравственные, политическія и социальныя рамки. Нужды нѣтъ, что онъ не нравятся, онъ долженъ какъ упряжная лошадь идти между двумя оглоблями въ надѣтыхъ шорахъ. Затѣмъ какова бы ни была организація она всегда по своему существу іерархична и ему на долю выпадаетъ роль подчиненнаго, все равно солдата ли, капрала или сержанта.

Даже при самомъ либеральномъ образѣ правленія и тамъ, гдѣ высшія должности доступны каждому, на пять или шесть человѣкъ управляющихъ и командующихъ другими приходится сто тысячъ такихъ, которыми командуютъ и управляютъ и пусть сколько угодно твердятъ всѣмъ новобранцамъ, что въ ихъ сумкѣ спрятавъ маршальскій жезлъ Франціи, девятьсотъ девяносто девять разъ на тысячу они перерывъ свои сумки сразу убѣждаются, что, никакого жезла тамъ нѣтъ. Поэтому вполне понятно, что у него является искушеніе освободиться отъ желѣзной дисциплины которая должна отнынѣ сковать его. Понятно также, что презрѣвъ традиціи, онъ усваиваетъ теорію, подчиняющую его произволу товарищей и надѣляющую его властью надъ собственнымъ начальствомъ. Тѣмъ болѣе, что нѣтъ болѣе простой и легче усваиваемой доктрины какъ эта, это единственная, которую онъ при всей своей неопытности въ состояніи понять и сразу начать примѣнять. Вотъ почему большинство молодыхъ людей, въ особенности изъ начинающихъ свою карьеру по выходѣ изъ школы болѣе или менѣе якобинцы, это „болѣзнь юношескаго возраста“.

Въ хорошо устроенномъ обществѣ болѣзнь эта протекаетъ легко и быстро излечивается. Тамъ общественныя учрежденія прочны и хорошо охраняются, недовольные очень быстро убѣждаются, что они слишкомъ слабы, чтобы поколебать ихъ и что, сражаясь съ ихъ защитниками, они рискуютъ потерпѣть поражение. Затѣмъ они наворчавшись вдоволь, въ свое время, впоследствии тѣмъ или инымъ путемъ вступаютъ въ строй и бывають довольны или по крайней мѣрѣ примиряются. Въ концѣ концовъ они изъ подражанія, въ силу привычки или по расчету начинаютъ находить нормальнымъ существующій порядокъ вещей, который охраняя общественные интересы, въ тоже время защищаетъ и ихъ частныя. Въ большинствѣ случаевъ лѣтъ черезъ десять молодой человѣкъ достигаетъ извѣстнаго чина и постепенно подвигается впередъ въ своемъ учрежденіи, которое онъ ужь не собирается разрушать на глазахъ у городского, котораго онъ теперь тоже не проклинаетъ больше. Онъ начинаетъ даже находить полезными и городского и учрежденіе, въ которомъ служить и глядя на то, какъ тысячи индивидуумовъ толкаясь стремятся взобраться повыше по социальной лѣстницѣ, онъ приходитъ къ заключенію, что самымъ худшимъ бѣдствіемъ было-бы отсутствіе рогатокъ и охранителей.—А тутъ и источенныя червями рогатки допнули всѣ сразу, а прекраснодушные, бездарные, испугавные бюстители

дали всѣмъ полную свободу дѣйствій.—Тотчасъ же въ распавшемся обществѣ воцарились неурядица и полная шума и крика суматоха; всѣ безъ толку толкались и возбужденно поздравляя другъ друга съ пріобрѣтенной свободой, громко требовали новыхъ рогатокъ, лишь бы только онѣ были такія же хрупкія какъ и прежнія и новыхъ блюстителей порядка, если возможно такихъ же слабыхъ, безоружныхъ и инертныхъ какъ старые.—Такъ и сдѣлали, а естественнымъ послѣдствіемъ этого явилось то, что люди, прежде занимавшіе первыя мѣста, теперь отодвинулись на послѣднія; въ общей сумятицѣ и неурядицѣ, воцарившейся вездѣ и именуемой полнымъ благоустройствомъ, многіе были умерщвлены, а деревянные башмаки и грубые сапоги продолжали топтать красныя каблукы и изящныя туфельки.—Теперь догматическій умъ и безграничное честолюбіе могутъ составить карьеру, ибо нѣтъ болѣе прежнее учрежденій препятствующихъ имъ, ни физической силы обуздывающей ихъ. Напротивъ своими теоретическими декларациями и практическимъ примѣненіемъ ихъ новая Конституція приглашаетъ ихъ занять почетное мѣсто.—Ибо съ одной стороны она считаетъ себя основанной на чистомъ разумѣ и выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ отвлеченныхъ принциповъ, изъ которыхъ яко-бы строго вытекаютъ всѣ ея подлинныя предписанія: т. е., другими словами, она подчиняетъ всѣ законы болтовнѣ говорунуновъ, давая имъ возможность перетолковывать ихъ и нарушать по своему усмотрѣнію.—Съ другой стороны, на дѣлѣ, она вручаетъ власть выборнымъ людямъ, а клубамъ разрѣшается контролировать дѣйствія правительства: это значитъ давать просторъ самомнѣнію честолюбцевъ, которые пробираются впередъ, считая себя одаренными необыкновенными способностями и порицаютъ своихъ правителей изъ желанія занять ихъ мѣсто.—Всякій режимъ представляетъ изъ себя среду оказывающую влияние на ростъ человѣческихъ растений, способствуя развитію однихъ и заглушая другія. Этотъ именно оказался наиболѣе благопріятнымъ для рожденія и произрастанія политиковъ изъ кафе, клубныхъ болтуновъ, уличныхъ ораторовъ, явныхъ мятежниковъ, диктаторовъ комитетовъ, словомъ рволюціонеровъ и тирановъ. Въ этой знойной тепличной атмосферѣ химеры и самомнѣніе принимаютъ чудовищные размѣры и втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ пылкіе умы превращаются въ воспламенные страстью.

Прослѣдимъ какое дѣйствіе оказываетъ эта невѣроятно высокая и нездоровая температура на воображеніе и честолюбіе. Старое зданіе разрушено, а новое еще не воздвигнуто; нужно перестроить общество снизу доверху; всѣ благомыслящіе люди призваны къ работѣ, а такъ какъ, чтобы начертать планъ достаточно примѣнить любой простой принципъ, то первый встрѣчный въ состояніи выполнить это. Съ тѣхъ поръ на собраніяхъ секцій, въ клубахъ, на столбцахъ газетъ, въ брошюрахъ, въ смѣлыхъ и пылкихъ головахъ кишатъ политическія грезы. „Нѣтъ ни одного приказчика, ни негоціанта, созданныхъ чтеніемъ Элоизы, ни одного школьнаго учителя, переведшаго хотя бы десять страницъ изъ Тита Ливія, ни одного артиста просмотрѣвшаго Роллена, ни

одного остроумнаго литератора ставшаго публицистомъ, заучивъ наизусть логотрифы Соціального Контракта, которые не учреждали бы Конституціи... Такъ какъ нѣтъ ничего легче какъ совершенствовать воображаемое, то всѣ пылкіе умы стали увлекаться и работать въ этой идеальной области. Все начинается любопытствомъ, а кончается энтузіазмомъ. Чернь приобѣгаетъ къ этой пробѣ, какъ скупецъ къ обѣщающимъ ему золото опытомъ магіи, и въ этомъ пагубномъ ослѣпленіи каждый надѣется сразу получить то, что нигдѣ не встрѣчается, даже при наиболѣе либеральныхъ правительствахъ, а именно: идеальное совершенство общественныхъ формъ, всеобщее равенство и братство, возможность приобрести все, чего мы до сихъ поръ были лишены и наполнить свою жизнь удовольствіями и наслажденіями“. Однимъ изъ послѣднихъ и притомъ не малымъ является вѣра во все это; строить воздушные замки; при помощи восьми-десяти хорошо построенныхъ фразъ, взятыхъ изъ этихъ катехизисовъ въ шесть су, въ громадномъ количествѣ расходящимся по деревнямъ и городскимъ предмѣстьямъ, всякій провинціальный прокуроръ, сборщикъ податей у заставы, контролеръ контръ-марокъ или сержантъ изъ солдатской артели превращается въ законодателя и философа; онъ судить Малуэта, Мирабо, министровъ, короля, собраніе, церковь, иностранные кабинеты, Францію и Европу. Затѣмъ онъ по поводу высокихъ матерій, -которыя ему прежде казались совершенно недоступными дѣлаеть запросы, пишетъ адреса, онъ болтаетъ, его одобряютъ, онъ въ восторгѣ, что ему удается такъ хорошо разсуждать и выражаться такимъ высокимъ слогомъ. Теперь разглагольствованіе о вопросахъ, которыхъ не понимаешь, стало приносить пользу и славу. „Въ одномъ парижскомъ кварталѣ въ теченіе одного дня говорятъ больше чѣмъ на всѣхъ политическихъ собраніяхъ въ Швейцаріи, въ продолженіе цѣлаго года—говоритъ одинъ очевидецъ. „Англичанинъ будетъ шесть мѣсяцевъ изучать то, что мы рѣшаемъ въ четверть часа“ и повсюду въ городскихъ ратушахъ, въ народныхъ обществахъ, на партійныхъ собраніяхъ, въ кабачкахъ, на общественныхъ прогулкахъ, на перекресткахъ тщеславіе воздвигаетъ трибуны для словоизліяній. „Надо изучить неподдающуюся учету дѣятельность подобной машины у болтливаго народа, у котораго манія быть чѣмъ нибудь преобладаетъ надъ всѣми остальными страстями, у котораго тщеславіе принимаетъ столько различныхъ формъ, сколько сверкаетъ звѣздъ на небосводѣ, у котораго для приобрѣтенія почестей достаточно самому провозглашать себя достойнымъ ихъ, у котораго общество подраздѣляется на посредственностей и ихъ поклонниковъ, возносящихъ ихъ подъ небеса, у котораго такъ мало людей, довольныхъ своимъ положеніемъ, у котораго угловой лавочникъ больше гордится своими временными эполетами, чѣмъ великій Кондэ гордился своимъ маршальскимъ жезломъ, у котораго постоянно вспыхиваютъ безпричинныя волненія, у котораго всѣ отъ полотера до драматурга, отъ академика до безобиднаго существа строчащаго статейки въ вечернемъ листкѣ, отъ остроумнаго царедворца до его лакея-философа,

всѣ разыгрываютъ роль Монтескье, съ серьезностью ребенка, считающаго себя ученымъ, какъ только ему удалось выучиться читать; у котораго любовь къ диспутамъ, спорамъ и софизмамъ убива осмысленные разговоры; у котораго говорить, чтобы учить другихъ, забываетъ что надо хоть иногда помолчать, чтобы въ свою очередь научиться чему либо; у котораго, блестящій ускъхъ нѣсколькихъ сумасшедшихъ перевернулъ вверхъ дномъ всѣ сумасбродные мозги; у котораго, придумавъ пару глупостей послѣ прочтенія книги, которую не поняли, тотчасъ же надѣляются себя *принципами*; у котораго плуты проповѣдаютъ нравственность, падшія женщины патріотизмъ, а самые безнравственные люди толкуютъ о человѣческомъ достоинствѣ; у котораго рассчитанный слуга вельможи воображаетъ себя Брутотъ“.

Онъ, дѣйствительно, является Брутомъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, а при случаѣ онъ имъ станетъ на самомъ дѣлѣ, въ особенности по отношеніи своего послѣдняго господина, для этого вѣдь достаточно одного удара копья. Въ ожиданіи пока ему придется приступить къ выполненію своей роли, онъ произноситъ слова изъ нея и воспаляется своими тирадами; вмѣсто здраваго смысла онъ обладаетъ теперь лишь трескучими фразами революціоннаго жаргона и умнѣемъ витѣвато говорить, доводя до конца дѣло утопіи, онъ облегчаетъ свой мозгъ отъ послѣдняго баласта.

Но новый режимъ не только извратилъ понятія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ развратилъ чувства. „Изъ Версальскаго дворца и пріемныхъ царедворцевъ власть непосредственно безъ всякихъ переходовъ перешла въ руки пролетаріевъ и ихъ льстецовъ“. Весь составъ прежняго правительства внезапно былъ удаленъ и также внезапно, посредствомъ всеобщаго голосованія, было учреждено новое правительство; при распредѣленіи мѣстъ предпочтеніе отдавалось не старшинству, способностямъ и опытности, а самонію, проискамъ и умнѣнію обратить на себя вниманіе. Не только всѣ законныя права были уравнены, но всѣ естественныя подраздѣленія классовъ были уничтожены, общественную лѣстницу опрокинули и перевернули вверхъ ногами, а первымъ актомъ обѣщанныхъ преобразованій „явилось превращеніе адвокатовъ въ чиновниковъ магистратуры, обыкновенныхъ буржуа въ государственныхъ мужей, бывшихъ разночинцевъ въ благородныхъ гражданъ солдатъ въ офицеровъ, офицеровъ въ генераловъ, священниковъ въ епископовъ, викаріевъ въ настоятелей, монаховъ въ викаріевъ, ажіотеровъ въ финансистовъ, самоучекъ въ администраторовъ, журналистовъ въ публицистовъ, риторовъ въ законодателей и бѣдняковъ въ богачей.—„При видѣ этого разыгрались алчные аппетиты. Изобиліе свободныхъ мѣстъ и ожидаемыхъ вакансій „возбудило жажду власти, подстегнуло честолюбіе и зажгло надежды въ умахъ самыхъ бездарныхъ людей. Дикое и грубое самоніе подавило у всѣхъ невѣждъ и глупцовъ сознаніе собственнаго ничтожества. Они вообразили себя одаренными всесторонними способностями, ибо законъ ничего не требовалъ отъ должностныхъ лицъ кромѣ способностей. Для честолюбивыхъ лю-

дей открылись широкія перспективы: солдаты только и думали о томъ, чтобы стать офицерами, офицеры мечтали о генеральскихъ чинахъ, подчиненные о мѣстахъ начальниковъ, вчерашній адвокатъ грезилъ о пурпурѣ, священникъ объ епископскомъ санѣ, самый легкомысленный писака надѣялся сѣсть на скамью законодателей. Мѣста и должности, освобождавшіяся, благодаря внезапному повышенію разныхъ выскочекъ, въ свою очередь открыли широкія перспективы низшимъ классамъ.—Такимъ образомъ, благодаря измѣненію внѣшнихъ условій, произошелъ переворотъ въ душахъ. „Такимъ образомъ Франція превратилась въ игорный столъ, за которымъ при помощи болтовни, наглости и пылости ума, каждый честолюбецъ могъ бросать свои кости. При видѣ выдвигающагося изъ ничтожества общественнаго дѣятеля у каждаго чистильщика сапоговъ зарождается въ душѣ стремленіе къ соревнованію.

Ему достаточно лишь протолкаться впередъ и пустить въ ходъ локти, чтобы взять свой билетъ въ этой „грандіозной лотереѣ народныхъ богатствъ, повышенной безъ права на нихъ, успѣховъ безъ таланта, величія безъ добродѣтели, щедро расточаемыхъ народомъ должностей“. Сюда стекаются всѣ политическіе шарлатаны, а въ первомъ ряду находятся тѣ, которые искренне вѣрятъ въ чудодѣйственныя свойства своихъ цѣлительныхъ средствъ и ищутъ власти, лишь затѣмъ, чтобы имѣть возможность предложить обществу свой рецептъ. Въ виду того, что они являются спасителями всѣхъ мѣста должны принадлежать имъ, а въ особенности самыя высокія. Они ихъ добиваются, въ случаѣ нужды они возьмутъ ихъ штурмомъ, чтобы сохранить ихъ за собою, они пускаютъ въ ходъ силу и волей или неволей навязуютъ человѣчеству свою панацею.

III

Таковы наши якобинцы: они вырастаютъ изъ общественнаго расклада точно грибы изъ перебродившей почвы. Изучимъ теперь ихъ внутренній строй, который у нихъ существуетъ вродѣ того, какъ нѣкогда существовалъ у пуританъ—достаточно прозондировать до глубины ихъ ученье, чтобы проникнуть въ ихъ странную психологію съ нарушеннымъ умственнымъ равновѣсіемъ и извращенными чувствами.

Когда государственный мужъ, не совсѣмъ недостойный этого почетнаго званья, встрѣчаетъ на своемъ пути отвлеченную идею, напримѣръ: принципъ народовластія, то, приступая къ осуществленію его, онъ прежде всего старается представить себѣ каковъ онъ будетъ примѣненный къ жизни. Поэтому онъ, руководствуясь своими личными воспоминаніями и тѣми свѣдѣніями, какія ему удалось получить, представляетъ себѣ извѣстную деревню, извѣстное мѣстечко, извѣстный городъ въ средней полосѣ, на югѣ, на сѣверѣ, въ центрѣ страны, для которыхъ ему надо издавать законы. Затѣмъ онъ, по мѣрѣ возможности, представляетъ себѣ жителей, подчиняющихся этимъ законамъ, т. е. вотирующихъ, идущихъ на ка-

рауаъ, платящихъ подати, ведущихъ свои дѣла. Судя по этимъ 10—12 группамъ, разсмотрѣннымъ имъ въ видѣ пробы, онъ по аналогіи выводитъ заключеніе и для остальныхъ—для всей страны. Само собою разумѣется, что такое вычисленіе не легко, оно требуетъ рѣдкаго таланта наблюдательности и тонкаго чутья, ибо приходится *дѣлать точное вычисленіе съ недостаточно понятными и не точно обозначенными величинами*. И если какой-либо политикъ достигаетъ желаннаго результата, то этимъ онъ всегда обязанъ исключительному дару предвидѣнія, который является плодомъ многолѣтняго опыта, соединеннаго съ гениемъ. Но все же, введя въ жизнь свою реформу, онъ продолжаетъ подвигаться ощупью; онъ почти всегда лишь пробуетъ; онъ примѣняетъ новый законъ лишь постепенно, частично и временно; онъ стремится предварительно испытать дѣйствіе его; онъ всегда готовъ исправить, отмѣнить или отложить свое нововведеніе, смотря по тому—благопріятны или неблагопріятны будутъ результаты испытанья. Въ его даже недожинномъ умѣ представленіе о наклонностяхъ и стремленіяхъ управляемыхъ имъ массъ складывается лишь послѣ тщательнаго изслѣдованія.

Но не таковъ якобинецъ. Его принципъ это геометрическая аксіома въ политикѣ, заключающая въ самой себѣ доказательства своей непогрѣшимости, ибо подобно аксіомамъ элементарной геометріи принципъ этотъ состоитъ изъ сочетанія нѣсколькихъ простыхъ мыслей и его очевидность сразу импонируетъуму привыкшему къ логическому мышленію. Человѣкъ въ широкомъ значеніи этого слова, человѣческія права, общественный договоръ, свобода, равенство, разумъ, природа, народъ, тираны, вотъ понятія заполняющія умъ новаго адепта этого ученія, ясны ли они и понятны или же наоборотъ представляютъ изъ себя наборъ туманныхъ и трескучихъ фразъ, это не важно. Какъ только онъ соединилъ ихъ въ нѣчто цѣлое, они стали для него аксіомой, которую онъ тотчасъ же начинаетъ при каждомъ удобномъ случаѣ примѣнять на практикѣ, часто впадая въ крайности. Реальные люди—онъ не обращаетъ на нихъ вниманья, онъ ихъ не видитъ, да ему и не надо ихъ видѣть; съ закрытыми глазами онъ прикладываетъ свою мѣрку къ человѣческой массѣ, которой онъ пытается придать желаему форму; никогда ему не приходитъ въ голову вообразить себѣ эту многочисленную, волнующуюся, сложную массу крестьянъ, ремесленниковъ, мѣщанъ, священниковъ, знатныхъ современниковъ, за ихъ плугомъ, въ ихъ каморкахъ, въ ихъ канцеляріяхъ, въ ихъ ризницахъ, въ ихъ дворцахъ, съ ихъ закоренѣлыми вѣрованіями, съ ихъ установившимися взглядами и наклонностями, съ ихъ насущными нуждами. Но все это не проникаетъ въ его мозгъ и не укладывается тамъ, ибо всѣ его извилины загромождены отвлеченнымъ принципомъ, который расположился тамъ и заполнилъ собою все мѣсто. Если текущій опытъ при посредствѣ ушей и глазъ насильно вводитъ туда какую либо докучливую истину, то какой-бы кричащей ее кровавой не была она ей не пустить тамъ корней, ибо онъ тотчасъ же старается избавиться отъ нея, уничтожить, задушить ее какъ клеветницу, отрицающую непогрѣши-

мость завладѣвшей имъ идеи. Безусловно такой складъ ума ненормаленъ, изъ двухъ силъ, которыя должны бы дѣйствовать согласно и вмѣстѣ одна атрофирована и гипертрофирована, недостаеь противовѣса фактовъ, для уравновѣшенія тяжести формуль. Перегруженный съ одной стороны и пустой съ другой онъ изливается по наклонной сторонѣ, такова неизлѣчимая болѣзнь якобинскаго ума.

Въ самомъ дѣлѣ просмотрите подлинныя памятники его мысли: журналъ *des Amis de la Constitution*, газеты Люстало, Демулэна, Бриссота, Кондорса, Фрерона и Марата, статейки и рѣчи Робеспьера и Сень-Жюста, пренія законодательнаго собранія и конвента, рѣчи, рапорты и протоколы Жирондистовъ и Монтаньяровъ или для краткости сорокъ томовъ компилятивныхъ выписокъ Бюше и Ру. Никогда еще такъ много не говорили, что-бы такъ мало сказать, трескучая напыщенность затемняли истину своимъ однообразіемъ и надутостью. Вотъ характерное доказательство этого: если бы историкъ сталъ искать среди этой нагроможденной кучи фразъ точныхъ указаній, онъ не нашелъ бы ничего достойнаго быть отмѣченнымъ; прочитавъ цѣлые километры бумаги ему лишь изрѣдка удавалось бы натолкнуться на какой-либо незначительный фактъ, поучительную подробность или интересный документъ, вызывающій передъ его глазами чей либо индивидуальный обликъ, знакомящій его съ чувствами селянина или дворянина, ярко рисующій внутренность ратуши или казармы, описывающій муниципальный совѣтъ или возстаніе. Что-бы разобраться въ пятнадцати-двадцати типахъ и событіяхъ, характеризующихъ данную историческую эпоху, намъ приходилось и впредь надо будетъ искать ихъ въ другомъ мѣстѣ, въ перепискѣ мѣстныхъ административныхъ властей, въ протоколахъ уголовныхъ судовъ, въ конфиденціальныхъ донесеніяхъ полиціи, въ описаніяхъ иностранцевъ, которые благодаря совершенно иному воспитанію проходятъ мимо словъ къ фактамъ и видятъ Францію по другую сторону Общественнаго Договора. Вся эта живая Франція, грандіозная трагедія разыгрываемая 26 милліонами лицъ на сценѣ въ 26 тысячъ квадратныхъ лье ускользаетъ отъ якобинца; въ его описаніяхъ, точно также какъ и въ его головѣ нѣтъ ничего кромѣ бессодержательныхъ общихъ мѣствъ, вродѣ цитированныхъ выше; они тамъ развертываются по игрѣ идеологіи, иногда сплошной полосой, если писатель мыслитель по профессіи какъ напримѣръ Кондорсэ, но чаще всего оборванными и плохо связанными нитями, слабыми неплотными петлями, если ораторъ скороспѣлый политикъ или новичекъ въ философіи, какими являются большинство депутатовъ и клубныхъ болтуновъ. Это смѣсь схоластики недоразвившихся педантовъ съ напыщенностью бѣсноватыхъ. Весь его лексиконъ состоитъ изъ сотни словъ, а всѣ его идеи сводятся къ одной индивидуализаціи личности. Собраніе равныхъ, во всемъ похожихъ другъ на друга, независимыхъ человѣческихъ единицъ, заключившихъ между собою договоръ, вотъ ихъ представленіе объ обществѣ. Трудно представить себѣ болѣе упрощенный взглядъ на социальные отношенія, но чтобы дойти до этого нужно свести къ

нулю человѣческую личность. Никогда еще до сихъ поръ не оскудѣвали такъ политическіе умы и притомъ по собственной винѣ, ибо они изъ желанія опроститься систематически освобождаются отъ лишняго груза. Въ этомъ отношеніи они подчиняются духу времени, слѣдуя по стопамъ Жанъ-Жака-Руссо. Ихъ умственный кругозоръ ограниченъ „Классической мѣркой“, а эта мѣрка уже достаточно узкая у послѣднихъ философовъ, въ ихъ рукахъ еще болѣе сѣзвилась, затвердѣла и скорчилась до послѣдней степени. Въ этомъ отношеніи Кондорсэ у Жирондистовъ и Робеспьеръ у Монтаньяровъ, оба чистые догматики и простые логики, являются лучшими представителями этого типа, достигшаго высокой степени развитія и являющагося олицетвореніемъ никогда не встрѣчавшейся раньше скудости.

Разумѣется когда является необходимость ввести какой-нибудь постоянный законъ, т. е. приспособить общественную машину къ характерамъ, правамъ, жизненнымъ условіямъ, такого склада умъ является самымъ бесполезнымъ и вреднымъ, ибо онъ по своему строенію близорукъ, притомъ помѣщенный между его глазами и вѣшнимъ міромъ кодексъ его аксіомъ заслоняетъ передъ нимъ горизонтъ, поэтому онъ ничего не видитъ и не различаетъ за чертой своей партіи и своего клуба, а въ этомъ узкомъ кругу онъ помѣщаетъ бездушныхъ идоловъ своей утопіи. Но когда дѣло касается взятія приступомъ власти или введенія диктатуры, то его механическая прямолинейность не только не вредитъ ему, но напротивъ бываетъ полезна. Его не останавливаетъ и не смущаетъ, какъ государственнаго мужа, необходимость знакомиться съ положеніемъ вещей, считаться съ предыдущимъ опытомъ, просматривать статистику, высчитывать и предугадывать впередъ въ двадцати различныхъ случаяхъ ближайшія и отдаленныя послѣдствія своей реформы при столкновеніи ея съ интересами, привычками и страстями разныхъ классовъ. Все это въ глазахъ якобинца является устарѣлымъ и не нужнымъ; онъ сразу рѣшаетъ какое правительство законно и какіе законы полезны.

Строить ли онъ что или разрушаетъ, онъ дѣйствуетъ всегда со свойственной ему прямолинейностью, быстро и энергично; потому что если для установленія что нужно двадцати шести милліонамъ живыхъ французовъ необходимы долгія размышленія и соображенія, то для рѣшенія что нужно абстрактнымъ теоретическимъ людямъ достаточно одного поверхностнаго взгляда на дѣло. Теорія подогнала всѣхъ подъ одинъ шаблонъ, оставляя личности лишь элементарную волю, согласно такому толкованію философскій автоматъ желаетъ свободы, равенства, народовластія, сохраненія правъ человѣка, соблюденія общественнаго договора, этого достаточно, отнынѣ воля народа извѣстна, она извѣстна впередъ, такъ что можно дѣйствовать, не спрашивая мнѣнія гражданъ, можно не прислушиваться къ ихъ голосу. Во всякомъ случаѣ ихъ одобреніе носомѣнно, а если неожиданно они въ немъ откажутъ, то это будетъ доказательствомъ ихъ невѣжества, злобы или непониманія собственныхъ интересовъ, а въ такомъ случаѣ не стоитъ считаться съ ихъ мнѣніемъ и изъ предосторожно-

сти, что-бы не услышать отъ нихъ нежелательнаго отвѣта лучше всего подсказать имъ желаемый.—На этотъ счетъ якобинецъ можетъ быть спокоенъ, потому что люди, правами которыхъ онъ распоряжается не живые французы изъ плоти и крови, какіе встрѣчаются въ селеніяхъ и на улицахъ большихъ городовъ, а люди въ общемъ значеніи этого слова, такіе какими они выходятъ изъ рукъ природы или просвѣщенные чистымъ разумомъ, Онъ ничуть не стѣсняется съ первыми: они ослѣплены предразсудками, а ихъ мнѣніе одна болтовня. Но за то по отношенію вторыхъ совсѣмъ наоборотъ: якобинецъ питаетъ глубокое почтеніе къ неяснымъ образамъ своей фантазіи, къ фантомамъ своего полнаго противурѣчій ума и всегда готовъ подчиниться ихъ волѣ, которую онъ самъ имъ продиктуетъ. Съ его точки зрѣнія они реальнѣе живыхъ людей и онъ считается лишь съ ихъ мнѣніемъ. Такъ что въ худшемъ случаѣ на него обрушится мимолетное негодованіе и отвращеніе слѣпнаго поколѣнія, но за то его ждетъ въ будущемъ благодарность всего человѣчества, возрожденнаго его усиліями потомства, людей ставшихъ благодаря ему тѣмъ, чѣмъ они должны бы всегда быть.—Вотъ почему онъ далекъ отъ мысли считать себя самозванцемъ и тираномъ, а мнить себя спасителемъ отечества, естественнымъ посланникомъ истиннаго народа, уполномоченнымъ исполнителемъ всенародной воли; онъ увѣренно будетъ шествовать впередъ окруженный свитой этого воображаемаго народа, милліоны метафизическихъ волей созданныхъ имъ по образу и подобию собственной поддержать его своимъ единогласнымъ одобреніемъ, а онъ прислушиваясь къ внутреннему эху собственнаго голоса, будетъ воображать, что слышитъ доносящійся извнѣ гулъ всеобщаго одобренія.

IV.

Если какая либо доктрина соблазняетъ людей, то это происходитъ не столько вслѣдствіе представляемыхъ ею софизмовъ, сколько въ силу расточаемыхъ обѣщаній; она сильнѣе вліяетъ на чувства, чѣмъ на разумъ; ибо если порою сердце становится рабомъ ума, то умъ много чаще бываетъ рабомъ сердца. Намъ обыкновенно нравится какая-либо система не потому что мы ее считаемъ правильной, но наоборотъ мы ее считаемъ правильной потому что она намъ нравится и у всякаго политическаго ли или религіознаго фанатизма каково бы ни было теологическое или философское русло, по которому онъ течетъ, первоисточникомъ является жгучая потребность, затаенная страсть, совокупность глубокихъ и могучихъ желаній, которымъ эта теорія даетъ выходъ. Въ душѣ каждаго якобинца, точно также какъ и пуританина есть этотъ источникъ.—У пуританина онъ образуется изъ угрызений встревоженной совѣсти, которая рисуется себѣ идеальную справедливость, становится не въ мѣру суровой и умножаетъ требованія, яко-бы предъявляемыя къ ней Богомъ; если ее заставляютъ пренебрегать ими она возмущается, а стремясь заставить другихъ подчиниться имъ, она бываетъ деспотически требо-

вательна. Но все же ея главное внутреннее побужденіе: обузданіе собственныхъ страстей и потому докторина пуританъ носить скорѣ нравственный, чѣмъ политическій оттѣнокъ. — Совсѣмъ наоборотъ у якобинца, первое его побужденіе не нравственного, а политическаго свойства: онъ преувеличиваетъ не свои обязанности, а свои права и его доктрина вмѣсто того, что-бы стать терніемъ пробуждающимъ своими уколами совѣсть, превращается въ еиміамъ воскуриваемый его самолюбію.

Какъ-бы ни было велико и ненасытно человѣческое честолюбіе на этотъ разъ оно было насыщено, ибо еще никогда до этихъ поръ не предлагалось ему такой обильной пищи. — Не ищите въ программѣ партіи тѣхъ ограниченныхъ правъ, которыя можетъ потребовать во имя своего человѣческаго достоинства гордый человѣкъ, т. е. полныхъ гражданскихъ правъ съ цѣлымъ рядомъ политическихъ свободъ поддерживающихъ ихъ и охраняющихъ, неприкосновенность имущества и личности, авторитетности закона, независимости судовъ, равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ и налогами, уничтоженія всѣхъ привилегій и произвола, избранія депутатовъ и распоряженія общественными суммами, словомъ всѣхъ тѣхъ драгоценныхъ гарантій, которыя превращаютъ каждаго гражданина въ неприкосновеннаго властелина въ своей ограниченной области, защищаютъ его личность и собственность отъ пригвсненій и общественного и частнаго грабежа; придаютъ ему спокойствіе и увѣренность по отношенію его конкурентовъ и противниковъ и внушаютъ ему довѣріе и уваженіе къ его уполномоченнымъ и государственному устройству. Малюэты, Мунье, Малледю Паны, сторонники англійской конституціи и парламентской монархіи могутъ довольствоваться такимъ скромнымъ даромъ, но теорія не придаетъ ему никакой цѣны и въ случаѣ нужды готова растоптать его, какъ жалкую труху. Она обѣщаетъ не независимость и не неприкосновенность частной жизни, не право подачи голоса каждые два года, не просто лишь вліяніе, ограниченный и косвенный контроль общественныхъ дѣлъ; нѣтъ, она обѣщаетъ политическое господство другими словами, *полную и неограниченную власть надъ Франціей и французами*. Все это не подлежитъ никакому сомнѣнію, ибо, по словамъ Руссо, Общественный Договоръ требуетъ, чтобы каждый общинникъ всецѣло отдавалъ себя со всѣми своими правами общинѣ, каждый обязанъ цѣликомъ отдать себя ей такимъ, каковъ онъ въ данный моментъ, себя и всѣ свои силы, ибо все принадлежащее ему составляетъ часть ея, "такимъ образомъ Государство, являясь полноправнымъ властителемъ не только всѣхъ имуществъ, но также всѣхъ тѣлъ и душъ, можетъ на закономъ основаніи навязывать своимъ членамъ какіе ему вздумаются идеалы, мнѣнія, симпатія, воспитанія и религію.

Поэтому каждый человѣкъ на основаніи того, что онъ человѣкъ, по праву является членомъ этой деспотической власти. Слѣдовательно каковы бы не были мое поведеніе, моя неопытность, мое невѣжество и ничтожество той роли, въ которой я до сихъ поръ прозябалъ, я получаю неограниченную власть надъ имуществомъ, жизнью и совѣстью двадцати шести милліоновъ

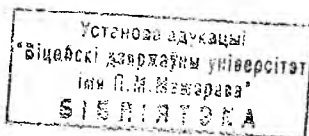
французовъ и въ свой долѣ я царь и папа! Но я имъ могу быть даже въ большей степени, чѣмъ полагается на мою долю, если признаю пѣликомъ всю доктрину. Ибо королевское достоинство, которымъ она меня надѣляетъ, она даритъ лишь тѣмъ, кто также какъ и я подписываютъ весь Общественный договоръ безъ изытій; тѣ же, которые осмѣливаются не признать, хотя бы одну какую либо статью, лишаются своихъ правъ, ибо нельзя пользоваться выгодами договора, отвергая его условія. Больше того: установленный по естественному праву, онъ является обязательнымъ для всѣхъ и люди не признающіе его и не подчиняющіеся ему, становятся злодѣями, преступниками и врагами народа.

Прежде встрѣчались преступленія, именуемыя оскорбленіемъ королевскаго величества, а теперь появились оскорбленія народнаго величества, которое совершается, если оспариваютъ у народа дѣломъ, словомъ или помышленіемъ хотя бы крупинку той болѣе, чѣмъ королевской власти, которой онъ надѣленъ. Такъ что догматъ, провозглашающій народовластіе, въ сущности порождаетъ диктатуру немногихъ, а остальныхъ осуждаетъ на страданія и униженія. Кто не принадлежитъ къ партіи, находится внѣ закона. Это мы, пять или шесть тысячъ парижскихъ якобинцевъ, являемся законнымъ монархомъ, непогршимымъ первосвященникомъ, и горе упрямымъ и нерадивымъ чиновникамъ, частнымъ лицамъ, духовенству, дворянству, купечеству, богачамъ, всѣмъ равнодушнымъ, которые своимъ сопротивленіемъ или неполнымъ послушаніемъ набросать тѣнь сомнѣнія на наши неоспоримыя права!

Постепенно всѣ эти заключенія одно за другимъ начинаютъ выясняться и очевидно, что каковъ бы ни былъ выводящій ихъ логическій аппаратъ никогда обыкновенному человѣку, не отуманенному чрезмѣрной гордостью, не признать ихъ безусловно. Ему надо быть очень высокаго о себѣ мнѣнія, что-бы претендовать на иную форму участія въ управленіи страной, какъ подача голоса, что-бы вести общественныя дѣла, столь же безцеремонно, какъ и свои собственныя; что-бы присвоивать себѣ и своимъ единомышленникамъ роль руководителя, цензора и повелителя своего правительства; что-бы возомнить, что при своемъ посредственномъ образованіи и недалеко умѣ, съ своими обрывками латыни и начитанностью вынесенной изъ кабинетовъ для чтенія, съ своими свѣдѣніями почерпнутыми въ кафе и газетахъ, со своимъ опытомъ изъ клуба и муниципальнаго совѣта онъ можетъ рѣшать сложные и важные вопросы, къ которымъ люди, обладающіе большимъ умомъ и большею опытностью подходятъ осторожно и неувѣренно. Сначала это самомнѣніе обнаруживается въ немъ лишь въ зародышѣ и при обыкновенныхъ условіяхъ, не получая соотвѣтствующей пищи, оно осталось бы въ состояніи застарѣлой плесѣни или же захирѣвшаго недоноска. Но сердце не знаетъ какія странныя сѣмена носить оно въ себѣ и часто изъ слабыхъ и невинныхъ на видъ зернышекъ, попавшихъ въ благоприятныя условія вырастаютъ ядовитые наросты и гигантскія растенія. Всякій якобинецъ кто-бы онъ ни былъ, адвокат прокуроръ, хирургъ, журналистъ, священникъ, артистъ или ученый третьяго или чет-

вертаго разряда, похожъ на пастуха нашедшаго въ углу своей хижины документы, дающіе ему право на престолъ. Какой контрастъ между его жалкимъ существованіемъ и тѣмъ значеніемъ, которымъ его надѣляетъ теорія! Съ какой любовью воспринимаетъ онъ догматъ, такъ высоко возносящій его въ собственныхъ глазахъ! Онъ усердно читаетъ и перечитываетъ Декларацию Правъ Человѣка, Конституцію, всѣ официальные бумаги, дарующія ему эти почетныя преимущества; набиваетъ себѣ этимъ голову и сразу принимаетъ высокомерный тонъ, приличествующій его новому высокому званію.—Нѣтъ ничего надменнѣе и наглѣе этого тона. Прежде всего этотъ тонъ начинаетъ проскальзывать въ клубныхъ рѣчахъ и петиціяхъ учредительнаго собранія. Люстало, Фреронъ, Дантонъ, Маратъ, Робеспьеръ, Сень-Жюстъ всегда говорятъ авторитетнымъ тономъ; это типичный тонъ партій, превратившійся въ ея жаргонъ, на которомъ говорятъ всѣ ея приспѣшники. Въ живость и терпимость, все, что носить хотя бы слабый отбѣнокъ вниманія и уваженія къ другимъ, исключено изъ ихъ рѣчей, точно также какъ и изъ ихъ поступковъ; узурпаторская и деспотическая гордыня создала языкъ по своему подобію и не только первые актеры, но и простые статисты стали щеголять на эстрадахъ громкими словами.

Всѣ они въ своихъ собственныхъ глазахъ спасители, римляне герой, великіе люди. „Я былъ во главѣ иностранцевъ—пишетъ Анахарсисъ Клоотцъ—на трибунахъ дворца, въ качествѣ посла всего человѣческаго рода и министры тирановъ неуверенно и съ завистью поглядывали на меня“. При открытіи клуба въ Труа одинъ школьный учитель совѣтовалъ женщинамъ „внушать своимъ дѣтямъ, какъ только они начнутъ лепетать, что они рождены свободными, равными по правамъ первымъ властелинамъ вселенной“. Надо прочесть путешествіе Петіона въ королевскомъ дворцѣ на возвратномъ пути изъ Варенна, что-бы имѣть понятіе какіе размѣры могутъ принять тщеславіе педанта и глупая напыщенность нахала. Барбарду, Бюзо, Петіонъ, Роланъ и т-те-Роланъ не только въ своихъ мемуарахъ, но даже въ своихъ эпистолахъ неизмѣнно надѣляются себя патентами на добродѣтель и если имъ вѣрять, то всѣ они герои Плутарха. Зарождаясь у Жирондистовъ и передаваясь Монтаньярамъ, самообожаніе возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Двадцатичетырехлѣтній Сень-Жюстъ, не имѣя никакого общественнаго положенія сгораетъ отъ непомернаго честолюбія. „Мнѣ кажется — говоритъ Маратъ, что я исчерпалъ ужъ всевозможныя сочетанія человѣческихъ мыслей въ вопросахъ морали, политики и философіи. Съ начала и до конца Революціи Робеспьеръ остается въ глазахъ Робеспьера единственнымъ, единымъ безупречнымъ, непогрѣшимымъ и недосыгаемымъ,—никогда еще человѣкъ не держалъ такъ близко передъ своимъ лицомъ кадильницы, наполненной еиміамомъ собственныхъ похвалъ. Дойдя до такихъ размѣровъ, гордыня можетъ испить до дна теорію, какъ бы отвратителемъ не былъ ея осадокъ и какъ бы пагубно не оказалось ея вліяніе на тѣхъ, кто, не взирая на тошнотворность, упивается ея ядомъ. Ибо разъ

онъ сама добродѣтель; то преступно оказывать ему сопротивленіе. Согласно его толкованію, теорія подраздѣляетъ французовъ на двѣ категоріи: съ одной стороны аристократы, фанатики, эгоисты, развязные люди, словомъ дурные граждане; съ другой стороны, патріоты, философы, добродѣтельные люди, другими словами—члены партіи. Благодаря такому разграниченію, весь необъятный нравственный и социальный міръ, разбираемый ею, сводится къ одной готовой, вполне ясной и опредѣленный анти-тезѣ. Теперь становится вполне яснымъ, какимъ должно быть правленіе: нужно только подчинить злыхъ добрымъ или, еще проще, уничтожить злыхъ: для достиженія этой цѣли надо въ широкихъ размѣрахъ прибѣгать къ конфискаціямъ, арестамъ, къ изгнаніямъ, потопленіямъ и гильотинѣ. По отношенію измѣнниковъ все дозволено и похвально; якобинецъ освятилъ свои убійства и теперь онъ убиваетъ изъ челоуѣколюбія. Такъ окончательно обрисовывается этотъ характеръ, схожій съ характеромъ богослова, изъ котораго можетъ выработаться инквизиторъ. Онъ складывается изъ ряда рѣзкихъ контрастовъ: это логически мыслящій сумасшедшій, нравственное чудовище, воображающее, что дѣйствуетъ согласно требованіямъ совѣсти. Подчиняясь тираніи своего догмата и своей гордости, онъ приобрѣлъ два недостатка; одинъ—ума, а другой—сердца; онъ потерялъ здравый смыслъ и извратилъ нравственное чувство. Отдавшись всецѣло разсматриванію своихъ отвлеченныхъ формулъ, онъ пересталъ замѣчать живыхъ людей, а углубившись въ самообожаніе, сталъ видѣть въ своихъ противникахъ и даже въ своихъ соперникахъ злодѣевъ, заслуживающихъ казни. Разъ вступивъ на этотъ путь, онъ катится по наклонной плоскости и ничто не въ силахъ удержать его, ибо разсматривая всё явленія на изнанку, онъ извратилъ въ самомъ себѣ всё драгоцѣнныя понятія, указывающія намъ путь къ истинѣ и справедливости. Ни единый лучъ свѣта не достигаетъ глазъ, считающихъ свою слѣпоту ясновидѣніемъ, ни одинъ упрекъ не зарождается въ душѣ, оправдывающей свое варварство патріотизмомъ и считающей свои преступленія честно исполненнымъ долгомъ.

ГЛАВА II.

1) **Образованіе партіи.**—Ея приверженцы.—Они рѣдко встрѣчаются среди высшихъ классовъ и среди сѣрой народной массы.—Они многочисленны среди мелкой буржуазіи и верхняго слоя простонародья.—Положеніе и воспитаніе доставляющія партіи членовъ.—II. **Возникновеніе кружковъ послѣ 14 іюля 1789 года.**—Почему они захирѣли.—Убѣжище здравомыслящихъ и дѣловыхъ людей.—Число не принимавшихъ участія въ выборахъ.—Нарожденіе и распространеніе якобинскихъ обществъ.—Ихъ вліяніе на своихъ приверженцевъ.—Ихъ образъ дѣйствій и ихъ произволъ.—III. **Какъ они понимаютъ свободу печати.**—Ихъ политическая роль.—IV. **Ихъ центральная точка соприкосновенія.**—Происхожденіе и составъ парижскаго общества.—Оно соединяетъ къ себѣ провинціальныя общества.—Его вожди.—Фанатики.—Втриганы.—Ихъ цѣль.—Ихъ средства.—V. **Малочисленность якобинцевъ.**—

Источники ихъ могущества.—Они организуютъ лигу.—Они искренне вѣрятъ въ свою миссію.—Они не испытываютъ угрызений совѣсти.—Въ партіи первенство принадлежитъ группѣ людей всецѣло подчиняющейся въ всемъ ея условіямъ.

I.

Такіе характеры встрѣчаются во всѣхъ классахъ общества и нѣтъ ни условій, ни общественнаго положенія, которыя бы предохраняли отъ безсмысленной утопіи и безумнаго честолюбія, поэтому среди якобинцевъ мы видимъ Барраса и Шатонефъ-Рандона, двухъ аристократовъ, принадлежащихъ къ однимъ изъ стариннѣйшихъ во Франціи родамъ; Кондорсе, маркиза, математика, философа и члена двухъ извѣстнѣйшихъ академій; Гобеля, епископа изъ Лидды и викарія базельскаго епископа; Геро-де-Сешешеля, протеже королевы и генеральнаго адвоката парижскаго парламента; Ле-Пелетье-де-Сенъ-Фаржо, первоприсутствующаго и одного изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ Франціи; Карла Гессенскаго, фельдмаршала, принадлежащаго по рожденію къ царствующему дому; наконецъ принца крови, четвертое лицо въ государствѣ, герцога Орлеанскаго. Но за исключеніемъ этихъ немногихъ перебѣжчиковъ, ни родовая аристократія, ни высшая бюрократія, ни крупная буржуазія, ни богатые землевладѣльцы, ни крупные промышленники, негоціанты и администраторы, ни вообще люди, принимающіе или имѣющіе право принимать участіе въ управленіи общественными дѣлами, не пополняютъ рядовъ партіи; они слишкомъ дорожатъ старымъ зданіемъ, даже пошатнувшимся, чтобы желать окончательнаго разрушенія его, и какъ бы незначителенъ ни былъ ихъ политическій опытъ, они все же достаточно знаютъ, чтобы понять, что нельзя построить обитаемый домъ по начертанному на бумагѣ и основанному на чисто ребяческой теоремѣ плану. Съ другой стороны, въ низшихъ классахъ, среди темной сельской народной массы теорія эта, лишь превратившись въ легенду, могла бы найти слушателей. Для всѣхъ арендаторовъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, прикрѣпленныхъ къ своей землѣ, для всѣхъ крестьянъ и сельскихъ работниковъ, мысли которыхъ, огрубѣвъ отъ физическаго труда, не переступаютъ деревенскаго горизонта и полны лишь заботой о насущномъ хлѣбѣ, отвлеченныя доктрины являются совершенно непонятными. Если бы кто вздумалъ излагать имъ догматы новаго катехизиса, то они ихъ также мало поняли-бы, какъ догматы стараго; у нихъ отсутствуетъ духовный органъ, воспринимающій отвлеченныя идеи. Сведите ихъ въ клубъ, они тамъ будутъ спать и чтобы разбудить ихъ понадобилось бы объявить возрожденіе феодальныхъ правъ и десятины, но и въ такомъ случаѣ вы ничего не добились бы отъ нихъ, кромѣ кулачной расправы, жакеріи, а потомъ, когда захотѣли бы отнять у нихъ или обложить налогомъ ихъ хлѣбъ, они оказались бы такими же неуступчивыми при республикѣ, какъ и при королѣ.

Теорія вербуетъ своихъ адептовъ въ другихъ мѣстахъ, среди мелкой буржуазіи и въ верхнемъ слоѣ народа, но изъ этихъ

двухъ нарастающихъ одна на другую и продолжающихъ другъ друга группъ надо исключить людей, которые, пустивъ корни въ своей профессіи или въ своемъ ремеслѣ, не имѣютъ ни времени, ни желанія заниматься общественными дѣлами, затѣмъ всѣхъ тѣхъ, кто, занявъ хороша мѣста на іерархической лѣстницѣ, не желаютъ потерять ихъ; почти всѣхъ людей хорошо устроившихся, степенныхъ, женатыхъ, зрѣлыхъ и разсудительныхъ, которыхъ жизненный опытъ научилъ относиться недовѣрчиво къ себѣ и къ разнымъ теоріямъ. Обыкновенно самонадѣянность очень умѣренно проявляется у среднихъ людей, а умозрительныя идеи оказываютъ на большинство изъ нихъ очень слабое, поверхностное и непрочное вліяніе. Къ тому же въ этой части общества, въ теченіе вѣковъ находившійся въ зависимости умъ, въ силу наслѣдственности буржуазенъ, т. е. приверженъ къ порядку, дисциплинированъ, уравновѣшенъ и даже робокъ.

Остается меньшинство, очень незначительное меньшинство, подвижное и стремящееся къ прогрессу: съ одной стороны, люди, плохо пристроившіеся къ своему ремеслу или своей профессіи и занимающіе въ нихъ второстепенное или подчиненное положеніе; люди, только что начавшіе свою карьеру и находящіеся пока на нижнихъ ступеняхъ; кандидаты совершенно еще не успѣвшіе устроиться; съ другой стороны, всѣ люди не уравновѣшенные, всѣ выброшенные за бортъ общимъ переворотомъ: въ церкви—закрытіемъ монастырей и ересью; въ судахъ, администраціи, финансахъ; арміи, въ разныхъ общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ—всевозможными перемѣщеніями, нововведеніями, примѣненіемъ новшествъ, перемѣщеніемъ клиентовъ и патронновъ. Такимъ образомъ значительное число людей, которые при обыкновенныхъ условіяхъ спокойно и добросовѣстно занимались бы своимъ дѣломъ, превратились въ непосѣды и политическихъ авантюристовъ.

На первомъ планѣ стоятъ люди, которые, получивъ классическое образованіе, легко могутъ усваивать отвлеченныя принципы и выводить изъ нихъ заключенія, но, не обладая соотвѣтствующей подготовкой, замкнутые въ тѣсномъ кругу мѣстныхъ нуждъ, не способны ясно представить собѣ громадное, сложное общество и условія, въ которыхъ оно живетъ; всѣ ихъ дарованія выражаются въ умѣніи составить рѣчь, журнальную статью, брошюру, отчетъ и все это въ болѣе или менѣе выпретенномъ и догматическомъ стилѣ; нѣкоторые же изъ нихъ, болѣе талантливыя, бываютъ въ своемъ родѣ очень краснорѣчивы, но и только. Въ ихъ рядахъ встрѣчаются адвокаты, нотаріусы, судебные пристава, отставные деревенскіе судьи и провинціальныя прокуроры, которые занимаютъ у нихъ первыя мѣста и составляютъ двѣ трети членовъ Законодательнаго Собранія и Конвента; хирурги и врачи изъ маленькихъ городковъ, какъ Бо, Левассеръ и Бодо; второстепенные и третьестепенные литераторы, какъ Бареръ, Луве, Гаратъ, Манюэль и Ронсевъ; профессора учебныхъ заведеній, какъ Луше и Ромъ, учителя, какъ Леонардъ и Бурдонъ, журналисты, какъ Бриссо, Демужэнъ и Фреронъ; комедіанты, какъ Колло д'Эрбуа; артисты, какъ Сержанъ; священники ораторіи, какъ Фуше; лишенные сана іе-

реи, какъ Лебонъ, Шасль, Леканаль и Грегуаръ; только что сошедшіе со школьной скамьи студенты, какъ Сень-Жюсть, Моне де-Страсбургъ, Руссалень де-Сень-Альбенъ и Жюльенъ де-ла-Дромъ, словомъ плохо въздѣланные и плохо засѣянные умы, на которые достаточно упасть зерну теоріи, чтобы заглушить всѣ добрыя сѣмена, и пышно разрослись подобно крапивѣ. Присоедините къ нимъ всѣхъ шарлатановъ и авантюристовъ мысли, людей съ взбалмошенными головами, фанатиковъ и мечтателей всѣхъ отѣнковъ, начиная съ Фоше и Клоотца и кончая Шальи и Маратомъ, наконецъ всю эту толпу выбитыхъ изъ колеи бѣдняковъ и болтуновъ, которые волочатъ по улицамъ большихъ городовъ свои безсодержательныя идеи и обманутыя надежды. На второмъ планѣ стоятъ люди, скудность образованія которыхъ дѣлаетъ ихъ неспособными понимать отвлеченные принципы и выводить изъ нихъ заключенія, но у которыхъ зато сильно развитый инстинктъ пополняетъ недочеты элементарно грубыхъ разсужденій. Ихъ алчность, ихъ зависть и ихъ порочность ждали для себя отъ этой теоріи обильной пищи и якобинское ученіе имъ было особенно дорого, потому что въ его туманѣ ихъ воображеніе рисовало немѣтныя сокровища. Они могутъ, не засыпая, выслушивать длинныя клубныя рѣчи, могутъ во-время аплодировать ораторамъ, могутъ вызвать движеніе въ общественномъ саду и кричать съ трибуны, могутъ составить протоколъ ареста и дневной приказъ по національной гвардіи, могутъ усердно работать легкими, руками и саблями, но этимъ и ограничиваются ихъ способности. Къ этой группѣ принадлежатъ прикащики, вродѣ Гебера и Анрію, писцы, какъ напримѣръ, Венсенъ и Шометтъ, мясники, какъ Лежандръ, почтмейстеры, какъ Друэ, столяры, какъ Дюшлей, школьные учителя, вродѣ Бюшо, который былъ произведенъ на постъ министра и многіе другіе въ томъ же родѣ, почти полуграмотные, имѣющіе лишь слабое представленіе объ ореографіи, но обладающіе даромъ слова, помощники учителей, унтеръ-офицеры, бывшіе странствующіе монахи, разносчики, трактирчики, мелочные торговцы, рыночные носильщики, городскіе ремесленники, начиная съ Гоншона, оратора изъ Сень-Антуанскаго предмѣстья и кончая Симономъ башмачникомъ изъ Тампля и Тришаромъ, присяжнымъ революціоннаго судилища, а также разные подмастерья, бакалейщики, портные, сапожники, продавцы винъ, парикмахеры, артельщики, мастеровые и вообще люди, которые непосредственно примутъ участіе въ сентябрьскихъ звѣрствахъ. Прибавьте къ этому весь грязный хвостъ народныхъ волненій и народной диктатуры, хищныхъ звѣрей вродѣ Журдана изъ Авиньона и американца Фурнье, женщинъ, которыя, какъ Теруанъ, Роза, Лякомбъ и вазальщицы изъ Конвенціи забыли свой полъ, амнистированныхъ разбойниковъ и весь этотъ сбродъ, которому отсутствіе полиціи развязало руки, всѣхъ бродягъ, не признающихъ никакой дисциплины, всѣхъ лѣнтыевъ и тунеядцевъ, сохраняющихъ среди цивилизованной жизни атавистическіе дикіе инстинкты и ратующихъ за власть народа, что-бы дать просторъ своимъ страстямъ къ разшутству, лѣни и жестокости.

Такимъ образомъ составляется эта партія, вербуя своихъ членовъ во всѣхъ слояхъ общества, но преимущественно подбирая ихъ пригоршнями въ тѣхъ двухъ группахъ, гдѣ догматизмъ и тщеславіе являются обыденнымъ явленіемъ. Тамъ образованіе приводитъ человѣка до порога или до центра общихъ идей, онъ чувствуетъ себя стѣсненнымъ въ замкнутомъ кругу своей профессіи или своего ремесла и стремится выбраться изъ него. Но его образованіе поверхностно или слишкомъ элементарно, поэтому, перейдя черту своего тѣснаго круга, онъ уже оказывается не на своемъ мѣстѣ. Онъ замѣчаетъ и распознаетъ политическія идеи, вотъ почему онъ считаетъ себя способнымъ, но онъ ихъ воспринимаетъ только въ видѣ готовыхъ формулъ, онъ можетъ различить ихъ лишь сквозь густой туманъ, вотъ почему онъ неспособный, а совукупность всѣхъ этихъ положительныхъ и отрицательныхъ качествъ создаетъ изъ него якобинца.

II.

Естественно, что такъ настроенные люди должны сойтись, сговориться и соединиться, ибо они исповѣдуютъ одинъ догматъ, а именно принципъ народовластія и преслѣдуютъ одну цѣль—завоеваніе политическаго могущества. Общность цѣли дѣлаетъ ихъ партіей, а общность догмата-сектой и ихъ лига тѣмъ тѣснѣе сливается, что они одновременно являются сектой и партіей.

Сначала ихъ общество терялось среди массы другихъ обществъ. Послѣ взятія Бастиліи со всѣхъ сторонъ стали возникать политическія общества; надо же было замѣнить лишенное власти и ослабѣвшее правительство, позаботиться о безотлагательныхъ общественныхъ нуждахъ, вооружиться противъ разбойниковъ, запастись зерномъ, оградить себя отъ всѣхъ посягательствъ со стороны двора. Во всѣхъ городскихъ ратушахъ засѣдали комитеты; волонтеры образовали милицію, тысячи мѣстныхъ, почти независимыхъ властей освободились отъ вліянія центральной, почти упраздненной власти. Въ теченіе шести мѣсяцевъ всѣ занимались общественными дѣлами и каждый гражданинъ несъ на своихъ плечахъ свою долю бремени управленія государствомъ. Это бремя всегда тяжело, но еще тяжелѣе становится оно въ дни анархіи; таково мнѣніе большинства, но однако не всѣ раздѣляютъ его. Впослѣдствіи между людьми, обремененными этой обязанностью, образовался расколъ и раздѣлили ихъ на двѣ группы: одну громадную, инертную, разложившуюся, а другую маленькую, тѣсно сплоченную, дѣятельную, которыя пошли по разнымъ все болѣе и болѣе расходящимся дорогамъ.

Съ одной стороны находились обыденные люди, трудящіеся и здравомыслящіе, одаренные извѣстной долей совѣсти и не страдающіе излишкомъ самолюбія. Если они забрали въ свои руки власть, то только потому, что она валялась на землѣ, выброшенная на улицу, но они пользовались ею лишь временно,—такъ какъ сразу сообразили, да скоро и на дѣлѣ убѣдились, что этотъ трудъ имъ не подъ силу, что это работа специальная, требующая

еответственной подготовки и опытности. Нельзя так сразу стать законодателемъ или администраторомъ, точно также какъ невозможно вдругъ сдѣлаться врачомъ или хирургомъ. Если бы непредвидѣнный случай принудилъ меня къ этому, то я скрѣпя сердце поневолѣ взялся бы за дѣло, но я дѣлалъ бы лишь самое необходимое и то только потому, что-бы не допустить больныхъ собственноручно калѣчить себя; я все боялся бы убить ихъ неумѣлой операцией и съ удовольствіемъ вернулся бы къ себѣ какъ только они бы взяли кого на мое мѣсто.—Затѣмъ я охотно подалъ бы свой голосъ наравнѣ съ другими за своего замѣстителя и изъ всѣхъ кандидатовъ я, по мѣрѣ разумѣнія, избралъ бы того, кто казался бы мнѣ самымъ добросовѣстнымъ и свѣдущимъ. Но разъ онъ будетъ избранъ и утвержденъ, я не стану претендовать на роль руководителя его; онъ у себя, въ своемъ кабинетѣ и я не имѣю права ежеминутно врыватья туда и требовать его къ отвѣту точно малолѣтняго или поднадзорнаго. Не мое дѣло диктовать ему его предписанія, такъ какъ очевидно онъ знаетъ больше моего, во всякомъ случаѣ, желая, что-бы у него была твердая рука, не слѣдуетъ постоянно угрожать ему, а что-бы онъ сохранилъ ясность мыслей, не надо беспокоить его. Но пусть также не беспокоятъ и меня: у меня своя контора и свои бумаги или же своя лавочка и свои покупатели. Всякому свое, у всякаго есть свое дѣло, а кто одновременно со своимъ дѣломъ берется за чужое, то обыкновенно портитъ и то, и другое.

Такъ думаетъ къ началу 1790 года большинство здравомыслящихъ людей, всѣ тѣ чей мозгъ не отуманенъ маніей честолюбія и доктринерства; тѣмъ болѣе, что послѣ шестимѣсячной практики они прекрасно знаютъ какимъ опасностямъ, какимъ разочарованіямъ и какимъ неприяностямъ подвергается тотъ, кто берется управлять голоднымъ и возбужденнымъ народомъ. Тутъ какъ разъ въ декабрѣ 1789 года былъ утвержденъ муниципальный законъ и тотчасъ же во всей Франціи были избраны мэры и чиновники муниципалитета, а въ слѣдующіе мѣсяцы начальники департаментовъ и округовъ. Наконецъ междуцарствіе кончено: явились законныя, облеченныя народнымъ довѣріемъ власти, обязанности которыхъ строго опредѣлены, честные здравомыслящіе люди спѣшатъ передать власть въ руки тѣмъ, кому она теперь принадлежитъ по праву и разумѣется они далеки отъ мысли требовать ее обратно. Ихъ временныя общества распадаются, какъ ненужныя больше и если они основываютъ какое-либо новое, то исключительно съ цѣлью поддерживать установившійся порядокъ. Поэтому они основываютъ союзъ и въ продолженіе послѣдующихъ шести мѣсяцевъ обмѣниваются клятвами и обѣщаніями.

Закончивъ съ этимъ, они послѣ 14 іюля 1790 года возвращаются къ частной жизни, и я позволю себѣ утверждать, что отнынѣ честолюбіе большинства французовъ было удовлетворено, ибо они, продолжая повторять слова Руссо противъ общественной іерархіи, въ глубинѣ души желали лишь уничтоженія административныхъ репрессій и свободного доступа ко всѣмъ высшимъ должностямъ. А они добились не только этого, но еще множества дру-

гихъ вещей, а именно: титула державнаго властелина, уступчивости со стороны общественныхъ властей, почета отъ всѣхъ говорящихъ рѣчи и умѣющихъ держать въ рукѣ перо, болѣе того, настоящаго владычества, права избирать мѣстныя и центральныя власти. Имъ было предоставлено право не только избирать депутатовъ, но и другихъ должностныхъ лицъ всѣхъ степеней и разрядовъ: начальниковъ палатъ, округовъ и департаментовъ, офицеровъ національной гвардіи, судей гражданскихъ и уголовныхъ судовъ, епископовъ и настоятелей церквей; даже болѣе того, что-бы сильнѣе подчинить избираемыхъ избирателямъ они по закону избираются лишь на очень короткій срокъ, такимъ образомъ избирательная машина почти каждыя четыре мѣсяца приводится въ движеніе и призываетъ властелина къ примѣненію его власти.

Это ужъ слишкомъ и вскорѣ самъ властелинъ пришелъ къ заключенію, что ему дають болѣе, чѣмъ ему надо, невозможно такъ часто вотировать, такая масса преимуществъ становится каторгой, съ первыхъ же мѣсяцевъ 1790 года большинство отказалось отъ права голосованія и число отсутствующихъ получилось колоссальное. Въ Шартрѣ въ маѣ 1790 г. на 1551 правоспособныхъ гражданъ 1447 не явились на предвыборныя собранія. Въ Безансонѣ при выборахъ мэра и муниципальныхъ чиновниковъ изъ 3200 внесенныхъ въ списки избирателей отсутствовало 2141 въ январѣ 1790 года и 2906 въ слѣдующемъ затѣмъ ноябрѣ. Въ Греноблѣ въ августѣ и ноябрѣ того же года изъ 2500 избирателей отсутствовало 2000. Въ Лиможѣ изъ приблизительно такого же числа внесенныхъ въ списокъ гражданъ вотировало всего 150 человекъ. Въ Парижѣ въ августѣ 1790 года изъ 81.200 избирателей не подають своего голоса 67.200, а спустя 3 мѣсяца число отсутствующихъ достигаетъ 71.408. Такимъ образомъ на одного голосующаго избирателя приходится 4, 6, 8, 10 даже 16 воздерживающихся отъ голосованія. Тоже явленіе наблюдалось при выборѣ депутатовъ. На предварительныя собранія въ Парижѣ въ 1791 году изъ 81.200 занесенныхъ въ списки не явилось 74.000 человекъ. Въ Дубсѣ на каждаыхъ четыре правоспособныхъ гражданина не явилось три. Въ одномъ изъ кантоновъ Котъ-Д'Ора къ концу выборовъ возлѣ избирательныхъ урнъ осталось не болѣе 8 человекъ, а вторичные выборы отличались такой же малочисленностью. Въ Парижѣ изъ 946 избранныхъ выборщиковъ не болѣе 200 подають свои голоса, въ Руанѣ изъ 700 только 160, а въ послѣдній день выборовъ всего 60. Однимъ словомъ „во всѣхъ департаментахъ,—говорить съ трибуны одинъ ораторъ— изъ пяти выборщиковъ второго разряда, едва лишь одинъ исполняетъ свое назначеніе. Такимъ образомъ большинство устранилось отъ общественныхъ дѣлъ и вслѣдствіе инертности, непредусмотрительности и усталости, изъ отвращенія къ сопровождающей выборы суетѣ, изъ равнодушія къ политикѣ, изъ антипатіи къ имѣющимся на лицо кандидатамъ, они уклоняются отъ возлагаемой на нихъ конституціей обязанности. Поступая такъ, они, конечно, далеки были отъ мысли желать иного образа правленія, потому что созданіе всякой новой лиги потребовало бы отъ нихъ

слишкомъ много усидчиваго и упорнаго труда. Естественно, что люди, которымъ некогда четыре раза въ годъ опустить въ урны свои бюллетени, не станутъ трижды въ недѣлю посѣщать клубныя собранія. Не желая вмѣшиваться въ управленіе страной, они слагаютъ съ себя всѣ свои обязанности и разъ они отказались отъ своего права избирать правительство, то конечно не станутъ пытаться руководить имъ.

Но не такъ поступаютъ честолюбцы и догматики, придающіе серьезное значеніе своему королевскому титулу: они не только голосуютъ на выборахъ, но еще стремятся сохранить за собой власть, которую они передаютъ своимъ уполномоченнымъ. Съ ихъ точки зрѣнія каждое должностное лицо ихъ созданье и подсудно имъ, ибо по закону верховенство народа никому не можетъ быть передано народомъ а на дѣлѣ упоенье властью такъ пришлось имъ по вкусу, что они теперь не въ силахъ отказаться отъ нея. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ предшествовавшихъ правильнымъ выборамъ они успѣли сговориться, сойтись и узнать другъ друга, они стали устраивать тайныя собранія и по мѣрѣ того, какъ другія общества распались и исчезали, какъ налетѣ плѣсени на общественномъ организмѣ, ихъ жизненный союзъ укрѣплялся на освободившейся почвѣ. Одинъ изъ нихъ былъ основанъ въ Марсели въ концѣ 1789 года, а въ теченіи первыхъ шести мѣсяцевъ 1790 года почти у всѣхъ большихъ городовъ появились свои союзы: въ Эксѣ въ февралѣ, въ Монпелье въ мартѣ, въ Нимѣ въ апрѣлѣ, въ Лионѣ въ маѣ, въ Бордо въ іюнѣ. Но особенно они распространились послѣ праздника федераціи. Послѣ того какъ всѣ мѣстныя группы слились въ одну общую, сектанты тоже сплотились и основали свою лигу. Въ Руанѣ 14 іюля 1790 года два хирурга, торемный капелланъ, вдова-еврейка и нѣсколько женщинъ или дѣтей изъ ихъ семействъ основываютъ отдѣльное общество, они чистые и не желаютъ, чтобы ихъ смѣшивали съ толпой. Ихъ патріотизмъ высшаго качества и они по своему понимаютъ общественный договоръ, если они присягаютъ конституціи, то обязательно съ сохраненіемъ правъ человѣка, они рассчитываютъ не только сохранить завоеванныя реформы, но и продолжать начатую революцію. Во время федераціи они навербовали и обучили своихъ единомышленниковъ. Эти послѣдніе разбрелись изъ столицы и большихъ городовъ, по мѣстечкамъ, деревнямъ и селамъ и повезли съ собою инструкціи и указанія; имъ объяснили значеніе клубовъ, устройство ихъ и повсемѣстно стали основываться общества по одному и тому же плану съ тѣмъ же названіемъ и тою же цѣлью. Спустя мѣсяць ихъ было уже 60, черезъ 3 мѣсяца 122, въ мартѣ 1791 года 229, въ августѣ 1791 года около 400. Но тутъ внезапно численность ихъ возросла до невѣроятныхъ размѣровъ, такъ какъ два одновременныхъ толчка разбросали ихъ сѣмена во всѣ стороны.—Съ одной стороны въ концѣ іюля 1791 года всѣ умѣренные люди, друзья, порядка поддерживавшіе до сихъ поръ клубы, всѣ конституціоналисты и фельянтинцы выступаютъ изъ нихъ и предоставляютъ ихъ увлеченнымъ и грубости крайнихъ, тамъ политика опускается до тона казармъ

и кабаковъ, такъ что съ тѣхъ поръ, гдѣ только есть кабакъ или казарма можетъ быть основано политическое общество.—Съ другой стороны какъ разъ въ тоже время были созваны избиратели для избранія новаго Національнаго Собранія и назначенія новыхъ мѣстныхъ властей, такимъ образомъ явилась перспектива новой добычи и повсемѣстно стали возникать общества для захвата ея. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ было основано 600 новыхъ; къ концу сентября 1791 года ихъ ужь насчитывали 1000, въ іюнѣ 1792 года—1200, т. е. столько, сколько было всѣхъ городовъ и мѣстечекъ. Послѣ низверженія престола, подъ влияніемъ паники, вызванной прусскимъ нашествіемъ и среди анархіи равной анархіи 1789 года ихъ набралось точно также какъ въ іюлѣ 1789 столько же, сколько было общинъ, 26000—говоритъ Редереръ—по одному въ каждой деревнѣ, гдѣ только имѣется пять-шесть горячихъ головъ и хотъ одинъ грамотный, могущій написать прошеніе.

„Нужно—писалъ въ ноябрѣ 1790 года одинъ очень распространенный журналъ—что-бы у каждой улицы, у каждой деревушки былъ свой клубъ. Пусть каждый честный ремесленникъ собираетъ у себя сосѣдей и пусть онъ при свѣтѣ лампы, содержимой на собранія въ складчину деньги, читаетъ имъ декреты Національнаго Собранія, разнообразя свое чтеніе собственными замѣчаніями и разсужденіями сосѣдей, а подъ конецъ собранія, что-бы нѣсколько развеселить возбужденную чтеніемъ листка Марата аудиторію, пусть онъ заставитъ ихъ повторить патриотическія клятвы отца—Дюшенъ“. Этому совѣту послѣдовали и на собраніяхъ стали читать вслухъ выслымаемыя изъ Парижа брошюры и катехизисы „Деревенскую Газету“ (*la gazette villageoise*), Газету Монтаньяровъ (*le journal de la Montagne*), газету Дюшена (*le Pere Duchesne*), Парижскія Революціи (*les Revolutions de Paris*), Журналъ (*le Journal*) Лаклоса; стали распѣвать революціонныя пѣсни. Если среди нихъ встрѣчался краснорѣчивый ораторъ, бывший священникъ ораторіи, юристъ или же школьный учитель, то онъ забрасывалъ слушателей потокомъ трескучихъ фразъ, говорилъ о грекахъ и римлянахъ, возвѣщалъ возрожденіе человѣческаго рода; одинъ обращаясь къ женщинамъ выражалъ желаніе „что-бы декларація правъ челоуѣка стала главнымъ украшеніемъ ихъ жилищъ и что-бы въ случаѣ войны доблестныя патриотки какъ новыя вакханки шли во главѣ арміи съ распущенными волосами и тирсами въ рукахъ“.—Рукоплещуть, кричать, отъ урагана тирадъ разогрѣваются головы, а отъ соприкосновенія другъ съ другомъ воспаляются, еле тлѣющіе уголья, которые неминуемо потухли бы разбросанные отдѣльно, и ярко разгораются, когда ихъ кладутъ всѣ вмѣстѣ. Между тѣмъ убѣжденія крѣпнутъ, нѣтъ ничего болѣе дѣйствительнаго для укрѣпленія ихъ какъ партійное устройство. Въ политикѣ, точно также какъ и въ религіи, если вѣра порождаетъ церковь, то церковь въ свою очередь поддерживаетъ вѣру; въ клубахъ, точно также какъ и въ обителяхъ, увѣренность каждаго отдѣльнаго лица въ своей правотѣ поддерживается единодушіемъ всѣхъ остальныхъ и всѣ слова

и поступки ихъ являются подтвержденіемъ его убѣжденій, тѣмъ болѣе, что никѣмъ не оспариваемый догматъ наконецъ становится неоспоримымъ, а якобинецъ вращается въ тѣсномъ и тщательно замкнутомъ кругу, куда не можетъ проникнуть ни одна противорѣчивая идея. Сотни двѣ лицъ кажутся ему публичкой, ихъ мнѣніе тяготеетъ надъ нимъ безъ всякаго противувѣса и помимо ихъ убѣжденій, которыя въ тоже время являются и его убѣжденіями, всѣ остальные кажутся ему бессмысленными и даже преступными. Кромѣ того при такой постановкѣ дѣла, когда ему безпрестанно приходится слышать полныя лести проповѣди, онъ приходитъ къ заключенію, что онъ просвѣщенный, добродѣтельный патріотъ и это мнѣніе не допускаетъ никакихъ сомнѣній, такъ какъ раньше чѣмъ принять его въ партію, провѣряли искренность его любви къ родинѣ, въ чемъ ему выдали печатное удостовѣреніе, съ которымъ онъ никогда не расстается. Онъ членъ избраннаго общества, а это избранное общество взявъ монополію на патріотизмъ, вездѣ возвышаетъ голосъ, держится отдѣльно, отличается отъ остальныхъ гражданъ своими рѣчами и поведеніемъ. Съ первыхъ же своихъ собраній клубъ въ Понтарлье воспрещаетъ своимъ членамъ употребленіе общепринятыхъ формъ вѣжливости. „Надо при встрѣчахъ съ знакомыми, привѣтствуя ихъ, воздерживаться отъ обнаженія головы; надо при разговорѣ тщательно избѣгать словъ „имѣю честь“ и т. п. А главное надо проникнуться полнымъ сознаниемъ своего достоинства. „Развѣ знаменитая Парижская трибуна не приводитъ въ трепетъ всѣхъ клеветниковъ и измѣнниковъ? А одинъ видъ ея не повергаетъ ли во прахъ всѣхъ враговъ революціи?“ Въ провинціи происходитъ тоже, что и въ Парижѣ и едва лишь основанные клубы сразу начинаютъ обучать и организовывать чернь. Во многихъ большихъ городахъ—въ Парижѣ, Лионѣ, Эксѣ, Бордо существуетъ два соединенныхъ клуба; одинъ болѣе или менѣе приличный, парламентскій, состоящій большею частью изъ членовъ разныхъ административныхъ учрежденій, которые преимущественно занимаются теоретическими разсужденіями на тему объ общественномъ благѣ; второй дѣятельный, посвященный практической работѣ, въ которомъ трактирные ораторы и рыночныя краснобаи поучаютъ рабочихъ, огородниковъ и мелкихъ мѣщанъ. Второй какъ-бы является дополненіемъ перваго и поставляетъ ему людей для устройства возстанія. „Мы вращаемся среди народа — пишетъ одинъ изъ этихъ второстепенныхъ клубовъ,—мы ему читаемъ декреты, мы предохраняемъ его отъ преслѣдованій и происковъ со стороны аристократіи. Мы выслѣживаемъ и проноживаемъ всѣ ихъ замыслы и разговоры. Мы принимаемъ и надѣляемъ совѣтами всѣхъ тѣхъ, кто приходитъ къ намъ съ жалобами; мы поддерживаемъ ихъ требованія, когда они справедливы; наконецъ, въ извѣстныхъ случаяхъ мы беремъ на себя заботу о деталяхъ“.—Благодаря этимъ грубымъ, но обладающимъ здоровенными легкими и кулаками помощникамъ, партія начинаетъ пріобрѣтать вліяніе, захвативъ силу, она пользуется ею и отказывая своимъ противникамъ во всѣхъ правахъ, она предоставляет себѣ всѣ привилегіи.

III.

Разсмотримъ образъ ея дѣйствій по одному примѣру и въ ограниченной области, а именно ея отношеніе къ свободѣ слова. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1790 года нѣкій инженеръ по имени г. Этьенъ, котораго Марать и Фреронъ въ своихъ газетахъ обличали и называли полицейскимъ шпиономъ, добивается наложенія ареста на оба номера и подаетъ жалобу на издателя, требуя публичнаго опроверженія или же 25.000 франковъ въ качествѣ возмѣщенія убытковъ и проторей. Это возмутило обоихъ журналистовъ: по ихъ мнѣнію они непогрѣшимы и неприкосновенны. „Очень важно, пишетъ Марать—чтобы всякое сдѣланное на газетныхъ столбцахъ обличеніе оставалось ненаказаннымъ и журналистъ обязанъ былъ давать отчетъ лишь обществу въ томъ, что онъ дѣлаетъ или находитъ нужнымъ сдѣлать во имя общественнаго блага“. „Вотъ почему, говоритъ Лангедокъ, г. Этьенъ измѣнникъ“. „Господинъ Лангедокъ, я вамъ совѣтую замолчать... Обѣщаю вамъ обязательно повѣсить васъ, если только это будетъ въ моей власти“. Однако г. Этьенъ настаиваетъ и послѣ перваго рѣшенія предъявляетъ свой искъ. Тутъ Марать и Фреронъ начинаютъ метать громы и молніи. „Мэтръ Торильонъ, говоритъ Фреронъ комиссару—вы заслуживаете примѣрной кары на глазахъ у всего народа; надо чтобы этотъ позорный приговоръ былъ отмѣненъ“. „Граждане!—пишетъ Марать—отправляйтесь толпою къ Ратушѣ, не потерпите ни одного солдата въ залѣ засѣданія“. Въ день суда изъ небывалаго снисхожденія въ залу ввели всего лишь двухъ гренадеръ, но и это было слишкомъ много; толпа яковинцевъ орала: „Долой гвардію! Мы здѣсь повелители!“ И два гренадера удалились. „Зато, торжествующе говоритъ Фреронъ,—въ залѣ находилось шестьдесятъ защитниковъ Бастиліи съ неустрашимымъ Сантеромъ во главѣ, готовыхъ каждую минуту помѣшать ходу дѣла“. И они на самомъ дѣлѣ мѣшали ему, начали они съ истца: Какъ только г. Этьенъ показался на порогѣ зали суда, на него набросились, хорошенько помяли ему бока и такъ отдѣлали всего, что онъ вынужденъ былъ бѣжать въ кордегардію. Онъ весь былъ покрытъ плевками, „дѣлались попытки обрѣзать ему уши“, а его друзья получили „сотни пинковъ ногами“. Кончилось тѣмъ, что онъ удалился и дѣло отложили.

Нѣсколько разъ оно снова назначалось къ слушанію и теперь всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы заставить судей прекратить его. Нѣкто Мандаръ, авторъ брошюры „О верховной власти народа“ во время засѣданія поднимается съ мѣста и заявляетъ предсѣдательствующему на судѣ мэру г. Парижа, Байльи, что онъ обязанъ отказаться отъ веденія этого дѣла. Байльи уступаетъ, прикрывая по обыкновенію свою слабость благовиднымъ предлогомъ. „Хотя, говоритъ онъ—судья можетъ быть устраненъ отъ участія въ дѣлѣ только сторонами, но для меня достаточно услышать мнѣніе одного гражданина, чтобы подчиниться ему и потому я оставляю свое мѣсто“. Что же касается остальныхъ судей, которыхъ продолжали осыпать угрозами и оскорбленіями,

то они въ концѣ концовъ тоже уступили и посредствомъ софизма, очень характернаго для этой эпохи, они въ насиліи, которому подвергался преслѣдуемый, нашли оправданіе своему отказу вершить правосудіе. Г. Этьенъ заявилъ, что онъ не можетъ ни лично явиться въ судъ, ни прислать своего защитника, ибо для нихъ это сопряжено съ рискомъ быть убитыми; на основаніи этого судъ объявилъ, что Этьенъ, „не являясь въ судъ ни лично, ни черезъ защитника, оказываетъ неповиновеніе суду и посему присуждается къ уплатѣ судебныхъ издержекъ“. Оба журналиста тотчасъ же начинаютъ пѣть побѣдный гимнъ, а ихъ статьи, распространяемыя по всей Франціи, оповѣщаютъ безсиліе правосудія привести въ исполненіе свой приговоръ; отнынѣ якобинецъ можетъ безнаказанно клеветать, оскорблять, поносить печатно, кого ему вздумается, онъ недосягаемъ для суда, онъ выше закона.

Посмотримъ теперь какую свободу предоставляютъ они своимъ противникамъ. За двѣ недѣли до этого случая, извѣстный писатель, еженедѣльно разбиравшій на страницахъ лучшаго журнала того времени текущіе вопросы, не задѣвая при этомъ личностей, человекъ независимый, честный и безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ, краснорѣчивый, разсудительный, мужественный защитникъ истинной свободы и общественнаго порядка, Малле дю-Панъ, увидалъ входящую къ нему въ кабинетъ депутацію изъ Пале-Рояля. Ихъ было двѣнадцать или пятнадцать человекъ, всѣ они были хорошо одѣты, держались они вѣжливо и въ ихъ обращеніи не проглядывало враждебности, но по всему было видно, что они считали свое вторженіе вполне законнымъ, а по ихъ рѣчамъ можно было судить до чего ходячій политическій догматизмъ можетъ извратить мозги. „Одинъ изъ нихъ—разсказываетъ Малле дю-Панъ—обращаясь ко мнѣ, заявилъ, что они явились въ качествѣ депутатовъ патріотическаго общества изъ Пале-Рояля, чтобы убѣдить меня переимѣнить убѣжденія и отказаться отъ нападокъ на конституцію *не то они вынуждены будутъ употребить по отношенію меня насиліе.* „Я не признаю, отвѣчалъ я, другой власти, кромѣ власти закона и правосудія. Законъ является единственнымъ вашимъ и моимъ господиномъ, а всякое посягательство на свободу слова и печати есть нарушеніе конституціи“. „Конституція—это всеобщая воля—отвѣчалъ тотъ, который раньше заговорилъ—*законъ это власть сильнѣйшаго.* Вы находитесь во власти болѣе сильнаго и должны подчиниться ей. Мы вамъ объявляемъ волю націи, а это законъ!“ онъ имъ объяснилъ, что онъ относится отрицательно къ старому режиму, но за то является сторонникомъ королевской власти. „О!—отвѣчали они въ одинъ голосъ—намъ было-бы очень неприятно лишиться короля. Мы любимъ короля и будемъ отстаивать его власть. Но мы вамъ запрещаемъ выступать противъ господствующаго мнѣнія и свободы опредѣленной національнымъ собраніемъ“. Очевидно, ему, родившемуся въ Швейцаріи и прожившему двадцать лѣтъ въ свободной республикѣ, лучше извѣстно все касающееся этого предмета, но они съ этимъ не считаются, гово-

рять сразу по пяти-шести человекъ, порою не понимая произносимыхъ словъ, противорѣча другъ другу въ частностяхъ, но проявляя рѣзкое единодушіе въ стремленіи заставить его замолчать. „Вы не должны противиться народной волѣ, не подчиняясь ей, вы проповѣдуете гражданскую войну, оскорбляете декреты и раздражаете націю“. Понятно, что для нихъ нація это они сами; во всякомъ случаѣ они являются ея представителями, они по собственному назначенію занимаютъ мѣста магистратскихъ чиновниковъ, цензоровъ, полицейскихъ чиновниковъ и провинившіяся предъ ними журналисты должны считать себя счастливымъ, если по отношенію его примѣняютъ одни лишь увѣщанія. Еще за три дня до этого его предупреждали, что по сосѣдству собралась кучка людей „угрожавшая поступить съ его домомъ также какъ поступили съ домомъ де-Кастри“, гдѣ все было разгромлено и выброшено за окно. Въ другой разъ по поводу неограниченнаго или удерживающаго *veto* четыре сумасшедшихъ ворвались къ нему на квартиру и угрожая пистолетами, заявили, что онъ заплатитъ имъ жизнью, если осмѣлится писать въ благопріятномъ для г. Мунье смыслѣ. Такимъ образомъ съ первыхъ же дней революціи, съ того момента какъ нація приобрѣла драгоценное право свободно писать и думать тиранія партіи поспѣшила отнять его у гражданъ, крича каждому желавшему сохранить свободу совѣсти: *трепещи, умирай или думай какъ я!*“

Съ тѣхъ поръ партія, чтобы заставить замолчать не нравящіеся ей голоса, прибѣгаетъ къ обыскамъ, арестамъ, насиліямъ и наконецъ даже убійствамъ; на долю одного Маллэ-дю-Пана въ юнѣ 1792 года вышло „три декрета о заключеніи въ тюрьму, сто пятнадцать обвиненій, два опечатанія, четыре гражданскихъ нападенія въ его собственной квартирѣ, конфискація всѣхъ его владѣній во Франціи“; онъ провелъ четыре года, „не зная, вечеромъ ложась въ постель, проснется-ли онъ живымъ и свободнымъ на слѣдующее „утро“. Если онъ позже избѣгъ гильотины или фонарнаго столба, то только благодаря изгнанію, а другой журналистъ Сюло былъ убитъ на улицѣ десятаго августа. Вотъ какъ партія понимаетъ свободу печати, изъ этого примѣра легко вывести заключеніе, какъ она относится и къ другимъ свободамъ. Она не признаетъ закона, если онъ еѣ стѣсняетъ или покровительствуетъ ея противникамъ, вотъ почему нѣтъ такого излишества, котораго бы она не позволила себѣ и нѣтъ такого права, въ которомъ она не отказала бы другимъ.

Ничто не ограждено отъ произвола клубовъ. „Таковой въ Марсели заставилъ выйти въ отставку всѣхъ муниципальных чиновниковъ, онъ требовалъ къ себѣ муниципалитетъ, онъ не признавалъ департамента, онъ оскорблялъ гражданскихъ властей. Члены Орлеанскаго клуба учредили надзоръ надъ верховнымъ національнымъ судомъ и сами въ немъ засѣдали. Члены Каенскаго клуба нанесли оскорбленія магистратскимъ чиновникамъ, похитили и сожгли дѣло, начатое противъ лицъ, разбившихъ статую Людовика XIV. А члены клуба въ Альби силою взяли

изъ регистратуры бумаги, относящіяся къ дѣлу одного убійцы и сожгли ихъ“. Клубъ въ Кутенсѣ запрещаетъ депутатамъ своего округа „критиковать что-либо въ народныхъ законахъ“. Лионскій же клубъ задерживаетъ артиллерійскій транспортъ на томъ основаніи, что люди занимающіе въ данный моментъ министерскіе посты не пользуются народнымъ довѣріемъ. Такимъ образомъ клубы вездѣ царствуютъ или по крайней мѣрѣ стремятся царствовать. Съ одной стороны на выборахъ онъ проводитъ или устраняетъ кандидатовъ и вотируетъ почти самъ, въ крайнемъ же случаѣ заставляетъ вотировать по своему указанію; въ результатѣ, онъ проводитъ кого хочетъ и если не по праву, то во всякомъ случаѣ, на дѣлѣ пользуется всѣми привилегіями политической аристократіи; съ другой стороны, онъ исполняетъ функціи полицейскихъ комитетовъ, составляетъ и распространяетъ именные списки всѣхъ неблагонадежныхъ, подозрительныхъ или равнодушныхъ; выдаетъ дворянъ, сыновья которыхъ эмигрировали, священниковъ, не принесшихъ присяги и продолжающихъ жить въ своихъ приходахъ, монахинь, „поведеніе которыхъ неконституціонно“; онъ подстрекаетъ мѣстныхъ властей, руководитъ и управляетъ ими; онъ самъ является дополнительной, высшей, неограниченной властью. Такое положеніе вещей естественно вызвало изумленіе у здравомыслящихъ людей и во многихъ мѣстахъ они заявляли протесты. „Подобное учрежденіе—говорится въ одной петиціи—возстановляетъ гражданъ другъ противъ друга. Въ этихъ клубахъ совѣщаются и дѣлаютъ доносы на разныхъ лицъ, держа все это въ строжайшей тайнѣ... Оклеветанный тамъ честный гражданинъ становится жертвой насилія съ ихъ стороны и его убиваютъ исподтишка, не давая ему возможности защищаться. Это настоящее *инквизиціонное судилище*; это очагъ всѣхъ возмутительныхъ статей; это школа заговоровъ и интригъ. Если гражданамъ приходилось краснѣть изъ-за недостойныхъ выборовъ, послѣдніе всегда были дѣломъ рукъ подобныхъ обществъ... Составленный изъ пылкихъ людей и поджигателей, стремящихся управлять государствомъ, повсюду клубы пытаются „овладѣть умами простолюдиновъ, противудѣйствовать чиновникамъ, встать между ними и народомъ“, захватить законодательную власть и стать „колоссомъ деспотизма“.

Тщетныя сѣтованія: Національное Собраніе, опасаясь утратить собственную власть, даритъ народныя общества своимъ покровительствомъ и своей снисходительностью. „Нужно—говорилъ одинъ изъ партійныхъ журналовъ—чтобы народъ организовался, составляя небольшіе кружки“. И постепенно въ теченіи двухъ лѣтъ Франція покрылась сѣтью этихъ кружковъ, теперь не было ни одной деревушки, гдѣ бы не процвѣтала всесильная олигархія этихъ организованныхъ и властныхъ бандъ. Но чтобы этимъ разсѣяннымъ бандамъ превратиться въ сплоченную армію слѣдовало найти центръ сопрікосновенія и генеральный штабъ. Тотъ центръ существовалъ уже давнымъ давно, главный штабъ тоже былъ готовъ; одинъ и другой находились въ Парижѣ, въ обществѣ „Друзей Конституціи“.

IV.

Въ сущности въ Франціи не было болѣе авторитетнаго, ни болѣе стариннаго общества; зародившееся еще до революціи оно существовало съ 30 апрѣля 1789 года. Едва лишь прибывъ въ Версаль кемперскіе, геннебонскіе и понтивійскіе депутаты, привыкшіе въ Бретани еще со времени съѣзда депутатовъ общественныхъ собраній, предварительно сговариваться въ вопросахъ голосованія, тотчасъ же наняли сообща залъ и вмѣстѣ съ Мунье, секретаремъ депутатовъ изъ Дофине и депутатами многихъ другихъ провинцій основали общество, которому суждено было долго просуществовать. До 6 октября оно состояло исключительно изъ народныхъ представителей, но когда его перевели въ Парижъ, въ улицу Сентъ-Онорэ, въ бібліотеку монастыря якобинцевъ, въ его составъ вошли многія извѣстныя и значительныя личности, на первомъ планѣ среди нихъ стоитъ Кондорсэ, затѣмъ идутъ Лагарпъ, М.-Ж. Шевье, Шамфоръ, Давидъ, Тальма, писатели и артисты, а вскорѣ оно ужь насчитывало до тысячи членовъ.

Общество производило хорошее впечатлѣніе и казалось очень серьезнымъ: въ составъ его входило двѣсти-триста человекъ депутатовъ, а статуты его были составлены въ такомъ духѣ, что могли привлечь въ число членовъ лишь избранныхъ людей. Попасть въ него можно было лишь по рекомендаціи десяти членовъ и по избраніи посредствомъ закрытой баллотировки. На засѣданія общества пускали лишь по именнымъ билетамъ и однажды однимъ изъ двухъ распорядителей, контролирующихъ въ дверяхъ входные билеты, былъ молодой герцогъ Шартрскій.

У общества была своя канцелярія, свой предсѣдатель. Его дебаты отличались парламентскою серьезностью и согласно его статутамъ, разбираемые имъ вопросы, были тѣже, разработкой которыхъ занималось Національное Собраніе, а въ нижней залѣ, въ другіе часы просвѣщали рабочихъ, разъясняли имъ смыслъ Конституціи.

На первый взглядъ кажется, что это общество создано, чтобы руководить общественнымъ мнѣніемъ, но если присмотрѣться ближе, то получается нѣсколько иное впечатлѣніе; однако департаменты на разстояніи не могутъ основательно изучить его, и по укоренившейся привычкѣ, привитой централизаціей, берутъ его за образецъ на томъ только основаніи, что оно находится въ столицѣ. Заимствуютъ его правила, его статуты и его духъ и оно становится обществомъ-матерью, а всѣ остальные общества ея пріемными дочерьми. И на самомъ дѣлѣ оно печатаетъ ихъ списки въ главѣ своего журнала, оно публикуетъ ихъ доносы, оно поддерживаетъ ихъ требованія: съ тѣхъ поръ въ самыхъ захолустныхъ деревенькахъ, каждый якобинецъ чувствуетъ себя осѣненнымъ покровительствомъ не только мѣстнаго клуба, членомъ котораго онъ состоитъ, но и всей обширной ассоціаціи, многочисленныя отпрыски которой захватили всю территорію и поддерживаютъ своимъ могуществомъ самыхъ ничтожныхъ изъ

своихъ послѣдователей. Зато каждый вновь присоединившійся клубъ безпрекословно повинуется всѣмъ приказаніямъ, идущимъ изъ Парижа и непрерывная переписка, завязывающаяся между центромъ и окраинами, поддерживаетъ установившееся между ними соглашеніе. Все это представляетъ гигантскій политическій механизмъ, машину приводимую въ движеніе дружными усилиями тысячи рукъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же побужденій, а руль, придающій всему этому движенію опредѣленное направленіе, находится въ улицѣ Сентъ-Оноре въ рукахъ нѣсколькихъ вожаковъ.

Нѣтъ болѣе могучей машины какъ эта и нигдѣ не сыскать лучше составленной для выработки искусственныхъ и крайнихъ мнѣній, для приданія имъ вида непосредственной народной воли, для подчиненія безгласнаго большинства крикливому меньшинству, для захвата въ свои руки власти.—„Мы придерживаемся очень не замысловатой тактики — говоритъ Грегуаръ.—Было рѣшено, напримѣръ, что-бы внести свое предложеніе на одномъ изъ засѣданій Національнаго Собранія. Онъ исполнѣ былъ увѣренъ, что лишь незначительное меньшинство наградитъ его аплодисментами, а большинство будетъ шикать. Но это ничуть не смущаетъ его. Онъ потребовалъ и получилъ согласіе на передачу своего предложенія на разсмотрѣніе комитета, въ которомъ, противники надѣялись, сразу покончить съ этимъ вопросомъ, Парижскіе якобинцы занялись этимъ дѣломъ. При посредствѣ циркуляровъ и газетныхъ статей они ознакомили съ положеніемъ вещей провинцію, въ трехъ или четырехстахъ подчиненныхъ имъ обществахъ былъ разсмотрѣнъ этотъ вопросъ и черезъ три недѣли въ Національное Собраніе дождемъ посыпались адреса, требуя утвержденія декрета, проектъ котораго оно отвергло и который теперь приняло большинствомъ голосовъ, потому что яко-бы дебаты по этому поводу дали возможность созрѣть общественному мнѣнію.—„Другими словами надо, что-бы Національное Собраніе подчинялось, а если оно не хочетъ этого сдѣлать добровольно, то нужно вынудить его къ этому силой, а для послѣдняго всѣ средства хороши, таково мнѣніе всѣхъ руководителей клубовъ, фанатиковъ и интригановъ.

Во главѣ первыхъ стоитъ Дюпоръ бывшій совѣтникъ Парламента, который еще въ 1788 году понялъ какую пользу можно извлечь изъ народныхъ волненій; первыя революціонныя собранія происходили у него; онъ предлагалъ „поглубже вспахать землю“ и его планы углубленія въ землю плуга таковы, что даже Сэйесъ, человѣкъ крайне радикальнаго направленія, называлъ ихъ „вертепной политикой“. Тотъ же Дюпоръ основалъ 28 іюля 1789 году сыскной комитетъ и подъ его руководствомъ всѣ добровольные доносчики и шпіоны учредили полицейскій надзоръ, нижняя зала якобинскаго клуба, гдѣ ежедневно по утрамъ просвѣщали рабочихъ, поставляли ему новобранцевъ, а его два помощника, братья Лементъ, свободно подыскивали преданныхъ дѣлу лицъ. „Ежедневно по утрамъ десять преданныхъ человѣкъ приходятъ за приказаніями, а затѣмъ каждый изъ десяти въ свою очередь передаетъ эти рас-

пораженія другимъ десяти лицамъ, принадлежащимъ къ различнымъ парижскимъ батальонамъ. Такимъ образомъ всѣ батальоны и всѣ отдѣленія одновременно получаютъ предложеніе произвести бунтъ, одновременно узнаютъ объ обвиненіи возводимымъ на конституціонное правительство, на мэра города Парижа, на предсѣдателя департамента, на главнаго начальника гвардіи“, и все это подъ покровомъ тайны: все покрыто непроницаемымъ мракомъ; сами руководители называютъ это дѣло „Шабашомъ“ и на ряду съ людьми экзальтированными вербуютъ въ свой ряды бандитовъ. „Распускаютъ слухъ, что тогда то прийдутъ большіе безпорядки, будутъ совершены убійства, крупныя грабежи, этому предшествуютъ устные распоряженія, отдаваемые второстепенными начальниками вѣрнымъ, испытаннымъ людямъ и вслѣдствіе этого собираются разбойники изъ-за тридцати и сорока лье въ окрестности.

Однажды, что-бы вызвать волненія „шесть человекъ, предварительно сговорившись образовали небольшую группу, въ центрѣ которой одинъ изъ нихъ говорилъ пылкую, зажигательную рѣчь; собралось еще шестьдесятъ человекъ; потомъ шесть первыхъ подстрекателей стали переходить съ мѣста на мѣсто“, что-бы образовывать новыя группы, придать ихъ внѣшнему возбужденію видъ народнаго волненія.“ — Въ другой разъ „сорокъ фанатиковъ съ мощными легкими и четыреста или пятьсотъ наемныхъ людей“ разбрелись по Тюльерійскому саду, испуская „дикіе крики“ и подошли къ окнамъ національнаго Собранія, „требуя убійствъ“. — Ваши экзекуторы—говорилъ одинъ изъ депутатовъ —командированные вами прекратить шумъ, слышали неоднократно повторяемыя угрозы принести вамъ головы осужденныхъ толпою на смерть... Въ тотъ же день вечеромъ, въ Пале-Рояль я слышалъ какъ одинъ изъ второстепенныхъ предводителей этихъ мятежниковъ хвасталъ, что онъ заставилъ вашихъ экзекуторовъ принести вамъ этотъ отвѣтъ, и онъ добавилъ еще, что пришла пора всѣмъ добрымъ гражданамъ послѣдовать этому совѣту.—У этихъ агитаторовъ существуетъ одинъ лишь пароль: „Вѣрны ли вы?“ и одинъ отвѣтъ: „вѣрный человекъ“.

Имъ платятъ по двѣнадцати франковъ въ день и когда слушается работа они за ту же плату на мѣстѣ вербуютъ новыхъ людей. „Изъ неоднократныхъ показаній, данныхъ офицеромъ національной гвардіи и въ мэріи“ видно, что „честнымъ людямъ тоже предлагали плату въ двѣнадцать франковъ, если они присоединятъ свои крики къ раздававшимся вокругъ нихъ, а нѣкоторымъ такъ даже насильно втискивали въ руки деньги“.

Деньги на все это черпали въ касѣ герцога Орлеанскаго и черпали такъ основательно, что изъ 114 милліоновъ состоянія послѣ его смерти осталось 74 милліона долговъ; принадлежа къ партіи, онъ беретъ на себя часть расходовъ и въ качествѣ перваго богача фракціи расходуетъ со щедростью, соответствующей его богатству. Онъ не былъ вождемъ въ буквальныймъ смыслѣ этого слова, для этого онъ слишкомъ былъ мягокъ и изнѣженъ, но его „маленькій совѣтъ“, а въ особенности его личный секретарь Лакло имѣли на него большіе виды; они хотѣли сдѣлать его

намѣстникомъ страны, а затѣмъ регентомъ или даже королемъ, что-бы царствовать его именемъ и „дѣлить выгоды“.—А въ ожиданіи этого они эксплуатировали его слабохарактерность, въ особенности Лакло, своего рода Макиавели, человекъ на все способный, умный, развращенный, уже давно пристрастившійся въ чудовищнымъ комбинаціямъ: никто съ такимъ холоднымъ любопытствомъ не слѣдилъ за непередаваемыми амальгамами, получающимися отъ сочетанія человѣческой злобы съ развратомъ: въ политикѣ точно также какъ и въ романѣ, онъ отдаетъ предпочтеніе „опаснымъ связямъ“. Прежде онъ въ качествѣ любителя имѣлъ вліяніе на женщинъ и бандитовъ высшаго свѣта, а теперь въ качествѣ практика руководилъ уличными женщинами и бандитами. 5 Октября 1789 года его видѣли, „въ коричневомъ костюмѣ“ среди первой партіи женщинъ, отправившихся въ Версаль, и ясно видна его рука „въ дѣлѣ Ревельона, въ сожженіи заставъ, въ сожженіи дворцовъ“, въ всеобщей паникѣ поднявшей всю Францію противъ воображаемыхъ бандитовъ.—„Всѣ эти операціи—говорилъ Малузъ—оплачивались герцогомъ Орлеанскимъ, который дѣйствовалъ въ своихъ интересахъ, а якобинцы въ своихъ“.—Теперь ихъ союзъ сталъ открытымъ: 21 Ноября 1790 г. Лакло сталъ секретаремъ общества и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ должность завѣдующаго корреспонденціей, оффиціального директора журнала и тайнаго и дѣйствительнаго руководителя всѣхъ предприятий.—Честолюбцы и демогоги наемные агенты и убѣжденные революціонеры, каждая изъ этихъ группъ работаетъ для себя, но обѣ онѣ работаютъ, стремясь по одному и тому же пути къ общей цѣли—завоеванію власти какими бы то ни было средствами.

V.

На первый взглядъ ихъ успѣхъ кажется сомнительнымъ; такъ какъ они являются меньшинствомъ. Въ Ноябрьѣ 1791 года въ Безансонѣ на три тысячи избирателей приходится пятьсотъ или шестьсотъ революціонеровъ, а въ ноябрѣ 1792 года на пять или шесть тысячъ избирателей снова тоже незначительное число революціонеровъ. Въ Парижѣ въ ноябрѣ 1791 года на болѣе чѣмъ восемьдесятъ одну тысячу занесенныхъ въ списки, ихъ было шесть тысячъ семьсотъ; въ октябрѣ 1792 года на сто шестьдесятъ тысячъ занесенныхъ въ списки, ихъ было менѣе четырнадцать тысячъ. Въ 1792 году, въ Труа, на семь тысячъ избирателей, а въ Страсбургѣ — на восемь тысячъ избирателей, ихъ приходилось всего четыреста или пятьсотъ человекъ. Вообще на все избирательное населеніе революціонеровъ приходится не болѣе одной десятой части, а если исключить жирондистовъ и полуумѣренныхъ, то это число еще уменьшится вдвое. Въ концѣ 1792 года въ Безансонѣ на 25—30 тысячъ жителей приходилось не болѣе трехсотъ чистокровныхъ якобинцевъ, а въ Парижѣ на семьсотъ тысячъ жителей ихъ насчитывали всего пять тысячъ; однако и въ столицѣ, гдѣ они болѣе пылки и многочисленны, даже въ исключительныя минуты, когда они платили бродягамъ и нани-

мали разбойниковъ, число ихъ никогда не превышало десяти тысячъ. Даже въ такомъ большомъ городѣ, какъ Тулуза, посланный туда представитель народа встрѣтилъ всего четыреста чело-вѣкъ сторонниковъ. Предположимъ, что ихъ наберется чело-вѣкъ пятьдесятъ въ каждомъ маленькомъ городкѣ, отъ пятнадцати до двадцати въ каждомъ мѣстечкѣ, пять-шесть въ каждой деревушкѣ, такъ и то въ среднемъ на пятнадцать избирателей и національ-ныхъ гвардейцевъ придется всего лишь одинъ якобинецъ и во всей Франціи всѣ взятые вмѣстѣ якобинцы не превысятъ трех-сотъ тысячъ. Этого не достаточно, чтобы поработить шесть-семь милліоновъ образованныхъ людей и распространить на страну, населенную двадцатью шестью милліонами жителей, болѣе неограниченный деспотизмъ, чѣмъ примѣняемый азиатскими владыками. Но сила не измѣряется численностью: они являются бандой среди толпы, а готовая на все банда врѣзывается въ дезорганизованную, инертную толпу, какъ кусокъ желѣза въ рыхлую кучу щебня.

Это потому, что всякая нація можетъ защищать себя отъ вну-тренняго узурпаторства точно также, какъ отъ внѣшнихъ напа-деній только при посредствѣ своего правительства. Оно является однимъ изъ самыхъ необходимыхъ орудій для общественнаго дѣла; но какъ только оно отсутствуетъ или же слабѣетъ, занятое чѣмъ нибудь другимъ большинство, всегда равнодушное и нерѣ-шительное, перестаетъ быть живымъ организмомъ и превращается въ прахъ. Изъ двухъ образовъ правленія, которые могли сплотить вокругъ себя націю, одинъ съ 14 іюля 1789 года лежалъ на землѣ низвергнутый въ прахъ и продолжалъ разлагаться. Тогда какъ его фантомъ, *который вновь возвращался*, былъ отвратитель-нѣе его самаго, ибо тащилъ за собою не только старую свиту бессмысленныхъ злоупотребленій и непосильныхъ налоговъ, но еще крикливую ораву воздаяній и мщеній; съ 1790 года онъ по-является на границѣ болѣе самовластный, чѣмъ когда либо, го-товащійся къ войнѣ и угрожающій вторженіемъ жадныхъ ино-странцевъ и взбѣшенныхъ эмигрантовъ. Другое же правительство, созданное Учредительнымъ Собраніемъ, такъ неумѣло составлено, что большинство не видитъ отъ него никакой пользы; оно не по-рукъ ему; еще никогда до сихъ поръ не бывало такого тяжелого и вмѣстѣ съ тѣмъ безсильнаго политическаго орудія. Чтобы быть приподнятымъ, оно требуетъ невѣроятныхъ усилій, приблизи-тельно двухъ дней въ недѣлю усиленной работы для каждого гражданина. Приподнятое съ такимъ усиліемъ и то только на половину, оно плохо исполняетъ работу, для которой оно пред-назначено, какъ напримѣръ: сборъ податей, уличное спокойствіе, продовольственное дѣло, защита свободы совѣсти, жизни и иму-щества. Своими дѣйствіями оно само себя разрушаетъ и вызы-ваетъ къ жизни другое правительство, не законное, но дѣйстви-тельное, которое вытѣсняетъ его и занимаетъ его мѣсто.

Въ большомъ централизованномъ государствѣ обыкновенно кто станетъ во главѣ, тотъ управляетъ всѣмъ государственнымъ орга-низмомъ; находясь постоянно въ подчиненіи, французы привыкли, чтобы ими руководили и невольно провинціалы обращаютъ взоры

къ столищѣ, а въ дни переворотовъ заранѣ спѣшать на проѣзжую дорогу, чтобы отъ курьера поскорѣ узнать, какое правительство посылаетъ имъ судьба. Въ какія бы руки не попало это центральное правленіе, большинство всегда признаетъ его и подчиняется ему. Ибо, прежде всего, большинство разрозненныхъ группъ, желающихъ его ниспроверженія, не смѣютъ вступить съ нимъ въ борьбу: оно имъ кажется слишкомъ сильнымъ; въ силу укоренившейся рутины, они воображаютъ, что за нимъ стоитъ вся великая, отдаленная Франція, которая по его приказанію раздавить ихъ всей своей численностью. Во-вторыхъ, если бы какія либо отдѣльныя группы и попытались свергнуть новое правительство, борьба съ нимъ была бы не подъ силу, потому что оно оказалось бы слишкомъ сильнымъ по сравненію съ ними. И на самомъ дѣлѣ они еще не организованы, а оно сразу организовано благодаря завѣщанному ему навшимъ правительствомъ послушному персоналу. Монархія или республика, чиновникъ все равно каждое утро идетъ въ свою канцелярію для выполненія возложенныхъ на него обязанностей. Монархія или республика, жандармъ все равно каждый день совершаетъ свой обходъ для задержанія лицъ, которыхъ ему приказано арестовать. Лишь бы только приказаніе получалось свыше и іерархическимъ путемъ, оно исполняется и съ одного конца территоріи въ другой исправно работаетъ сложная, снабженная сотнею тысячъ колесъ машина, управляемая рукой захватившей центральную рукоятку. Достаточно рѣшительно, сильно и ловко нажать эту рукоятку, чтобы привести въ движеніе весь механизмъ, а ужъ въ увѣренности, силѣ и ловкости у яковинцевъ не было недостатка.

Прежде всего яковинецъ полонъ вѣры, а во всё время вѣра „двигала горами“. Возьмите для примѣра одного изъ обыкновенныхъ, среднихъ рядовыхъ партіи, какогонибудь прокурора, второстепеннаго адвоката, лавочника, мастераго и постарайтесь представить себѣ какое поразительное впечатлѣніе должна произвести эта доктрина на его столь мало подготовленный, ограниченный, ничтожный въ сравненіи съ ея необъятностью мозгъ. Онъ свыкъся съ рутинной и узкимъ кругозоромъ своей профессіи, а тутъ вдругъ ему пришлось погрузиться въ область строгой философіи, теоріи природы и человѣка, теоріи всеобщей исторіи, заключеній относительно настоящаго, прошлаго и будущаго человѣческаго рода, въ область аксіомъ абсолютнаго права и совершенной и полной истины. Всѣ эти новыя понятія проникли въ его мозгъ въ видѣ краткихъ, строго опредѣленныхъ формулъ, на примѣръ: „Религія—суевѣріе; монархія—узурпаторство; всѣ священники—обманщики; всѣ аристократы—вампиры; всѣ короли—тираны и чудовища“. Подобныя мысли, наполняя ограниченный умъ, точно огромный потокъ, вливающейся въ узкое русло, производятъ въ немъ страшный переворотъ, ибо въ данномъ случаѣ не онъ управляетъ ими, а онѣ порабащаютъ его. Человѣкъ видѣ себя, ибо нельзя безнаказанно изъ обыкновеннаго буржуа или простаго рабочаго сразу превратиться въ апостола и освободителя человѣческаго рода.—Ибо вѣдь онъ мечтаетъ спасти не только свое

отечество, но все человечество. За нѣсколько дней до 10 августа Роланъ „со слезами на глазахъ“ говорилъ: „Если свобода умретъ во Франціи, она навсегда потеряна для всего міра; всѣ надежды философовъ будутъ обмануты и самый жестокой деспотизмъ придавить своимъ гнетомъ землю.“—Проведя на первомъ засѣданіи конвента декретъ объ уничтоженіи королевской власти, Грегюаръ чуть не обезумѣлъ отъ счастья при мысли, какимъ неизмѣримымъ благодарѣніемъ одарилъ онъ все человечество. „Признаюсь, говорилъ онъ, что отъ избытка радости я на нѣсколько дней лишился сна и аппетита.—„Мы станемъ народомъ боговъ!“—восклидалъ однажды на трибунѣ одинъ якобинецъ.—Такія мечты доводятъ до безумія или до крайней мѣрѣ до болѣзни. „Люди въ теченіе двадцати четырехъ часовъ были охвачены горячечнымъ бредомъ—говорить одинъ изъ товарищей Сень-Жюста,—а у меня онъ длился цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ...“ а впослѣдствіи, „ставъ старше и анализируя его, многіе отказывались понять его.“ Другой рассказываетъ, что у него „во время кризисовъ преграда, отдѣлявшая разумъ отъ безумія была не толще волоска.“— „Когда Сень-Жюсть и я, говоритъ Бодо,—поджигали виссенбургскія батареи, всѣ перевозносили насъ за это, а между тѣмъ мы не заслуживали этихъ похвалъ, потому что были увѣрены что ядра не причинятъ намъ ни малѣйшаго вреда.

Въ этомъ экзальтированномъ состояніи для человѣка не существуетъ болѣе никакихъ преградъ; онъ возносится неизмѣримо высоко или же падаетъ неизмѣримо низко въ сравненіи съ своимъ обычнымъ „я“, онъ расточаетъ свою и чужую кровь, становясь героемъ въ военной жизни и жестокимъ тираномъ въ гражданской: онъ непобѣдимъ какъ въ одной, такъ и въ другой, ибо его опьяненіе во сто кратъ увеличило его силы и всѣ прохожіе при встрѣчѣ съ нимъ пугливо будутъ уступать дорогу выпущенному на свободу безумцу, точно разъяренному быку.

Если они добровольно не очистятъ ему дорогу, то будутъ опрокинуты и смяты, ибо онъ не только разъяренъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ привыкъ не разбирать средствъ. Во всякой политической борьбѣ встрѣчаются недозволенные средства, во всякомъ случаѣ такія, которыя большинство разъ оно честно и благоразумно, отказывается употреблять. Оно воздерживается отъ насилій надъ закономъ, ибо, совершенное надъ однимъ закономъ, оно влечетъ за собою насилія надъ остальными. Оно противъ ниспроверженія существующей власти, ибо всякое междуцарствіе равносильно возврату къ дикому состоянію. Оно противъ возбужденія народныхъ волненій, ибо они ведутъ къ подчиненію общественной власти неразумію дикихъ страстей. Оно противъ такого правительства, которое представляетъ изъ себя машину для конфискацій и убійствъ, ибо по его мнѣнію естественной обязанностью всякаго правительства является защита имущества и жизней. Вотъ почему по отношенію якобинцевъ, разрѣшающихъ себѣ все это, оно изображаетъ безоружнаго человѣка, вступающаго въ борьбу съ хорошо вооруженнымъ.

Якобинцы изъ принципа отрицаютъ законъ, ибо единственнымъ закономъ для нихъ является произволъ черни. Они безъ стѣсненія оказываютъ противодѣйствіе правительству, ибо для нихъ правительство—простой чиновникъ, назначенный народомъ, котораго послѣдній во всякое время можетъ прогнать. Всякое возстаніе для нихъ желательно, ибо посредствомъ возстаній народъ присваиваетъ себѣ верховную власть. Диктатура также имъ пріятна, ибо она укрѣпляетъ неограниченныя народныя права. Притомъ они, по примѣру казуистовъ, придерживаются того мнѣнія, что цѣль оправдываетъ средства. „Пусть лучше погибнуть всѣ колоніи, чѣмъ хотя-бы одинъ принципъ“, говорилъ одинъ изъ нихъ учредительному собранію. „Въ тотъ день, когда я приду къ заключенію—пишетъ Сенъ-Жюсть, что нельзя привить французамъ мягкіе, стойкіе, чувствительные нравы, непреклонность по отношенію деспотизма и несправедливости, я вожду себѣ въ грудь кинжалъ.“ А покамѣстъ онъ продолжалъ гильотинировать другихъ. „Лучше превратить всю Францію въ кладбище,—говорилъ Карьеръ,—чѣмъ отказаться отъ мысли видѣть ее возрожденной по нашему плану.“ Чтобы завладѣть рулемъ, они готовы потопить судно. Уже съ самаго начала они напустили на общество уличныя бунты и жакерію деревень, проституткокъ и разбойниковъ, пресмыкающихся и хищныхъ звѣрей. Во все время борьбы они эксплуатируютъ самыя низкія и пагубныя страсти: ослѣпленіе, легковѣріе и ярость толпы, обезумѣвшей отъ голода, страха передъ разбойниками и опасенія заговоромъ и иноземнаго вторженія. Наконецъ, достигнувъ власти при помощи переворота, они стараются сохранить ее за собою, посредствомъ террора и казней.

Переходящее всякія границы и ничѣмъ не сдерживаемое своеволие, непоколебимая вѣра въ свои права и полное презрѣніе чужихъ правъ, энергія фанатика и тактика злодѣя, вотъ средства дающія меньшинству перевѣсъ надъ большинствомъ. Это настолько вѣрно, что даже въ партіи побѣда всегда остается на сторонѣ менѣе численной группы, если только она обладаетъ искренней вѣрой и неразборчива въ средствахъ. Четыре раза съ 1789 года по 1794 политическіе игроки садились за игорный столъ, на которомъ разыгрывалась верховная власть и четыре раза къ ряду безпартійные, фельянтинцы, жирондисты, дантонисты, большинство проигрывали партію. Это происходило оттого, что всѣ четыре раза они придерживались обыкновенныхъ правилъ игры, во всякомъ случаѣ, опасались нарушить какое либо общепринятое правило, пренебrecь уроками житейской мудрости, поступить въ разрѣзъ съ буквой закона, правилами гуманности и чувствомъ состраданія.—Но меньшинство рѣшило заранѣе во что-бы то ни стало выигрывать, по его мнѣнію это его право и если правила игры мѣшаютъ ему, тѣмъ хуже для правилъ. Въ рѣшительную минуту оно приставляетъ къ лбу противника пистолеть и опрокидывая столъ, захватываетъ выигрышъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Первый этапъ завоеванія.

ГЛАВА I.

Достиженіе якобинцами власти.—Выборы 1791 года.—Процентное отношеніе завоеванныхъ ими мѣстъ.—I. Ихъ осадныя орудія.—Средства употребляемыя ими для устраненія большинства избирателей и кандидатовъ умѣренныхъ.—Частые выборы.—Обязательность присяги.—II. Неприятности и опасности сопряженныя съ исполненіемъ общественныхъ обязанностей.—Конституціоналисты исключены изъ законодательнаго собранія.—III. Отнятіе свободы собраній у друзей порядка.—Насилія надъ ихъ клубами, въ Парижѣ и въ провинціи.—Всѣ консервативныя общества воспрещены закономъ.—IV. Насилія при выборахъ 1790 г.—Выборы въ 1791 году.—Впечатлѣніе произведенное бѣдствомъ короля.—Мортанъ во время избирательнаго періода.—V. Отступленіе запуганныхъ умѣренныхъ.—Народныя волненія въ Бургундіи, Лионскомъ департаментѣ, въ Провансѣ и большихъ городахъ.—Поведеніе якобинцевъ во время выборовъ.—Примѣры въ Эксѣ, Даксѣ и Монпелье.—Безнаказанность смутьяновъ.—Именные доносы.—Воздѣйствія на крестьянъ.—Основная тактика якобинцевъ.

Въ іюнѣ 1791 года и въ теченіе слѣдующихъ пяти мѣсяцевъ призывались всѣ правоспособные граждане для избранія своихъ выборныхъ представителей, а извѣстно, что по закону этимъ правомъ пользовались граждане разныхъ степеней и положеній: прежде всего 40.000 избирателей втораго разряда и 745 депутатовъ; затѣмъ половина администраторовъ восьмидесяти трехъ департаментовъ, половина администраторовъ пятисотъ сорока четырехъ округовъ, половина администраторовъ 41.000 общинъ, кромѣ того, въ каждомъ муниципалитетѣ мэръ и главный прокуроръ; во всякомъ департаментѣ предсѣдатель уголовного суда и представитель обвинительной власти; во всей Франціи офицеры національной гвардіи; словомъ, почти весь персоналъ уполномоченныхъ и агентовъ законной власти. Былъ возбужденъ вопросъ о возобновленіи гарнизона общественной цитадели, уже во второй и чуть ли даже не третій разъ съ 1789 года. Всякій разъ якобинцы проскальзывали на мѣста маленькими отрядами, на этотъ разъ они врываются цѣлой толпой. Въ Парижѣ мэромъ избранъ Петіонъ, Мануэль—главнымъ прокуроромъ, Дантонъ—его помощникомъ, а Робеспьера назначаютъ главнымъ обвинителемъ по уголовнымъ дѣламъ. На первой же недѣлѣ 136 новыхъ депутатовъ было занесено въ списки клуба. Въ собраніи партія насчитывала до 250 членовъ. Если просмотрѣть всѣ посты крѣпости, то станеть очевиднымъ, что треть ихъ, а можетъ быть и больше занимають осаждающіе. Впродолженіи двухъ лѣтъ, руководимые вѣрнымъ инстинктомъ, они вели осаду, а теперь получилось небывалое зрѣлище.—Нація, законнымъ путемъ покоренная толпою мятежниковъ.

I.

Прежде всего, они позаботились очистить себя мѣсто и посредствомъ насильно вырванныхъ у учредительнаго собранія декретовъ устранили отъ выборовъ большинство большинства.—Съ одной стороны подъ предлогомъ упроченія народной власти выборы были такъ часты и такъ многочисленны, что требовали отъ каждаго правоспособнаго гражданина шестой части его времени: непомерное требованіе для трудящихся людей, которые занимаются какимъ-либо дѣломъ или ремесломъ, а такова вся масса населенія, во всякомъ случаѣ полезная и здоровая часть его.—Такимъ образомъ какъ мы уже видѣли, она уклоняется отъ голосованія и предоставляетъ мѣсто празднымъ людямъ и фанатикамъ.—Съ другой стороны, по уставу конституціи, всѣ избиратели должны были приносить гражданскую присягу, включая туда и церковную, такъ что, если кто приносилъ первую, уклоняясь отъ второй, его голосованіе считалось недействительнымъ; въ ноябрѣ въ Дубсѣ муниципальные выборы тридцати трехъ общинъ были кассированы на этомъ основаніи. Такимъ образомъ не только 40 тысячъ не согласившихся присягать духовныхъ лицъ, но и большее число ревностныхъ католиковъ лишились права голоса, а ихъ было множество въ Артуа, Дубсѣ, Юрѣ, въ Верхнерейнской и Нижнерейнской провинціяхъ, въ обоихъ Северахъ, въ Вандеѣ, въ Нижней-Луарѣ, въ Морбиганѣ, въ Финистерѣ и Котъ-дю-Нордѣ, въ Лозерѣ и Ардешѣ, не говоря уже о южныхъ департаментахъ. Такимъ образомъ при помощи закона, который они сдѣлали непримѣнимымъ, якобинцы заранѣе оградили себя отъ благоразумныхъ вотированій, а ихъ насчитывались миллионы, а посредствомъ проникнутаго нетерпимостью закона, они освободились заранѣе отъ голосованія ревностныхъ католиковъ, а таковыхъ во Франціи было нѣсколько сотъ тысячъ. Благодаря такому двойному исключенію, они на избирательномъ поприщѣ встрѣтили лишь очень небольшое число избирателей.

II.

Остается дѣйствовать противъ этихъ немногихъ и лучшимъ средствомъ оказалось лишеніе ихъ правъ на кандидатуру. И тутъ отчасти оказала пользу обязательная присяга: въ Лозерѣ всѣ должностныя лица предпочли выйти въ отставку, чѣмъ давать присягу; вотъ люди, которые на будущихъ выборахъ не могутъ выставить своей кандидатуры, ибо немислимо добиваться добровольно оставленнаго мѣста, и вообще для изыятія кандидатуры какой-либо партіи достаточно вооружить ее противъ властей.—Дѣйствуя согласно такому принципу, якобинцы добивались желаемой цѣли, устраивая безчисленные бунты, руководимые ими противъ короля, офицеровъ и чиновниковъ, противъ дворянъ и духовенства, противъ торговцевъ хлѣбомъ и землевладѣльцевъ, противъ общественныхъ властей всѣхъ родовъ и происхожденій. Вездѣ власти вынуждены были терпѣть или извинять убійства

грабежи и поджоги, а въ лучшемъ случаѣ возмущеніе и неповиновеніе. Въ теченіе двухъ лѣтъ каждый мэръ, прибѣгая къ военному закону, рисковалъ быть повѣшеннымъ; каждый командиръ не былъ увѣренъ въ своихъ людяхъ, отправляясь охранять сборъ податей; всякій судья подвергался оскорбленіямъ и угрозамъ, если осуждалъ грабителей опустошавшихъ государственные лѣса. Постоянно должностныя лица вмѣсто того, чтобы охранять правосудіе, должны были нарушать его или же позволять другимъ нарушать; если же они пробовали протестовать, то якобинцы, прибѣгая къ насилію, подчиняли ихъ законную власть своей незаконной диктатурѣ и тѣмъ приходилось уступать, становясь ихъ игрушкой или же ихъ сообщниками. Такая роль невыносима для людей обладающихъ сердцемъ и чуткою совѣстью. Вотъ почему въ 1790 и 1791 гг. почти всѣ значительные и уважаемые люди, которые въ 1789 году засѣдали въ городскихъ ратушахъ или командовали національной гвардіей, всѣ провинціальныя дворяне и кавалеры ордена святаго Людовика, бывшіе члены парламента, высшая буржуазія, крупные землевладѣльцы возвращаются къ частной жизни и отказываются отъ общественныхъ должностей, на которыхъ дольше невозможно оставаться. Вмѣсто того, чтобы предлагать себя на выборахъ, они отъ нихъ устранились и партія сторонниковъ порядка, не желая назначать должностныхъ лицъ, не выдвигала изъ своей среды кандидатовъ.

Изъ излишней предосторожности лишили законныхъ правъ всѣхъ естественныхъ вождей и преградили доступъ къ высшимъ должностямъ, напримѣръ: депутатовъ, министровъ, всѣмъ людямъ достойнымъ занять ихъ, обладающимъ хотя бы той небольшой долей политическаго смысла, которой французы могли застать за послѣдніе два года.—Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1791 года, послѣ удаленія непримиримыхъ правыхъ, въ собраніи осталось еще около 700 членовъ, которые будучи сторонниками конституціи, все же желали восстановить порядокъ и если бы были снова избраны, то дали бы странѣ контингентъ благоразумныхъ законодателей. Для всѣхъ ихъ, за исключеніемъ незначительной группы революціонеровъ, жизненный опытъ не прошелъ даромъ и въ послѣднее время ихъ дѣятельности, два событія первостепенной важности: бѣгство короля и бунтъ на Марсовомъ полѣ указали имъ на всѣ недостатки существующаго механизма. Продержавъ въ своихъ рукахъ впродолженіи трехъ мѣсяцевъ орудіе исполнительной власти, они убѣдились, что оно сломано, что все рушится, а сами они порабощены фанатиками и чернью. Тогда они дѣлаютъ попытки загоризонтить машину; многіе изъ нихъ мечтаютъ о возвратѣ къ прежнему. Они отдѣляются отъ якобинцевъ; изъ трехъ или четырехсотъ депутатовъ занесенныхъ въ списки клуба, въ улицѣ Сентъ-Оноре остается всего семь человекъ ¹⁾, остальные

¹⁾ Письмо де-Стала отъ 17 іюля 1791 года. „Всѣ члены собранія за исключеніемъ трехъ или четырехъ рѣшили отдѣлаться отъ якобинцевъ, число таковыхъ 300. Семь оставшихся у якобинцевъ депутатовъ были: Робеспьеръ, Петіонъ, Грегуаръ, Бюзю, Корольеръ, Пріеръ и аббатъ Роппе.

основываютъ отдѣльный оппозиціонный клубъ у фельянтинцевъ и во главѣ ихъ находятся первые основатели: Дюпоръ, братья Ламетъ, Барнавъ, всѣ созидатели конституціи, отцы новаго порядка. Послѣднимъ декретомъ учредительнаго собранія они строго осуждаютъ самозванную дѣятельность народныхъ обществъ и запрещаютъ имъ не только вмѣшательство въ административныя или политическія дѣла, но и всѣ коллективныя петиціи и депутаціи. Вотъ для друзей порядка готовые кандидаты и къ тому же кандидаты имѣющіе шансы на успѣхъ, ибо впродолженіе двухъ лѣтъ и даже болѣе всѣ они занимали въ своихъ округахъ видныя, отвѣтственныя и вліятельныя мѣста, всѣхъ ихъ поддерживала въ глазахъ ихъ избирателей популярность созданной ими конституціи и они могли бы смѣло рассчитывать на полученіе большинства голосовъ.—Но якобинцы предвидѣли опасность: съ помощью двора, который никогда не пропускалъ случая все погубить и даже погубить самаго себя, они воспользовались озлобленіемъ правыхъ и усталостью учредительнаго собранія; вслѣдствіе усталости и отвращенія, подъ вліяніемъ увлеченія и заблужденія, въ порывѣ необдуманнаго безкорыстія оно постановило, что ни одинъ изъ его членовъ не можетъ быть, избранъ на будущихъ выборахъ, и такимъ образомъ заранѣе устранило весь составъ честныхъ людей.

III.

Если не взирая на такія неблагоприятныя условія, послѣдніе все же пытались бороться, то ихъ останавливали, едва лишь они успѣвали сдѣлать первый шагъ. Чтобы успѣшно вести избирательную борьбу необходимо предварительно собираться, совѣщаться, условливаться, а принадлежавшее имъ по закону право составлять общества, на дѣлѣ было отнято у нихъ ихъ противниками.—Прежде всего якобинцы ошканили и „забросали разной дрянью“ членовъ правой стороны, собиравшихся въ французскомъ салонѣ, въ улицѣ Рояль и въ силу существующаго правила, полиція, установивъ „что это общество возбуждаетъ безпорядки, является предлогомъ для уличныхъ сборищъ и можетъ быть поддержано лишь при помощи насильственныхъ мѣръ“ приказала членамъ его разойтись. Въ августѣ мѣсяцѣ 1790 года образовалось другое общество, составленное изъ самыхъ либеральныхъ и разсудительныхъ людей. Во главѣ его стояли Малуетъ и графъ де-Клермонъ-Тоннерръ; они назвали себя „Друзьями монархической конституціи“ и стремились возстановить общественный порядокъ на началахъ пріобрѣтенныхъ реформъ. Съ ихъ стороны не было упущено ни одной формальности; въ Парижѣ ихъ было уже 800 человекъ; подписныя деньги такъ и сыпались въ ихъ кассу; со всѣхъ сторонъ провинція подкрѣпляетъ ихъ союзниками и что хуже всего, благодаря раздачѣ хлѣба по пониженнымъ цѣнамъ, они были на пути къ сліянію съ народомъ. Такимъ образомъ получился центръ убѣжденных и вліяній аналогичный якобинскому центру, а съ этимъ никакъ не могли прими-

ряться якобинцы. — Г. Клермонъ-Тоннеръ нанялъ по контракту лѣтній вокзалъ, тогда къ владѣльцу его явился нѣкій капитанъ національной гвардіи и предупредилъ его, что если онъ отдастъ въ наемъ залу, то патріоты изъ Пале-Рояля явятся въ полномъ составѣ закрыть ее, тотъ, опасаясь порчи вещей, нарушилъ условіе, а муниципалитетъ въ свою очередь изъ опасенія вслнненій отмѣнилъ засѣданія общества. Но общество энергично отстаиваетъ свои права и такъ какъ текстъ закона на этотъ счетъ очень ясенъ, то оно въ концѣ концовъ добивается оффиціального подтвержденія своихъ правъ. Тутъ всѣ якобинскіе ораторы и журналы обрушились на своихъ будущихъ соперниковъ, которые могли бы оспаривать у нихъ власть. 23 января 1791 года Барнавъ въ національномъ собраніи подъ дымкой метафоры, скрывавшей воззваніе къ убійству, обвинялъ членовъ новаго клуба въ томъ, что они „кормятъ народъ отравленнымъ хлѣбомъ“. Четыре дня спустя домъ графа Клермонъ-Тоннера былъ окруженъ толпою вооруженныхъ людей; вышедшій оттуда Малуэтъ былъ почти насильно вытасченъ изъ своей кареты и встрѣченъ всеобщимъ крикомъ: „Вотъ подлецъ; предающій народъ!“—Наконецъ учредители клуба, прождавшіе въ угоду муниципалитету два мѣсяца, нанимаютъ другую залу въ улицѣ Петитъ-Экюри и 28 марта открываютъ свои засѣданія. „Явившись туда—пишетъ одинъ изъ нихъ—мы застали цѣлое сборище пьяницъ, уличныхъ крикуновъ, женщинъ въ лохмотьяхъ, подстрекающихъ солдатъ и главное этихъ ужасныхъ горлановъ, вооруженныхъ здоровенными сучковатыми дубинками въ два фута длиною, которыми легко можно было разможить голову“. Все это было заранее подготовлено: сперва ихъ было не болѣе трехъ или четырехсотъ, минутъ черезъ десять набралось пятьсотъ или шестьсотъ человѣкъ, а еще черезъ четверть часа число достигало четырехъ тысячъ; все это были люди набранные гдѣ попало, словомъ обыкновенный персоналъ всѣхъ бунтовъ. „Обитатели этого квартала увѣряли, что никогда до этого дня не видали никого изъ этихъ лицъ“. Сперва глупыя плоскія шуточки, брань, затѣмъ тумачи, удары палками и саблями: члены собранія, „условившіеся придти невооруженными“ разсѣяны, многіе повалены на полъ, избиты, а человѣкъ двѣнадцать или пятнадцать изъ нихъ ранены. Чтобы оправдать свое нападеніе, толпа показываетъ бѣлыя кокарды, будто бы найденныя въ ихъ карманахъ; мэръ Байльи является лишь по окончаніи свалки и во имя охраны общественнаго спокойствія муниципальныя власти окончательно закрываютъ клубъ монархистовъ-конституціоналистовъ.

Благодаря этимъ нападеніямъ организованныхъ партій и попустительству властей, другіе схожіе съ этимъ клубы были также уничтожены. Ихъ было много и они были разсѣяны по большимъ городамъ: „Друзья мира“, „Друзья отечества“, „Друзья короля, мира и религіи“, „Защитники религіи, личности и имущества“. Обыкновенно въ составъ ихъ входили офицеры, чиновники, самыя развитыя и воспитанныя люди, словомъ избранное городское общество. Они были основаны нѣкогда для обмѣна мыслей въ

цѣляхъ саморазвитія, а теперь, въ силу измѣнившихся условий, вопросы литературы естественно уступили въ нихъ мѣсто политическимъ вопросамъ. По поводу всѣхъ этихъ провинціальныхъ обществъ въ улицѣ Сентъ-Оноре былъ отданъ категорическій приказъ: „Это очаги заговоровъ; надо слѣдить за ними неусыпно и при появлении малѣйшаго огонька, тотчасъ же бросаться тушить ихъ“. И благодаря этому, то въ Кагорѣ, отрядъ національной гвардіи, возвращаясь съ экспедиціи предпринятой противъ сосѣднихъ дворянъ, желая достойнымъ образомъ завершить свое дѣло, захватываетъ клубъ, „выбрасываетъ черезъ окно мебель и разрушаетъ домъ“, то въ Перпиньянѣ возмущенная чернь окружаетъ клубъ, пляшетъ вокругъ него фандолу и восклицаетъ: „*На фонарь!*“ Домъ былъ разграбленъ, а восемьдесятъ членовъ избиты и изувѣченные толпою, въ видахъ ихъ безопасности были уведены въ крѣпость; то въ Эксѣ якобинцы явились въ клубъ своихъ противниковъ, затѣяли ссору, на основаніи чего муниципалитетъ отдалъ приказаніе заколотить двери осажденнаго клуба и арестовать всѣхъ его членовъ. Всегда ихъ наказываютъ за насилия учиняемыя надъ ними другими, одно ихъ существованіе вмѣняется имъ въ вину, въ Греноблѣ ихъ разсѣиваютъ, не давъ имъ собраться. Въ сущности имъ ставятъ въ упрекъ „отсутствіе патріотизма“; они могутъ имѣть дурныя намѣренія; во всякомъ случаѣ они раздѣляютъ городъ на два лагеря и этого довольно, чтобы признать ихъ виновность. Въ Гаврѣ по распоряженію департамента всѣ ихъ общества признанныя „очагами злонамѣренности“ закрываются. Въ Бордо муниципалитетъ на основаніи распространившихся тревожныхъ слуховъ, „что возвращаются духовенство и привилегированное сословіе“, распорядился закрыть всѣ общества, за исключеніемъ якобинскихъ. Такимъ образомъ, „при существованіи строя основаннаго на началахъ самой широкой свободы, при наличности знаменитой Деклараціи правъ человѣка, узаконивающей все невоспрещенное закономъ“ и кладущей равенство въ основу французской конституціи, всѣ, кромѣ якобинцевъ, исключались изъ общаго права. Проникнутое нетерпимостью общество, возвело себя на степень осѣненной благодатью церкви и произнесло приговоръ надъ всѣми обществами не получившими отъ него „крещенія правовѣрности, гражданскаго вдохновенія и дара слова“. Право собраній и пропаганды оно присвоило одному себѣ. Во всѣхъ городахъ государства было строго воспрещено всѣмъ разсудительнымъ и умѣреннымъ людямъ организовать избирательные комитеты, имѣть свою трибуну, кассу, подписчиковъ и послѣдователей; класть на вѣсы общественнаго мнѣнія свои имена и свою солидарность; привлекать къ своему прочному центру разсѣянную массу благоразумныхъ людей, стремящихся выбраться изъ революціи, не возвращаясь къ старому порядку. Пускай они шепчутся при закрытыхъ дверяхъ, это еще можно допустить, но горе имъ, если они вздумаютъ выйти изъ своего уединеннаго убѣжища, чтобы столкнуться, собрать голоса или же поддерживать чью-либо кандидатуру. Вплоть до дня выборовъ, они на ряду съ своими сплоченными, дѣятельными и

шумными противниками, должны оставаться разрозненными, инертными и нѣмыми.

IV.

Но, по крайней мѣрѣ, въ день выборовъ будетъ ли имъ предоставлена свобода голосованія? Они въ этомъ не увѣрены и примѣръ прошлаго года заставляетъ ихъ сильно въ этомъ сомнѣваться. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1790 года, въ Буа-д'Эзи въ Бургундіи пріѣхалъ изъ Парижа г. Буа-д'Эзи, чтобы участвовать въ выборахъ; его встрѣтили угрозами, открыто заявляя ему, что дворяне и священники не имѣютъ права голосовать, а нѣкоторые говорили ему въ глаза, что для устраненія его отъ выборовъ, слѣдовало бы повѣсить его. По сосѣдству въ Сень-Коломбѣ былъ изгнанъ изъ избирательнаго собранія и убитъ, послѣ длившихся три часа мученій, г. де-Вито. Почти тоже происходило и въ Семгорѣ: два дворянина были убиты палками и камнями, третій еле спасся, а священнику было нанесено ножомъ шесть смертельныхъ ранъ. Это должно было служить предостереженіемъ духовенству и дворянамъ: для нихъ благоразумнѣе всего отказаться отъ вотированія; тотъ же совѣтъ смѣло можно дать хлѣботорговцамъ, землевладѣльцамъ и вообще всѣмъ подозрительнымъ личностямъ. Ибо въ этотъ день народъ полностью пользуется своими верховными правами и пылкія головы воображаютъ, что имъ все дозволено, а посему заблаговременно устраняютъ нежелательныхъ кандидатовъ и вотирующихъ не по ихъ указаніямъ избирателей. Въ Вильневъ-Сень-Жоржѣ, находящемся вблизи Парижа, окружные избиратели хотѣли было назначить судьей одного адвоката, человѣка энергичнаго и строгаго, но чернь не пожелала имѣть судью, который сталъ бы наказывать грабителей и толпа въ сорокъ или пятьдесятъ человѣкъ бродягъ собралась подъ окнами, оглашая воздухъ криками: „Мы не желаемъ, чтобы онъ былъ избранъ!“ Напрасно настоятель церкви изъ Кроснъ, предсѣдательствовавшій на избирательномъ Собраніи, объяснилъ имъ, что присутствующіе избиратели являются представителями девяносто общинъ, т. е. почти ста тысячъ населенія и что „сорокъ человѣкъ не должны имѣть перевѣса надъ ста тысячами“. Крики возобновились и избиратели вынуждены были отказаться отъ своего кандидата. Въ По патриоты милиціи силою освобождаютъ изъ заточенія одного изъ своихъ вождей, разносятъ по городу списокъ осужденныхъ ими на смерть, нападаютъ на повѣрщика при баллотировкѣ, осыпая его сперва кулачными, а затѣмъ сабельными ударами; осужденные скрываются и „на слѣдующій день никто не явился въ избирательное собраніе“.

Еще того хуже въ 1791 году. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, какъ разъ, когда открывались предварительныя собранія, король бѣжалъ въ Вареннъ, революція казалось погибла, на горизонтѣ появились два грозныхъ призрака гражданской и вѣшной войны, національная гвардія вездѣ бралась за оружіе, повсюду воцарилась паника, которой и воспользовались якобинцы. Теперь не до

того было, чтобы оспаривать у них голоса; теперь опасно было выдвигаться вперед; среди происходивших повсюду шумных сборищ, легко было сдѣлаться жертвой народной расправы. Роялисты, конституціоналисты, консерваторы и умѣренные всѣхъ отѣнковъ, друзья порядка и закона предпочитали прятаться по своимъ домамъ, довольные, если имъ въ этомъ не препятствуютъ, но вооруженная чернь и тамъ не оставляетъ ихъ въ покоѣ, постоянно производя набѣги на ихъ жилища.

Разсмотримъ ихъ положеніе въ теченіе всего избирательнаго періода въ одномъ изъ самыхъ спокойныхъ округовъ и по этому уголку Франціи будемъ судить обо всѣхъ остальныхъ. Въ Марташѣ, маленькомъ городкѣ, населенномъ шестью тысячами жителей, до самой поѣздки въ Вареннъ, царствовало миролюбивое настроеніе продолжавшееся съ 1789 года. Среди сорока или пятидесяти дворянскихъ семей было много очень либеральныхъ людей. Тамъ точно также, какъ и въ другихъ мѣстахъ, философское воспитаніе XVIII вѣка воскресило у дворянъ, духовенства и буржуазіи былую инициативу провинціи и высшіе классы охотно занимали бесплатныя общественныя должности, которыя они лишь одни могли успѣшно исполнять. Предсѣдатель округа, мэръ, чиновники муниципалитета всегда избирались изъ среды духовенства и дворянства; три старшихъ офицера національной гвардіи были кавалеры ордена Святаго Людовика, а остальные должности были заняты главными представителями буржуазіи. Такимъ образомъ, на основаніи свободнаго избранія власть была предоставлена высшимъ слоямъ общества и новый порядокъ опирался на законную іерархію положенія, воспитанія и способностей.

Но основанный шесть мѣсяцевъ тому назадъ „дюжиной экзальтированныхъ и пылкихъ головъ клубъ, подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ бывшаго повара сэра Ратъе“, сталъ возмущать чернь и окрестныя деревни. Какъ только получило извѣстіе о бѣгствѣ короля, яковинцы тотчасъ же „громогласно заявили, что священники и дворяне снабдили его деньгами на дорогу и на устройство контръ революціи“. Одно семейство пожертвовало такую-то сумму, другое—такую; все это неоспоримо, ибо они даютъ точныя цифры и притомъ всегда „соотвѣтствующія средствамъ каждаго семейства“. Тогда „все главные клубисты, соединившись съ худшей частью національной гвардіи“, разсыпались небольшими кучками по улицамъ города; они врывались въ жилища всѣхъ подозрительныхъ дворянъ и горожанъ; отнимали найденное тамъ оружіе: „ружья, пистолеты, шпаги, охотничьи ножи, трости съ кинжалами“; они рылись повсюду; они заставляли открывать или взламывали письменные столы и шкапы, отыскивая тамъ боевые припасы; обыскъ распространяется даже на „дамскія туалетныя принадлежности“, изъ предосторожности „они разламывали палочки губной помады въ надеждѣ найти тамъ спрятанныя пули и „уносили туалетную пудру подъ предлогомъ, что это выкрашенный и замаскированный порохъ“. Затѣмъ шайки не разсѣиваясь разбрелись по окрестностямъ, по деревнямъ и столь же послѣшно стали производить обыски въ замкахъ, такъ что „въ

одинъ и тотъ же день всѣ честные граждане, всѣ крупные собственники, всѣ обладатели недвижимости, остались обезоруженными, отданными на произволъ первѣйшихъ разбойниковъ“. Обезоружены всѣ тѣ, кого считали аристократами, а аристократами считали тѣхъ, „кто не одобрялъ свершавшихся безумій или не посѣщалъ клубовъ и принималъ у себя не присягавшее духовенство“, а прежде всего „офицеровъ-дворянъ національной гвардіи, начиная съ командира и кончая генеральнымъ штабомъ въ полномъ составѣ“. Эти послѣдніе безъ сопротивленія отдавали свои шпаги, съ долготерпѣніемъ и патриотизмомъ повсемѣстно встречавшимися тогда въ ихъ средѣ, „они добровольно оставались на своихъ постахъ, чтобы не разстроить организованную силу арміи, такъ какъ надѣются, что этому недоразумѣнію наступитъ вскорѣ конецъ“, а пока ограничиваются жалобой въ совѣтъ департамента. Но требованія совѣта департамента возратить оружіе остались тщетными, такъ какъ клубисты заявили, что не возвратятъ его, пока король не подпишетъ конституцію, а пока они не скрываютъ, что „при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ на границѣ они перерѣжутъ всѣхъ дворянъ и не присягавшихъ священниковъ поголовно“. король присягнувъ конституціи, совѣтъ департамента возобовилъ свое требованіе относительно возврата оружія, но они не обратили на это ни малѣйшаго вниманія. Даже напротивъ того, солдаты національной гвардіи подкатываютъ пушки къ замкамъ безоружныхъ дворянъ и сами располагаются тамъ, выкрикивая всевозможныя угрозы и ругательства. Жены дворянъ не могутъ выйти на улицу, потому что ихъ начинаютъ преслѣдовать уличные мальчишки, дерзко распѣвая имъ въ лицо „Ça ira“ и вставляя ихъ имя въ заключительный припѣвъ, сулятъ имъ повѣшеніе на фонарѣ. „Никто изъ нихъ не рѣшается пригласить къ себѣ на ужинъ дюжину друзей, что-бы не подать повода къ волненіямъ.“

Благодаря этому, всѣ бывшіе начальники національной гвардіи вынуждены были выйти въ отставку, а якобинцы воспользовались удобнымъ случаемъ. Вопреки закону, они возобновили весь персоналъ офицеровъ, а такъ какъ мирные граждане не рѣшались принимать участія въ выборахъ, то новый штабъ „былъ составленъ изъ свирѣпыхъ людей, на вербованныхъ преимущественно въ низшихъ классахъ населенія.“ Съ этой строго подобранной милиціей, клубъ изгоняетъ монахинъ и не присягавшихъ священниковъ, устраиваетъ набѣги на окрестности и доходитъ до того, что распускаетъ кажущіеся ему подозрительными муниципалитеты.—Такія насилія производимы въ городѣ и деревняхъ дѣлали ихъ необитаемыми, вынудивъ всѣхъ землевладѣльцевъ и образованныхъ людей искать убѣжища въ Парижѣ. Послѣ перваго обезоруженія туда переселилось семь или восемь семействъ; послѣ угрозъ перерѣзать всѣхъ за ними послѣдовало туда еще двѣнадцать или пятнадцать семей, а послѣ возобновившихся преслѣдованій туда устремились толпами монахини, не присягавшіе священники, остальные дворяне и множество мѣщанъ, „даже не особенно богатыхъ.“ Тамъ по крайней мѣрѣ можно затеряться въ толпѣ; можно, живя подъ вымышленнымъ именемъ, спастись отъ

произвола плебса, можно вести скромную жизнь простого смертного. Въ провинціи ихъ лишаютъ даже гражданскихъ правъ: Куда ужъ тутъ добиваться политическихъ? „На предварительныхъ собраніяхъ всѣ честные граждане были устранены при помощи угрозъ и насилій... Поле сраженія осталось за людьми платящими 45 су податей, половина которыхъ была внесена въ списки бѣдняковъ.“—Вотъ каковы были предрѣшенные заранее выборы, какой либо бывший поварь одобрялъ или отвергалъ кандидатуры и на дѣлѣ, когда главный городъ департамента отмѣчалъ своихъ депутатовъ, то оказывалось, что всѣ избиратели были точно также, какъ и онъ, якобинцы.

У.

Вотъ подъ какимъ гнетомъ приходилось вотировать во Франціи въ теченіе лѣта и осени 1791 года. Повсюду обыски, обезоруженія, ежедневная опасность вынуждали дворянъ и духовенство, помѣщиковъ и образованныхъ людей, покидая прежнее мѣстожителство, искать убѣжища въ большихъ городахъ, эмигрировать или по крайней мѣрѣ ступевываться, всецѣло уходить въ частную жизнь, отказываться отъ всякой пропаганды, кандидатуры и голосованія. Было-бы безуміемъ съ ихъ стороны показываться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ преслѣдованія перешли въ жакерію; въ Бургундіи и Монскомъ департаментѣ, гдѣ замки были разграблены, гдѣ старые дворяне были замучены до смерти, гдѣ г. Гюйльенъ былъ зарѣзанъ и растерзанъ на части; въ Марселѣ, гдѣ всѣ вожди умѣренныхъ партій были въ тюрьмѣ, гдѣ цѣлаго полка швейцарцевъ въ полномъ вооруженіи едва было достаточно для приведенія въ исполненіе судебного приговора, гдѣ всякаго неблагоразумнаго, осмѣливающагося противиться волѣ якобинцевъ, заставляли молчать, угрожая закопать его живымъ въ землю; въ Тулонѣ, гдѣ якобинцы растрѣливали умѣренныхъ и войско, гдѣ капитана корабля г. де-Бокеръ убили выстрѣломъ изъ револьвера въ спину, гдѣ клубъ поддерживаемый нищими, матросами, портовыми рабочими и разными „иностранцами безъ опредѣленныхъ занятій“ по праву побѣды присвоилъ себѣ диктатуру; въ Брестѣ, въ Тюлѣ, въ Кагорѣ, гдѣ въ тоже самое время избивали на улицахъ дворянъ и офицеровъ. Вполнѣ понятно, что при такихъ обстоятельствахъ честные люди избѣгали выборовъ словно разбойничьяго вертепа. Впрочемъ, если-бы имъ вздумалось тамъ показаться, съ ними съумѣли-бы раздѣлаться. Въ Эксѣ заявили засѣдателю, на котораго была возложена обязанность прочесть имена избирателей „что чтеніе поименнаго списка можетъ быть довѣрено лишь чистымъ устамъ и что онъ какъ аристократъ и фанатикъ не имѣетъ права ни говорить рѣчи, ни вотировать,“ послѣ чего его безъ церемоніи вытолкали вонъ. Это лучший способъ превратить меньшинство въ большинство; однако, есть еще болѣе дѣйствительный.—Въ Даксѣ фельянтинцы, отдѣлившись отъ якобинцевъ подъ именемъ „*Друзей Французской Конституціи*,“ потребовали исключенія изъ національной гвардіи „всѣхъ иностранцевъ, не имѣющихъ ни собствен-

ности, ни общественнаго положенія,“ неполноправныхъ гражданъ, проникшихъ туда противозаконно, узурпирующихъ право голоса и „ежедневно оскорбляющихъ мирныхъ жителей.“ Вслѣдствіе этого въ день выборовъ, въ церкви, гдѣ происходило предварительное собраніе два фельянтинца: Лоредъ, бывшій контролеръ сборовъ и Брюнашъ, стекольщикъ, предложили вывести забравшагося туда лакея. Тутъ на нихъ набросились якобинцы: Лорета бросился на кропильницу и ранили въ голову; онъ пытался вырваться его схватили за волосы, повалили на землю и ранили штыкомъ въ руку, затѣмъ арестовали; Брюнашъ былъ тоже арестованъ. Черезъ недѣлю на вторичное собраніе явились одни якобинцы, понятно „всѣ они были избраны“ и образовали новый муниципалитетъ, который не смотря на распоряженія департаментскаго совѣта, отказался, выпустить на свободу узниковъ и даже перевелъ ихъ въ тюрьму.

Въ Монпелье таже исторія происходитъ нѣсколько позже, но зато принимаетъ болѣе широкіе размѣры. Голоса были ужъ собраны, избирательныя урны закрыты и опечатаны, большинство склонялось въ сторону умѣренныхъ. Тогда клубъ якобинцевъ и общество окованныхъ дубинъ, называющее себя *исполнительной властью*, насильно врываются въ залъ собранія, сжигаютъ урну, стрѣляютъ изъ ружей и убиваютъ двухъ людей. Чтобы возстановить спокойствіе, муниципалитетъ распорядился отправить по ротѣ національной гвардіи къ домамъ ихъ капитановъ и понятно умѣренные повиновались, но буйные не пожелали повиноваться. Толпою въ двѣ тысячи человекъ приблизительно они устремляются на улицы, врываются въ дома, убиваютъ трехъ человекъ на улицахъ и въ жилищахъ и заставляютъ властей отложить выборныя собранія. Сверхъ того они требуютъ обезоруженія „аристократовъ“ и не дождавшись исполненія своего требованія, убиваютъ прогуливавшагося съ своей матерью мастерового, отрубаятъ ему голову, торжественно несутъ ее по городу и вѣшаютъ передъ его домомъ. Тогда власти покоряются и издають декретъ объ обезоруженіи, а побѣдители въ полномъ составѣ выходятъ на улицу и устраиваютъ торжественное шествіе: для развлеченія или же изъ предосторожности они мимоходомъ стрѣляютъ въ окна подозрительныхъ домовъ и на удачу убиваютъ еще мужчину и женщину. Въ теченіе трехъ слѣдующихъ дней шестьсотъ семействъ покидаютъ городъ, а власти пишутъ, что все обстоитъ благополучно, что спокойствіе возстановлено. „Теперь—говорятъ они—выборы проходятъ при соблюденіи полнѣйшей тишины, потому что всѣ злонамѣренные люди устранились отъ нихъ добровольно, а большинство изъ нихъ даже выселилось изъ города.“—Создали пустоту вокругъ избирательныхъ урнъ и называютъ это единодушіемъ голосовъ.

Подобныя экзекуціи производятъ очень сильное впечатлѣніе и нѣтъ надобности часто прибѣгать къ нимъ; достаточно нѣсколькихъ, если только онѣ удачны и остаются безнаказанными, а таковыми собственно онѣ и бывали. Отнынѣ якобинцы могутъ ограничиваться одними угрозами, никто не рѣшается болѣе сопротивляться

имъ, такъ какъ знаютъ во что обходится открытое сопротивленіе и чтобы избѣгнуть оскорбленій и опасностей не посѣщаютъ избирательныхъ собраній, предпочитая впередъ признать себя побѣжденными. Но кромѣ насилій не обладаютъ ли они и другими столь же неотразимыми аргументами? Въ Парижѣ Марать въ трехъ послѣдовательныхъ номерахъ печатаетъ имена всѣхъ „злodeвѣвъ и негодяевъ“, которые при посредствѣ происковъ стараются попасть въ избиратели и онъ перечисляетъ имена не дворянъ и священниковъ, но обыкновенныхъ буржуа, адвокатовъ, архитекторовъ, врачей, ювелировъ, бумажныхъ торговцевъ, наборщиковъ, обобщиковъ и другихъ ремесленниковъ, снабжая при этомъ каждое имя обозначеніемъ профессіи, адресомъ и однимъ изъ слѣдующихъ наименованій: „Тартюфъ, безчестный и безнравственный человѣкъ, банкротъ, полицейскій шпионъ, лихоимецъ, плутъ.“ не считая другихъ, которыя неудобно повторить. Замѣьте, что такіе обвинительные списки легко могутъ стать проскрипціонными и что по всѣмъ городамъ и селеніямъ Франціи мѣстные клубы печатаютъ и распространяютъ такіе же листки и теперь судите равна-ли борьба между якобинцами и ихъ противниками.—Что-же касается сельскихъ избирателей у нихъ имѣются для нихъ всѣя убѣжденія, въ особенности въ разоренныхъ или угрожаемыхъ жакеріей кантонахъ, напримѣръ, въ Коррезѣ, гдѣ „волненія и разгромы охватили весь департаментъ и гдѣ только и говорятъ о томъ, что-бы перевѣшать всѣхъ экзекуторовъ, осмѣливающихся составлять какіе либо акты.“ Во все время выборовъ клубъ не прекращалъ своей дѣятельности „и продолжалъ приглашать избирателей на свои засѣданія.“ Каждый разъ „тамъ заводилась рѣчь о снесеніи арендной платы и бесплатномъ пользованіи прудами, а великіе ораторы приходили къ заключенію, что платить вовсе не слѣдуетъ.“ Состоявшее изъ сельскихъ жителей большинство избирателей, оказалось очень чувствительнымъ къ такому роду краснорѣчья; всѣ его кандидаты должны были высказаться противъ арендной платы и изъ среды исповѣдующихъ этотъ взглядъ были избраны депутаты и общественный обвинитель, другими словами якобинцы, что-бы быть избранными обѣщали алчнымъ арендаторамъ доходы и собственность помѣщиковъ.—Уже въ тѣхъ средствахъ при помощи которыхъ они въ 1791 году захватили треть мѣсть, виденъ зародышъ средствъ, которыми они въ 1792 году воспользуются, что-бы овладѣть всѣми мѣстами, а это первая избирательная компанія знакомить насъ не только съ ихъ правилами и политикой, но также съ поведеніемъ, образованіемъ, умомъ и характеромъ людей, которымъ они довѣряютъ центральную и мѣстную власть.

ГЛАВА II.

I. Составъ законодательнаго собранія.—Общественное положеніе депутатовъ.—Ихъ неопытность, ихъ неспособность, ихъ предрасудки.—II. Степень ихъ развитія и культуры.—III. Впечатлѣніе производимое ихъ засѣданіями.—Сцены и торжества въ клубѣ.—Соучастіе зрителей.—IV. Партіи.—Правая сторона.—Центръ.—Лѣвая сторона.—Взгляды и чувства жирондистовъ.—Ихъ союзники изъ крайней лѣвой.—V. Ихъ образъ дѣйствій.—Распаденіе клуба

фельянтинцевъ.—Водѣйствіе судовъ на учредительное собраніе. — Собирающіе стѣны его.—VI. Парламентскіе приемы.—Злоупотребленіе крайностью.—Вотированіе принциповъ.—Поименная переключка.—Робость центра.—Воздержаніе оппозиціи.—Рѣшительный перевѣсъ большинства.

I.

Если это правда, что представителями націи должны быть ея лучшіе люди, то Франція во время революціи имѣла очень странныхъ представителей. Съ каждымъ новымъ собраніемъ замѣтно понижался уровень, а между учредительнымъ собраніемъ и законодательнымъ лежить цѣлая пропасть. Настоящіе актеры удалились со сцены какъ только поняли свои роли, болѣе того они добровольно исключили сами себя изъ театра, а ихъ мѣста заняли подставные актеры. „Въ предыдущемъ собраніи — пишетъ шведскій посланникъ—были выдающіеся таланты, крупныя состоянія, громкія имена, все это вмѣстѣ взятое импонировало народу, хотя онъ и относится враждебно ко всякому личному отличію. Настоящее же собраніе представляетъ изъ себя не болѣе какъ совѣтъ адвокатовъ всѣхъ французскихъ городовъ и деревень“.—Дѣйствительно на 745 депутатовъ приходилось „400 адвокатовъ, болѣею частью вышедшихъ изъ послѣднихъ рядовъ приказнаго сословія“, десятка два конституціонныхъ священниковъ, „столько же малоизвѣстныхъ поэтовъ и литераторовъ; все это преимущественно народъ необезпеченный“, громадное большинство было въ возрастѣ не выше тридцати лѣтъ, шестьдесятъ человѣкъ были моложе двадцати шести лѣтъ и „всѣ они были воспитаны на клубахъ и народныхъ собраніяхъ“. И ни одного дворянина или прелата стараго режима, ни одного землевладѣльца, ни одного значительнаго чиновника, ни одного извѣстнаго чело-вѣка, ни одного опытнаго дипломата, финансиста, администратора или военнаго. Тамъ было всего три офицера въ генеральскихъ чинахъ, изъ которыхъ одинъ всего три мѣсяца тому назадъ былъ произведенъ въ генералы, а два остальныхъ были совершенно неизвѣстныя личности. Начальникомъ дипломатическаго корпуса былъ у нихъ Бриссо, странствующій журналистъ, исколесивъ Англію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, онъ считаетъ себя свѣдущимъ въ дѣлахъ обоихъ полушарій; онъ въ сущности принадлежитъ къ числу ловкихъ и самоувѣренныхъ болтуновъ, которые изъ глубины своихъ мансардъ управляютъ кабинетами и пересоздаютъ Европу; имъ кажется, что такія вещи такъ легко дѣлать какъ составлять въ умѣ фразы; однажды, чтобы вовлечь англичанъ въ французскій союзъ Бриссо предложилъ отдать имъ два охранныхъ пункта: Дюнкирхенъ и Калэ; а въ другой разъ онъ пожелалъ „предпринять походъ въ Испанію“ и въ тоже время отправить флотъ для покоренія Мексики. Въ комитетѣ финансовъ первое мѣсто занимаетъ Камбонъ, негодіантъ изъ Монпелье, хорошій счетчикъ, который въ будущемъ до послѣднихъ размѣровъ упроститъ отчеты и создастъ великую долговую книгу, т. е. всеобщее банкротство, къ которому онъ постепенно ведетъ дѣло, вовлекая собраніе въ разорительную и страшную войну, должен-

ствующую продлиться двадцать три года; по его словамъ „денегъ наберется больше чѣмъ надо“. А на дѣлѣ весь запасъ ассигнацій израсходованъ, податей никто не платятъ, только и держатся вновь выпускаемыми бумагами, ассигнаціи падаютъ до сорока процентовъ дефицитъ на 1792 годъ равняется 400 милліонамъ, но революціонный финансистъ рассчитываетъ на конфискаціи, которыя онъ примѣняетъ во Франціи и которыя собирается ввести въ Бельгію, вотъ и весь его планъ, систематическое воровство совершаемое въ большихъ размѣрахъ, внутри государства и за границей. Среди законодателей и творцовъ конституціи на первомъ планѣ стоитъ Кондорсэ, холодный фанатикъ, систематическій нивелировщикъ, убѣжденный, что математическія формулы примѣнимы къ социальнымъ наукамъ, вскормленный отвлеченностями, ослѣпленный своими теоріями, это одинъ изъ самыхъ химерическихъ, ложно направленныхъ умовъ. Никогда еще до сихъ поръ не встрѣчался человѣкъ, который при такой начитанности, такъ мало зналъ бы людей и никогда сторонникъ научной точности не извращалъ такъ смысла фактовъ. Онъ за два дня до 20 іюня среди самаго грубаго броженія восторгался „спокойствіемъ“ и благоразуміемъ толпы. „При видѣ того благоразумія, съ какимъ народъ отдаетъ себѣ отчетъ въ происходящихъ событіяхъ, можно подумать, что онъ ежедневно посвящаетъ нѣсколько часовъ изученію анализа“. Онъ же черезъ два дня послѣ 20 іюня превозносилъ красный колпакъ, которымъ увѣнчали Людовика XVI“. Эта корона стоитъ всякой другой и Маркъ Аврелій не отказался бы отъ нея“.

Таковы были понятія и практическій смыслъ жожаковъ; по нимъ можно судить и о всемъ стадѣ; оно состояло изъ новичковъ, прибывшихъ изъ провинціи съ готовымъ запасомъ газетныхъ принциповъ и предрасудковъ. Удаленные отъ центра и не имѣвшіе возможности слѣдить за общественными дѣлами и ихъ взаимодѣйствіемъ они на два года отстали отъ своихъ товарищей изъ учредительнаго собранія.

„Большинство—пишетъ Малюэтъ—не высказываясь противъ монархіи, были враждебно настроены по отношенію двора, аристократіи, духовенства, мечтали о заговорахъ и воображали, что нѣтъ другой тактики для самозащиты, какъ нападеніе. Были между ними таланты, но безъ опытности, послѣдней у нихъ было даже меньше, чѣмъ у насъ. Наши депутаты патриоты, по большей части, сознавали свои ошибки, эти же никогда и *всегда были готовы повторить ихъ*“. Кромѣ того у нихъ были ужъ сложившіяся политическія воззрѣнія, ибо почти всѣ они были креатурами новаго режима. Среди нихъ находилось 264 управляющихъ департаментами, 109 управляющихъ округами, 125-мировыхъ судей и общественныхъ обвинителей, 68 мэровъ и муниципальных чиновниковъ, кромѣ того двадцать офицеровъ національной гвардіи, конституціонные епископы и священники, всего 556 выборныхъ должностныхъ лицъ, которые въ теченіе двадцати мѣсяцевъ исполняли свои обязанности подъ руководствомъ своихъ избирателей; мы видѣли какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ дѣлали они это. съ какой любезностью и уступчивостью, съ какой

почтительностью относились они къ шумной толпѣ, какую кротость проявляли во время мятежей и какимъ потокомъ сентиментальныхъ фразъ и общихъ мѣстъ засыпали общественное мнѣніе. Избранные депутатами, благодаря поддержкѣ или снисходительности клубовъ, они привезли съ собою въ Парижъ ихъ политику и ихъ риторику, благодаря этому получалось сборище ограниченныхъ, исковерканныхъ, взбалмошныхъ, напыщенныхъ и слабыхъ умовъ; на каждомъ зазданіи десятка два говорильныхъ мельницъ начинали по пусту вертѣться и первое въ государствѣ учрежденіе превращалось въ фабрику глупостей, школу экстровагантностей и арену красноречія.

II.

Возможно ли, чтобы серьезные люди до конца выслушивали такой нелѣпый вздоръ? „Я земледѣлецъ—говорилъ одинъ изъ депутатовъ—и я осмѣливаюсь теперь восхвалять старинное благородство моей сохи. Нѣсколько воловъ были настоящими и неподкупными деревенскими нотаріусами, выдавшими моимъ добрымъ предкамъ удостовѣреніе въ ея достоинствѣ, а ея подлинность лучше запечатлѣлась въ землѣ, чѣмъ на хрупкомъ пергаментѣ и останется тамъ, недоступная никакимъ революціоннымъ переворотамъ“.

Допустимо ли, чтобы докладчикъ закона, осуждающаго сорокъ тысячъ священниковъ на изгнаніе или заточеніе, въ видѣ аргументовъ приводилъ такую высокопарную чепуху какъ нижеслѣдующая: — „Я видѣлъ въ деревняхъ свѣточа Гименея, бросающіе окрестъ тусклый и мрачный свѣтъ и часто превращающіеся въ факелы фурій; я видѣлъ омерзительный скелетъ предразсудка, помѣщающійся на брачномъ ложѣ и раздѣляющій супруговъ, останавливая естественныя и могучія стремленія. О, Римъ, доволенъ ли ты? Или ты подобно Сатурну требуешь ежедневно новыхъ жертвъ?.. Прочь, творцы раздора; почва свободы устала носить васъ. Не желаете ли вы подышать воздухомъ Авентинскаго холма? Корабль отечества уже готовъ къ отплытію, я слышу на берегу нетерпѣливые крики матросовъ, вѣтеръ свободы раздуваетъ паруса, и вы какъ Телемакъ отправитесь по морямъ отыскивать вашего отца, но вамъ нечего опасаться сицилійскихъ подводныхъ камней, ни соблазновъ Эвхариды“. Претенціозныя кривлянія, риторическія метафоры, брань бѣснующагося—вотъ воцарившійся здѣсь тонъ. Даже рѣчи лучшихъ ораторовъ страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ, во всѣхъ нихъ замѣчается чрезмѣрное возбужденіе мозга, пристрастіе къ громкимъ словамъ, ходульность и неумѣніе видѣть вещи въ ихъ настоящемъ видѣ и называть ихъ собственными именами. Даже талантливые люди, какъ Изнаръ, Гаде и Вернье, становятся рабами трескучей и пустой фразы точно ненагруженная барка, уносимая противъ воли слишкомъ большимъ парусомъ. Ихъ воспаляютъ воспоминанія воспринятаго на школьной скамьѣ и современный міръ имъ видѣтъ лишь сквозь дымку древне-римской жизни. Франсэ изъ Нанта негодуетъ на папу, „что онъ держитъ въ рабствѣ потомковъ Катона и Спе-

волы“—Изнаръ предлагаетъ послѣдовать примѣру римскаго сената, затѣявшаго для усмиренія внутреннихъ смуть вѣдшнюю войну: и дѣйствительно между древнимъ Римомъ и Франціей 1792 года сходство было поразительное. Ру требуетъ, чтобы императоръ удовлетворилъ ихъ требованія до 1-го марта. „Въ подобномъ случаѣ римскій народъ опредѣлялъ бы день отсрочки, такъ почему французскому народу не поступить точно также?“ Вокругъ колеблющихся мелкихъ германскихъ княжествъ слѣдуетъ очертить „кругъ Попилія“. Когда ощущался недостатокъ въ деньгахъ на устройство лагерей вокругъ Парижа и большихъ городовъ, Ла-Сурсъ предложилъ продать національные лѣса и очень былъ удивленъ, встрѣтивъ противодѣйствіе. „Солдаты Цезаря—говорилъ онъ—считая священнымъ одинъ старый Гальскій лѣсъ, не рѣшались коснуться его топоромъ, такъ неужто же мы станемъ проявлять такое же суевѣрное уваженіе къ нашимъ лѣсамъ“.

Прибавьте ко всѣмъ этимъ вынесеннымъ изъ школы премудростямъ философскій осадокъ, которымъ великій и популярный софистъ того времени наполнилъ умы. Ларивьеръ читаетъ съ трибуны страницу изъ „Общественнаго Договора“, въ которой Руссо заявляетъ, что властелинъ всегда въ правѣ изгнать членовъ „антиобщественной религіи“ и карать смертью „тѣхъ, кто признавъ публично догматы гражданской религіи, сталъ бы вести себя, точно не вѣря въ нихъ“. Послѣ чего другой болтливый попугай, г. Филасъ, воскликнулъ: „Я предлагаю обсудить предложеніе Жанъ-Жака-Руссо и требую, чтобы его поставили на баллотировку“. Точно также предлагаютъ разрѣшить молодымъ дѣвушкамъ ранніе браки безъ согласія ихъ родителей, ссылаясь на „Новую Элоизу“, „что дѣвушка тринадцати—четырнадцати лѣтъ мечтаетъ о естественномъ союзѣ, испытываетъ борьбу между страстью и долгомъ и если выходитъ изъ нея побѣдительницей, то становится мученицей; что трудно противустоять природѣ и случается, что молодые особы предпочитаютъ муки стыда вызваннаго паденіемъ, страданіямъ восьмилѣтней борьбы“. Вводятъ разводъ „чтобы сохранить въ супружествѣ то счастливое спокойствіе, которое придаетъ чувствамъ силу и крѣпость“... „Отнынѣ бракъ станетъ не тяжелой цѣпью, а пріятной уплатой гражданами родинѣ своего долга... Разводъ — богъ покровитель гименя“.—Двусмысленности и мисологическія дымки на фонѣ классическаго педантизма, отрывочныя и туманныя свѣдѣнія средняго образованія, отсутствіе точныхъ и серьезныхъ познаній, пустыя и бессодержательныя банальности красная, заполняющаго длинныя тирады своихъ рѣчей поговорками взятыми изъ революціоннаго словаря, словомъ, поверхностная культура и переливаніе изъ пустого въ порожнее, вотъ вульгарный и опасный матеріалъ, изъ котораго создается интеллектъ новыхъ законодателей.

III.

По всему этому можно судить объ ихъ засѣданіяхъ „болѣе нелѣпыхъ, а главное болѣе страстныхъ, чѣмъ засѣданія Учредитель-

наго Собранія“, но сохраняющихъ нѣкоторыя черты послѣднихъ, только въ нѣсколько болѣе грубомъ видѣ. Аргументаціи ихъ слабѣе, брань рѣзче, а догматизмъ неводержаннѣе. Рѣзкость въ нихъ переродилась въ дерзость, предразсудки въ фанатизмъ, а близорукость въ слѣпоту. Беспорядокъ на нихъ доходитъ до сумятицы, а шумъ превращается въ сущее столпотвореніе. Представьте себѣ—разсказываетъ очевидецъ и постоянный посѣтитель собраній:— „Школьный залъ, гдѣ сотни учениковъ ссорятся и ежеминутно готовы схватить другъ друга за волосы. Ихъ болѣе, чѣмъ небрежная одежда, ихъ рѣзкія движенія, ихъ непосредственные переходы отъ крика къ шиканью... представляютъ такое странное зрѣлище, котораго нельзя передать словами“. Тамъ есть все на лицо, чтобы придать залѣ засѣданій видъ клуба, самаго низкаго сорта. Тамъ заранѣе вырабатываются приемы будущей революціонной инквизиціи; выслушиваются шутовскія обвиненія; производятся полицейскіе допросы; разбираются сплетни привратниковъ и пересуды служанокъ; тамъ посвящаютъ цѣлое ночное засѣданіе, чтобы послушать признанія пьяницы. Завосятъ въ протоколь, не выражая при этомъ ни малѣйшаго неодобренія, прошеніе нѣкоего г. Боре, жителя Понъ-Сюръ-Ионъ, который въ собственноручно подписанномъ письмѣ предлагаетъ сто франковъ и свою руку для лишенія жизни тирана. Всякій скандалъ или дикую выходку частныхъ лицъ, прибѣгающихъ къ покровительству общественной власти, они встрѣчаютъ криками „браво“, громкими аплодисментами и поздравленіями предсѣдателя. Благодарятъ и усаживаютъ на скамью Собранія Анахарсиса Клоотца, „сумасшедшаго Маскариля“, который призываетъ къ всемірной войнѣ и разносилъ карты Европы заранѣе раздѣленной на департаменты, начиная съ Савойи, Бельгій, Голандіи „и такъ далѣе, вплоть до самаго Ледовитаго Океана“. Осыпаютъ похвалами и усаживаютъ вмѣстѣ съ его женою на скамьи Собранія викарнаго священника изъ Сентъ-Маргеритъ, представившаго свою „новую семью“ и метавшаго грома и молніи противъ безбрачія духовенства. Разрѣшаютъ толпамъ мужчинъ и женщинъ проходить черезъ залу, громко выкрикивая политическіе лозунги. Допускаютъ у перилъ разныя безстыдныя, ребяческія и мятежныя сцены. Сегодня, на примѣръ, являются „парижскія гражданки“, изъявляя желаніе заняться военными упражненіями подъ начальствомъ „бывшихъ французскихъ гвардейцевъ“, на слѣдующій день приходятъ дѣти, „съ трогательною наивностью“ выражая свой патріотизмъ и высказывая сожалѣніе, „что ихъ слабыя ножки не позволяютъ имъ идти или вѣрнѣе мчаться на встрѣчу тиранамъ“; затѣмъ въ залу входятъ каторжники изъ Шатовье, сопровождаемые ревущей толпой; въ другой разъ является тысяча парижскихъ артиллеристовъ съ барабаннымъ боемъ, а то постоянно смѣняютъ другъ друга разныя провинціальныя депутаціи, делегаты отъ предмѣстій и клубовъ, оглушая всѣхъ своими дикими декламаціями, своими повелительными предостереженіями, своими требованіями и угрозами.

Подъ этотъ оглушительный шумъ на трибунахъ не смолкаетъ обычный говоръ: на каждомъ засѣданіи „народные представители

должны выслушивать брань и укоры зрителей, галерка судить публику, находящуюся внизу, вмѣшивается въ пренія, заставляет смолкать ораторовъ, осыпаетъ оскорбленіями предсѣдателя, приказываетъ докладчику сойти съ трибуны. И она не одинъ разъ и не посредствомъ сдержаннаго ропота, а двадцать, тридцать, чуть ли не пятьдесятъ разъ въ часъ прерываетъ засѣданіе, наполняя залъ шумомъ, крикомъ, топаньемъ, осыпая депутатовъ личными оскорбленіями. Послѣ сотни тщетныхъ увѣщаній, послѣ безчисленныхъ призывовъ къ порядку, „встрѣченныхъ шиканьемъ“, послѣ тысячи предписаній, „сдѣланныхъ, передѣланныхъ, возобновляемыхъ, напоминаемыхъ“ словно затѣмъ, чтобы лучше подчеркнуть безсиліе закона, властей и самаго Собранія, вмѣшательство зрителей лишь возрастаетъ. Въ теченіи десяти мѣсяцевъ раздавались крики: „Долой гражданскій списокъ! Долой министровъ! Долой дворовыхъ собакъ! Молчать рабы!“. 26 іюля даже Бриссо покажется расходившейся толпѣ слишкомъ сдержаннымъ и ему швырнуть въ лицо двѣ сливы. „Три или четыре сотни личностей безъ имени, занятій и средствъ къ существованію... превратились въ помощниковъ, посредниковъ, повелителей законодательнаго собранія“ и ихъ платная ярость отнимала у Собранія жалкіе остатки имѣющагося у него здраваго смысла.

IV.

Въ такъ составленномъ и устроенномъ Собраніи легко предугадать на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ. Сквозь петли избирательной сѣти, которою якобинцы опутали всю территорію, удалось пробраться сотнѣ честныхъ, не лишенныхъ извѣстныхъ достоинствъ, разсудительныхъ и энергичныхъ людей, какъ напр. Матье Дюма, Дюмоляръ, Бекз, Горгеро, Вобланъ, Бенъо, Жирарденъ, Рамонъ и Жокуръ. Образовавъ правую сторону, они, по мѣрѣ силы, оказываютъ сопротивленіе и повидимому большинство склоняется на ихъ сторону. Ибо изъ 400 депутатовъ занимающихъ центръ, 164 записаны съ ними у фельянтинцевъ, а остальные, назвавшись *независимыми*, объявляютъ себя безпартійными; впрочемъ, всѣ эти четыреста, въ силу монархической традиціи, признаютъ власть короля, ихъ робость и здравый смыслъ возстаютъ противъ насилій; оны недовѣряютъ якобинцамъ, они боятся всего неизвѣстнаго; они желали бы упрочить конституцію и зажечь спокойно. Но высокопарные догматы революціоннаго катехизиса производятъ на нихъ неотразимое впечатлѣніе; они не понимаютъ, что конституція, предъ которой они преклоняются, порождаетъ ненавистную имъ анархію; они оказываются „столь недалководными, что сѣтуютъ на послѣдствія, причины которыхъ они кланутся поддерживать; при полнѣйшемъ отсутствіи характера, единства и смѣлости, они колеблются между противурѣчивыми желаніями и ихъ слабыя стремленія къ порядку готовы отъ перваго сильнаго толчка обратиться въ противоположную сторону. На такой подаливой почвѣ лѣвые усѣбно могутъ работать. Въ сущности ихъ немного, вся лѣвая сторона состоитъ всего изъ внесенныхъ въ списки 136 якобинцевъ и сотни другихъ почти всегда-вотирующихъ заодно

съ партій; но твердость убѣжденій съ избыткомъ возмѣщаетъ малочисленность лѣвыхъ. Во главѣ ихъ стоятъ Гаде, Бриссо, Жансонне, Вернье, Дюко, Кондорсэ, всѣ будущіе вожди Жиронды, всѣ адвокаты или писатели, увлекающіеся дедуктивной политикой, неприкосновенные въ своихъ убѣжденіяхъ и гордящіеся своей вѣрой; по ихъ мнѣнію, разъ принципъ вѣренъ, то надо не задумываясь примѣнять его, а если кто останавливается на полпути, то это значитъ, что у него нѣтъ сердца или ума. Что же касается ихъ, то они всегда идутъ до конца: съ увѣренностью юности и теоретиковъ они выводятъ свои заключенія и остаются довольны ихъ убѣдительностью. „Эти господа—говоритъ одинъ тонкій наблюдатель—относились съ глубокимъ презрѣніемъ къ своимъ предшественникамъ изъ Учредительнаго Собранія; они находили, что это были люди съ узкимъ кругозоромъ, полные предрасудковъ и не умѣвшіе пользоваться обстоятельствами“.—„На благоразумныя замѣчанія и притомъ вполне безкорыстныя, они отвѣчали насмѣшливыми улыбками, которыя являлись признакомъ порожденной самоувѣренностью сухости ума. Выбивались изъ силъ, припоминая имъ разныя обстоятельства и указывая на вытекавшія изъ нихъ послѣдствія; по очереди переходили отъ теоріи къ фактамъ и отъ фактовъ къ теоріи, пытались установить ихъ тождественность, они не обращали на это вниманія и если удостоивали отвѣтомъ, то нагло отрицали самые достовѣрные факты и оспаривали самыя неоспаримыя замѣчанія, *противупоставляя имъ избитыя общія мѣста, облеченныя въ очень краснорѣчивую форму*. Они полагали, что ихъ взгляды недоступны пониманію большинства и утѣшали себя мыслью, что оказываемое имъ противудѣйствіе является признакомъ малодушія“.

Въ ихъ собственныхъ глазахъ одни они были одарены способностями и лишь они обнаруживали истинный патріотизмъ. На томъ основаніи, что они прочли Руссо и Мабли, умѣютъ плавно говорить и краснорѣчиво писать, легко справляются съ книжными формулами и въ состояніи развить отвлеченную мысль, они вообразили себя государственными мужами. А на основаніи того, что они прочли Плутарха и *молодого Анахарсиса*, что на началахъ метафизическихъ размышленій они надѣются создать новое идеальное общество, что ихъ приводитъ въ восторгъ мысль о будущемъ миленіумѣ, они увѣровали въ величіе своихъ душъ. Относительно этихъ двухъ убѣжденій у нихъ не можетъ зародиться ни малѣйшаго сомнѣнія, даже послѣ того, если на нихъ все рушится по ихъ же винѣ, даже если ихъ снисходительныя руки будутъ загрязнены нечистыми руками подстрекаемыхъ ими разбойниковъ и окровавленными ладонями палачей, являвшихся ихъ соучастниками. Доведенное до крайности самолюбіе—худшій изъ софистовъ. Увѣренные въ превосходствѣ своихъ знаній и въ чистотѣ своихъ чувствъ, они выставляютъ какъ неоспоримый принципъ, что правительственная власть должна находиться въ ихъ рукахъ. Вслѣдствіе этого они захватываютъ ее въ законодательномъ собраніи при помощи средствъ, которыя были употреблены потомъ противъ нихъ въ Конвентѣ. Они заключаютъ союзъ съ

худшими изъ демагоговъ крайней лѣвой: Шабо, Кутономъ, Мерланъ де-Тюневилемъ, Базиромъ, Тюрю, Лекуантромъ, кромѣ того, входятъ въ соглашеніе съ Робеспьеромъ, Дантономъ, даже Маратомъ, вообще всѣми разрушителями, которыми они полагали воспользоваться, но которые наоборотъ ихъ же захватили въ свои руки и сдѣлали своимъ орудіемъ. Они стремятся, чтобы ихъ предложенія во чтобы то ни стало были приняты и для достиженія этого натравливаютъ на своихъ противниковъ крикливую и грубую чернь, которую другіе еще болѣе революціонно настроенные, завтра же натравятъ на нихъ самихъ.

V.

Такимъ образомъ мнимые защитники свободы вторично захватываютъ власть при помощи грубой силы. Для начала они воспрещаютъ фельянтинамъ собираться, они возбуждаютъ противъ нихъ чернь, что порождаетъ постоянную неурядицу, скандалы, кулачную расправу; мэръ Петіонъ жалуется, что онъ поставленъ „между общественнымъ мнѣніемъ и закономъ“ и предоставляетъ всѣмъ полную свободу дѣйствій, въ концѣ-концовъ фельянтины, уступая насилію, очищаютъ залу. Въ собраніи они отданы на произволъ наглости галерки. Тщетны всѣхъ ихъ протесты и негодованіе. Дюкастель напоминаетъ, что согласно декрету учредительнаго собранія всѣ знаки одобренія или неодобренія воспрещены; въ отвѣтъ на его слова раздается глухой ропотъ; онъ настаиваетъ, чтобы этотъ декретъ читался при открытіи каждаго засѣданія: „ропотъ возобновляется“.—„Развѣ это не возмутительно—говорить Вобланъ—что говорящихъ съ трибуны народныхъ представителей встрѣчаютъ аплодисментами и шиканьями, точно декламирующихъ на подмосткахъ гаеровъ“. А трибуны отвѣчаютъ ему троекратнымъ шиканьемъ. „Повѣритъ ли потомство, — говоритъ Катрмеръ, что совѣщанія, посвященныя заботѣ о жизни, чести и благѣ гражданъ, сопровождались слозно театральныя зрѣлища, аплодисментами и свистками зрителей?“ — „Къ дѣлу“ — кричатъ ему съ трибунъ.—„Что даже приговоры — продолжаетъ Катрмеръ—первостепенной важности (напримѣръ смертные), подвергались скандальной проституціи рукоплесканій и угрозъ“... Ропотъ усиливается.

Всякій разъ, какъ только дѣло касается отгѣны какой-либо кровавой или же покровительствующей мятежу мѣры, продолжительные и яростные вопли покрываютъ голосъ оппонента: „Долой оратора! Въ монастырь докладчика! Долой! долой!“ — Случается, что не болѣе двухъ десятковъ депутатовъ аплодируютъ и шикаютъ вмѣстѣ съ галеркой, а почти все собраніе оказывается поруганнымъ. Размахиваютъ кулаками передъ лицомъ предсѣдателя; „остается лишь предложить занимающимъ трибуны спуститься въ залу для составленія декретовъ“, и одинъ изъ членовъ правой иронически сдѣлалъ это предложеніе. Но какъ бы велико ни было самоуправіе, пускаемое въ ходъ меньшинствомъ для поработенія большинства, они нисколько этимъ не смуща-

ются и якобинцы сидящіе въ залѣ дѣйствуютъ за одно съ якобинцами съ галерки. Никто не имѣетъ права изгнать нарушителей спокойствія „это равнялось бы—говоритъ Гранжневъ—исключенію изъ совѣщаній народа въ лицѣ его настоящихъ представителей“. Когда одинъ депутатъ предложилъ изыскать мѣры для усмиренія крикуновъ, „Торне посовѣтовалъ передать это предложеніе на разсмотрѣніе португальской инквизиціи“. А Шудье „заявилъ, что оно могло быть сдѣлано лишь депутатомъ, забывшимъ о должномъ почтеніи къ народу, какъ къ своему верховному судѣ“. „Всѣ движенія трибунъ—восклицаетъ Лекюантъ-Пйраво—являются порывами патріотизма“. Наконецъ тотъ же Шудье съ небывалой дерзостью, перемѣщая всѣ права, предлагаетъ надѣлать всѣхъ присутствующихъ привилегіей законодателей и требуетъ декрета противъ депутатовъ виновныхъ въ оскорбленіи народнаго величества, жалуюсь на своихъ обидчиковъ.

Но еще болѣе энергичный притѣснительный механизмъ работаетъ у входа въ собраніе. Точно также какъ и ихъ предшественники въ учредительномъ собраніи, члены правой стороны „должны проходить сопровождаемые проклятіями и угрозами разъяренной толпы. А крики „на фонарь!“ столь же часто звучатъ въ ушахъ Дюмолара, Воблана, Жокура и Лакретеля, какъ въ ушахъ Казалеса, аббата Мори и Монлозье“. Осыпавъ бранью предсѣдателя, Марье Дюма, оскорбляютъ также и жену его, замѣтивъ ее на одной изъ отдѣльныхъ трибунъ. Въ Тюльери громадныя толпы народа группируются вокругъ горлановъ перечисляющихъ имена подозрительныхъ депутатовъ и горе тѣмъ изъ нихъ, которые вздумали бы по этой дорогѣ отправиться на засѣданіе! Ихъ бы осыпали градомъ оскорбленій и ругательствъ. Если этотъ депутатъ землевладѣлецъ, то его привѣтствуютъ крики: „Смотрите, что за странный аристократъ; да это деревенская дворянка, стерегшая у себя дома коровъ“. Однажды, поднимавшагося на Тюльерійскую террасу Боа какая-то мегера схватила за волосы, восклицая: „Склони голову, мерзкій, дрянной депутатшко, передъ тобою стоитъ твой властелинъ-народъ!“ 20 іюня одинъ изъ патріотовъ, проходя черезъ залу, шепнулъ ему на ухо: „Подлѣйшій изъ депутатовъ, ты погибнешь отъ моей руки“. Другой разъ послѣ защиты мирового судьи Ларивьера, онъ былъ встрѣченъ въ полночь у дверей своего дома „цѣлой толпой уличнаго сброда, готоваго пустить въ ходъ кулаки и палки; на счастье, его друзья Дюма и Даверу, оба военные, замѣтивъ опасность, направили въ толпу пистолеты и „хотя съ большимъ трудомъ“; все же освободили его. По мѣрѣ приближенія 10 августа нападенія становятся все болѣе наглыми. Вобланъ за то, что защищалъ Лафайета трижды при выходѣ изъ засѣданія подвергался риску быть растерзаннымъ толпою, шестьдесятъ другихъ депутатовъ тоже подвергаются насилію, ихъ избиваютъ, забрасываютъ грязью и грозятъ имъ смертью, если они осмѣлятся еще разъ придти на засѣданіе. Съ такими союзниками меньшинство пріобрѣтаетъ значительную силу, при помощи своихъ двухъ орудій принужденія, оно отвлекаетъ отъ большинства недостающіе ему голоса и по-

чти всегда, при помощи ли террора или хитрости, проводить нужные ему декреты.

VI.

А подчасъ оно достигаетъ этого, огорошивая противника неожиданностью. Въ виду того, „что не было принято заранее опредѣлять порядокъ дня, да и во всякомъ случаѣ обязательно было слѣдовать ему“, собраніе часто подвергалось разнымъ случайностямъ. „Любой негодяй съ лѣвой стороны (и я не беру своихъ словъ назадъ—говоритъ Боа—потому что ихъ было достаточно среди этихъ господъ) вносилъ какое либо предложеніе, подготовленное наканунѣ въ какомъ-нибудь изъ кружковъ. Никто не былъ къ этому подготовленъ; мы требовали передачи его на разсмотрѣніе Комитета. Но они не соглашались на это и ссылаясь на безотлагательность даннаго вопроса, требовали немедленнаго разсмотрѣнія его, чему волей-неволей приходилось подчиняться“. — „Они примѣнили еще другую, не менѣе вѣроломную тактику, къ которой въ особенности прибѣгали Тюріо. Этотъ негодяй предлагалъ обыкновенно не проектъ закона, но то что онъ называлъ принципомъ; онъ напримѣръ требовалъ изданія декрета о наложеніи секвестра на имущество всѣхъ эмигрантовъ... или же объ учрежденіи надзора надъ неприсягнувшими священниками... Ему возражали: но вѣдь вашъ принципъ заключаетъ въ себѣ сущность закона; это тотъ же законъ; намъ необходимо обсудить его, придется передать этотъ вопросъ на разсмотрѣніе Комитета. — Вовсе нѣтъ, дѣло не терпитъ отлагательствъ; Комитетъ ужъ подбираетъ куда негодныя статьи, если принципъ лишенъ здраваго смысла“. Благодаря такому спѣшному методу не оставалось мѣста для дебатовъ, якобинцы преднамѣренно не допускали собраніе до обсужденія вопросовъ; они рассчитывали на общую растерянность, по мѣрѣ возможности они во имя разума затемняли разумъ и ускоряли голосованіе, потому что ихъ декреты не выдерживали критики. Иногда же, въ особенности въ важныхъ случаяхъ, они ихъ исторгали силой. Обыкновенно вотировали посредствомъ вставанія и это являлось ужъ достаточно тяжелымъ испытаніемъ для четырехсотъ депутатовъ центра, преслѣдуемыхъ ропотомъ со стороны возмущенныхъ трибунъ. „Часть ихъ вовсе не встаетъ или же встаетъ вмѣстѣ съ лѣвыми; если же случайно перевѣсъ оказывался на сторонѣ правыхъ „это встрѣчалось съ недоувѣріемъ и выставлялось требованіе поименной перекички“. Но „благодаря nepозволительному злоупотребленію, поименные списки были заранее напечатаны; слѣдуетъ—говорили якобинцы—что-бы народъ зналъ своихъ враговъ и друзей“. Это означало, что списки оппонентовъ легко могли превратиться въ проскрипціонные списки и робкіе люди опасались вписывать туда свои имена. Дѣйствительно: вскорѣ образовались крупныя бреши въ громадной арміи центра. „Это установленный фактъ—говорилъ Боа—который всѣ мы можемъ засвидѣтельствовать, что мы всегда теряли сотню голосовъ при поименной перекичкѣ“.

Подъ конецъ они признали себя побѣжденными и выражали протестъ исключительно воздерживаніемъ отъ голосованія. 14 июня, 1848 былъ поднятъ вопросъ объ отмиѣ безъ вознагражденія всего феодалнаго долга, въ полномъ составѣ была лишь крайняя лѣвая; „остальная часть залы была почти пуста“, изъ 497 присутствующихъ депутатовъ 200 удалились изъ залы.—Обнадеженные кажущоюся возможностью получить поддержку, они дважды оправдываютъ генерала Лафайета, за спиною котораго видятъ его армію и открыто выступаютъ противъ деспотовъ Законодательнаго Собранія, клубовъ и улицы. Но не имѣя вождя и не получая ожидаемой поддержки со стороны войска, видимое большинство оба раза терпитъ поражение и отступаетъ, смолкаетъ и подчиняется диктатурѣ торжествующей партіи, которая до того извращала и вертѣла законодательный механизмъ, что почти совершенно испортила его и сломала.

ГЛАВА III.

I. Политическая программа Собранія.—Состояніе Франціи въ концѣ 1791 года.—Веселіе закона.—II. Собраніе враждебно относится къ угнетаемымъ и благосклонно къ притѣснителямъ.—Декреты противъ дворянства и духовенства.—Амнистія данная дезертирамъ, каторжникамъ и разбойникамъ.—Программы анархистовъ и нивелировщиковъ.—III. Война.—Настроение иностранныхъ державъ.—Колебанія короля.—Вызовъ брошенный жирондистами.—Время и причины разрыва.—IV. Тайныя побужденія вожаковъ.—Ихъ вліяніе поколеблено миромъ.—Недовольство зажиточныхъ и образованныхъ классовъ.—Образованіе и ростъ партіи порядка.—Сближеніе короля и этой партіи.—V. Впечатлѣніе произведенное на чернь войною.—Ея тревога и ея ужасъ.—Второй взрывъ революціи и его характеръ.—Союзъ жирондистовъ съ простонародьемъ.—Красный колпакъ и пики.—Посемѣстная смѣна законнаго правительства правительствомъ насильниковъ.

I.

Если бы депутаты, такъ торжественно и съ такимъ энтузіазмомъ присягавшіе Конституціи 1-го октября 1791 года, пожелали открыть глаза, они увидали бы, что на всемъ протяженіи территоріи постоянно нарушались и буква и духъ этой Конституціи. Въ силу обычая и изъ естественнаго авторскаго самолюбія, послѣдній предсѣдатель Учредительнаго Собранія, г. Туре, въ своемъ заключительномъ докладѣ пытался прикрыть высокопарными и обманчивыми фразами печальную истину, но достаточно просмотрѣть мѣсячный отчетъ, чтобы увидѣть дѣйствительно ли, какъ онъ увѣрялъ, „исполненіе декретовъ производилось добросовѣстно во всѣхъ частяхъ государства“.—„Гдѣ это добросовѣстное исполненіе?—спрашиваетъ Малле-де-Панъ.— Не въ Тулонѣ ли среди убитыхъ и раненыхъ, разстрѣлянныхъ на глазахъ у изумленнаго муниципалитета и директоріи? Не въ Марселѣ ли, гдѣ мучаютъ и унижаютъ двухъ частныхъ лицъ, мотивируя это тѣмъ, что они аристократы и что будто они продавали дѣтямъ отравленные конфеты съ цѣлю вызвать контръ-революцію? Быть можетъ въ Арлѣ, противъ котораго, какъ разъ въ данный моментъ, выступило 4.000 марсельцевъ, направленныхъ туда своимъ клубомъ?

Не въ Байѣ ли, гдѣ г. Фоше, присужденный къ тюрьмѣ и лишенный политическихъ правъ, избранъ въ депутаты Законодательнаго Собранія? Ужъ не въ Блуа ли, гдѣ приговоренный къ смерти командиръ полка за то, что пытался привести въ исполненіе декреты, вынужденъ отослать вѣрный полкъ и отдаться въ руки мятежному батальону? Не въ Нимѣ ли, гдѣ полкъ изъ Дофине, выступившій изъ города по распоряженію министра, получилъ отъ клуба и народа приказаніе не слушать министра и остаться? Ужъ не въ тѣхъ ли полкахъ, гдѣ подѣ направленными въ ихъ грудь дулами пистолетовъ, офицеры вынуждены были отречься отъ своего званія и уступить свои мѣста любителямъ? Ужъ не въ Тулузѣ ли, гдѣ въ концѣ августа административныя власти отдали приказъ, чтобы всѣ не присягавшіе священники въ трехдневный срокъ удалились изъ города на разстояніе не ближе четырехъ лье? Не въ окрестностяхъ ли Тулузы, гдѣ 28 августа послѣ ружейной перестрѣлки былъ повѣшенъ на фонарь чиновникъ муниципалитета? Или ужъ не въ Парижѣ ли, гдѣ 25 сентября чернь врывается въ церковь ирландской коллегіи, находящейся подѣ покровительствомъ международнаго договора и насильно уводитъ оттуда слушавшихъ обѣдню католиковъ въ другую церковь, гдѣ обѣдню служилъ присягнувшій священникъ, не въ Парижѣ ли, гдѣ грубо увлекають отъ исповѣдальни одну женщину, а другую избивають въ церкви?“

Говорятъ, что всѣ эти безпорядки носятъ случайный характеръ и какъ только будетъ обнародована Конституція, они сами собою прекратятся. Но однако Конституція завершена, подписана королемъ, обнародована и поручена охранѣ Законодательнаго Собранія; такъ пусть же теперь Законодательное Собраніе посмотритъ, какое зрѣлище представляетъ изъ себя страна въ первый же недѣли со введенія Конституціи. Въ восьми расположенныхъ вокругъ Парижа департаментахъ, почти всегда въ ярмарочные дни бунты, шайки бродягъ наводняютъ фермы и грабятъ землевладѣльцевъ; въ Меланѣ еле освободили изъ рукъ черни избитаго и совершенно окровавленнаго мѣстнаго мэра; въ Бельфорѣ мятежъ съ цѣлю захватить транспортъ денегъ, а комиссаръ Верхняго Рейна чуть не убитъ; въ Буксвейлерѣ обнищавшая національная гвардія вмѣстѣ съ солдатами изъ Сальмъ-Сальма нападаетъ на помѣщиковъ, врываются въ ихъ дома, грабятъ погреба; въ Миркурѣ толпа женщинъ въ продолженіе трехъ дней осаждаютъ съ барабаннымъ боемъ ратушу. „Сегодня въ Рошфорѣ бунтъ и портювыя рабочіе заставляютъ муниципалитетъ развернуть Красное знамя. Завтра населеніе Лилля, не желая обмѣнивать свое серебро и ассигнаціи на клочки бумаги, яменуемые *билетами довѣрія*, собираются толпами, угрожаютъ, такъ что цѣлому гарнизону съ трудомъ удастся подавить волненія“. А 16-го октября Авиньонъ переходитъ во власть разбойниковъ и происходитъ отвратительная рѣзня на Глясьерѣ. Въ Каэнѣ 5 ноября разъяренная толпа осыпаетъ побоями 82 дворянъ, мѣщанъ и ремесленниковъ за то, что они предложили муниципалитету добровольно нести полицейскія обязанности, нѣкоторыхъ изъ нихъ убиваетъ, а остальныхъ

волочить въ тюрьму. 14 ноября въ Монпелье побѣда переходитъ на сторону такъ называемыхъ „*tardeur'овъ*“ (избирателей), въ результатъ убито на улицѣ и дома восемь мужчинъ и женщинъ, всѣ умѣренные обезоружены или же вынуждены бѣжать. Въ концѣ октября вдругъ появляются и съ недѣли на недѣлю все больше разрастаются по ту сторону Атлантическаго океана гигантскіе столбы пламени и дыма, въ Санъ-Доминго вспыхиваетъ возстаніе рабовъ, дикіе звѣри выпущены на своихъ сторожей, 50 тысячъ чернокожихъ взяли за оружіе и на первыхъ же порахъ умерщвлено 1.000 бѣлыхъ, 15 тысячъ негровъ, разрушено 200 сахарныхъ заводовъ, убытки достигаютъ 600 милліоновъ, „почти уничтожена колонія, состоящая десяти провинцій“. Въ Парижѣ Кондорсе пишетъ въ своемъ журналѣ, „что всѣ эти новости сомнительны и вымышлены съ тѣмъ, чтобы создать французскому королю заморское королевство, гдѣ существуютъ господа и рабы“; тамъ же капралъ національной гвардіи караулитъ короля, чтобы онъ не убѣжалъ и по своей личной инициативѣ воспрещаетъ часовому выпускать его изъ дому послѣ девяти часовъ вечера; въ Тюльери на открытомъ воздухѣ ораторы обличаютъ аристократовъ и священниковъ; въ Пале-Рояль процвѣтаетъ разсадникъ публичнаго разврата и призывающихъ къ возмущенію рѣчей; во всѣхъ кварталахъ разгораются очаги мятежей „ежеминутно совершаются кражи, по нѣтъ наказанныхъ воровъ; никакой полиціи; суды завалены дѣлами; не хватаетъ тюремъ для осужденныхъ; почти всѣ отели закрыты; въ одномъ Сень-Жерменскомъ предмѣстѣи годовое потребление понижено на 250 милліоновъ; 20 тысячъ клейменныхъ мазуриковъ проводятъ дни въ разныхъ вертепахъ, театрахъ, въ Пале-Рояль, въ Национальномъ Собраніи, въ кафе; тысячи нищихъ наводняютъ улицы, перекрестки, площади; на каждомъ шагу картины самой безысходной, но вмѣстѣ отталкивающей нужды, такъ какъ она сопровождается наглостью; вездѣ тучи оборванцевъ, существующихъ исключительно продажей бумажныхъ денежныхъ знаковъ, снабженныхъ различными клеймами, выпускаемыхъ всѣми, кому вздумается, разорванныхъ на части, продаваемыхъ, отдаваемыхъ и возвращаемыхъ въ видѣ лохмотьевъ болѣе грязныхъ, чѣмъ облекающія тѣла ихъ несчастныхъ продавцевъ; на 700 000 жителей 100.000 бѣдняковъ, изъ которыхъ 60 тысячъ пришлыхъ изъ другихъ департаментовъ, среди нихъ 31 тысяча нищихъ, распущенныхъ въ прошломъ іюнѣ изъ національныхъ мастерскихъ, которые спустя три мѣсяца вернулись, чтобы снова присоединиться къ бандамъ бродягъ и бездѣльниковъ; расшатывать вмѣстѣ съ ними и безъ того колеблющееся зданіе общественнаго управленія и участвовать во всѣхъ мятежахъ. Какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи распространяется неповиновеніе на всѣ степени іерархіи: тутъ директоріи не исполняютъ приказаній министра, тамъ муниципалитеты не обращаютъ вниманія на требованія своихъ директорій; дальше—общины съ саблями въ рукахъ вынуждаютъ своихъ мэровъ уступать ихъ желаніямъ, а въ иныхъ мѣстахъ солдаты и матросы арестуютъ своихъ офицеровъ; подсудимые оскорбляютъ въ судѣ судей и заста-

вляють ихъ отмѣнять свои приговоры, разный сбродъ назначаетъ на рынкахъ пѣны на хлѣбъ, либо просто грабить его, а національная гвардія не допускаетъ продажи его или же захватываетъ его на дому; полнѣйшее отсутствіе безопасности жизни, имущества и совѣсти; большинство французовъ лишены права исповѣдывать свою прежнюю вѣру и голосовать на выборахъ; лучшая часть націи, духовенство и дворянство, офицеры арміи и флота, крупные промышленники и помѣщики ни днемъ, ни ночью не могутъ быть увѣрены въ своей безопасности, они лишены всѣхъ поземельныхъ доходовъ и не могутъ рассчитывать на защиту правосудія, они постоянно подвергаются разнымъ обвиненіямъ, изгнанію, заточенію, нападеніямъ на собственныя жилища; имъ воспрещены всѣ союзы, даже клонящіеся къ охранѣ закона и находящіеся подъ надзоромъ законныхъ властей; а на ряду съ этимъ, какъ разительный контрастъ, процвѣтають привилегіи и безнаказанность партіи, образовавшей политическую корпорацію, „которая раскинула свои развѣтвленія по всему государству и даже за предѣлы его, которая имѣетъ свою кассу, свои комитеты, свой уставъ, которая управляетъ правительствомъ, судитъ правосудіе“ и которая, начиная съ столицы и кончая захолустной деревенкой, вездѣ самовольно присваиваетъ административную власть или оказываетъ давленіе на представителей ея.

Свобода, равенство, господство закона — все это существуетъ лишь на словахъ. Изъ трехъ тысячъ, рожденныхъ Учредительнымъ Собраніемъ декретовъ, всѣ возбуждавшіе восторгъ, всѣ разукрашенные крещеніемъ философскихъ мыслей, превратились въ кучу мертворожденныхъ выкидышей, для которыхъ Франція стала кладбищемъ. Все, что существуетъ въ дѣйствительности подъ обманчивой внѣшностью объявленныхъ и скрѣпленныхъ сотнею клятвъ, правъ: это, съ одной стороны, притѣсненіе высшаго и образованнаго класса, у котораго отняли всѣ человѣческія права, а съ другой стороны — тиранія фанатичной и грубой толпы, захватившей въ свои руки всѣ верховныя права.

II.

Тщетно честные люди засѣдающіе въ законодательномъ собраніи возстаютъ противъ такого постыднаго и противоестественнаго положенія вещей; руководимое якобинцами Собраніе, если измѣняетъ законъ, то всегда въ ущербъ угнетаемымъ и въ пользу притѣснителей. — Не дѣлая никакого различія между вооруженными сборищами въ Кобленцѣ, которыя она вправѣ наказать и втрое болѣе многочисленными безобидными и непричастными къ дѣлу бѣглецами состоявшими по большей части изъ женщинъ, дѣтей и старцевъ и не только изъ дворянъ, но и разночинцевъ, бѣжавшихъ отъ произвола черни, оно конфискуетъ имущество всѣхъ эмигрантовъ и назначаетъ на него торги. Новымъ паспортнымъ уставомъ оно прикрѣпляетъ къ мѣсту всѣхъ гражданъ и подчиняетъ ихъ право переѣзжать съ мѣста на мѣсто даже внутри государства, произволу якобинскихъ муниципалитетовъ. Оно окончательно разоряетъ своихъ противниковъ, уничтожая безъ вся-

каго вознагражденія жалкіе остатки ихъ поземельныхъ доходовъ и владѣльческія права, которые Учредительное Собраніе признало законными. Оно по мѣрѣ возможности уничтожаетъ ихъ исторію и ихъ прошлое, сжигая въ общественныхъ архивахъ ихъ родословныя. Всѣхъ не присягнувшихъ священниковъ, которые составляютъ двѣ трети всего духовенства Франціи, оно лишаетъ послѣдняго куска хлѣба, той маленькой пенсіи выдаваемой имъ на пропитаніе въ видѣ выкупа за ихъ конфискованное имущество; оно ихъ объявляетъ „подозрѣваемыми въ возстаніи противъ закона и дурныхъ намѣреніяхъ противъ отечества;“ оно ихъ подвергаетъ особому надзору; оно разрѣшаетъ мѣстнымъ властямъ высылать ихъ безъ суда въ случаѣ беспорядковъ; оно даже осуждаетъ ихъ въ такихъ случаяхъ на изгнаніе. Оно возбраняетъ „всѣ мірскіе конгрегаціи, безразлично составлены ли онѣ мужчинами или женщинами, духовными или свѣтскими лицами и даже такія, которыя основаны исключительно для ухода за больными въ госпиталяхъ и внѣ ихъ, даже такія, которыя занимаются обученіемъ грамотѣ дѣтей и уничтоженіе которыхъ „лишаетъ шестьсотъ тысячъ ребятишекъ возможности выучиться читать и писать“.

Оно запрещаетъ носить присущую духовному званію одежду, оно продаетъ епископскіе дворцы, дома еще занятые монахами и монахинями. Оно восторженно привѣтствуетъ священника, представляющаго ему свою жену.

Оно не только разрушаетъ, но сверхъ того закидываетъ грязью и авторы всѣхъ утверждаемыхъ декретовъ къ ихъ громовымъ ударамъ прибавляютъ звонкій градъ клеветъ и оскорбленій. „Конгрегаціи—говоритъ одинъ депутатъ—вливаютъ въ дѣтскіе умы ядъ аристократизма и фанатизма“.—„Очистите деревни—воскликаетъ Лагревольотъ отъ этихъ гадинъ пожирающихъ ихъ!“—„Всѣмъ извѣстно—провозглашаетъ Изнаръ,—что священникъ такъ же низокъ какъ и мстителенъ... Отошлите этихъ зачумленныхъ въ лавареты Рима и Италіи... Зачѣмъ намъ религія антиобщественная по своей природѣ и мятежная по принципу?“—„Неприсягавшіе священники, всѣ эмигрировавшіе уже или же собирающіеся эмигрировать, „всѣ крупные землевладѣльцы, всѣ богатые негоціанты, всѣ ложные умѣренные“ считаются явными заговорщиками или тайными врагами. Имъ приписываютъ всѣ общественныя бѣдствія.

„Причина волненій разоряющихъ колоніи—говоритъ Брисо—заключается въ адской гордости бѣлыхъ, которые трижды нарушали договоръ, несмотря на то, что они трижды клялись исполнять его“. Отсутствіе работъ и не урожай хлѣба тоже объясняется ихъ злонамѣренностью. „Большинство богатыхъ людей—говоритъ Франсэ-де-Нантъ—не воздѣлываютъ своихъ земель, не засѣваютъ полей, чтобы насладиться воплями обездоленнаго народа“. Подраздѣляютъ Францію на двѣ половины; съ одной стороны аристократія, - которой приписываютъ всѣ пороки, съ другой стороны народъ, надѣленный всевозможными добродѣтелями. „Ежедневно говоритъ Ламаркъ—измѣняютъ дѣлу свободы богачи, бывшіе дворяне, которые чтобы обмануть насъ рядились въ маски патриотизма. Не въ этомъ классѣ, но среди гражданъ, которыхъ пре-

зрительно называют народомъ, надо искать чистыя и пылкія души, достойныя истинной свободы“—Еще одинъ шагъ и добрымъ все будетъ дозволено по отношенію злыхъ: тѣмъ хуже для аристократовъ, если съ ними случится какое либо несчастье. Для побитыхъ камнями офицеровъ, какъ на примѣръ г. де-ла-Жайли и другіе „не лучше ли было-бы не заслуживать того, чтобы ихъ отдали на произволъ разъяренной толпы?“ Изнаръ восклицаетъ съ высоты трибуны: „Лишь долговременная безнаказанность виновныхъ могла сдѣлать народъ палачемъ; да, гнѣвъ народа, точно также какъ и гнѣвъ Бога, часто является ужаснымъ дополненіемъ къ молчанію закона“,—Другими словами оправдываютъ преступленія и подстрекаютъ къ новымъ насиліямъ надъ тѣми, кто и такъ ужъ впродолженіе друкъ лѣтъ страдаетъ отъ насилій.

Изъ этого слѣдуетъ, что разъ жертвы преступны, то ихъ палачи честные люди и Собраніе преслѣдующее однихъ со всею строгостію, сохраняетъ для другихъ всю свою снисходительность. Оно оправдываетъ всѣхъ дезертировъ, бѣжавшихъ изъ подъ своихъ знаменъ до 1-го Января 1879 года, оно имъ назначаетъ по 3 су за каждое лье и возвращаетъ ихъ домой или же въ ихъ прежніе полки, чтобы они тамъ вмѣстѣ съ товарищами, позже ихъ дезертировавшими, стали руководителями или участниками мятежей. Оно возвращаетъ съ галеръ сорокъ швейцарцевъ изъ Шатовъ, несмотря на то, что ихъ собственные кантоны желаютъ удержатъ ихъ тамъ; оно терпитъ, что „этихъ мучениковъ свободы“ въ триумфальной колесницѣ развозятъ по городу, оно допускаетъ ихъ въ залу засѣданій и послѣ торжественной баллотировки приглашаетъ принять участіе въ преніяхъ. Наконецъ, точно задавшись цѣлью напустить на общество самую дикую и гнусную сволочь, оно освобождаетъ Журдана, Мэнвеля, Дюпра, Рафеля, всѣхъ бѣглыхъ каторжниковъ, кондотьеровъ со всей страны, которые сами себя назвали „храбрыми авиньонскими разбойниками“ и которые въ продолженіе восемнадцати мѣсяцевъ опустошали графство; оно останавливаетъ почти оконченный процессъ убійцъ Глясеры; оно не препятствуетъ имъ вернуться побѣдителями, занять въ магистратурѣ мѣста разбѣжавшихся администраторовъ и смотрѣть на Авиньонъ какъ на завоеванный городъ, который сталъ отнынѣ ихъ добычей и ихъ собственностью. Это значило преднамѣренно напустить на социальное тѣло червей и несмотря на то, что это тѣло трепетало отъ лихорадки, не пропускали ничего, что могло бы усилить лихорадочное состояніе. Изъ нѣдръ Собранія точно мазмы исходятъ самыя анархическія, самыя вредныя правила. Абсолютная нивелировка возводится въ принципъ. „Равноправность—говоритъ Ламаркъ—можетъ поддерживаться лишь стремленіемъ къ уравниенію состояній“ и теорія примѣнялась на практикѣ, потому что вездѣ пролетаріи грабили собственниковъ. —„Раздѣлите общинныя владѣнія—говоритъ Франса-де-Навтъ— между гражданами ближайшихъ деревень, въ образномъ отношеніи къ ихъ состоянію и пусть тотъ, у кого меньше всего наслѣдственной собственности, получить ея больше при раздѣлѣ“. Вообразите только, какое впечатлѣніе должно было произвести это

предложеніе прочитанное въ деревнѣ на посидѣлкахъ въ присутствіи крестьянъ, которые какъ разъ въ то время требовали отъ помѣщика для своей общины лѣса.

Г. Корнейль возстаетъ противъ обложенія налогомъ въ пользу казны заработка получаемого за физическій трудъ, потому что сама природа, а не общество даетъ намъ „право на существованіе“, за то онъ предлагаетъ взимать въ казну всѣ доходы, потому что общество, а не природа установило ренту, изъ чего слѣдуетъ, по его мнѣнію, что надо освободить отъ всѣхъ налоговъ бѣдное большинство, а возложить ихъ на богатое меньшинство. Удобная система и очень удачные аргументы, чтобы убѣдить всѣхъ обложенныхъ налогами бѣдняковъ, т. е. непокорное большинство, что эти налоги вполне справедливы и оно обязано платить подати: „При воцареніи свободы—говоритъ президентъ Даверу народъ въ правѣ добиваться не только насущнаго хлѣба, но и достатка, и счастья“. Если онъ терпитъ нужду, то стало быть его предали.—„Съ той высоты, куда вознесся французскій народъ—говоритъ другой президентъ—онъ можетъ видѣть бури только подъ своими стопами.“ А буря надвигалась и разразилась надъ его головой; война, какъ черная туча появилась на горизонтѣ, заволокла весь небосклонъ, мощно загрохотала, охватила огненнымъ кольцомъ наполненную взрывчатыми веществами Францію и эту грозу навлекло на націю Собраніе, благодаря одной изъ величайшихъ своихъ ошибокъ.

III.

А если бы оно обладало хоть незначительной долей благоразумія, то могло бы разсѣять эту грозу. Двѣ основныя претензій были заявлены, одна Франціей, а другая Австріей. Съ одной стороны Франція, вполне основательно протестовала противъ сборищъ враждебно по отношенію ея настроенныхъ эмигрантовъ, которыя императоръ и курфюрсты допускали въ своихъ владѣніяхъ. Но прежде всего нѣсколько тысячъ дворянъ, не имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи ни солдатъ, ни боевыхъ снарядовъ, ни даже денегъ, не представляли никакой опасности, а затѣмъ еще раньше рѣшительнаго часа ихъ сборища были разсѣяны сперва императоромъ въ его собственномъ государствѣ, а черезъ двѣ недѣли курфюрстомъ Тревскимъ въ его курфюршествѣ. Съ другой стороны, нѣмецкіе принцы, имѣвшіе въ Эльзасѣ земли, на основаніи трактатовъ требовали возвращенія уничтоженныхъ въ ихъ владѣніяхъ феодальныхъ правъ, а сеймъ запрещалъ имъ брать предложенный выкупъ. Но ничего не было проще и удобнѣе какъ вести съ сеймомъ безконечныя переговоры, что не представляло никакой опасности, ни неудобства, потому что въ ожиданіи заявившія протестъ стороны оставались съ пустыми руками. Но если теперь за выставляемыми предложениями начать доискиваться истинныхъ намѣреній, то все же остается внѣ всякаго сомнѣнія, что до января 1792 года Австрія была миролюбиво настроена. То что ею было обѣщано, на основаніи пильницкой деклараціи графу д'Артуа, являлось не болѣе какъ придворной любезностью,

безсодержательной формой фантастическаго обѣщанія, помощью подчиненной согласію всѣхъ европейскихъ державъ, т. е. навѣрное невыполнимымъ обязательствомъ въ виду его неопредѣленнаго срока, а пресловутая лига монарховъ „была отнесена политиками къ разряду августѣйшихъ комедій“.

Ничуть не помышляя о столкновеніи съ новой Франціей во имя старой Франціи, императоръ Леопольдъ и его министръ Каунитцъ были въ восторгѣ, что конституція установлена и король принялъ ее: это „выводило ихъ изъ затрудненія“, точно также какъ и Пруссію. Обыкновенно главнымъ двигателемъ всѣхъ предпринимаемыхъ государствами дѣйствій является политическій интересъ, а въ данномъ случаѣ обѣ державы нуждались во всѣхъ своихъ силахъ, чтобы воспользоваться ими въ другомъ мѣстѣ, въ Польшѣ, одна для ускоренія, а другая для замедленія раздѣла ея, а затѣмъ въ случаѣ неизбѣжности раздѣла для захвата большей доли въ свою пользу и для того, чтобы не позволить Россіи захватить слишкомъ много. Такимъ образомъ монархи Пруссіи и Австріи не помышляли еще ни объ освобожденіи Людовика XVI, ни о возвращеніи эмигрантовъ, ни о завоеваніи французскихъ провинцій и если были основанія подозрѣвать, что ихъ личныя чувства носятъ враждебный характеръ, то все же нельзя было ожидать вооруженнаго вмѣшательства съ ихъ стороны. А со стороны Франціи разумѣется не король желалъ разрыва, онъ слишкомъ хорошо зналъ, что всѣ случайности войны смертельной опасностью падутъ на его голову и головы близкихъ ему людей. Пишетъ ли онъ тайно или открыто эмигрантамъ, имъ всегда руководитъ желаніе вернуть ихъ, или же удержать отъ чего-либо неблагоразумнаго. Въ своей личной перепискѣ онъ требуетъ отъ державъ не физической помощи, но нравственной поддержки, внѣшней опоры въ видѣ конгресса, который бы далъ возможность всѣмъ умѣреннымъ людямъ, всѣмъ сторонникамъ порядка и собственникамъ облегченно вздохнуть и сплотиться вокругъ трона и законовъ для борьбы съ анархіей. Въ своей перепискѣ черезъ министровъ онъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы самому не забросить и другихъ не допустить заронить искру въ порохъ. Въ минуту критическаго рѣшенія онъ при посредствѣ органа г. де-Лессара, своего министра иностранныхъ дѣлъ, умоляетъ депутатовъ обдумывать свои слова и главное не предъявлять „срочныхъ“ требованій. Онъ противится до конца насколько у него хватаетъ для этого силы воли. Когда наконецъ онъ былъ вынужденъ объявить войну, онъ предварительно потребовалъ, чтобы министры письменно изложили свои мнѣнія, скрѣпивъ ихъ подписями и роковыя слова онъ произнесъ лишь вынужденный къ тому крайностью „со слезами на глазахъ“, по настоянію собранія, которое отослало де-Лессара въ Орлеанъ, обвинивъ его передъ высшимъ судилищемъ въ государственномъ преступленіи и объявило, что считаетъ всякую задержку въ этомъ дѣлѣ измѣной.

Такъ что собственно Законодательное Собраніе бросило въ клокочущую пучину невѣдомаго моря безпомощное судно, безъ мачтъ и руля, протекающее со всѣхъ сторонъ; оно само разру-

было канать удерживавшій его въ гавани, который иностранныя державы не рѣшались и не хотѣли разрѣзать. На этотъ разъ снова жирондисты взяли на себя роль руководителей и держали въ рукахъ топоръ: они схватили его еще въ концѣ октября и продолжали усердно рубить имъ. Въ видѣ исключенія крайніе якобинцы, Кутонъ, Колло д'Эрбуа, Дантонъ, Робеспьеръ не сочувствуютъ имъ; Робеспьеръ прежде предлагавшій заключить императора „въ кругъ Попилія“, боится предоставить королю слишкомъ много власти, не довѣряетъ ему и проповѣдуетъ недоувѣрие. Но вся огромная масса партіи, своимъ крикливымъ мнѣніемъ поддерживаетъ и подталкиваетъ выступающихъ впереди смѣльчаковъ. Изъ всего того, что необходимо знать, чтобы успѣшно вести такое тонкое и сложное дѣло, они положительно ничего не знаютъ: они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія ни о кабинетахъ, ни о дворахъ, ни о народахъ, ни о трактатахъ, ни о предыдущихъ примѣрахъ, ни объ общепринятыхъ формахъ, ни объ обязательномъ слогѣ. Ихъ руководителемъ и совѣтникомъ, за неимѣніемъ лучшаго, является Бриссо, первенство котораго зиждется на ихъ невѣжествѣ; возведенный въ государственные мужи, онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ становится самымъ выдающимся въ Европѣ лицомъ ¹⁾. Насколько возможно считать одного человѣка отвѣтственнымъ за общеевропейское бѣдствіе, настолько въ данномъ случаѣ вся отвѣтственность должна пасть на него. Жалкій бѣднякъ, рожденный въ пирожной лавкѣ, воспитанный въ конторѣ стряпчачаго, бывшій полицейскій агентъ на жалованьи въ 150 франковъ въ мѣсяць, бывшій соучастникъ торговцевъ клеветою и поставщиковъ шантажей, авантюристъ пера, смутьянинъ и полузнайка, онъ съ своими поверхностными познаніями кочевника, съ своими отрывочными свѣдѣніями газетчика, съ своей начитанностью, вынесенной изъ кабинетовъ для чтенія, съ своей пачкотней посредственнаго писаки, съ своими декламациями клубиста рѣшаетъ судьбы Франціи и навлекаетъ на Европу войну, унесшую шесть милліоновъ жизней. Изъ глубины своего чердака, гдѣ его жена собственноручно стираетъ его сорочки, онъ свободно бранитъ монарховъ и для начала, 20 октября, съ трибуны бросаетъ оскорбленія въ лицо тридцати повелителямъ иностранныхъ государствъ. Утонченное и субъективное наслажденіе, составляющее повседневную пищу новаго фанатизма, которымъ даже г-жа Роланъ съ видимымъ удовольствіемъ упивается въ своихъ двухъ знаменитыхъ письмахъ къ королю и папѣ, наполненныхъ высококомѣрными наставленіями. Въ сущности Бриссо считаетъ себя вторымъ Людовикомъ XIV и постоянно совѣтуетъ якобинцамъ подражать дерзости этого великаго монарха. Къ неловкости профана, и щепетильности выскочки присоединяется еще непреклонность сектанта. Во имя отвлеченнаго права якобинцы отрицаютъ историческое право, свысока и насильно они навязываютъ истину, апостолами которой они являются и позволяютъ себѣ пріемы так-

¹⁾ Слова шведскаго короля Густава III убитаго Аккерстремомъ: „Я бы хотѣлъ знать, что на это скажетъ Бриссо“.

тики, которыя они не разрѣшаютъ другимъ. „Скажемъ Европѣ—воскликаетъ Изнаръ—что десять тысячъ французовъ вооруженныхъ мечомъ, перомъ, разсудкомъ и краснорѣчіемъ въ состояніи, если ихъ раздражать,—измѣнить поверхность земнаго шара и привести въ трепетъ всѣхъ тирановъ на ихъ глиняныхъ тронахъ“. „Вездѣ гдѣ только существуетъ тронъ—добавляетъ Геро де-Сешель—у насъ имѣется личный врагъ“. „Немыслимо искреннее соглашеніе—говоритъ Бриссо—между тираніей и свободой.. Ваша конституція вѣчное проклятiе для всѣхъ самодержавныхъ монарховъ... Она судить, ихъ и произносить ихъ приговоръ, она словно говоритъ каждому изъ нихъ: будешь ли ты завтра королемъ или не будешь все это зависитъ отъ воли народа... Въ настоящее время война благодѣтельна для націи и единственное бѣдствіе, котораго мы можемъ опасаться, заключается въ томъ, что война можетъ не состояться“. „Скажите королю—говоритъ Жансонне—что война необходима, что общественное мнѣніе требуетъ ея, что спасеніе государства должно сдѣлать ее для него закономъ.—„Мы дошли—заключаетъ Верньо,—до состоянія полнѣйшаго разрушенія, которое можетъ довести насъ лишь до позора и смерти. Къ оружію, къ оружію! Граждане, свободные люди, защищайте вашу свободу, упрочьте надежду на нее для всего человѣчества... Пользуйтесь преимуществомъ вашего положенія; вступайте въ бой, ибо все сулитъ вамъ блестящій успѣхъ. Мнѣ кажется, словно я вижу витающія въ этомъ храмѣ тѣни прошлыхъ поколѣній, которыя слетѣлись, чтобы умолять васъ во имя всѣхъ перенесенныхъ ими бѣдствій рабства оградить отъ нихъ грядущія поколѣнія, судьба которыхъ въ вашихъ рукахъ. Выслушайте ихъ моленія, будьте отнынѣ новымъ Провидѣніемъ, слейтесь съ вѣчною справедливостію“. Среди этихъ ораторскихъ Марсельезъ не было мѣста для серьезныхъ разсужденій. На запросъ императора относительно владѣній нѣмецкихъ князей въ Эльзасѣ, Бриссо отвѣчалъ: что „владычество народовъ не могутъ связать трактаты тирановъ“. Что же касается сборищъ эмигрантовъ, то разъ императоръ уступилъ въ этомъ случаѣ, онъ по всей вѣроятности и во всемъ остальномъ пойдетъ на уступки. Пусть онъ официально отречется отъ союза противъ Франціи. „Я хочу—говоритъ Бриссо—чтобы война началась съ 10 февраля, если до этого срока мы не получимъ требуемаго отреченія: никакихъ объясненій; мы требуемъ лишь удовлетворенія и „этимъ требованіемъ мы подчиняемъ императора нашему произволу“. Собраніе такъ жаждетъ разрыва, что присваиваетъ себѣ принадлежащую королю инициативу и составляетъ въ формѣ декрета требованіе съ точно обозначеннымъ срокомъ. Съ этой минуты кости брошены: „Они хотятъ войны—сказалъ императоръ—и они ея дождутся“. Тогда Австрія вступила въ союзъ съ Пруссіей, такъ какъ и ей угрожала революціонная пропаганда. Не переставая бить въ набатъ, якобинцы, хозяева Собранія, добились заключенія этого „чудовищнаго союза“ и теперь ихъ набатъ съ каждымъ днемъ звучитъ все громче и громче. Благодаря такой политикѣ, не позже какъ черезъ годъ вся Европа станетъ врагомъ Франціи, а един-

ственнымъ ея другомъ останется Алжирское регентство, внутренней строй котораго очень схожъ съ ея строемъ.

IV.

Сезовъ всё ихъ зажигательныя рѣчи проглядываетъ расчетъ, въ которомъ они впоследствии сами сознаются.—„Намъ всегда противопоставляли Конституціи—сказалъ Бриссо,—а она могла пасть только подъ ударами войны“.—Такимъ образомъ всё выставляемые ими на видъ политическія претензіи были для нихъ лишь предлогомъ; если они пытались вызвать войну, то только затѣмъ, чтобы низвергнуть стѣснявшій ихъ законный порядокъ; ихъ настоящая цѣль—захватъ власти, вторичная внутренняя революція, примѣненіе ихъ системы, окончательная нивелировка. За ними скрывался одинъ изъ самыхъ дипломатичныхъ и самыхъ самостоятельныхъ теоретиковъ, человекъ „умѣвшій стремиться къ своей цѣли, не показывая и вида, что онъ къ этому стремится, подготовлявшій другихъ къ видамъ на будущее, о чемъ они не догадывались, мало говорившій публично и тайнѣ обдѣлывавшій дѣла“. Это онъ Сіейзъ „который всёмъ руководить, дѣлая видъ какъ будто онъ ни во что не вмѣшивается“. Также пристрастно какъ и Руссо относящійся къ своимъ умозрительнымъ заключеніямъ и притомъ такой же неразборчивый и прозорливый въ выборѣ средствъ борьбы, какъ Макіавели онъ былъ и будетъ въ рѣшительныя минуты совѣтчикомъ и руководителемъ радикальной демократіи. „Его гордость не терпитъ ничего выше его стоящаго: онъ уничтожилъ дворянство, потому что самъ не принадлежалъ къ дворянству, у него нѣтъ ничего, поэтому онъ разрушаетъ все. Согласно его основной доктринѣ, для упроченія революціи необходимо перемѣнить религію и династію“.

Но если бы миръ продлился, все это стало бы невозможнымъ и что хуже всего вліяніе партіи пошатнулось бы. Цѣлые классы, слѣдовавшіе за ней, когда она руководила возмущеніями противъ привелегированныхъ лицъ, отдѣлились теперь отъ нея, когда она стала возбуждать бунты противъ нихъ самихъ и большинство здравомыслящихъ и обладающихъ собственностью людей, почувствовавъ отвращеніе къ анархіи, перенесли его и на руководителей ея. Множество администраторовъ, чиновниковъ и выборныхъ должностныхъ лицъ громко жаловались, что власть ихъ находится подъ контролемъ черни. А громадное число земледѣльцевъ, промышленниковъ и торговцевъ потихоньку сѣтовали, что плоды ихъ трудовъ и ихъ сбереженій почти всецѣло переходили въ руки неимущихъ и воровъ. Тяжело было мучнымъ торговцамъ въ Этампѣ, вынужденнымъ лишь ночью отправлять транспорты муки и ночью же принимать покупателей, дрожать отъ страха въ собственныхъ домахъ и не смѣть отлучиться изъ нихъ ни на шагъ, чтобы не подвергнуть свою жизнь еще большому риску. Тяжело было крупнымъ парижскимъ торговцамъ колониальными товарами глядѣть, какъ врывались въ ихъ магазины, били стекла въ окнахъ, невѣроятно дешево расцѣнивали

тюки кофе и сахарныя головы и дѣлили ихъ между мегерами, которые затѣмъ уносили ихъ по домамъ, или видѣть какъ какіе то негодяи нагло грабили товаръ, чтобы потомъ перепродать его на другомъ концѣ улицы. Тяжело было старымъ буржуазнымъ семьямъ, старинной знати всѣхъ городовъ и деревень. выдающимся людямъ въ своемъ искусствѣ, своей профессіи или своемъ ремеслѣ, всѣмъ обеспеченнымъ и почтеннымъ людямъ, словомъ, большинству тѣхъ, у кого была прочная крыша надъ головой и приличное платье на спинѣ переносить незаконное господство плембса, руководимаго сотнею или дюжиною краснобаевъ и затѣйщиковъ.

Уже въ началѣ 1792 года недовольство было такъ очевидно, что противъ него ополчались съ трибунъ и въ прессѣ. Изнаръ металъ грома и молніи противъ „этой массы крупныхъ землевладѣльцевъ, богатыхъ купцовъ, людей живущихъ въ довольствѣ и роскоши, которые, удобно устроившись въ амфитеатрѣ общественныхъ положеній, ни съ кѣмъ не желаютъ мѣняться мѣстами“.—„Буржуазія—писалъ Петіонъ, этотъ многочисленный и обеспеченный классъ, порвала связь съ народомъ; она ставитъ себя выше его... и относится къ нему съ недовѣріемъ. Ее повсюду преслѣдуетъ одна идея: что теперь революція стала войною имущихъ съ неимущими“.—Дѣйствительно она стала воздерживаться отъ участія въ выборахъ, она отказывалась посѣщать патриотическія общества, она требовала восстановленія порядка и царствованія закона; она собирала вокругъ себя „множество умѣренныхъ и робкихъ людей, для которыхъ спокойствіе является насущною потребностью“ и затѣмъ, что важнѣе всего, она считала отвѣтственными за всѣ безпорядки, тѣхъ кто подстрекалъ къ нимъ.

Съ сдержаннымъ негодованіемъ, вооружившись неопровержимыми доказательствами, изъ безмолвной толпы выступаетъ человекъ съ сердцемъ, Андрей Шенье и на глазахъ у всѣхъ срываетъ съ якобинцевъ маску. Онъ разъясняетъ смыслъ того на каждомъ шагу встрѣчавшагося софизма, согласно которому великое собраніе, „нѣсколько сотенъ праздныхъ людей, собравшихся въ какомъ-нибудь саду или другомъ общественномъ мѣстѣ нагло величались народомъ“. Онъ рисовалъ эти „двѣ или три тысячи узурпаторовъ народной власти одурманиваемыхъ ежедневно своими ораторами и писателями болѣе грубымъ энміамомъ, чѣмъ лесть, расточаемая худшимъ изъ тирановъ“, эти собранія, на которыхъ „совершенно ничтожное число французовъ кажется внушительнымъ только потому, что всѣ они собрались вмѣстѣ и кричатъ“; этотъ парижскій клубъ, изъ котораго одинъ за другимъ удалились всѣ трудящіеся и честные люди, уступаая мѣсто погрязшимъ въ долгахъ интриганамъ, опозорившимъ себя людамъ, лицемерамъ патриотизма, любителямъ шума, недоразвившимся талантамъ, взбалмошнымъ головамъ, неудачникамъ всѣхъ разрядовъ и видовъ, которые не сумѣвъ справиться съ собственными дѣлами вознаграждаютъ себя тѣмъ, что вмѣшиваются въ общественныя дѣла. Онъ указывалъ, что вокругъ цен-

тральной фабрики мятежей группировалось тысяча двѣсти вспомогательныхъ, тысяча двѣсти подчиненныхъ обществъ, „которые взявшись за руки образовали вокругъ Франціи родъ электрической цѣпи и потрясаютъ ея при каждомъ толчокѣ, исходящемъ изъ центра; ихъ союзъ утвердился и воцарился не только, какъ государство въ государствѣ, но какъ владѣтельное государство въ вассальномъ; административныя власти призываются ими къ отвѣту, приговоры судовъ отмѣняются, благодаря ихъ вмѣшательству, частныя лица подвергаются обыскамъ, штрафамъ, арестамъ но ихъ усмотрѣнію; неповиновеніе и возмущеніе систематически и постоянно восхваляются; „торговля и промышленность подъ именемъ захвата и монополіи причисляются къ преступленіямъ“; право собственности поколеблено, всѣ богатые люди считаются подозрительными, „на честность и таланты наложена печать молчанія“; другими словами, устроенъ открытый заговоръ противъ общества во имя самого общества, и „священный образъ свободы употребляется для скрѣпленія безнаказанности нѣсколькихъ тирановъ.

Подобный протестъ лишь выражалъ во всеуслышаніе, то что большинство французовъ шептало потихоньку, а усиливающіяся съ каждымъ мѣсяцемъ насилія вызывали все возростающій ропоть. „Анархія доведена тутъ до небывалыхъ размѣровъ—писаль посланникъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. И настолько велики ужасъ и отвращеніе, внушаемые революціонными обществами, что есть основаніе предполагать, что большинство французскаго населенія, готово бы было считать благодѣяніемъ даже деспотизмъ, если бы онъ былъ соединенъ съ безопасностью жизни и имущества, которая имѣется вездѣ въ Европѣ даже при самомъ худшемъ государственномъ строѣ“.— „Мнѣ наглядно доказали—говорить другой, не менѣ заслуживающій довѣрія очевидецъ—что Людовикъ XVI въ моментъ окончательнаго паденія имѣлъ несравненно больше приверженцевъ во Франціи, чѣмъ годъ тому назадъ, когда онъ бѣжалъ въ Вареннъ“.—И дѣйствительно онъ убѣдился въ этой истинѣ посредствомъ неоднократныхъ опросовъ, сдѣланныхъ въ концѣ 1791 г. и 1792 году. „18.000 офицеровъ всѣхъ ранговъ, назначенныхъ конституціоннымъ правительствомъ, на 82 департамента, 71 административныхъ правленій, большинство судовъ, купцы, фабриканты, всѣ начальники и большая часть національной гвардіи въ Парижѣ“, словомъ, лучшая часть націи и среди гражданъ громадное большинство такихъ, которые не живутъ изо дня въ день были за него и за правую сторону Собранія противъ лѣвой. Если бы внутреннія волненія не осложнились опасностью извнѣ, произошелъ бы переворотъ въ общественномъ мнѣніи и король на это рассчитывалъ. Принимая Конституцію, онъ былъ убѣжденъ, что практика раскроетъ недостатки ея и вызоветъ реформу. Между тѣмъ онъ добросовѣстно придерживался буквы ея и настолько же изъ честности, насколько изъ расчета не преступалъ данной клятвы. „Самое точное исполненіе Конституціи—говорилъ онъ одному изъ своихъ министровъ—является вѣрнѣйшимъ

средствомъ обратить вниманіе націи на недочеты ея, которые слѣдовало бы исправить".—Другими словами онъ рассчитывалъ на опытъ и почему знать, если бы внѣшнія обстоятельства не помѣшали произвести этотъ опытъ, быть можетъ его расчетъ оказался бы вѣрнымъ. Нація въ концѣ концовъ вынуждена была бы сдѣлать выборъ между защитниками порядка и подстрекателями къ беспорядку и она высказалась бы за магистратуру противъ клубовъ, за жандармерию противъ бунтовъ, за короля противъ черни. Черезъ годъ или два она поняла бы, что для обезпеченія исполненія законовъ необходимо было возстановить исполнительную власть и что жандармъ со связанными руками не могъ исполнять своихъ обязанностей, а также, что если представлялась надобность въ его помощи противъ негодяевъ и безумцевъ слѣдовало предварительно развязать ему руки.

V.

Но съ возникновеніемъ войны положеніе вещей мѣняется и получается совсѣмъ иная альтернатива. Тутъ ужъ приходилось выбирать не между порядкомъ и беспорядкомъ, а между старымъ и новымъ режимомъ, ибо велѣдъ за иностранцами на границѣ показались эмигранты. Потрясеніе было ужасно, въ особенности среди того глубокаго слоя, который прежде несъ исключительно на своихъ плечахъ тяжелое бремя стараго зданія, среди миллионовъ людей кормившихся трудами рукъ своихъ, среди ремесленниковъ, мелкихъ землевладѣльцевъ, мызниковъ, сельскихъ работниковъ, солдатъ, а также контрабандистовъ, тайныхъ продавцевъ соли, браконьеровъ, бродягъ, нищихъ и полуничихъ, всѣхъ обремененныхъ налогами, въ теченіе столѣтій обираемыхъ и притѣсняемыхъ, переносившихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе нищету, преслѣдованія и презрѣніе. Они по горькому опыту знаютъ какъ велика разниа между ихъ теперешнимъ положеніемъ и прежнимъ: Имъ достаточно было порыться въ памяти, чтобы воскресить въ своемъ воображеніи всю громадность королевскихъ, церковныхъ и помѣщичьихъ налоговъ, (81 проц. на 100 прямого налога), экзекуционныхъ сыщиковъ, конфискаціи и барщину; расправы таможенныхъ сборщиковъ, смотрителей надъ погребами и за охотой, опустошеніе дичи и голубятни, произволь сборщика и чиновника, медленность и пристрастіе судопроизводства, опрометчивость и грубость полиціи, удары метлами объѣздной команды, несчастныхъ, подбираемыхъ точно кучи грязи и нечистотъ, скученность, неряшливость, гниль и голодъ арестныхъ домовъ. Имъ достаточно открыть глаза, чтобы убѣдиться, какъ велика разниа между ихъ прежнимъ и теперешнимъ положеніемъ. Всѣ прямые и косвенные налоги отмѣнены закономъ или уничтожены на практикѣ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, пиво по два су кувшинъ, вино по шесть су пинта (4 бутылки), въ ихъ кладовыхъ голуби, на вертелѣ дичь, дрова изъ національныхъ лѣсовъ въ ихъ сараяхъ, жандармы стали робкими, полиціи нѣтъ, во многихъ мѣстахъ весь сборъ хлѣба принадлежитъ имъ, потому что помѣщики не смѣютъ требовать своей части, судьи избѣгаютъ

осуждать ихъ, судебные пристава отказываются преслѣдовать, всѣ привилегіи возстановлены въ ихъ пользу, общественныя власти покоряются во всемъ ихъ сборищамъ, уступаютъ ихъ требованіямъ, снисходительно относятся къ ихъ проступкамъ, имъ дозволяются и прощаются всѣ противозаконія, ихъ великій разумъ и великое сердце восхваляются на тысячу ладовъ всевозможными ораторами, камзолъ и блуза становятся эмблемами патріотизма, первенство въ государствѣ уступается санъ-кюлотамъ во имя ихъ заслугъ и ихъ добродѣтели.—И вдругъ имъ объявляютъ, что все это будетъ уничтожено: заключенъ союзъ иностранныхъ королей, эмигранты взяли за оружіе, имъ грозитъ нашествіе несмѣтныхъ кроатовъ и пандуровъ, дикихъ ордъ наемниковъ и варваровъ, высланныхъ противъ нихъ, чтобы заковать ихъ въ старыя цѣли!—Грозный гнѣвъ прокатывается изъ мастерскихъ въ хижины и въ звукахъ національныхъ пѣсень разоблачаетъ заговоры тирановъ, призывая народъ къ оружію. Это второй грозно вздымающійся и рокошующій валъ революціи, онъ менѣе широкъ, чѣмъ первый, потому что несетъ на своемъ хребтѣ лишь пролетаріатъ, но за то онъ много выше и разрушительнѣе перваго.

Дѣйствительно подымавшаяся масса не только очень груба, но она еще ввинчена новымъ чувствомъ, сила котораго неизмѣрима, гордостью плебея, подчиненнаго, бѣдняка, вдругъ освободившагося отъ вѣковаго рабства и притѣсненія и вкусившаго сверхъ ожиданія и выше всякой мѣры наслажденіе равенствомъ, независимостью и властью. „Пятнадцать милліоновъ бѣлыхъ негровъ—вишеть Малле-дю-Панъ—хуже питавшіеся и болѣе несчастные, чѣмъ Санъ-Домингскіе, какъ они, возставшіе и благодаря возстанію освободившіеся отъ всѣхъ властей, какъ, они привыкшіе за тридцать мѣсяцевъ своеволю властвовать надъ уцѣлѣвшими изъ ихъ прежнихъ повелителей, какъ они, гордящіеся своею реабилитированной кастой и своими мозолистыми руками: можете-ли вы себѣ представить ихъ ярость при звукѣ трубы, пробуждающей ихъ, чтобы показать имъ на горизонтѣ возвращающихся плантаторовъ съ новыми бичами и еще болѣе тяжелыми ярмами.

Нѣтъ ничего болѣе располагающаго къ подозрительности какъ такое чувство въ подобныхъ душахъ; ничего легче воспламеняющагося, болѣе склоннаго къ кулачной расправѣ и другимъ насиліямъ, ничего такъ слѣпо довѣрчиваго, такъ легко и сильно возбуждающагося не только противъ своихъ настоящихъ внѣшнихъ враговъ, но еще и даже болѣе того противъ мнимыхъ внутреннихъ; король, министры, дворяне, священники, члены парламента, вѣрныя католики, администраторы и чиновники, имѣющіе неосторожность ссылаться на законъ, промышленники, купцы и помѣшники, осуждающіе безпорядокъ, богатые мѣщане, предпочитающіе эгоистично сидѣть дома, всѣ обезпеченные, вѣжливые, хорошо одѣтые люди—всѣ они подозрительны, потому что много потеряли при новомъ режимѣ или же не умѣютъ приспособиться къ нему.—Таково колоссальное животное, выпущенное на политическую арену жирондистами, въ теченіе шести мѣсяцевъ они машутъ передъ его глазами красными знаменами, они его колятъ,

раздражаютъ, хлещутъ ударами своихъ декретовъ и прокламацій противъ ихъ противниковъ и стражей послѣднихъ, противъ дворянства и духовенства, противъ внутреннихъ аристократовъ—союзниковъ кобленцкихъ, противъ „австрійскаго комитета“, союзника Австріи, противъ короля, благоразуміе котораго они именуютъ измѣной, противъ всего правительства, которое они упрекаютъ въ вызванной ими же самими анархіи и въ возбужденной ими войнѣ.

Такимъ образомъ настроенный и подготовленный плебсъ ждалъ лишь условнаго знака и оружія, чтобы приняться за дѣло; но вскорѣ его снабдили оружіемъ и подали условленный знакъ. По странному стеченію обстоятельствъ, указывающему на существованіе заранѣе составленнаго плана, они однимъ толчкомъ одновременно привели въ движеніе три политическія машины. Какъ разъ въ то время, когда благодаря ихъ преднамѣренному самохвальству, война стала неизбежной, они нарядились въ народную ливрею и вооружили всѣхъ бѣдняковъ. Почти на той же недѣлѣ, въ концѣ января 1792 года они объявили Австріи свой ультиматумъ, точно обозначивъ срокъ отвѣта, вырядились въ колпакъ изъ красной шерсти и стали изготовлять пики.—Разумѣется, въ чистомъ полѣ, противъ регулярной арміи и пушекъ, пики эти не годятся, такъ что видно они предназначены для иной работы внутри страны и въ городахъ. Пускай зажиточный національный гвардеецъ, на собственные деньги покупающій аммуницію, пускай правоспособный гражданинъ, привилегированный благодаря своимъ тремъ франкамъ прямой контрибуціи имѣютъ ружья; портовой рабочій, рыночный носильщикъ, подмастерье, живущій въ меблированныхъ комнатахъ, неправоподобный гражданинъ, лишенный вслѣдствіе своей бѣдности права голосованія, вооружается пикой, а въ эти тревожныя времена никакой избирательный бюллетень не можетъ сравняться съ хорошей пикой, направленной голыми руками.—Теперь начальство можетъ, опоясавшись шарфомъ, сколько ему угодно предъявлять требованія, ему заткнуть ими глотку, а во избѣжаніе недоразумѣній заранѣе предупреждаютъ его объ этомъ. „Пики начали революцію; пики же доведутъ ее до конца“. „Ахъ—воскликали завсегдатаи тюльерійскаго сада—если бы у доблестныхъ патриотовъ съ Марсова поля были такія пики голубые мундиры (гвардія Лафайета) не одержали бы побѣды“.— „Ихъ понесутъ всюду, гдѣ только имѣются враги народа, даже во дворецъ, если это понадобится“. Онѣ заставятъ пасть veto и помогутъ провести благіе декреты національнаго собранія. По этому случаю Сентъ-Антуанское предмѣстье предлагаетъ свои пики и что-бы точнѣе опредѣлить ихъ назначеніе, оно жалуется, что „стараются замѣнить аристократіей богатства привилегію рожденія;“ оно требуетъ „суровыхъ мѣръ противъ лицемѣрныхъ злодѣевъ, которые съ конституціей въ рукахъ пытаются задушить народъ;“ оно объявляетъ, что „короли, министры, гражданскій списокъ исчезнутъ со временемъ съ лица земли, но права челоуѣка, господство народа и пики будутъ существовать вѣчно“, а національное собраніе, при посредствѣ органа своего председа-

теля, благодарить просителей „за совѣты продиктованные имъ усердіемъ“.—Руководители собранія и вооруженная пиками чернь заключаютъ союзъ противъ богачей, противъ защитниковъ конституціи, противъ правительства, теперь на ряду съ жирондистами выступаютъ крайніе якобинцы, тѣ и другіе, помирившіеся для нападенія, съ тѣмъ, чтобы послѣ побѣды разойтись въ разныя стороны. „Планъ жирондистовъ—создать республику не только по имени, но настоящую республику, сокративъ гражданскій списокъ до пяти милліоновъ, отнявъ большинство оставленныхъ королю атрибутовъ, смѣнивъ династію, новый глава которой будетъ лишь почетнымъ президентомъ республики и учредивъ исполнительный совѣтъ, избираемый собраніемъ, т. е. ими самими“. Что же касается крайнихъ якобинцевъ, то у нихъ не найти другого принципа „кромѣ неумѣренного и суроваго примѣненія правъ человѣка“. Съ помощью этой хартіи они надѣются каждые полгода смѣнять законы и государственныхъ чиновниковъ; распространить свою нивеллировку на всѣ законныя власти, на всѣ предоставляемые закономъ преимущества, на всякую собственность. Единственнымъ желаннымъ для нихъ родомъ правленія является демократія разсуждающей сволочи... Самые гнусные дѣятели, смутьяны по профессіи, разбойники, фанатики, злодѣи въсѣхъ категорій, гордые и вооруженные бѣдняки, шествующіе знаменной линіей“ на приступы собственности и „всемирнаго кошелька“, словомъ, *есть варвары городовъ и деревень*, „вотъ ихъ общая армія, которую они ни на одинъ день не оставляютъ въ бездѣйствіи“. Они посредствомъ обдуманыхъ, дружныхъ и энергичныхъ дѣйствій выхватываютъ самую сущность власти изъ рукъ ея законныхъ представителей, которые постепенно превращаются въ бессмысленныхъ манекеновъ, а партія еще задолго до окончательнаго крушенія вездѣ въ Парижѣ и въ провинціи во имя общественныхъ опасностей смѣняетъ законное правленіе, правленіемъ грубой силы.

Глава IV.

Департаменты. I. Примѣръ. Провансъ въ 1792 г.—Скороспѣлое господство якобинцевъ въ Марселѣ.—Составъ партіи.—Клубъ и муниципалитетъ.—Изгнаніе полка Эрнеста.—II. Походъ изъ Марселя въ Эксъ.—Обезоруженный полкъ.—Изгнанная директорія.—Давленіе, оказываемое на новую директорію.—III. Арльскіе конституціоналисты.—Походъ марсельцевъ въ Арль.—Производимыя ими въ городѣ и окрестностяхъ насилія.—Набѣгъ на Аптѣ, клубъ и его волонтеры.—IV. Авиньонскіе якобинцы.—Какъ вербовалась ихъ армія.—Ихъ разбой въ графствѣ.—Авиньонскій муниципалитетъ, частью спасается бѣгствомъ, частью попадаетъ въ тюрьму.—Убіиство Лекской и рѣзня на Глясье рѣ.— Возвращеніе убійцъ въ сопровожденіи ихъ сообщниковъ марсельцевъ.—Диктатура якобинцевъ въ Воклюзѣ и въ Устьяхъ Роны.—V. Другіе департаменты.—Однообразіе пріемовъ ведущихъ якобинцевъ къ побѣдѣ.—Преждевременное образованіе якобинскаго государства.

I.

Если-бы кто пожелалъ посмотрѣть на полный расплывъ революціоннаго дерева, то ему слѣдовало-бы кинуть взглядъ на то, что происходило въ департаментѣ Устье-Роны: нигдѣ его рас-

цвѣтъ не былъ такъ скороспѣлъ; нигдѣ мѣстныя условія и температура жителей не оказывали такого сильнаго вліянія на ростъ его.—„Знойное небо, жаркій климатъ, безводныя степи, скалы... бурляція рѣки, потоки, то еле замѣтные, то выступающіе изъ береговъ, ослѣпляющая пыль, возбужденные нервы, благодаря постоянному дуновенію мистрала и перемежающимся порывамъ сирокко; раса чувственная, цылкая и жестокая, не обладающая ни умственнымъ, ни нравственнымъ балластомъ, въ которой смѣсь галла и латинца уничтожила природное добродушіе кельта и глубокою серьезностью римлянина: „люди способные, сильные, суровые, безпокойные, а однако легкомысленные, врали, краснобаи, увлекающіеся собственнымъ фразерствомъ, одурманивающіе себя неистовыми деклараціями и напускнымъ энтузіазмомъ, уносящими ихъ въ область несбыточныхъ грезъ; ихъ главнымъ городомъ является торговый приморскій портъ, насчитывающій сто двадцать тысячъ жителей; процвѣтающія тамъ торговля и мореплаваніе, давая возможность быстро разбогатѣть, развиваютъ духъ предпримчивости и стремленіе къ новшествамъ, а ежедневныя примѣры сразу приобрѣтаемыхъ крупныхъ состояній, которые тотчасъ же расточаются на грубыя удовольствія, нарушаютъ равновѣсіе характера; политика тамъ, точно также какъ и торговля спекуляціи, является лотереей, сулящей смѣльчакамъ выигрышные билеты; благодаря порто-франко, городъ становится мѣстомъ свиданій для всѣхъ кочующихъ контрабандистовъ, для всѣхъ бродягъ, всѣхъ находящихся внѣ закона, для всѣхъ людей безъ опредѣленныхъ занятій, для всѣхъ мошенниковъ и проходцевъ, которые какъ вырванные съ корнемъ и гниющія водоросли плаваютъ по всей поверхности Средиземнаго моря, перебрасываемые съ одного берега на другой; это настоящій трюмъ, куда сбрасываются отбросы двадцати испорченныхъ и полуварварскихъ цивилизацій, гдѣ накаплиется и бродитъ „пѣна преступленій, изрыгнутыхъ изъ тюремъ Генуи, Пьемонта, Сициліи, всей Италіи, наконецъ Испаніи, Архипелага и Берберіи“. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ такомъ городѣ раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ упрочилось владычество черни.

Послѣ многочисленныхъ взрывовъ оно окончательно упрочилось 17 августа 1790 года, благодаря отставкѣ г. Лъето, второго Лафайета, буржуазнаго и умѣреннаго, командовавшаго національной гвардіей. Вокругъ него группировалось большинство населенія, „всѣ честные люди или такіе, кому было что терять“. Но какъ только его удалили съ мѣста, а затѣмъ изгнали и заключили въ тюрьму, всѣ они разсѣялись и Марсель перешелъ въ руки плебса, сорока тысячъ бѣдняковъ и авантюристовъ, руководимыхъ клубомъ.

Что-бы вѣрнѣе упрочить ихъ господство, черезъ мѣсяць послѣ изгнанія Лъето, муниципалитетъ призналъ правоспособнымъ гражданиномъ каждого имѣющаго какое-либо ремесло и професію. Послѣдствіемъ этого явилось то, что вопреки конституціонному закону, разные оборванцы стали посѣщать Собранія. За то всѣ помѣщики и купцы наоборотъ перестали являться на нихъ

и хорошо дѣлали, потому что обычный механизмъ демагогіи вскорѣ былъ пущенъ въ ходъ.—Собранія отдѣловъ состоятъ обыкновенно изъ дюжины бунтовщиковъ, членовъ клуба, которые палками и штыками изгоняютъ честныхъ людей. Рѣшенія заранѣе подготовлялись въ клубахъ съ согласія муниципалитета и горе тому, кто осмѣлился бы на собраніяхъ противиться имъ! Дошли до того, что угрожали нѣсколькимъ гражданамъ пытавшимся сдѣлать кой-какія возраженія, что ихъ тотчасъ живьемъ закопаютъ въ церковныхъ склепахъ“. Подобный аргументъ оказался неотразимымъ: „Теперь самый честный и самый многочисленный классъ, до того запуганъ“, что никто изъ притѣсненныхъ не рѣшится показаться на собраніяхъ, если они не будутъ охраняться общественной силой. „Болѣе восьмидесяти тысячъ жителей не въ состояніи спокойно уснуть“, а всѣ политическія права принадлежатъ лишь „пяти или шестистамъ лицамъ“, лишеннымъ ихъ по закону, за ними слѣдуетъ „вооруженная сволочь“, орда разбойниковъ, всегда готовая грабить, рѣзать и вѣшать. А впереди выступаютъ мѣстныя власти, выбранныя, благодаря вліянію и управляющіе подъ ихъ руководствомъ. Патроны и кліенты, члены и тѣлохранители клуба, они образуютъ союзъ, который держитъ себя точно самостоятельное государство и едва лишь на словахъ признаетъ авторитетъ центрального правленія. Онъ называетъ „народоубійствомъ“ декретъ вручающей Коммиссарамъ полномочія для восстановления порядка, а этихъ скромныхъ и добросовѣстныхъ исполнителей именуетъ „диктаторами“; онъ ихъ открыто обличаетъ въ своихъ циркулярахъ рассылаемыхъ всѣмъ муниципалитетамъ департамента и всѣмъ яacobинскимъ обществамъ королевства. Въ клубѣ даже дѣлаютъ предложеніе отправиться въ Эксъ, отрубить имъ головы, сложить въ ящикъ и отправить въ Парижъ председателю Національнаго Собранія съ угрозой, что тоже возмездіе ждетъ его и всѣхъ депутатовъ, если они не отмѣнятъ своего недавняго декрета. Черезъ нѣсколько дней четыре отдѣленія составляютъ актъ, скрѣпивъ его свидѣтельствомъ нотариуса, относительно рѣшенія отправить въ Эксъ армию, состоящую изъ шести тысячъ марсельцевъ, чтобы раздѣлаться съ тремя пришельцами. Въ Марсель комиссарамъ немислимо появиться: тамъ имъ „приготовлены уже висѣлицы и головы ихъ оцѣнены. Имъ съ трудомъ удастся вырвать изъ рукъ партіи Льео и его друзей, которыхъ безъ всякаго къ тому повода обвинили въ оскорбленіи, народнаго величества, арестовали и обращались съ ними хуже, чѣмъ съ бѣшеными собаками: закованные въ цѣпи, они содержались въ отхожихъ мѣстахъ, за неимѣніемъ воды пили собственную мочу и были доведены до такого отчаянья, что неоднократно покушались на самоубійство, разъ двадцать на допросахъ ихъ чуть не растерзала разъяренная толпа. Получивъ отъ Національнаго Собранія декретъ освободить ихъ, муниципалитетъ протестуетъ, откладываетъ исполненіе, оспариваетъ полученное распоряженіе и въ концѣ концовъ пускаетъ въ ходъ свой обычный пріемъ. Какъ только заключенные вышли изъ тюрьмы, показалась толпа вооруженныхъ людей „безъ мундировъ и безъ предводителя“,

къ которой стали присоединяться „разные бродяги и иностранцы“, расположилась на холмахъ окружающихъ зданіе суда и вскинувъ ружья стала пѣлиться въ Льео. На требованіе примѣнить военный законъ муниципалитетъ отвѣчаетъ отказомъ: онъ заявляетъ, что „народная ненависть слишкомъ возбуждена противъ подсудимыхъ“; онъ требуетъ, что-бы швейцарскій полкъ удалился въ свои казармы, а заключенные остались въ тюрьмѣ; все, что онъ соглашается сдѣлать для нихъ, сводится къ разрѣшенію бѣжать тайкомъ переодѣтыми.

Но всеже швейцарскій полкъ помѣшавшій магистрату нарушить законъ долженъ быть наказанъ за свою дерзость и такъ какъ не удалось развратить его, то рѣшаются подвергнуть его изгнанію. Впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ муниципалитетъ досаждастъ ему всевозможными притѣсненіями, а 16 октября 1791 года якобинцы затѣваютъ въ театрѣ ссору съ его офицерами. Въ ту же ночь внѣ театра на четырехъ изъ нихъ напали вооруженныя банды, караульня, куда укрылись они, едва не была взята приступомъ; спасая ихъ отъ разъяренной толпы, ихъ увели въ тюрьму, ихъ держать тамъ въ теченіе пяти дней, хотя невинность ихъ была очевидна. Между тѣмъ для обезпеченія „общественнаго спокойствія“ муниципалитетъ потребовалъ отъ коменданта порта, что бы онъ немедленно замѣнилъ на всѣхъ постахъ швейцарцевъ національными гвардейцами, послѣдній уступаетъ силѣ и бесполезному, осыпаемому угрозами и оскорбленіями полку ничего не остается какъ удалиться.—Покончивъ съ этимъ, новый муниципалитетъ, еще ближе стоявшій къ якобинцамъ, чѣмъ прежній, отдѣляетъ Марсель отъ Франціи, превращаетъ городъ въ военную и грабительскую республику, снаряжаетъ экспедиціи, собираетъ подати, заключаетъ союзы и съ оружіемъ въ рукахъ предпринимаетъ завоеваніе всего департамента.

II.

Прежде всего онъ старается овладѣть столицей департамента, Эксомъ, въ которомъ находятся всѣ высшія власти и гарнизонъ котораго составляютъ швейцарцы. Это предпріятіе является тѣмъ болѣе необходимымъ, что директорія департамента громко восхваляетъ вѣрность швейцарскаго полка и позволяетъ себѣ напомнить марсельскому муниципалитету объ уваженіи къ закону. Подобное увѣщаніе является оскорбленіемъ и муниципалитетъ самымъ вызывающимъ тономъ требуетъ отъ директоріи подтвержденія или опроверженія своего письма: „Если вы не писали его, то это клевета и нашъ долгъ преслѣдовать ее; въ противномъ же случаѣ это вызовъ, который вы бросаете городу Марселю“. Въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ и съ большими оговорками директорія доказываетъ свое право и правоту своихъ словъ, она указываетъ на то, „что роспись податей за 1791 годъ еще не готова въ Марсель“, что муниципалитетъ тамъ больше занимается спасеніемъ отечества, чѣмъ уплатой своихъ повинностей, словомъ, она подтверждаетъ свое одобреніе. Разъ она не хочетъ покориться, то слѣдуетъ сломить ея упорство, поэтому 4 февраля 1792 года му-

муниципалитетъ посылаетъ въ Парижъ своего секретаря Барбару, чтобы онъ тамъ затушеваль какъ-нибудь предпринимаемыя имъ насилія. Въ ночь съ 25 на 26 бьютъ тревогу и три или четыре тысячи марсельцевъ съ шестью орудіями отправляются въ походъ на Эксъ. Изъ предосторожности они дѣлаютъ видъ, что у нихъ нѣтъ начальства, ни командировъ, ни капитановъ, ни лейтенантовъ, ни даже капраловъ; по ихъ словамъ — всѣ они равны, всѣ волонтеры по собственной волѣ собравшіеся; такимъ образомъ, отвѣтственность, падая на всѣхъ вообще, не падаетъ ни на кого въ частности. Въ одиннадцать часовъ утра они подходятъ къ Эксу, находятъ, благодаря своимъ сообщникамъ изъ простонародья и жителямъ предмѣстій, открытыя городскія ворота и требуютъ отъ муниципалитета передачи въ ихъ распоряженіе всѣхъ казармъ. Въ то же время ихъ эмиссары распространили въ сосѣднихъ общинахъ слухъ, что городу грозитъ опасность со стороны швейцарскаго полка, благодаря этому немедленно является четыреста человекъ изъ Обани, а затѣмъ съ каждымъ часомъ начинаютъ являться изъ окрестныхъ деревень все новые отряды національной гвардіи; улицы наполняются вооруженными людьми, раздаются крики, суматоха усиливается и среди всеобщей паники муниципалитетъ теряетъ голову. Онъ опасается ночного сраженія, „между регулярнымъ войскомъ, гражданами, національной гвардіей и вооруженными иностранцами, среди котораго трудно будетъ отличить своихъ отъ враговъ“. Онъ отсылаетъ отрядъ въ триста пятьдесятъ швейцарцевъ, присланный ему директоріей на помощь и приказываетъ полку оставаться на своихъ квартирахъ. Тогда директорія спасается бѣгствомъ; всѣ военныя гаутвахты обезоружены, и марсельцы, пользуются преимуществами своего положенія, являются въ два часа утра предупредить муниципалитетъ, „что разрѣшить ли онъ или нѣтъ“, они все равно намѣрены немедленно атаковать казармы. И дѣйствительно они направляютъ на нихъ пушки, производятъ нѣсколько выстрѣловъ, убиваютъ часоваго; окруженный со всѣхъ сторонъ полкъ прорывается сквозь ряды осаждающихъ и спасается бѣгствомъ, солдаты уходятъ изъ города безъ ружей, а офицеры безъ шпагъ. Тотчасъ же ихъ оружіе было разграблено, народъ сталъ задерживать подозрительныхъ лицъ и, спустивъ фонари, принялся ихъ вѣшать, такъ повѣсили цвѣточницу Кайоль. Съ большимъ трудомъ удалось муниципалитету спасти одного человека, уже приподнятаго на веревкѣ на два фута надъ землею, а для трехъ другихъ выхлопотать „временное убѣжище“ въ тюрьмѣ.

Отнынѣ нѣтъ больше никакихъ властей въ главномъ городѣ департамента или, вѣрнѣе, власть перешла изъ однѣхъ рукъ въ другія. На мѣсто бѣжавшей директоріи назначаютъ новую, болѣе стоворчивую. Изъ тридцати шести администраторовъ, составлявшихъ Совѣтъ, всего двѣнадцать явились на выборы. Изъ девяти избранныхъ лицъ только шесть согласились занять мѣста, а часто на засѣданія приходило всего лишь три человека и эти трое вынуждены были за плату подыскивать себѣ товарищей. И хотя они занимаютъ первое мѣсто въ департаментѣ, они несчастнѣе и без-

пристрастїе своихъ служителей. Усѣвшись рядомъ съ ними, делегаты отъ клубовъ и марсельскіе муниципальные чиновники заставляютъ ихъ молчать, а сами говорятъ и диктуютъ имъ рѣшенія. „У насъ связаны руки—пишетъ одинъ изъ нихъ—и мы окончательно подпали подъ иго этихъ пришельцевъ“. — „Ужъ дважды подъ рядъ къ намъ въ залу врывалась толпа, состоявшая болѣе, чѣмъ изъ трехъ сотъ человекъ, большинство которыхъ были вооружены ружьями со штыками и угрожала намъ смертью, если мы не исполнимъ ея требованій“. На нашихъ глазахъ иступленные фанатики, почти исключительно авиньонцы, вскакивали на столы директоріи, произносили горячія рѣчи, призывая товарищей къ мятежу и преступленію“. „Выбирайте между жизнью и смертью—кричали намъ,—мы вамъ даемъ всего четверть часа на размышленіе“. — „За окнами, которыя были открыты, вслѣдствіе нестерпимой жары, стояли національные гвардейцы, и предлагая свои сабли окружающимъ насъ людямъ, дѣлали знаки, чтобы они отрубили намъ головы“. Такимъ образомъ составленная, урѣзанная и руководимая директорія стала послушнымъ орудіемъ въ рукахъ марсельскихъ демагоговъ. Тамъ безконтрольно распоряжались худшіе изъ агитаторовъ и узурпаторовъ: Камознь, Бертенъ и Ребекки. Бертенъ и Ребекки были отправлены въ Арль требовать войска для собственной защиты, но вскорѣ они пожелали воспользоваться имъ для нападенія, тщетно директорія увѣщевала ихъ, они ей отвѣчали, что „она не имѣетъ надъ ними никакой власти и не въ правѣ контролировать ихъ, ибо они совершенно независимы и никому не обязаны давать отчета въ своихъ поступкахъ“. „Тѣмъ хуже для нея, если она вздумаетъ оспаривать у нихъ власть: Бертенъ даже заявляетъ вице-предсѣдателю, что въ случаѣ подобнаго посягательства они ему отрубятъ голову. На замѣчанія министра они отвѣчаютъ съ поразительной наглостью; они гордятся своимъ поступкомъ и готовятся совершить другой такой же, ибо ихъ походъ на Эксъ является лишь первымъ этапомъ давно задуманной кампаніи съ цѣлью овладѣть Арлемъ.

III.

Дѣйствительно нѣтъ болѣе ненавистнаго для нихъ города, чѣмъ Арль. Въ продолженіе двухъ лѣтъ руководимый своимъ мѣромъ д'Антонелли, онъ дѣйствовалъ съ ними за одно или, по крайней мѣрѣ, подчинялся имъ. Нѣсколько разъ Антонелли, человекъ ультра-революціонныхъ убѣжденій, лично посѣщалъ авиньонскихъ разбойниковъ и когда имъ понадобились пушки и аммуниція, онъ не постѣснялся вывезти изъ башни Святаго Людовика всю артиллерию, открывъ такимъ образомъ берберійскимъ корсарамъ входъ въ устья Роны. Дѣйствуя за одно со своими союзниками изъ графства и съ марсельскимъ клубомъ, и пользуясь помощью ближайшихъ пригородовъ, онъ управлялъ Арлемъ „посредствомъ террора“, а триста человекъ изъ квартала де-ла-Моне, разные ремесленники и моряки, все люди съ крѣпкими кулаками и сильными мускулами являлись его помощниками. 6 іюня 1791 года они самовластно изгнали изъ города пріютившихся тамъ непрі-

сгавшихъ священниковъ. Но затѣмъ „всѣ собственники и честные люди“, несравненно болѣе многочисленныя и притомъ давно ужъ возмущавшіяся такимъ положеніемъ вещей, вдругъ подняли голову; они въ количествѣ 1.200 человекъ собрались въ церкви Сень-Оноре и „поклонились поддерживать конституцію и общественное спокойствіе“, а потомъ отправились въ клубъ, гдѣ, ссылаясь на статуты его, они потребовали занести всѣхъ ихъ въ качествѣ національныхъ гвардейцевъ и правоспособныхъ гражданъ въ число членовъ. Въ то же время они совмѣстно съ муниципалитетомъ перемѣнили составъ національной гвардіи и наново сформировали роты; благодаря этому отрядъ монэдьеровъ былъ распущенъ и партія потеряла всю свою силу. Съ тѣхъ поръ законно и безъ насилій въ клубѣ и въ національной гвардіи большинство составилось изъ конституціоналистовъ-монархистовъ, а выборы, происшедшія въ ноябрѣ 1791 года предоставили сторонникамъ порядка почти всѣ административныя должности въ общинѣ и въ округѣ. Очень энергичный человекъ, Лойсь, медикъ по профессіи, былъ избранъ вмѣсто Антонелли мэромъ на основаніи того, что его считали способнымъ „съ военнымъ закономъ въ одной рукѣ, а съ саблей въ другой“ противостоятъ мятежамъ. Это было ужъ слишкомъ и Марсель рѣшилъ покорить Арль, чтобы искупить позоръ того, что онъ же основалъ его. Въ этой странѣ старинныхъ городовъ политическая ненависть обостряется озлобленіемъ муниципалитетовъ, напоминая соперничество Фивъ съ Платеей, Рима съ Вейей, Флоренціи съ Пизой и марсельскіе гвельфы только и помышляютъ о томъ, чтобы стереть съ лица земли арльскихъ гвельфиновъ. Уже на избирательномъ собраніи въ ноябрѣ 1791 года председательствующій въ Собраніи д'Антонелли приглашалъ всѣ общины своего департамента вооружиться противъ анти-якобинскаго договора и тотчасъ же выступило въ походъ 600 марсельскихъ волонтеровъ, которые составляли авангардъ арміи въ 4.000 человекъ, обѣщанныхъ сорока или пятьюдесятью партійными клубами; они расположились въ Салонѣ, арестовали главнаго прокурора вражескаго округа и ни за что не соглашались отпустить его. Чтобы остановить ихъ, потребовались: приказанія трехъ комиссаровъ, распоряженіе еще не потерявшей авторитета директоріи, повелѣніе короля, декретъ Учредительнаго Собранія, стойкость еще повинующихся войскъ и выдержка самихъ арлезианцевъ, которые усмирили возстаніе монэдьеровъ, исправили свои укрѣпленія, разрушили мосты и съ заряженными ружьями охраняли входъ въ городъ. Но эта неудача не смутила марсельцевъ, для нихъ дѣло было не проиграно, а лишь отсрочено. Теперь же, когда комиссары были удалены, когда королевская власть стала пустымъ звукомъ, когда былъ обезоруженъ послѣдній вѣрный полкъ, когда перестроенная и терроризированная директорія стала рабски послушна и когда Законодательное Собраніе смотрѣло сквозь пальцы на гоненія, которымъ подвергались конституціоналисты со стороны якобинцевъ, можно было безнаказанно предпринять новый походъ и 23 марта 1792 года марсельская армія въ 4.500 человекъ съ 19 орудіями двинулась въ Арль.

Тщетно посланные министромъ комиссары сосѣднихъ департаментовъ имъ разъясняютъ, что Арль теперь сдался, сложилъ оружіе и занятъ гарнизономъ; марсельцы требуютъ удаленія этого гарнизона. Но это удаленіе не помогаетъ; Ребекки и его ближайшіе сотрудники возражаютъ, что „ничто не въ силахъ отклонить ихъ отъ задуманнаго предпріятія и что они сами знаютъ какія предосторожности нужны для огражденія безопасности южныхъ департаментовъ“.—Тщетно министръ возобновляетъ свои приказанія и распоряженія, директорія, прибѣгая къ явной лжи заявляетъ, что ей ничего не извѣстно и она не можетъ оказать правительству никакого содѣйствія.—Тщетно Г.-де-Витгенштейнъ, главнокомандующій южной арміей предлагаетъ директоріи отразить нападеніе; директорія проситъ его „не вступать съ своими войсками на территорію департамента“.

Однако 29 марта марсельцы пушечными выстрѣлами пробиваютъ брешь въ стѣнахъ беззащитнаго Арля; его укрѣпленія разрушены, а на жителей наложена контрибуція въ 1.400.000 ливровъ. Вопреки декрету Учредительнаго Собранія монэдьеры, портовые рабочіе, всѣ подонки черни снова взяли за оружіе и терроризировали безоружное населеніе. Хотя „королевскій комиссаръ и большая часть судей бѣжали изъ города, начинаютъ судить отсутствующихъ съ присяжными засѣдателями“, обязанности которыхъ исполняютъ монэдьеры. Побѣдители арестовываютъ избиваютъ и убиваютъ всѣхъ, кого имъ вздумается. Множество мирныхъ гражданъ жестоко избито, посажено въ тюрьму, смертельно ранено; одинъ восьмидесяти лѣтній старичекъ, военный, всего три мѣсяца тому назадъ поселившійся въ своей деревнѣ, послѣ двадцатидневнаго заключенія умираетъ отъ удара прикладомъ въ животъ; женщинъ избиваютъ плетью, „всѣ заинтересованные въ соблюденіи законовъ“, около пяти тысячъ челоувѣкъ, вынуждены эмигрировать, ихъ городскіе и деревенскіе дома разграблены, а въ сосѣднихъ селахъ, на всемъ протяженіи пути отъ Марселя до Арля, толпы мошенниковъ и бродягъ, собственно составляющихъ ядро марсельской арміи, хозяйничаютъ и наживаются точно въ завоеванной странѣ.

Ѣдятъ, пьютъ, разбиваютъ шкафы, уносятъ бѣлье и съѣстные припасы, уводятъ лошадей, воруютъ цѣнные предметы, ломаютъ мебель, рвутъ книги, жгутъ бумаги; это справедливое возмездіе аристократамъ. Да притомъ, должны же патріоты вознаграждать себя за понесенные труды и нѣсколько лишнихъ ударовъ послужатъ лишь къ укрѣпленію владычества партіи лучшихъ людей.—Напримѣръ, когда распространился ложный слухъ, что въ Шаго-Ренарѣ нарушенъ общественный порядокъ, Ребекки и Бертенъ отправили туда одинъ отрядъ своей арміи; тамъ ихъ съ почетомъ встрѣтилъ муниципалитетъ въ полномъ составѣ и въ парадной формѣ, сопровождаемый выступавшими съ музыкой и знаменами національными гвардейцами. Безъ всякаго предупрежденія марселлы набросились на шествіе, поломали знамена обезоружили національную гвардію, посрывали у офицеровъ погоны, поволокли по землѣ за шарфъ мэра, погнались съ обнаженными саблями за

совѣтниками, затѣмъ арестовали мэра и главнаго прокурора и ночью ограбили четыре дома и все это подъ предводительствомъ трехъ мѣстныхъ якобинцевъ, недавно осужденныхъ за разные преступленія и проступки: теперь ужь въ Шато-Ренарѣ неосмѣлятся больше произносить приговоры надъ патріотами.—Въ Бело „разграблена усадьба бывшаго помѣщика, изъ нея унесено все, даже черепицы и оконныя рамы“, толпа въ 200 человекъ „обходитъ деревню, вымогаетъ отъ жителей контрибуцію, заставляетъ зажиточныхъ людей выдавать обязательства на крупныя суммы“. Марсельскій вождь, Камозъ, одинъ изъ новыхъ администраторовъ департамента, присваиваетъ себѣ все, что только ему кажется имѣющимъ какую либо цѣнность, а черезъ нѣсколько дней въ его сундукѣ находятъ 30 тысячъ франковъ.—Вполнѣ понятно, что такой примѣръ вызываетъ подражаніе и распущенность съ каждымъ днемъ все возрастаетъ; во всѣхъ маленькихъ городкахъ и мѣстечкахъ мѣстные клубы пользуются безпорядками для утоленія своего честолюбія и своей жадности и сведенія личныхъ счетовъ. Аптскій клубъ напримѣръ призвалъ на помощь своихъ сосѣдей и однажды утромъ въ городъ вступило 1500 національныхъ гвардейцевъ изъ Горда, Сентъ-Сатюрнена, Гуля и Лакоста, въ сопровожденіи тысячи дѣтей и женщинъ, вооруженныхъ палками и вилами. На заданный имъ вопросъ, по чьему приказанію они явились, они отвѣчали, что „повинуются повелѣніямъ продиктованнымъ ихъ собственнымъ патріотизмомъ“. Ихъ „заставили предпринять это путешествіе *фанатики*, т. е. сторонники не присягавшихъ священниковъ: слѣдовательно они желаютъ, „чтобы ихъ размѣстили на счетъ этихъ фанатиковъ.“ Три дня такого постою обойдутся послѣднимъ и городу въ 20 тысячъ ливровъ. Для начала они все уничтожаютъ во францисканской церкви и замуровываютъ двери ея; затѣмъ они изгоняютъ изъ города неприсягнувшихъ священниковъ и обезоруживаютъ ихъ сторонниковъ. Впродолженіи трехъ дней аптскій клубъ, сосредоточившій всю власть въ своихъ рукахъ, не прерываетъ засѣданій „Къ нему являюся въ качествѣ просителей муниципалитеты изъ окрестныхъ мѣстечекъ и городковъ, увѣряютъ въ патріотизмѣ, упрашиваютъ не посылать къ нимъ отрядовъ“. Кромѣ того клубъ „призываетъ къ допросу разныхъ частныхъ лицъ“, многихъ изъ нихъ заноситъ въ проскрипціонныя списки, въ томъ числѣ нѣсколькихъ администраторовъ, членовъ суда и главнаго прокурора. Громадное число жителей спасается бѣгствомъ, городъ пустѣетъ и во многихъ другихъ мѣстахъ въ округѣ и за чертой его, замѣчается тоже опустошеніе. Дѣйствительно подобное занятіе очень привлекательно. Оно опустошаетъ кошельки неблагонамѣренныхъ лицъ и наполняетъ желудки патріотовъ, очень пріятно хорошо угоститься, въ особенности на счетъ своихъ противниковъ и якобинцевъ, съ удовольствіемъ пируя, спасаетъ отечество. Притомъ онъ пользуется пріятнымъ преимуществомъ безконтрольно хозяйничать у своихъ сосѣдей, за что его не только кормятъ, но даже платятъ ему.—Все это настраиваетъ его на веселый ладъ и экспедиція, являющаяся въ сущности шабашомъ, превращается въ карнавалъ. Изъ

двухъ марсельскихъ дивизій, одна, вернувшаяся въ Эксъ, устраиваетъ грандіозный „патріотическій“ праздникъ и пляшетъ на немъ фарандолу, руководимую мэромъ и комендантомъ“, а другая почти въ тотъ же день съ еще большею торжественностью и ликовањемъ вступаетъ въ Авиньонъ.

IV.

Во всей Франціи не было подобнаго этому разбойничьяго гнѣзда: и не то чтобы тутъ болѣе глубокая нужда вызвала болѣе дикую жакерію; наоборотъ, до революціи графство было благодатной страной; папа не собиралъ тамъ податей, незначительные налоги, получаемые съ населенія, расходовались на мѣстѣ, „за 1—2 су можно было приобрести мясо, хлѣбъ и вино“.—Но подѣ свисходительнымъ и развращающимъ управленіемъ итальянскихъ легатовъ страна стала „самымъ надежнымъ убѣжищемъ для всѣхъ преступниковъ Франціи, Итали и Генуи; за небольшое вознагражденіе они приобретали покровительство уполномоченныхъ папы и безнаказанность“. Туда стекались всѣ контрабандисты и укрыватели контрабанды, чтобы прорваться сквозь цѣпь французскихъ таможенъ. „Тамъ образовались шайки воровъ и убійцъ, которыя при всей своей строгости, никакъ не могли искоренить парламенты Экса и Гренобля. Праздношатающіеся, развратники, шулера, интриганы, всевозможные тунеядцы и авантюристы сталкивались тамъ на каждомъ шагу съ клейменными каторжниками, ветеранами порока и преступленія, „бѣжавшими съ галеръ Тулона и Марселя“. Кроважадность тамъ укрывалась подѣ покровомъ разврата, точно змѣя въ тинѣ и обыкновенно достаточно бывало самаго незначительнаго предлога, чтобы превратить домъ терпимости въ разбойничій притонъ.

Въ этомъ стоѣкѣ нечистотъ якобинскимъ вождямъ Турвамо, Роверу, обоимъ Дюпра, обоимъ Мэнвельямъ и Лекюје не трудно было подыскивать себѣ послѣдователей.—Прежде всего при помощи городского и пригороднаго сброда раздраженныхъ акцизомъ у городскихъ заставъ крестьянъ, разныхъ бродягъ, носильщиковъ и матросовъ, вооруженныхъ косами, вертелами и дубинами они устроили семь или восемь бунтовъ, изгнали легата, заставили выйти въ отставку консуловъ, повѣсили начальниковъ національной гвардіи и вождей консервативной партіи и заняли всѣ мѣста въ муниципалитетѣ.—Затѣмъ изъ своей шайки они составили армію, лозунгомъ которой было своеволие, а жалованьемъ грабежъ, армію схожую съ войскомъ Тилли и Валленштейна, „настоящій странствующій Содомъ, отъ котораго пришелъ бы въ ужасъ древній“. На три тысячи человекъ тамъ, не найти болѣе 200 авиньонцевъ; остальная же часть состоитъ изъ французскихъ дезертировъ, контрабандистовъ, бѣглыхъ преступниковъ, иностранцевъ безъ опредѣленныхъ занятій, мародеровъ и злодѣевъ, которые, почувувъ добычу, слетѣлись издалека, даже изъ Парижа; за ними слѣдуютъ ихъ самки, еще болѣе отталкивающая и кроважачная чѣмъ они. Чтобы лучше подчеркнуть, что убійство и воровство стоятъ у нихъ на первомъ планѣ, они убиваютъ какъ изъ

мѣнника своего первого командира Патрикаса за то, что онъ выпустилъ на свободу одного узника, а на его мѣсто выбираютъ грабившаго по большимъ дорогамъ разбойника, приговореннаго къ смертной казни валенскимъ судомъ и бѣжавшаго наканунѣ приведенія въ исполненіе приговора, извѣстнаго Журдана, по прозвищу Головорѣза, на томъ основаніи, что онъ, какъ говорили, 6 октября въ Версалѣ отрубилъ головы двумъ королевскимъ гвардейцамъ.—Съ такимъ командиромъ численность арміи все увеличивается и вскорѣ изъ нея формируется корпусъ въ 5—6 тысячъ человекъ, останавливающихъ прохожихъ и насильно вербуемыхъ ихъ въ свои ряды; ихъ называютъ *мандринами*, но это несправедливо по отношенію Мандрина, ибо они ведутъ борьбу не только съ общественными представителями и изъ-за общественной собственности, какъ это дѣлалъ онъ, но посягаютъ сверхъ того на жизнь, честь и собственность частныхъ лицъ. Такъ одинъ отрядъ за одинъ разъ вымогаетъ въ Кавальонѣ 25 тысячъ ливровъ, въ Бомѣ 12 тысячъ, въ Обиньянѣ 15 тысячъ, въ Пиолаи 4.800 и облагаетъ Комонъ 2.000 ливровъ еженедѣльной контрибуціи. Въ Саррианѣ, мэръ котораго вручилъ имъ ключи отъ города, они совершенно разграбили всѣ дома, увезли тридцать три повозки, до верху нагруженные добычей; жгли, насилывали и убивали съ утонченностью гуроновъ, они стрѣляютъ въ упоръ въ восьмидесятилѣтнюю разбитую параличемъ старую даму и бросаютъ ее истекающую кровью среди пламени; они разрываютъ пополамъ пятилѣтняго ребенка, обезглавливаютъ его мать и изувѣчиваютъ сестру; отрѣзаютъ священнику уши, прикалываютъ ихъ ему въ видѣ кокарды на лобъ, убиваютъ его одновременно съ свиньей, вырываютъ у нихъ обоихъ сердца и пляшутъ на нихъ, Затѣмъ во время безуспѣшной пятидесятидневной осады Карпантраса пышно расцвѣли инстинкты безцѣльной жестокости, въ послѣдствіи еще сильнѣе развившіеся у шофферовъ, людоедство, порою встрѣчающееся у каторжниковъ, извращенная чувственность и излишества свойственныя маіакамъ.

При видѣ вскормленнаго имъ чудовища, Авињонъ испугался и испустилъ крикъ ужаса, но звѣрь, почувствовавъ свою силу, наступая на своихъ прежнихъ защитниковъ, оскалливаетъ зубы и требуетъ своей ежедневной пищи. Разоренъ ли Авињонъ или нѣтъ, до этого никому нѣтъ дѣла, онъ долженъ выплачивать свою долю. „Въ Избирательномъ Собраніи Мэнвель младшій выбранный избирателемъ несмотря на то, что ему было всего двадцать два года, прогуливается съ угрожающимъ видомъ, заткнувъ за поясъ два пистолета“. Предсѣдатель Собранія Дюпра, желая устранить соперничество своихъ товарищей предлагаетъ имъ оставить Авињонъ и переселиться въ Соргъ; они отказываются исполнить его требованіе, тогда онъ окружаетъ ихъ пушками, обѣщаетъ награду тѣмъ, кто послѣдуетъ за нимъ, увлекаетъ болѣе робкихъ а остальныхъ обвиняетъ передъ верховныхъ національнымъ судомъ, всѣхъ членовъ котораго онъ самъ назначилъ. Такимъ образомъ двадцать обвиненныхъ избирателей осуждены и приговорены къ смерти; Дюпра угрожаетъ войти силой и на мѣстѣ казнить

нихъ, а подъ его предводительствомъ на Авиньонъ идетъ армія мандриновъ. Остановленная, затѣмъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ сдерживаемая комиссарами, посредниками Франціи, раздробленная ими и почти совершенно распущенная, она теперь однимъ ловкимъ движеніемъ руки сумѣла опять овладѣть ускользавшей было добычей. 21 августа 1791 года Журданъ со своей кучкой негодяевъ овладѣваетъ дворцомъ правосудія, муниципалитетъ изгнать, мэръ переселѣвшись скрывается изъ города, секретарь Тиссо зарубленъ саблями, четыре муниципальных чиновника и сорокъ другихъ лицъ брошены въ тюрьму, множество домовъ, принадлежащихъ бѣглецамъ и священникамъ разграблены, что снабжаетъ разбойниковъ первою прибылью, послужившей основой ихъ будущаго обогащенія. За сѣмъ слѣдуетъ большая фискальная операція, которая должна до краевъ наполнить ихъ карманы. Пять подставныхъ лицъ, избранныхъ Дюпра и его сообщниками, вмѣстѣ съ Лэжюйе, назначеннымъ секретаремъ, образуютъ временный муниципалитетъ, который облагаетъ городъ налогомъ въ 300 тысячъ ливровъ и закрывая монастыри, пускаютъ въ продажу захваченную въ церквахъ добычу. Колокола спущены и цѣлый день звучатъ удары молотковъ, разбивающихъ ихъ рабочихъ. У директора ссудной кассы отбираютъ ящикъ наполненный отданными ему на храненіе серебряными вещами, брилліантами и золотыми крестами и несутъ его въ коммуну; по городу разносится слухъ, что заложенныя бѣдняками цѣнныя вещи украдены муниципалитетомъ и что разбойники „отправили ужъ восемнадцать чемодановъ, набитыхъ ими“. Вслѣдствіе этого, глубоко возмущенные опустошеніемъ церквей женщины, бѣдняки рабочіе, не имѣющіе ни куска хлѣба, ни работы, вообще весь мелкій людъ, приходитъ въ бѣшенство и собравшись въ церкви кордиллеровъ, вызываетъ Лэжюйе, стаскиваетъ его съ кафедры и убиваетъ.

На этотъ разъ, казалось, партія разбойниковъ погибла; ибо весь городъ, чернь и буржуазія, былъ противъ нихъ, а въ деревняхъ крестьяне, у которыхъ они постоянно вымогали деньги, при встрѣчѣ съ ними стрѣляли.—Но примѣненіе террора можетъ пополнить малочисленность и крайніе якобинцы рѣшаются съ оставшимися у нихъ въ распоряженіи 350 наемными убійцами овладѣть городомъ съ 30 тысячами жителей. Мэнвель старшій, притащивъ двѣ пушки, является съ патрулемъ, стрѣляетъ наудачу въ наполовину очистившуюся церковь и убиваетъ двухъ человѣкъ. Дюпра приводитъ тридцать человѣкъ мѣщанъ, арестованныхъ имъ 31 августа и кромѣ того человѣкъ сорокъ ремесленниковъ, принадлежащихъ къ католическимъ братствамъ, носильщиковъ, булочниковъ, бочаровъ, поденщиковъ, двухъ крестьянъ, одного нищаго и нѣсколько на удачу захваченныхъ женщинъ по такимъ неопредѣленнымъ обвиненіямъ, какъ напримѣръ, что одна изъ нихъ „дурно отзывалась о госножѣ Мэнвель“. Журданъ доставляетъ палачей; аптекаръ Мандъ, зять Дюпра спаиваетъ ихъ крѣпкими напитками; одинъ изъ конторщиковъ газетчика Турналя совѣтуетъ имъ „убить всѣхъ, чтобы не оставалось свидѣтелей“. Тогда вслѣдствіе настойчивыхъ приказаній со стороны Мэнвеля,

Турналя, Дюпра и Журдана съ 16 октября началась рѣзня, сопровождавшаяся непередаваемыми надругательствами и изнасилованіями, которая длилась шестьдесятъ шесть часовъ кряду; были убиты два священника, трое дѣтей, восьмидесятилѣтній старикъ, тринадцать женщинъ, между прочимъ двѣ беременныя, всего шестьдесятъ одинъ человекъ; избитыхъ, зарѣзанныхъ ихъ сбрасываютъ другъ на друга въ яму Глясьеры, мать на тѣло ребенка, сына на тѣло отца, затѣмъ набрасываютъ на нихъ камни и наконецъ во избѣжаніе зловонія заливаютъ все негашеной известью. Кромѣ того еще сотня убитыхъ на улицахъ людей была выброшена въ соргскій каналъ; пятьсотъ семействъ бѣжало изъ города. Освобожденные разбойники начинаютъ стекаться толпами, а убійцы-вожди, воцарившіеся тутъ, благодаря убійствамъ, учреждаютъ въ пользу своей возрожденной шайки, узаконенный разбой, отъ котораго никому не спастись.

Вотъ каковы арльскіе и марсельскіе друзья якобинцевъ, вотъ тѣ заслуживающіе уваженія люди, къ которымъ г. д'Антонелль обратился въ авиньонскомъ соборѣ съ рѣчью, вотъ тѣ истинные патріоты, которые съ запущенными въ чужіе кошельки руками и утопающими въ крови ногами были захвачены на мѣстѣ преступления французской арміей, разоблачены подробнымъ слѣдствіемъ, осуждены всеобщимъ крикомъ освобожденныхъ избирателей и сознательнымъ судомъ новыхъ комиссаровъ-посредниковъ и которые все же были амнистированы законодательнымъ собраніемъ за мѣсяць до ихъ послѣдняго злодѣйства. Но повелители Устьевь-Роны не считаютъ милостью освобожденіе ихъ братьевъ и союзниковъ: убійцъ Глясьеры не удовлетворяютъ прощеніе и забвеніе. 29 апрѣля 1792 года въ Авиньонъ вступаютъ въ сопровожденіи трехъ батальоновъ марсельцевъ побѣдители Арля, Ребекки и Бертенъ; во главѣ кортежа шествуетъ отъ тридцати до сорока главныхъ убійцъ, которыхъ само Законодательное Собраніе повелѣло вознаградить за тюремное заключеніе „а среди нихъ выдѣляются Дюпра, Мэнвель, Турналь, Мандъ, затѣмъ на бѣломъ конѣ, увѣнчанный лаврами Журданъ въ мундирѣ главнокомандующаго, еще дальше на триумфальной колесницѣ подвигаются одѣтыя амзонками дамы: г-жи Дюпра, Мэнвель и Турналь; во все время слѣдованія кортежа раздаются крики, что „на этотъ разъ Глясьера будетъ до верху наполнена“.

При ихъ приближеніи всѣ должностныя лица разбѣгаются; 1200 человекъ покидаютъ городъ. Тотчасъ же подъ охраной марсельскихъ штыковъ каждый террористъ возвращается на свое мѣсто, точно хозяинъ въ собственный домъ, бывший судья Рафель и его секретарь, оба приговоренные къ тюремному заключенію, снова открыто приступаютъ къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, а родственникамъ несчастныхъ убитыхъ 16 октября и свидѣтелямъ давешнимъ показанія на судѣ угрожаютъ на улицахъ. Одного изъ послѣднихъ убиваютъ и Журданъ, король департамента на цѣлый годъ, возобновляетъ, стоя во главѣ національной гвардіи и жандармеріи, въ большихъ размѣрахъ то ремесло, которымъ онъ промышлялъ въ меньшихъ размѣрахъ при

старомъ режимѣ, когда онъ съ двѣнадцатью „вооруженными и обладающими верховыми лошадыми разбойниками“ работалъ на большихъ дорогахъ, грабилъ по ночамъ уединенные дома и изъ одного замка укралъ 24 тысячи ливровъ.

V.

Вотъ какимъ образомъ одерживаютъ якобинцы побѣду; уже въ апрѣлѣ 1792 года, благодаря насиліямъ равнымъ вышеприведеннымъ, она распространяется болѣе чѣмъ на двадцать департаментовъ, а при помощи менѣе грубыхъ насилій еще на шестьдесятъ. Составъ партіи почти вездѣ одинъ и тотъ же. Съ одной стороны неудачники всякаго рода „моты, промотавшіе отцовское наслѣдство и потому ненавидящіе всѣхъ сохранившихъ его; люди ничтожные, которымъ царящій безпорядокъ открываетъ двери богатства и общественныхъ должностей, завистники и неблагодарные, пользующіеся революціей, чтобы свести счеты съ своими благодѣтелями, пылкія головы, восторженные новаторы, проповѣдующіе разумъ съ кинжаломъ въ рукѣ, бѣдняки, грубая и жалкая чернь, которую идея анархизма, примѣръ безнаказанности и безмолвіе законовъ и меча, подталкиваютъ на самыя безумныя поступки“. Съ другой стороны находятся люди мирные, осѣдлые, занятые своими частными дѣлами, мѣщане и полу-мѣщане по уму и сердцу, „разслабленные привычкой чувствовать себя въ безопасности и наслажденіями, ошеломленные непредвидѣннымъ перепоротомъ и пытающіеся сблизиться, но раздѣленные разнообразіемъ интересовъ, противопоставляющіе постояннымъ дерзостямъ и презрѣнію къ законнымъ средствамъ лишь тактъ и благородіе, не способные ни на рѣшительные поступки, ни на полное безучастіе, съ трудомъ учитывающіе приносимыя жертвы какъ разъ въ то время когда непріятель отнимаетъ у нихъ возможность приносить ихъ впредь, однимъ словомъ, изнѣженно и эгоистично борящіеся съ могучими и ничѣмъ несдерживаемыми страстями, съ ожесточившейся нуждой и наглою безнравственностью“. Почти вездѣ исходъ столкновенія одинъ и тотъ же. Во всѣхъ городахъ и кантонахъ безцеремонные отряды фанатиковъ, отчаянныхъ авантюристовъ и жадныхъ бродягъ, смѣло затѣвая борьбу, покоряютъ пугливое какъ стадо барановъ большинство, которое, свѣкшись съ правильностью старой цивилизаціи, не рѣшается нарушить порядка для подавленія безпорядка, ни возстать противъ возстанія.

Вездѣ якобинцы руководствуются однимъ и тѣмъ же принципомъ. „Ваша система—говоритъ имъ директорія одного департамента—заключается въ непоколебимомъ стремленіи къ дѣли, не взирая ни на какія обстоятельства, даже послѣ утвержденія конституціи и опредѣленія границъ всякой власти, точно государство все еще охвачено волненіемъ, а вы облечены диктатурой необходимой для спасенія города и будто во имя общественнаго блага вамъ вручена верховная власть“. Тактика якобинцевъ тоже вездѣ одна и таже. Съ самаго начала они присвоили себѣ монополію патриотизма и послѣ грубаго уничтоженія другихъ обществъ, стали

единственнымъ видимымъ органомъ общественнаго мнѣнія. Вскорѣ голосъ ихъ партіи сталъ казаться голосомъ народа; ихъ вліяніе распространилось на законныхъ представителей власти; они продолжали подвигаться впередъ, благодаря постояннымъ и упорнымъ захватамъ, а безнаказанность какъ бы освящала ихъ узурпацію.

„Изъ всѣхъ органовъ хороши они или дурны, носятъ ли они конституціонный характеръ или нѣтъ, обладаетъ истинной властью лишь тотъ, неприкосновенность котораго обезпечена. А клубъ ужъ давно привыкъ безгранично властвовать, управлять, преслѣдовать, сводить счеты съ своими врагами и мѣстныя административныя власти не осмѣливались оспаривать его неприкосновенности“. Онъ самостоятельно руководитъ всѣмъ и вскорѣ его косвенное вліяніе перѣходитъ въ прямую и открытую власть. Являясь единственнымъ или почти единственнымъ избирателями на предвыборныхъ собраніяхъ, пустующихъ, благодаря примѣняемымъ насиліямъ, якобинцы безпрепятственно могутъ выбирать весь муниципалитетъ и офицеровъ національной гвардіи. Съ тѣхъ поръ при помощи мэра, являющагося ихъ сообщникомъ или ихъ рабомъ, они на законномъ основаніи могутъ сдерживать или направлять, по опредѣленному ими направленію, военную силу, чѣмъ они пользуются въ широкихъ размѣрахъ. Но на ихъ пути встрѣчаются еще два препятствія. Съ одной стороны какъ бы сговорчива и робка ни была директорія округа или департамента, избранная избирателями второй степени, она обыкновенно по большей части состоитъ изъ контингента людей образованныхъ, обезпеченныхъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи порядка и потому менѣе муниципалитета склонна мириться съ крупными нарушеніями закона. Вслѣдствіе этого они обвиняютъ ее передъ Национальнымъ Собраніемъ, что она является анти-гражданственнымъ и контръ-революціоннымъ центромъ „буржуазной аристократіи“. А то, какъ напримѣръ, въ Брестѣ они нагло отказываются повиноваться ея самымъ законнымъ, самымъ благоразумнымъ, самымъ настойчивымъ и самымъ формальнымъ приказаніямъ, послѣ чего еще съ большею наглостью они спрашиваютъ министра: „поставленные лицомъ къ лицу съ жестокой альтернативой оскорбить іерархію власти или же оставить на произволъ судьбы находящееся въ опасности общественное дѣло, имѣли ли они право колебаться?“ Или же какъ въ Аррасѣ, они противузаконно проникаютъ на засѣданія директоріи и бросаютъ ей въ лицо такія оскорбительныя обвиненія, что послѣдняя изъ желанія сохранить собственное достоинство, вынуждена требовать своей отставки. Или какъ въ Фижакѣ они вызываютъ одного администратора, подвергаютъ допросу, заставивъ простоять передъ ними три четверти часа, захватываютъ его бумаги и вынуждаютъ подъ угрозой худшей кары оставить городъ.

Или напримѣръ какъ въ Ошѣ они врываются въ залу засѣданій директоріи, хватаютъ за горло членовъ ея, колотятъ ихъ кулаками и палками, тащатъ за волосы предсѣдателя и чуть не убиваютъ его.—Съ другой стороны жандармерія и войско, сдер-

живающія народныя волненія, всегда неудобны для организаторовъ этихъ волненій. Поэтому они по возможности изгоняютъ и развращаютъ жандармерию и войско, а главное стараются профильтровывать составъ ихъ. Въ Кагорѣ они изгоняютъ жандармскаго бригаднаго командира, „ссылаясь на то, что онъ водитъ знакомство лишь съ аристократами“. Въ Тулузѣ, не говоря ужъ о подполковникѣ, которому они угрожаютъ смертью въ анонимныхъ письмахъ и котораго заставляютъ покинуть городъ, они переводятъ въ другой округъ весь жандармскій корпусъ, мотивируя это тѣмъ, „что его принципы противорѣчатъ духу конституціи“.

Въ Ошѣ и Реннѣ, пошатнувъ въ войскахъ дисциплину, они пользуются этимъ, чтобы вынудить всѣхъ офицеровъ подать въ отставку. Въ Перпиньянѣ, при помощи возбужденнаго ими возстанія, они хватаютъ, избиваютъ и отправляютъ въ тюрьму командира и генеральный штабъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они „собирались бомбардировать городъ пятью фунтами пороха“.—Въ то же время при помощи жакеріи, распространенной ими отъ Дордена до Авейрона, отъ Кантала до Пиренеевъ и Вара, они подъ предлогомъ наказать родственниковъ эмигрантовъ и сторонниковъ неприсягнувшихъ священниковъ, формируютъ собственную армію изъ воровъ и бродягъ, которая, опереживая подвиги будущей революціонной арміи, жжетъ, убиваетъ, грабитъ, вымогаетъ деньги и безнаказанно обдѣлываетъ свои дѣла среди беззащитнаго стада собственниковъ всѣхъ степеней и родовъ.

При этой операціи каждый клубъ находитъ союзниковъ въ лицѣ своихъ сосѣдей и оказываетъ имъ или же получаетъ отъ нихъ помощь деньгами и людьми. Такъ напримѣръ каспскій, клубъ предлагаетъ Байескому обществу оказать содѣйствіе при выселеніи неприсягнувшихъ священниковъ и помочь мѣстнымъ патриотамъ „избавиться отъ тирани ихъ администраторовъ“. Безансонскій объявляетъ три административныхъ учрежденія Страсбурга незаслуживающими того довѣрія, которымъ они пользуются“ и открыто соединяются со всѣми обществами Верхняго и Нижняго Рейна, чтобы добиться освобожденія одного якобинца, арестованнаго въ качествѣ подстрекателя къ мятежу. Клубы Пюи-де-Дома и сосѣднихъ департаментовъ отправляютъ въ Клермонъ делегатовъ и основываютъ тамъ центральное общество для пропаганды и примѣненія на дѣлѣ ихъ идей. А клубы устьева Роны уговариваются съ комиссарами Дрома, Гарда и Эро оберегать испанскую границу и отправляютъ делегатовъ провѣрить въ какомъ состояніи находятся укрѣпленія Фигьера.—На суды нѣтъ никакой надежды: въ сорока департаментахъ они еще не учреждены, а въ остальныхъ сорока трехъ запуганы, молчатъ или не имѣютъ ни людей, ни денегъ для приведенія въ исполненіе своихъ приговоровъ.

Таково устройство якобинскаго государства; это конфедерація тысячи двухсотъ олигархій, управляющихъ послушнымъ имъ пролетаріатомъ, согласно приказаніямъ, исходящимъ изъ Парижа; это настоящее государство, вполне организованное, дѣйствующее, имѣющее свое центральное правленіе, свою военную силу, свою

официальную газету, свою правильную переписку, свою определенную политику, свою установленную власть, своих местных представителей и агентов; которые управляют вместо удаленных ими или при посредстве подчинившихся имъ администраторовъ.—Тщетно послѣдніе министры, хорошие чиновники и честные люди, стараются исполнять свои обязанности: ихъ приказанія и увѣщанія остаются гласомъ вопіющаго въ пустынь. Доведенные до отчаянія, они рѣшаются подать въ отставку, заявляя, что „среди вопарившейся неурядицы... при наличности такого безсилія со стороны общественныхъ авторитетовъ и униженія конституціонныхъ властей... они не въ состояніи поддерживать жизнь и движеніе гигантскаго тѣла, всѣ члены котораго парализованы“.—Когда подъ деревомъ подкопана земля, его не трудно повалить, а теперь послѣ того какъ якобинцы обрубили всѣ его корни, достаточно одного толчка въ стволъ его, чтобы оно опрокинулось.

ГЛАВА V.

Парижъ. I—Давленіе окъ, вызванное Собраніемъ на короля.—Его veto уничтожено или обойдено.—Его министры осыпаны оскорбленіями и изгнаны.—Урнаны со стороны его министровъ-за рондиствъ.—Онъ ихъ стыдитъ.—Подготовленія къ бунту.—II—Нерѣшительное и бѣдное населеніе Парижа.—Населеніе рабочихъ.—Послѣствія, вызванныя якобинской присвѣдой.—Революціонная армія.—Качества ея солдатъ.—Ихъ первый смотръ.—Дѣйствительное состояніе арміи.—III—Ея начальники.—Ихъ комитетъ.—Средства угрожаемые для возбужденія массъ.—IV—20 іюня.—Программа.—Собраніе.—Церемониальный маршъ передъ собраніемъ.—Вторженіе во дворецъ.—Король передъ лицомъ народа.

I.

Государственное дерево уже давно было расшатано, такъ что теперь оно колебалось въ своемъ основаніи.—Какъ ни были ограничены права короля, якобинцы продолжали оспаривать ихъ и стремились отнять у него даже внѣшній ихъ видъ. Съ перваго же засѣданія они отказываютъ ему въ титулахъ „Всемиловивѣйшій Государь“ (Sire) и „Ваше Величество“, ибо для нихъ онъ не наследственный представитель французскаго народа, каковымъ признаетъ его конституція, но просто „первый государственный дѣятель, т. е. простой чиновникъ, который долженъ считать для себя большимъ счастьемъ право занимать кресло рядомъ съ председателемъ Собранія, котораго они называютъ „президентомъ націи“. Съ ихъ точки зрѣнія, одно лишь Собраніе является настоящимъ повелителемъ страны“. Тогда какъ другія власти—говорить Кондорсе—могутъ законно дѣйствовать лишь съ особаго разрѣшенія спеціального закона, Собраніе можетъ дѣлать все, что не воспрещено ему непосредственно“, другими словами, оно можетъ по собственному усмотрѣнію перетолковывать, измѣнять, урѣзывать и даже передѣлывать конституцію. Вслѣдствіе этого, презрѣвъ конституцію, оно присвоило себѣ инициативу объявленія войны и въ рѣдкихъ случаяхъ, когда король пользовался своимъ veto, оно поступало или разрѣшало поступать, вопреки этому veto. Тщетно онъ, пользуясь своимъ законнымъ правомъ, отвергалъ декреты

преслѣдующіе неприсягнувшее духовенство, налагающіе секвестръ на имущество эмигрантовъ или же разрѣшающіе устройство военнаго лагеря подъ стѣнами Парижа. По внушенію якобинскихъ депутатовъ неприсягнувшихъ священниковъ преслѣдуютъ и изгоняютъ муниципалитеты и директоріи подвергаютъ ихъ арестамъ; земли и дома эмигрантовъ и ихъ родственниковъ всецѣло отдаются на произволъ жакеріи; лагерь подъ Парижемъ замѣняютъ созывомъ федераціи въ Парижѣ. Словомъ стараются обойти санкцію монарха или же вовсе обходятся безъ нея.—Что же касается его министровъ „то они являются лишь чиновниками законодательнаго корпуса, прикомандированными къ особѣ короля“. На застѣданіяхъ издѣваются надъ ними, говорятъ имъ дерзости, осыпаютъ оскорбленіями, обращаются съ ними хуже чѣмъ съ провинившимися лакеями, а скорѣе какъ съ явными злодѣями. Требуютъ ихъ къ допросу, не разрѣшаютъ имъ выѣзжать изъ Парижа, не представивъ предварительно всѣхъ отчетовъ, просматриваютъ ихъ бумаги, вмѣняютъ имъ въ вину самыя сдержанныя выраженія и похвальные поступки, возбуждаютъ противъ нихъ обвиненія, возмущаютъ противъ нихъ ихъ подчиненныхъ, учреждаютъ противъ нихъ комитетъ надзора и клеветы, при всякомъ удобномъ случаѣ они указываютъ имъ въ перспективѣ эшафотъ, они произносятъ надъ ними приговоры или обвиняютъ ихъ и ихъ подчиненныхъ, подъ самыя ничтожными предлогами и при наличности самыхъ вздорныхъ доказательствъ, прибѣгая при этомъ къ такой явной подтасовкѣ фактовъ и словъ, что дважды Собраніе въ силу неопровержимыхъ фактовъ, вынуждено было отмѣнить свое послѣднее рѣшеніе и признать невинность наканунѣ осужденнымъ имъ лицъ. Ничто не въ силахъ защитить ихъ, ни ихъ строгое соблюденіе закона, ни ихъ готовность во всемъ подчиняться комитетамъ Собранія, ни даже ихъ приниженность предъ самимъ собраніемъ, „они стараются польстить ему, что-бы избѣгнуть галеръ“. Но этого еще мало! надо, что-бы они стали якобинцами, а не то верховный орлеанскій судъ превратится для нихъ точно также какъ для г. де Лессара въ предверіе каторги и гильотины. „Ужасъ и терроръ—говоритъ Верньо, указывая на Тюльери—въ прежнія времена часто исходили во имя деспотизма изъ этого знаменитаго дворца, такъ пускай же теперь они возвратятся туда, во имя закона!“

Но они тамъ водворяются даже при якобинскомъ министрѣ. Роланъ, Клавьеръ и Серванъ не только не защищаютъ короля, но даже выдаютъ его и подъ ихъ покровительствомъ, благодаря потворству съ ихъ стороны, онъ еще больше прежняго страдаетъ отъ преслѣдованій, оскорбленій и издѣвательствъ. Въ собраніи ихъ сторонники клеветуютъ на него, а Изнаръ предлагаетъ составить противъ него невѣроятно грубо-оскорбительный адресъ. Передъ его дворцомъ то и дѣло раздаются крики смерти; вотъ осыпаютъ ударами и тащатъ въ тюльерійскій бассейнъ какого-либо военнаго или священника, а вотъ канониръ, обращающійся къ королевѣ словно къ какой-либо простолюдинкѣ, восклицаетъ: „съ какимъ удовольствіемъ воткнулъ бы я твою голову на свой штыкъ!“—

Подъ этимъ двойнымъ давленіемъ улицы и Законодательнаго Собранія его считаютъ совершенно обезличеннымъ, рассчитываютъ на его испытанную покорность, или, по крайней мѣрѣ, на его полнѣйшую бездѣятельность, воображаютъ, что имъ удалось, согласно выраженному однажды Кондорсэ желанію, превратить его въ аппаратъ для подписанія бумагъ. Вслѣдствіе этого Серванъ, не предупреждая его, словно тронъ никѣмъ не занятъ, по собственной инициативѣ предлагаетъ Собранію устроить подъ Парижемъ лагерь. Съ своей стороны Роланъ, въ разгарѣ засѣданія, съ надменнымъ видомъ строгаго педагога читаетъ ему наставленія, разбирается въ его чувствахъ, объясняетъ ему его обязанности, требуетъ, что-бы онъ обратился къ новой „религіи“ и утвердилъ декретъ противъ неприсягавшаго духовенства, т. е. осудилъ на нищету, заточеніе и изгнаніе 70 тысячъ священниковъ и монахинь, виновныхъ лишь въ вѣрности своей религіи; кромѣ того требуетъ, что-бы онъ разрѣшилъ устройство военного лагеря подъ Парижемъ, т. е. отдалъ свой тронъ, свою особу и свою семью на произволъ 20 тысячъ безумцевъ, избранныхъ клубами и сосредоточенныхъ исключительно съ цѣлью произведенія надъ нимъ насилій; словомъ, совѣтуетъ ему поступать вопреки совѣсти и здравому смыслу.—Странное дѣло, на этотъ разъ царственный манекенъ не позволяетъ руководить собой; онъ не только отказывается во всѣхъ предъявленныхъ ему требованіяхъ, но вынуждаетъ выйти въ отставку своихъ министровъ. Тѣмъ хуже для него; его заставляютъ подписать и принять обратное министровъ, а если ему вздумается встать имъ поперекъ дороги, то они не постѣсняются перешагнуть черезъ него.—Но однако, онъ вовсе не опасенъ и не думаетъ выйти изъ своей законной неподвижности. До 10 августа онъ изъ отвращенія ко всякому рѣшительному шагу, изъ опасенія вызвать гражданскую войну, отвергаетъ всѣ планы, которые могутъ довести до открытаго разрыва. До послѣдняго дня онъ даже въ вопросахъ, касающихся его-личнаго спасенія и безопасности его семьи, будетъ полагаться на конституціонные законы и здравый смыслъ общества. Прежде, чѣмъ отрѣшиться отъ должности Сервана и Ролана, онъ пожелалъ дать вѣрный залогъ своихъ миролюбивыхъ намереній и утвердилъ роспускъ собственной гвардіи; онъ окончательно обезоружилъ себя не только для нападенія, но даже для защиты; отнынѣ онъ ждетъ у себя бунта, которымъ ему ежедневно угрожаютъ, онъ готовъ на все, кромѣ вооруженнаго сопротивленія и его положеніе во многомъ схоже съ положеніемъ первыхъ христіанъ въ циркѣ.

Но проектъ учрежденія подъ Парижемъ лагеря вызываетъ протестъ со стороны 80 тысячъ парижскихъ національных гвардейцевъ, а Лафайетъ изъ своего лагеря обвиняетъ передъ Собраніемъ въ узурпаторствѣ якобинскую партію, послѣдняя увидала, что ея могуществу угрожаютъ пробужденіе и союзъ друзей порядка. Тогда она рѣшила для своего спасенія устроить переворотъ: цѣлый мѣсяцъ готовила она его, а для возобновленія событій 5 и 6 октября, она не ощущала недостатка въ матеріалѣ.

I.

Среди населенія Парижа всегда найдется много неосѣдлаго, не имѣющаго опредѣленныхъ занятій люда, какая-нибудь сотня тысячъ бѣдняковъ, треть которыхъ составляютъ прибывшіе изъ разныхъ департаментовъ „нищіе по призванію“, тѣ самыя, которыхъ еще 13 іюля 1789 года Ретифъ-де-ла-Бретонъ видѣлъ проходящими мимо его дома въ улицѣ де Бьевръ по направленію Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, гдѣ они должны были соединиться съ подобными себѣ; къ нимъ же принадлежатъ „ужасные сплашки лѣса“, выгрузчики и гонщики, выросшіе въ лѣсахъ Ньевра и Иона, настоящіе дикари, привыкшіе владѣть багромъ и топоромъ, въ которыхъ при каждомъ удобномъ случаѣ просыпаются инстинкты каннибализма и которые въ знаменитые сентябрскіе дни выступаютъ на первый планъ; за ними слѣдуютъ ихъ жены, „женщины, влачащія жалкое существованіе на баркахъ, ожесточенныя нуждой, реагирующія, точно животныя, лишь на событія текущей минуты, происходящія на ихъ глазахъ“, тѣ самыя женщины, которые три мѣсяца тому назадъ опустошали лавки съ колониальными товарами. Все это вмѣстѣ взятое представляло изъ себя „внушительную толпу людей, которая, казалось, каждымъ своимъ колебаніемъ говорила: сегодня послѣдній день торжества богатыхъ и обезпеченныхъ, завтрашній день принадлежитъ намъ, завтра мы въ свою очередь уснемъ на пуховикахъ“.

Еще большія опасенія внушало настроеніе настоящихъ рабочихъ, въ особенности въ предмѣстьяхъ. Ибо, хотя хлѣбъ и не такъ былъ дорогъ, какъ 5 октября, однако нужда стала еще ощутительнѣе. Прошло ужъ болѣе трехъ лѣтъ, какъ прекратилось производство предметовъ роскоши и ремесленники, лишившись заработка, проѣли послѣднія свои сбереженія. Со времени разоренія Санъ-Доминго и разграбленія колониальныхъ магазиновъ, цѣны на колониальные товары возросли до баснословныхъ размѣровъ: столяръ, каменщикъ, слесарь, рыночный носильщикъ отнынѣ лишились своего утренняго кофе съ молокомъ и ежедневно ворчатъ по утрамъ, что въ награду за свой патріотизмъ они должны переносить новыя лишенія.

Теперь всѣ они стали якобинцами и тридцати двухъ мѣсячная проповѣдь догмата народовластія пустила въ ихъ праздныхъ мозгахъ глубокіе корни.—„Извѣстныя группы воображаютъ—пишетъ одинъ полицейскій комиссаръ—что конституція теперь бесполезна, а законъ—это воля народа. Граждане Парижа, собравшись на публичной площади, вполне искренно считаютъ себя народомъ, т. е. тѣмъ *populus*, подъ именемъ котораго мы подразумеваемъ всѣхъ гражданъ вмѣстѣ взятыхъ“.—Не говорите имъ, что рядомъ съ Парижемъ существуетъ громадная Франція. Дантонъ убѣдилъ ихъ, что столица „состоитъ изъ гражданъ, принадлежащихъ въ нѣкоторомъ родѣ всѣмъ 83 департаментамъ, что она скорѣе, чѣмъ остальная страна въ состояніи сдѣлать вѣрную оцѣнку дѣятельности министровъ, что она является истиннымъ стражемъ націи“ и вотъ они теперь вполне увѣрены въ своемъ правѣ

управлять страной.—Не говорите имъ, что есть болѣе опытные и лучше освѣдомленные, чѣмъ они авторитеты: Робеспьеръ увѣрилъ ихъ, „что геній и гражданское чувство народа непогрѣшимы, а всѣ остальные лица, берущіяся управлять имъ, часто совершаютъ крупныя промахи“ и вотъ теперь они не сомнѣваются болѣе въ своихъ необыкновенныхъ дарованіяхъ.—Они въ своихъ собственныхъ глазахъ являются единственными, законными и свѣдущими представителями Франціи, а единственный мотивъ, напѣваемый имъ въ теченіи трехъ лѣтъ, на всѣ лады ихъ поклонниками въ прессѣ, въ клубахъ и на трибунѣ, представляетъ лишь перепѣвъ словъ сказанныхъ герцогомъ де-Виллера Людовику XV, когда онъ еще былъ ребенкомъ: „Посмотрите, Ваше Величество, посмотрите на это могущественное царство. Все это ваше, все вамъ принадлежитъ; вы единственный властелинъ всего этого!“ Понятно, что для того что-бы проглотить и переварить такую грубую неправду надо быть полусумасшедшими или полу-животными, но именно таковыя, благодаря свойственной имъ способности самообольщаться, выдѣляются изъ рядовъ благоразумнаго и инертнаго стада и соединяются въ шайки, вліяніе которыхъ неотразимо.—Они вполне убѣждены, что уличныя сборища обладаютъ той же властью, какъ и комиссіи составленныя изъ представителей націи; они собираются на улицахъ и мнятъ себя королями, потому что благодаря своему безразсудству и высокомерию они повѣрили въ свое царское достоинство.

Такова новая власть, которая появляется съ первыхъ же мѣсяцевъ 1792 года на ряду съ законными властями. Конституція не предвидѣла ея, но она существуетъ, она проявляетъ себя, она для всѣхъ очевидна и можно сосчитать ея приверженцевъ. 29 апрѣля съ согласія Собранія и вопреки закону, три батальона изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, состоявшіе приблизительно изъ 1500 человѣкъ, тремя колоннами дефилировали по залѣ; первая колонна состояла изъ стрѣлковъ, а двѣ остальные изъ людей вооруженныхъ пиками „длиною въ 8—10 футовъ,“ производящихъ внушительное впечатлѣніе и имѣющихъ разнообразную форму, были тамъ, пики въ видѣ лавроваго листа, пики-трилистники, пики съ гранеными рукоятками, пики вродѣ вертеловъ, пики съ сердцеобразными наконечниками, пики съ змѣинымъ жаломъ, пики на подобіе вилки, пики съ кинжалами, пики съ сѣкирами, пики съ пѣтушиными гребешками, пики съ острыми рогами, пики въ видѣ копья, покрытаго желѣзными шипами.—А по другую сторону Сены тоже были составлены и вооружены три батальона изъ Сентъ-Марсельскаго предмѣстья. Это составило ядро въ 3.000 воиновъ, а въ остальныхъ кварталахъ Парижа можно было набрать столько-же. Прибавьте къ этому всѣхъ канонировъ изъ шестидесяти батальоновъ національной гвардіи, почти всѣхъ кузнецовъ, слесарей, коноваловъ и большинство жандармовъ, бывшихъ солдатъ, исключенныхъ изъ полковъ за нарушеніе дисциплины и естественно сочувствующихъ мятежу; всего, не считая сопровождающихъ ихъ бродягъ и обыкновенныхъ разбойниковъ, наберется около девяти тысячъ человѣкъ, невѣжественныхъ, увле-

кающихся, но дѣятельныхъ, хорошо вооруженныхъ, составляющихъ цѣлый корпусъ, готовый къ выступленію и къ нападенію. Наряду съ краснобайствующими властями выступаетъ настоящая сила, настоящая, ибо она дѣйствуетъ и одна она дѣйствуетъ, какъ нѣкогда въ Римѣ преторьянцы цезарей, какъ нѣкогда въ Багдадѣ турецкая гвардія калифовъ, она отнынѣ становится повелительницей столицы, а при посредствѣ столицы всего государства.

III.

Каково войско, таковы и вожди; для воловъ въ качествѣ погонщиковъ нужны непремѣнно волопасы, превосходящіе ихъ на одну степень, но непремѣнно только на одну степень, одежда, голось и манеры которыхъ соответствовали бы ихъ званію, словомъ, простые пастухи, не отличающіеся, ни особой брезгливостью, ни разборчивостью въ средствахъ, грубые отъ природы или намѣренно огрубѣвшіе, не стѣсняющіеся прибѣгать къ уловкамъ барышниковъ и приемамъ боенъ, вышедшіе изъ народа или же притворяющіеся, что вышли изъ него: Саятеръ, пивоваръ изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, командиръ батальона Подкидышей (Enfants-Trouvés), высокій, полный, представительный человѣкъ, съ зычнымъ голосомъ, на улицѣ пожимающій налѣво и направо всѣмъ встрѣчнымъ руки, а дома угощающій всѣхъ посѣтителей на деньги герцога Орлеанскаго спиртными напитками; Лежандръ, мясникъ холерическаго темперамента, сохранившій и въ Конвентѣ свои замашки рѣзника; два или три иностранца и авантюриста; пригодные для устройства рѣзни и безъ предупрежденія пускающіе въ ходъ саблю и штыкъ.—Первый изъ нихъ итальянецъ, преподаватель англійскаго языка, Ротондо, бунтовщикъ по профессіи, который за воровство и убійство былъ въ послѣдствіи повѣшенъ въ Пьемонтѣ. Второй изъ нихъ полякъ, Лазовскій, бывший шеголь, красивый фатъ, который благодаря своей славянской безхарактерности сталъ однимъ изъ самыхъ разнузданныхъ санкюлотовъ; нѣкогда онъ занималъ очень выгодное мѣсто, но потомъ былъ грубо выброшенъ на мостовую и сталъ громить по клубамъ своихъ прежнихъ покровителей, теперь лишенныхъ былого могущества; его избрали капитаномъ канонировъ Сентъ-Марсельскаго батальона и онъ былъ однимъ изъ видныхъ сентябрьскихъ убійцъ; но его салонный темпераментъ оказался недостаточно, выносимымъ для его уличной роли и онъ умеръ къ концу года отъ лихорадки и неумѣреннаго употребленія водки. Третій тоже принадлежитъ къ числу главныхъ сентябрьскихъ убійцъ, это Фурнье, по прозванію Американецъ, бывший плантаторъ, вынесшій изъ Санъ-Доминго презрѣніе къ человѣческой жизни: „съ своимъ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и мрачнымъ взглядомъ, съ своими усамн, съ своимъ тройнымъ кушакомъ, униженнымъ пистолетамн, съ своей безпрестанной божьбой онъ былъ похожъ на пирата.“ Наряду съ ними слѣдуетъ отмѣтить маленькаго горбатаго адвоката, Кюпретъ-Верриера, отличавшагося невѣроятной болтливостью; 7 октября 1789 года онъ гарцовалъ на большой бѣлой лошади, а затѣмъ сталъ защитникомъ Марата; благодаря этимъ

двумъ фактамъ, его фигурка маріонетки запечатлѣлась въ народномъ воображеніи; кромѣ того грубымъ гулякамъ, собиравшимся по ночамъ у Сантера, нуженъ былъ человѣкъ, владѣющій перомъ и по всей вѣроятности, онъ игралъ у нихъ роль секретаря.—Къ этой компаніи принадлежали еще другіе сподвижники, занимавшіе болѣе зависимое положеніе: „виноторговецъ, Бріеръ, саперъ изъ батальона Подкидышей, Никола и такъ называемый побѣдитель Бастиліи, Гоноръ,“ затѣмъ Россиньоль, бывшій солдатъ, потомъ компаньонъ серебряника, который, послѣ того какъ онъ руководилъ рѣзней въ де-ла-Форсъ, въ качествѣ скороспѣлаго генерала отправился въ Вандею, гдѣ отличился полной бездарностью, бражничествомъ и разбоями; и еще нѣкоторые: безусловно Гюгененъ, раззорившійся бывшій адвокатъ, ставшій потомъ карабинеромъ, затѣмъ дезертиромъ, послѣ того таможеннымъ чиновникомъ, потомъ главнымъ ораторомъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья и наконецъ президентомъ сентябрьской Коммуны; безъ сомнѣнія также знаменитый краснойбай изъ Пале-Рояля, Сентъ-Юрюжъ, прозванный *отцомъ Адамомъ*, свихнувшійся съ пути маркизь, который пьянствовалъ съ тряпичниками, одѣвался какъ носильщикъ, разгуливалъ съ дубинкой и таскалъ за собой повсюду разныхъ сбродъ.—Вотъ и всѣ вожди; якобинцы изъ муниципалитета и собранія поддерживаютъ предпріятіе лишь своимъ одобреніемъ и потворствомъ; важно, что-бы мятежъ казался неподготовленнымъ, внезапно вспыхнувшимъ; изъ благоразумія-ли или стыдливости, жирондисты Петіонъ, Манюель и даже Дантонъ остаются въ тѣни, да имъ и незачѣмъ выступать оттуда.

Тѣ и другіе, такъ близко стоящіе къ народу и такъ крѣпко спаянные съ толпою, лучше придумаютъ для своей рати подходящій и понятный для нея романъ; это будетъ романъ, приспособленный къ размѣрамъ, складу и развитію ихъ ума, мрачный и незамысловатый, какъ рассказы для юношества или, вѣрнѣе, какъ балаганная мелодрама, съ добрыми по одну сторону и злыми по другую и помѣщеннымъ въ центрѣ людоедомъ, тираномъ, безбожнымъ измѣнникомъ, который въ концѣ концовъ долженъ быть изобличенъ и наказанъ по заслугамъ. И все это повѣствуется выпрепнымъ слогомъ и заканчивается пропѣтымъ хоромъ припѣвомъ.

Грубымъ мозгомъ возбужденнаго рабочаго политика можетъ быть усвоена лишь въ видѣ такъ топорно вытесанныхъ и раскрашенныхъ образовъ какъ *Карманьола*, *Марсельеза* и *Ca ira*. Поэтому создаютъ подходящую для него легенду и подъ этимъ увеличительнымъ и обезображивающимъ стекломъ, самое добродушное лицо принимаетъ сатанинское очертаніе. Ему представляютъ Людовика XVI „въ видѣ чудовища, употребляющаго свою власть и свои сокровища во вредъ французамъ, стараясь помѣшать ихъ возрожденію. Это новый Карлъ IX, который принесетъ Франціи гибель и смерть. Погоди, извергъ, придетъ конецъ твоимъ злодѣяніямъ! Дамьенъ былъ менѣе тебя виновенъ. Онъ былъ наказанъ жесточайшими пытками за то, что хотѣлъ избавить Францію отъ чудовища. А ты, чье покушеніе въ двадцать пять

милліоновъ разъ больше, пользуешься безнаказанностью!.. Сбросимъ подъ ноги этотъ царственный идолъ! Трепещите, тираны, еще найдутся среди насъ Сцевола!“!.. Все это говорится, декламируется или вѣрнѣе выкрикивается всенародно, среди бѣлаго дня подъ окнами короля, взбирающимся на стулья ораторами, а изъ комитета, засѣдающаго у Сантера, ежедневно выходятъ подобныя воззванія, то въ видѣ плакатовъ, расклеиваемыхъ въ предмѣстьяхъ, то въ видѣ петицій, рассылаемыхъ по отдѣленіямъ и клубамъ, то наконецъ въ видѣ предложеній, которыя дѣлаются разнымъ группамъ, какъ-то: „пале-рояльской, тюльерійской группѣ Гревской площади и въ особенности группѣ Бастильской“. Со 2 іюня вожаки основали въ церкви „Подкидышей“ (des Enfants Trouvés) новый клубъ, чтобы имѣть свою спеціальную лабораторію и работать на мѣстѣ. Они какъ демагоги Платона хорошо изучили свое ремесло, они знаютъ отъ какихъ криковъ трепещетъ народное животное, какія тѣни пугаютъ его, какая приманка облазняетъ и по какому пути легче всего его увлечь, но достаточно соблазнить его и увлечь, чтобы оно слѣпо помчалось впередъ, гонимое собственнымъ порывомъ, давя и уничтожая все попадающее ему на пути.

IV.

Приманка прекрасно выбрана и еще того лучше устроена рѣшено праздновать годовщину клятвы въ Же-де-Помъ. На террасѣ у фельянтинцевъ посадятъ дерево Свободы и подадутъ Собранію, а затѣмъ королю „соотвѣтствующія обстоятельствамъ петиціи“, во избѣжаніе всякихъ неожиданностей и для внушенія злонамѣреннымъ людямъ почтенія просители будутъ вооружены. Всякое народное шествіе привлекательно, а тутъ столько рабочихъ не знаютъ, чѣмъ заполнить свой праздничный день! Еще того пріятнѣе участвовать въ патриотической оперѣ, а притомъ многіе, въ особенности женщины и дѣти такъ страстно желаютъ посмотрѣть на „Господина и Госпожу Veto“. Были приглашены крестьяне изъ пригородныхъ селъ; всевозможные бродяги и бездомные оборванцы конечно тоже примкнутъ къ этому предпріятію, кромѣ того, всегда можно рассчитывать на столь многочисленныхъ въ Парижѣ зѣвакъ, на празднующихся, столь падкихъ на всякое зрѣлище, наконецъ на любопытныхъ, которые даже въ наши дни цѣлыми сотнями толпятся на набережной, чтобы посмотрѣть на упавшую въ Сену собаку. Все это вмѣстѣ взятое составитъ внушительную армію, которая безсознательно послѣдуетъ за своей головой.

20 іюня уже съ 5-ти часовъ утра въ Сентъ-Антуанскомъ и Сентъ-Марсельскомъ предмѣстьяхъ собрались многочисленные толпы людей, состоявшія изъ національныхъ гвардейцевъ, людей вооруженныхъ пиками, канонировъ съ пушками, мужчинъ вооруженныхъ саблями и палками, женщинъ и дѣтей. Положимъ, только что наклеенное на стѣны официальное распоряженіе воспрещало всякія уличныя сборища, а муниципальные чиновники съ шарфами черезъ плечо убѣждали и умоляли толпу не нарушать за-

кона. Но въ народномъ мозгу идеи столь же упорны, какъ и кратковременны. Всѣ рассчитывали на патріотическую процессію, ради нея всѣ поднялись ни свѣтъ, ни заря, ужъ лошади запряжены въ лафеты пушекъ, майское деревцо положено на повозку, все готово для церемоніи; всѣ приготовились принять участіе въ торжествѣ и не желаютъ не солоно хлебавши возвращаться домой. При томъ у нихъ самыя благія намѣренія, они не хуже муниципальных чиновниковъ знаютъ законъ и „если они вооружились, то исключительно съ цѣлью заставить уважать и соблюдать его“. Наконецъ, другіе просители уже являлись вооруженными въ Національное Собраніе; они не хуже ихъ и „если всѣ равны передъ закономъ“, то разъ допустили тѣхъ, допустить и этихъ. Во всякомъ случаѣ, они попросятъ разрѣшенія у Собранія, за этимъ собственно они и идутъ туда. Но послѣдній аргументъ лучше всѣхъ остальныхъ: желая доказать муниципальнымъ чиновникамъ, что у нихъ нѣтъ намѣренія устроить мятежъ, мятежники предлагаютъ имъ присоединиться къ ихъ шествію.

Однако часы бѣгутъ и въ раздраженной ожиданіемъ толпѣ замѣчается движеніе, наиболее нетерпѣливые, наиболее грубые и привыкшіе немедленно приводить въ исполненіе свои замыслы, руководятъ остальными. Въ главной квартирѣ Валь-де-Граса, вооруженные пиками люди набросились на пушки и потащили ихъ; національные гвардейцы не сопротивлялись имъ; командиры Сенъ-При и Леклеркъ, подъ угрозой смерти вынуждены были слѣдовать за ними, продолжая протестовать. Почти тоже происходитъ въ Монтрейльской части: сопротивленіе четырехъ батальонныхъ командировъ изъ шести, приводитъ лишь къ тому, что самая неограниченная власть сосредоточивается въ рукахъ зачинщика бунта и отнынѣ Сантеръ становится единственнымъ вождемъ всего сборища. Около половины двѣнадцатаго онъ выходитъ изъ своей пивоварни и окруженный орудіями и знаменами, сопровождаемый повозкой, на которую водруженъ тополь, онъ становится во главѣ кортежа, состоящаго приблизительно „изъ тысячи пятисотъ человекъ, включая туда любопытныхъ“; но толпа по дорогѣ растетъ, какъ снѣжный комъ, и представъ предъ Національнымъ Собраніемъ, онъ привелъ съ собою отъ семи до восьми тысячъ человекъ. Въ отвѣтъ на сдѣланное Гаде и Верньо предложеніе, просителей вводятъ въ залу; ихъ присяжный ораторъ Гюгененъ въ высокопарной и угрожающей рѣчи обвиняетъ министровъ, короля, осужденныхъ въ Орлеанѣ депутатовъ правой стороны, требуетъ „крови“ и заявляетъ, что народъ „поднялся“ и готовъ съ оружіемъ въ рукахъ добиться правосудія. Затѣмъ подъ звуки музыки и съ барабаннымъ боемъ черезъ залу въ теченіе часа подъ наблюденіемъ Сантера и Сенъ-Юрюжа проходитъ вся толпа: то тамъ, то сямъ мелькаютъ отдѣльные взводы національной гвардіи, расплывшіеся въ толпѣ, затерявшіеся „въ странствующемъ лѣсу пней“, остальные же являются типичнѣйшими представителями черни, все это—говоритъ одинъ депутатъ—„гнусныя фізіономіи“, на которыя нужда и распутство наложили свою печать, жалкіе оборванцы, „полу-голые“, безъ кафтановъ и камзоловъ, вооружен-

ные чѣмъ попало, кухонными вилками, рѣзаками, лезвіями ножей прикрѣпленными къ палкамъ, одинъ изъ нихъ гордо несъ пилу воткнутую наконецъ десятифунтоваго шеста; среди нихъ видѣлись женщины и дѣти, нѣкоторыя изъ нихъ размахивали саблями; надъ головами толпы колыхались старыя штаны, прикрѣпленные къ пикѣ, съ девизомъ: *да здравствуютъ Санкюлоты*; а на вилахъ высилось телячье сердце съ надписью: *сердце аристократа*, многозначительныя эмблемы, отличающіяся зловѣщей игривостью, какія можетъ придумать для политическаго маскарада лишь воображеніе ветошника или мясника.—И дѣйствительно это похоже на карнавальное шествіе, всѣ на-веселѣ, многіе пьяны. Но однако парада имъ мало, они хотятъ еще повеселиться: проходя черезъ залу поютъ *Ça ira* и въ промежуткахъ пляшутъ. Въ то же время даютъ доказательства своего патріотизма, восклицая: „*да здравствуютъ патріоты!* и *Долой veto!*“ На ходу братаются съ хорошими депутатами съ лѣвой стороны, а по адресу правыхъ отпускаютъ разныя грубыя шуточки, грозятъ имъ кулаками; одному изъ нихъ, извѣстному своимъ высокимъ ростомъ, заявляютъ, что расправятся съ нимъ по своему при первой же возможности. Такимъ образомъ передъ Собраніемъ проходятъ ряды вполне готовыхъ и на все готовыхъ, даже выступить противъ него самого, сподвижниковъ.

Однако, если не считать сломанной отъ напора толпы садовой рѣшетки и вторженія черни на террасу фельянтинцевъ, не было совершенно ни одного насилія, впрочемъ за исключеніемъ рѣдкихъ моментовъ возбужденія доходящаго до бѣшенства, парижскій людъ отличается скорѣе болтливостью и ротозѣйствомъ, чѣмъ свирѣпостью; къ тому же до сихъ поръ ему не было оказано ни малѣйшаго сопротивленія. Теперь онъ до пьяна упился парадомъ и возможностью накричаться вволю; многіе ужъ зѣваютъ отъ усталости и скуки; часы показываютъ четыре, стало быть прошло ужъ десять или двѣнадцать часовъ какъ они на ногахъ. Человѣческая волна изъ зданья, гдѣ помѣщалось Собраніе вылилась на площадь Карусель, застыла тамъ и казалось готова была потечь въ свои обычные каналы. Но это не входило въ расчеты вожаковъ. Сантеръ, прибывшій туда вмѣстѣ съ Сентъ-Юрюжемъ, приходитъ къ заключенію, что тутъ необходимо послѣдній и рѣшительный толчокъ; онъ кричитъ своимъ людямъ: „Почему вы не пошли во дворецъ? Надо проникнуть туда, вѣдь только затѣмъ и явились мы сюда“. „Карусель покоренъ нами—восклицаетъ одинъ лейтенантъ валь-де-грасскихъ канонировъ,—необходимо покорить также и дворецъ. Сегодня впервые выступаютъ валь-де-грасскіе канониры; они не измѣнники и не предатели. За мной, молодцы канониры, впередъ на врага! Между тѣмъ по другую сторону двери муниципальные чиновники, выбранные Петюномъ изъ самыхъ ярыхъ революціонеровъ совѣта, своими рѣчами и внушеніями стараются сломить сопротивленіе. „Прежде всего—говоритъ одинъ изъ нихъ по имени Мусе—право подавать петиціи священно“. „Отворите дверь—кричатъ Сержанъ и Буше-Ренэ—никто не смѣетъ запираить ее, каждый гражданинъ имѣетъ право входить сюда“!

Одинъ изъ канонировъ поднимаетъ засовъ, дверь раскрывается, въ одно мгновеніе дворъ наполняется, толпа такъ порывисто устремляется подъ сводъ и на большую лѣстницу, что приподнятая на рукахъ одна изъ валь-де-грасскихъ пушекъ черезъ нѣсколько минутъ попадаетъ въ третью залу перваго этажа. Двери трещатъ подъ ударами топоровъ и въ большой залѣ круглыхъ окошекъ (l'Oeil-de-Boeuf) толпа сталкивается лицомъ къ лицу съ королемъ.

При подобныхъ обстоятельствахъ всѣ представители общественной власти, директоріи, муниципалитеты, военные начальники, а 6 октября и самъ король, всегда до сихъ поръ уступали имъ; они уступали или погибали. Увѣренный въ благопріятномъ исходѣ, Сантеръ предпочитаетъ не выступать на первый планъ; какъ человѣкъ осторожный онъ старается ступешаваться, сторонится и даетъ увлечь себя въ комнату Совѣта, гдѣ пріютились королева, маленькій дофинъ и женщины. Тамъ онъ заслоняетъ ихъ своимъ громаднымъ ростомъ, своею широкою грудью и не допускаетъ бесполезныхъ и позорящихъ убійствъ. Однако онъ не забываетъ о томъ что происходитъ въ залѣ Круглыхъ Окошекъ (l'Oeil-de-Boeuf); онъ увѣренъ, что тамъ и безъ него все будетъ сдѣлано какъ слѣдуетъ и повидимому его расчетъ былъ вѣренъ. Съ одной стороны въ амбразурѣ окна на скамейкѣ сидитъ король, онъ тутъ одинъ, а передъ нимъ въ качествѣ его единственной защиты стоитъ четыре или пять человѣкъ національныхъ гвардейцевъ, съ другой стороны разсѣянная по всѣмъ комнатамъ несмѣтная толпа, все возрастающая съ часу на часъ, по мѣрѣ того, какъ слухъ о вторженіи распространился по сосѣднимъ кварталамъ; пятнадцать или двадцать тысячъ человѣкъ, грандіозное сборище, безпорядочный водоворотъ мятущихся тѣлъ, настоящее грозное море, приливъ или отливъ котораго въ состояніи разбить о стѣну десятеро большія препятствія, дикий ревъ, отъ котораго дребезжатъ стекла, „страшныя завыванія“, проклятія, брань. „Долой господина Veto. Къ чорту veto! Верните министровъ-патриотовъ! Онъ долженъ подписать это, а то мы не уйдемъ отсюда безъ его подписи“. Впереди всѣхъ выступаетъ, болѣе рѣшительный чѣмъ Сантеръ, Лежандръ, онъ рекомендуетъ себя ораторомъ и уполномоченнымъ народа владыки. „Monsieur—говоритъ онъ, обращаясь къ королю и замѣчая изумленіе послѣдняго, снова повторяетъ:—да, Monsieur, выслушайте насъ, это ваша прямая обязанность. Вы предатель, вы всегда насъ обманывали, вы и теперь обманываете насъ, но берегитесь чаша народнаго терпѣнія переполнилась и народъ усталъ служить вамъ игрушкой. „Sige, sige!—вопить другой бѣсноватый—я требую отъ имени ста тысячъ душъ окружающихъ меня возвращенія министровъ-патриотовъ!.. Я требую утвержденія декрета, изданнаго противъ священниковъ и еще 20 тысячъ человѣкъ. Согласитесь санкционировать его или вы погибнете!“ Угроза эта чуть было не была приведена въ исполненіе. Первые ряды наступающей толпы врываются въ залу „съ пиками на перевѣсъ“, изъ ихъ среды выдѣляется „разбойникъ“ съ прикрѣпленнымъ къ палькѣ заржавѣвшимъ, но, „очень

острымъ клинкомъ шпаги, который онъ „направилъ“ какъ разъ на короля. Затѣмъ еще нѣсколько разъ попытка совершить это убійство упорно возобновляется тремя или четырьмя фанатиками, рѣшившими во что бы то ни стало убить короля и стремившимися привести въ исполненіе свое намѣреніе; одинъ изъ нихъ рябой, одѣтый въ рубище „возбуждаетъ себя самыми грязными выраженіями“, второй „такъ называемый побѣдитель Бастиліи“, одинъ изъ сподвижниковъ Фулона и Бертъе, изгнанный изъ своего батальона; третій рыночный носильщикъ, который „въ продолженіе цѣлаго часа“ дѣлаетъ неимоверныя усилія, чтобы пробраться къ королю и проткнуть его своей саблей. Но ничто не дѣйствуетъ; не взирая на всѣ угрозы, король остается совершенно спокоенъ. Онъ беретъ руку пытавшагося его успокоить гренадера и кладетъ ее себѣ на грудь, произнося: „Посмотри такъ ли бьется сердце, взволнованное страхомъ“. А Лежандру и всѣмъ остальнымъ требующимъ отъ него санкціонированія декретовъ, онъ отвѣчаетъ безъ тѣни волненія: „Я никогда не преступалъ границъ Конституціи... И впродѣ я буду поступать согласно духу Конституціи и ея декретовъ... А это вы нарушаете законъ.—И почти впродолженіи трехъ часовъ, все время стоя, осаждаемый на своей скамейкѣ, онъ упорно отстаиваетъ свое мнѣніе, не проявляя при этомъ ни малѣйшаго признака слабости или гнѣва.—Въ концѣ концовъ такое самообладаніе производитъ свое дѣйствіе и зрители выносятъ совсѣмъ не то впечатлѣніе, котораго они ожидали. Ибо несомнѣнно находящаяся предъ ними личность не похожа на то чудовище, которое имъ рисовали, это вовсе не величественный и мрачный тиранъ, не свирѣпый и угрюмый Карлъ IX, котораго они освистываютъ въ театрѣ. Они видятъ передъ собою довольно полного человѣка съ спокойнымъ и привѣтливымъ лицомъ, котораго можно бы принять, если бы не его голубая орденская лента, за самага миролюбиваго буржуа, рядомъ съ нимъ находятся его министры, три или четыре человѣка одѣтые во все черное, честные люди и хорошіе чиновники, которые кажутся тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ; въ амбразурѣ другаго окна стоитъ сестра короля, madame Елизавета, юное созданіе съ кроткимъ и непорочнымъ лицомъ. Этого мнимый тиранъ, на видъ такой же человѣкъ какъ и всѣ остальные; онъ говоритъ разумно, онъ утверждаетъ, что законъ на его сторонѣ и никто не опровергаетъ этого; быть можетъ онъ не такъ ужъ виновенъ, какъ они полагали. Если бы только онъ захотѣлъ стать хорошимъ патріотомъ!—Одна женщина размахиваетъ шпагой, украшенной кокардой, онъ дѣлаетъ движеніе, ему передаютъ шпагу, онъ поднимаетъ ее вверхъ, и восклицаетъ вмѣстѣ съ толпой: „*Да здравствуетъ нація!*“ Вотъ уже хорошій знакъ.

На концѣ длиннаго шеста раскачивается красный колпакъ, кто-то передаетъ его королю, онъ его надѣваетъ на голову, раздаются бѣшенныя рукоплесканія и крики: *Да здравствуетъ нація! Да здравствуетъ свобода!* и даже *Да здравствуетъ король.*—Теперь ужъ главнѣйшая опасность миновала. И не то чтобы осаждающіе отказались отъ осады: „Онъ прекрасно поступилъ, надѣвъ

нолпакъ—говорятъ они,—а не то не одобровать бы ему и если онъ этакой с... с... не утвердить декрета касающагося священниковъ и лагеря, мы станемъ ежедневно приходить сюда; такимъ образомъ мы замучаемъ его и заставимъ бояться насъ“.—Но вотъ дѣло клонится къ вечеру; духота становится невыносимой; усталость сильнѣе даетъ себя чувствовать, король теперь не такъ одинокъ и лучше защищенъ; къ нему удалось пробраться пяти или шести депутатамъ, трѣмъ муниципальнымъ чиновникамъ и нѣсколькимъ офицерамъ національной гвардіи, подъ конецъ является даже самъ Петіонъ и взобравшись на одно изъ кресель, сталъ со свойственной ему льстивой манерой убѣждать народъ разойтись. Въ то же время Сантеръ, понимая, что удобный случай упущенъ, разыгрываетъ роль избавителя и кричитъ своимъ грубымъ голосомъ: „я отвѣчаю за королевскую семью: не мѣшайте мнѣ!“ Национальные гвардейцы выстраиваются передъ королемъ шпалерою и медленно, нехотя, по настоянію мэра часамъ къ восьми вечера толпа очищаетъ залы.

ГЛАВА VI.

I. Негодваніе конституціоналистовъ.—Причина ихъ слабости.—Жирондисты возобновляютъ наступленіе.—Ихъ двойственный планъ.—II. Давленіе оказываемое на короля.—Петіонъ и Манюель возвращены на свои мѣста.—Городская ратуша.—Министры вынуждены подать въ отставку.—Агитація якобинцевъ противъ короля.—Давленіе оказываемое на Собраніе.—Петиція парижской Коммуны.—Угрозы просителемъ и галерки.—Засѣданіе 8 августа.—Двойной уронъ якобинской стратегіи.—III. Жирондисты работаютъ въ пользу якобинцевъ.—Военная сила удалена или дезорганизована.—Созывъ федерации.—Врестцы и марсельцы.—Публичность засѣданій Законодательнаго Собранія.—Продолжительность засѣданій Законодательнаго Собранія и отдѣленій.—Впечатлѣніе произведенное этими двумя мѣрми.—Центральное бюро секцій въ Городской Ратушѣ:—Происхожденіе и образованіе революціонной Коммуны.—VI. Тщегныя усилія жирондистовъ затормозить дѣло.—Тревога якобинцевъ, ихъ экзальтированность, ихъ программа.—V. Вечеръ 8 августа.—Засѣданіе 9 августа.—Утро 10 августа.—Секціи.—Коммиссары секцій въ Городской ратушѣ.—Революціонная Коммуна смѣняетъ законную Коммуну.—VII. Десятое августа.—Силы короля.—Ослабленіе сопротивленія.—Король въ Национальномъ Собраніи.—Схватка во дворцѣ и обезоруженіе швейцаровъ.—По призыванію короля очищаютъ дворецъ.—Избѣженія.—Рабочіе Собранія и его декреты.—VIII. Состояніе Парижа во время междоусобствъ.—Главная масса населенія.—Второстепенные якобинцы.—Пріемы тактики якобинцевъ.

I.

Разъ попытка не удалась, то слѣдуетъ возобновлять ее. Это тѣмъ болѣе необходимо, что партія сбросила маску и со всѣхъ сторонъ „честные люди“ выражаютъ негодваніе, что Конституція подчинена произволу самой низкой черни. Почти всѣ высшія административныя учрежденія, семьдесятъ пять директорій департаментовъ выражаютъ сочувствіе по поводу письма Лафайета или же отвѣчаютъ ободреніемъ на сдержанное и исполненное благородства заявленіе короля, въ которомъ онъ сообщаетъ о совершенныхъ надъ нимъ насиліяхъ съ грустью и непоколебимой кротостью отстаиваетъ свои законныя права. Множество городовъ, большихъ и маленькихъ, благодарятъ его за проявленную

имъ твердость и люди подписывающіе эти адреса по большей части принадлежатъ къ числу самыхъ почтенныхъ гражданъ данной мѣстности, это кавалеры ордена Святаго Людовика, бывшіе офицеры, судьи, окружные администраторы, врачи, нотаріусы, адвокаты, сборщики податей, почтдиректора, фабриканты, неогцианты, люди съ положеніемъ, словомъ самые значительные и уважаемые. Въ Парижѣ такого рода петиція, составленная двумя бывшими членами учредительнаго Собранія, состояла изъ 247 страницъ подписей засвидѣтельствованныхъ 99 нотаріусами. Даже въ главномъ совѣтѣ Коммуны большинство открыто выражаетъ порицаніе мэру Петіону, прокурору-синдику Манюелю, полицейскимъ чиновникамъ Панису, Сержану, Вигеру и Перрону. Уже съ вечера 20 іюня совѣтъ департамента возбуждаетъ слѣдствіе, наблюдаетъ за веденіемъ его, торопитъ его и доказываетъ самыми достовѣрными документами намѣренное бездѣйствіе, лицемѣрное потворство, двуличіе главнаго прокурора и мэра; онъ ихъ отрѣшаетъ на нѣкоторое время отъ должности; онъ ихъ обвиняетъ предъ судомъ, также какъ и Сантера и его соучастниковъ. Наконецъ, Лафайетъ, чтобы своимъ присутствіемъ придать силу своему мнѣнію, является лично въ Національное Собраніе съ требованіемъ „рѣшительныхъ“ мѣръ противъ захвата яacobинской „секты“ и наказанія подстрекателей волненій 20 іюня, „какъ преступниковъ противъ націи“. Послѣдній и наиболѣе знаменательный симптомъ: въ Собраніи его поступокъ одобряется большинствомъ ста голосовъ.

Всѣ эти попытки однако должны потерпѣть крушеніе; такъ оно и будетъ, потому что намѣренія конституціоналистовъ, кто бы они ни были, король, депутаты, министры, генералы, администраторы, именитые граждане національные гвардейцы,—намѣренія ихъ ограничиваются лишь словами; причина этого лежитъ въ томъ, что они люди цивилизованные, издавна привыкшіе къ правильнымъ общественнымъ приемамъ, испоконъ вѣковъ заинтересованные въ исполненіи закона, взволнованные мыслью о послѣдствіяхъ, трепещущіе отъ всевозможныхъ предположеній, не способные понять, что въ томъ первобытномъ состояніи, къ которому возвратилась Франція, должно руководствоваться лишь одной идеей, этой идеей человѣка принявшаго объявленную войну, отвѣчающаго нападеніемъ на нападеніе и выходящаго изъ дому съ заряженнымъ ружьемъ противъ дикихъ разрушителей человѣческаго общества. Никто не поддерживаетъ Лафайета, единственнаго человѣка имѣвшаго мужество выступить открыто; на общее собраніе, созванное имъ на Елисейскихъ Поляхъ, приходитъ только сто человѣкъ. На собраніи постановляютъ на слѣдующій же день выступить противъ яacobинцевъ и закрыть ихъ клубъ, если на это выступленіе ихъ наберется до 300 человѣкъ, но на другой день является лишь 30 человѣкъ, Лафайету ничего больше не остается, какъ покинуть Парижъ и выразить свой протестъ новымъ письмомъ. Протесты, ссылки на конституцію, на право, на общественное благо, на здравый смыслъ, красиво построенныя положенія, одни лишь слова ея писанія—вотъ все, что мы видимъ

съ этой стороны; къ сожалѣнію, въ разгорающейся борьбѣ рѣчи и писаніе ни къ чему не приводятъ.—Представьте себѣ споръ между двумя людьми; одинъ изъ нихъ рассуждаетъ логично, другой лишь красиво выкрикиваетъ, но за то ведетъ за собой въ видѣ помощи огромнаго пса, котораго, встрѣтивъ на своемъ пути, сумѣлъ приласкать и приманить. Для пса всѣ прекрасные выводы равносильны измаранной бумагѣ или шуму въ пространствѣ; съ глазами загорѣвшимися и устремленными на своего временнаго хозяина, онъ ждетъ лишь сигнала, чтобы броситься на противника, которыхъ ему укажутъ. 20 іюня, онъ едва не задушилъ одного, и запачкалъ его своей слюной. 21 іюня онъ готовъ возобновить нападеніе. Въ теченіе послѣдующихъ пятидесяти дней онъ не перестаетъ рычать, сначала глухо, а затѣмъ съ ужасающей силой. 25 іюня, 14 іюля, 27 іюля, 3 августа, 5 августа онъ все еще набрасывается и его съ трудомъ сдерживаютъ. Однажды 29 іюля его клыки даже впились въ живое тѣло. При каждомъ поворотѣ въ парламентскихъ преніяхъ, беззащитный приверженецъ конституціи видитъ передъ собою эту зіяющую пасть; послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ бросаетъ самъ или не прелятствуетъ бросать другимъ на съѣденіе псу всѣ декреты, на которые указываютъ жирондисты. Увѣренные въ своей силѣ, жирондисты возобновляютъ атаку, и планъ ихъ кампаніи, кажется, искусно придуманъ. Они согласны терпѣть короля на престолѣ, но съ условіемъ, чтобы онъ изображалъ лишь манекена, чтобы онъ вернулъ министровъ патриотовъ, чтобы предоставилъ имъ право выбрать воспитателя для дофина, чтобы оставилъ Лафайета. Въ противномъ случаѣ собраніе свергнетъ его съ престола и захватитъ исполнительную власть къ свои руки. Такова ловушка съ двумя выходами, въ которую они загнали собраніе и короля. Если король, загнанный въ тушику не воспользуется первымъ выходомъ, то Собраніе, поставленное въ затруднительное положеніе, прибѣгаетъ ко второму выходу, и въ обоихъ случаяхъ жирондисты окажутся господами Франціи, либо какъ всемогущіе министры покойнаго короля, либо какъ полновластные депутаты покореннаго Собранія.

II.

Для этой цѣли они принимаются прежде всего за короля, и запугиваніемъ стараются принудить его ко всему. Они возстановляютъ въ должности Петіона и Манюэля и приводятъ ихъ обратно въ городскую ратушу. Отнынѣ послѣдніе станутъ безнаказанно и безконтрольно господствовать въ Парижѣ, потому что директорія департамента подала въ отставку; нѣтъ больше высшей власти, которая бы имъ помѣшала требовать вооруженную помощь и пользоваться ею по собственному усмотрѣнію, они теперь свободны отъ всякаго подчиненія и контроля. Итакъ, король Франціи въ прекрасныхъ рукахъ, въ рукахъ тѣхъ, которые 20 іюня не только отказались обуздать звѣря-народъ, но и объявили, что онъ хорошо дѣйствовалъ, имѣлъ на то право и воленъ

снова возобновить свою попытку. По ихъ мнѣнію дворець монарха принадлежитъ всему народу: каждый имѣетъ право туда войти, какъ въ кофейню; во всякомъ случаѣ муниципалитетъ не долженъ этому препятствовать, если только его занятія происходятъ въ иномъ помѣщеніи: „развѣ кромѣ Тюльери и короля нечего болѣе оберегать въ Парижѣ“? — Другой маневръ: они уничтожаютъ всѣ орудія, находящіяся въ рукахъ короля. Какъ бы ни были почтенны и безобидны его новые министры, стоитъ имъ лишь появиться въ Собраніи, чтобы по ихъ адресу понеслись шиканья съ трибуны. Изнаръ, указывая пальцемъ на главнаго изъ нихъ, восклицаетъ: „Вотъ предатели!“ Всѣ народныя преступленія имъ вмѣняются въ вину, и Гаде объявляетъ, что „какъ совѣтники короля“ они отвѣтственны за всѣ „смуты“, которыя могутъ возникнуть вслѣдствіе двойного veto. Партія не только объявляетъ ихъ виновниками вызванныхъ ею же насилій, но даже требуетъ ихъ жизни, для искупленія совершенныхъ ею же злодѣяній. „Сообщите Франціи, говорить Верньо, что отнынѣ министры отвѣчаютъ собственными головами за всѣ беспорядки, возникающіе на религіозной почвѣ“.

„Кровь, пролитая въ Бордо, говоритъ Дюко, — должна пасть на исполнительную власть“. Лякурсъ предлагаетъ „наказывать смертью“ не только министровъ, которые не прикажутъ немедленно же выполнять утвержденной декретъ, но и чиновниковъ, если они не станутъ выполнять приказаній министра. Всегда, во всѣхъ случаяхъ смерть всѣмъ, не принадлежащимъ къ ихъ сектѣ. Подъ давленіемъ этого непрерывнаго террора министры постоянно подають въ отставку и король принужденъ немедленно назначать новыхъ; между тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ положеніе еще опаснѣе, собраніе постановляетъ, что отнынѣ они всѣ будутъ „отвѣтственны взаимно“. Ясно, что всѣ эти мѣры направляются не столько противъ министровъ, сколько противъ короля, и жироидисты не брезгаютъ ни чѣмъ, чтобы сдѣлать для него царствованіе невозможнымъ. Онъ подписываетъ и этотъ новый декретъ; онъ не протестуетъ; на претерпѣваемыя имъ преслѣдованія, онъ отвѣчаетъ лишь молчаніемъ и только иногда — изліяніемъ своего добраго, благороднаго сердца, кроткою, трогательною мольбою; похожею на безконечный стонъ. Но къ его скорбнымъ и искреннимъ призывамъ догматическое упорство и нетерпѣливое честолюбіе остается совершенно глухо; искренность принимается за новый обманъ; съ высоты трибуны Верньо, Бриссо, Торне и Кондорсэ обвиняютъ его въ измѣнѣ, требуютъ надѣлать собраніе правомъ низложенія его съ престола и подають сигналъ своимъ союзникамъ якобинцамъ. По призыву центрального общества всѣ филиальныя отдѣленія въ провинціяхъ приходятъ въ движеніе и революціонный механизмъ одновременно пускаетъ въ ходъ всѣ свои агитаціонныя машины, устраиваются сборища на общественныхъ площадяхъ, по стѣнамъ расклеиваются воззванія съ призывомъ къ убійству, идутъ зажигательные призывы въ клубахъ; угрозы съ трибуны, отправленіе оскорбительныхъ адресовъ и возмутительныхъ депутацій въ Собраніе. Послѣ тридцати шести

дней такого режима, жирондисты считают короля побѣжденнымъ и 26 іюля Гаде, а затѣмъ Бриссо обращаются къ нему съ настоятельными послѣдними требованіями. Глубокое заблужденіе! какъ и 20 іюня, онъ отказывается: „никогда изъ среды жирондистовъ министровъ не будетъ“.

Такъ какъ онъ закрылъ одинъ изъ двухъ выходовъ, они пройдутъ другимъ, и если жирондисты не могутъ царствовать его именемъ, то они станутъ царствовать безъ него. Отъ имени Коммуны Петіонъ является самъ предложить этотъ планъ и требуетъ низложенія короля. „Предпринявъ этотъ серьезный шагъ, говоритъ онъ, ибо очень сомнительно, чтобы нація питала довѣріе къ нынѣшней династіи, мы требуемъ, чтобы министры взаимно отвѣтственные, назначенные національнымъ собраніемъ, но въ силу конституціоннаго закона не изъ среды членовъ его, *избранные открытымъ голосованіемъ свободныхъ гражданъ*, обладали бы временно исполнительною властью“. Проведеніемъ открытаго голосованія они надѣются оказывать давленіе на выборы; это явится однимъ изъ декретовъ, такъ же вынужденныхъ, какъ многіе другіе; большинство ужь давно терпитъ на себѣ то же давленіе, какъ и король. „Если вы намъ откажете въ нашихъ желаніяхъ, говорилось въ воззваніи отъ 23 іюня, мы подыдемъ оружіе и сразимъ измѣнниковъ всюду, гдѣ бы они не находились, даже и между вами“. „Среди васъ, говоритъ петиція отъ 6 августа, засѣдаютъ любимцы двора; пусть погибнетъ ихъ неприкосновенность, если они станутъ безнаказанно пользоваться пагубнымъ правомъ мѣшать народной волѣ!“—Въ Собраніи съ галлерей неслись невообразимые крики, голоса ораторовъ, выступающихъ противъ низложенія заглушаются; при помощи неумолкаемыхъ свистковъ ихъ принуждаютъ сходить съ трибуны. Иногда правая сторона отказывается отъ преній и оставляетъ залъ. Дерзость галлерей заходитъ такъ далеко, что неоднократно, когда оттуда несутся апплодисменты, почти все собраніе начинаетъ роптать: словомъ, большинство громко протестуетъ противъ своего порабощенія.—Но Собраніе должно быть осторожно: на трибунахъ и у всѣхъ входовъ въ собраніе толпятся федералисты, люди съ крѣпкимъ кулакомъ; они заставляютъ его голосовать за самую крайнюю мѣру, за декретъ, въ силу котораго долженъ быть вооруженный защитникъ конституціи и короля, заставить обвинить Лафайета. Для большей внушительности, жирондисты требуютъ поименной переключки: при такомъ способѣ обнародованныя и отпечатанныя имена укажутъ черни ея противниковъ и никто изъ этихъ послѣднихъ не сможетъ быть увѣреннымъ въ томъ, что вернется домой съ цѣлыми членами. Но Лафайетъ, либераль, демократъ, роялистъ, на столько же преданный революціи, какъ и закону, благодаря своей недалюзоркости, непослѣдовательности своихъ политическихъ идей, а также благородствомъ своихъ противорѣчивыхъ чувствъ, является какъ разъ личностью, выражающей лучше всего мнѣніе Собранія и Франціи. Къ тому же его популярность, его мужество и его армія представляютъ послѣднее убѣжище. Большинство сознаетъ, что предавая его, оно

предастъ самое себя и вотъ, большинствомъ 400 голосовъ противъ 224 его оправдываютъ.—Такимъ образомъ и съ этой стороны стратегія жирондистовъ оказалась ложной. Уже второй разъ власть ускользаетъ отъ нихъ; ни король, ни Собраніе не согласились предоставить имъ власть, они же не могутъ больше откладывать это дѣло, отсрочивать его до болѣе благоприятнаго случая, заставить ждать своихъ союзниковъ якобинцевъ. Тонкій шнурокъ, при помощи котораго, они держали на привязи революціоннаго пса, перервался въ ихъ рукахъ: песь выпущенъ и вотъ онъ на улицѣ.

III.

Никогда еще никто не поработалъ лучше для другихъ: всѣ мѣры, съ помощью которыхъ жирондисты надѣялись захватить власть, послужили лишь къ тому, чтобы вручить ее черни. Съ одной стороны, цѣлымъ рядомъ законодательныхъ декретовъ и муниципальных приказовъ они удалили и распустили вооруженную силу, единственную силу, бывшую въ состояніи укротить или утратить ее. 29 мая они распустили королевскую гвардію. 15 іюля они отсылаютъ изъ Парижа всѣ линейныя войска. 16 іюля они набираютъ для „образованія корпуса пѣшихъ жандармовъ, бывшихъ французскихъ гвардейцевъ, которые служили революціи въ эпоху 1 іюня 1789 года, офицеровъ, унтеръ-офицеровъ, канонировъ и солдатъ, соединенныхъ подъ знаменемъ свободы еще съ 12 іюля того же года“, иначе говоря, они набираютъ настоящихъ бунтовщиковъ и дезертировъ. 6 іюля во всѣхъ городахъ съ 50.000 жителями и болѣе они наносятъ полный ударъ національной гвардіи смѣной всего ея штаба, „аристократической корпораціи, какъ говоритъ одна петиція, нѣчто вроде современной феодальной системы, состоящей изъ измѣнниковъ, задающихъ цѣлью по своему усмотрѣнію направлять общественное мнѣніе“. Въ первыхъ числахъ августа они поражаютъ національную гвардію въ самомъ сердцѣ уничтоженіемъ нѣкоторыхъ стрѣлковыхъ и гренадерскихъ ротъ, набранныхъ изъ среды людей избранныхъ, состоятельныхъ, которые теперь, лишенные своего мундира, приравненные къ прочимъ, затерянные въ массѣ, видятъ сверхъ того какъ ихъ ряды разстраиваются всевозможнымъ сбродомъ, федералистами и людьми, вооруженными пиками. Наконецъ, къ довершенію путаницы, они приказываютъ, чтобы впредь ежедневный караулъ королевскаго замка состоялъ изъ гражданъ, взятыхъ отъ каждаго изъ шестидесяти баталіоновъ, такимъ образомъ начальники не знаютъ болѣе своихъ подчиненныхъ, подчиненные не чувствуютъ уже довѣрія къ своему начальнику, начальникъ къ своему подчиненному, сосѣдъ къ сосѣду, къ себе самому, наконецъ, всѣ камни человѣческой плотины расшатываются заранѣе, преграда рушится отъ перваго удара. — Съ другой стороны, они позаботились снабдить мятежниковъ вооруженнымъ корпусомъ и авангардомъ. Цѣлымъ рядомъ другихъ законодательныхъ декретовъ и муниципальных приказовъ, они покровительствуютъ со-

браніямъ федералистовъ въ Парижѣ, назначаютъ имъ жалованье, расквартировываютъ по казармамъ, они имъ дозволяютъ организоваться подъ руководствомъ центрального комитета, засѣдающаго у якобинцевъ и даже направляемаго ими. Изъ числа этихъ новичковъ двѣ трети, все истинные солдаты и патриоты отправляются въ суассонскій лагерь и на границу; въ Парижѣ остается одна треть, около 2000 человекъ, все бунтовщики и политики; эти послѣдніе, поселившись у якобинцевъ, хорошо принятые ими, обласканные, распропагандированные, становятся въ концѣ концовъ болѣе якобинцами, чѣмъ сами якобинцы, вступаютъ въ революціонные баталіоны, чтобы съ помощью оружія служить правому дѣлу.— Два отряда, позднѣе прибывшіе, держатся особо, но кажутся еще болѣе сомнительными, одинъ и другой присланы изъ тѣхъ приморскихъ городовъ, въ которыхъ уже 4 мѣсяца назадъ насчитывали „21 случай грознаго возстанія, оставшихся безнаказанными, причемъ нѣкоторые произошли по предписанію морского комитета“. Одинъ изъ нихъ, состоящій изъ 300 человекъ, прибылъ изъ Бреста, муниципалитетъ котораго, подобно марсельскому и авиньонскому муниципалитетамъ, снаряжалъ вооруженныя экспедиціи противъ своихъ сосѣдей. Во время этихъ экспедицій народныя преступленія всячески покровительствовались, де-ля-Жайль едва не былъ убитъ, голова Патри была воткнута на пику, во главѣ флотскаго экипажа стояли ветераны возмущенія; „работники, оплачиваемые государствомъ, чиновники, учителя, унтеръ-офицера, превратившіеся въ мятежниковъ, въ агитаторовъ, въ цензоровъ администраціи“, пытаются на широкой аренѣ осуществлять свои идеи. Другой отрядъ, состоящій изъ 516 человекъ, все отважныхъ и свирѣпыхъ авантюристовъ, разнаго происхожденія; тутъ есть и марсельцы и иностранцы, „савойяры, итальянцы, испанцы, выгнанные изъ своего отечества“, почти всѣ они принадлежатъ къ подонкамъ, промышляютъ гнусными дѣлами, „забѣйки и посѣтителели грязныхъ притоновъ“, привычны къ крови, быстрые въ нападеніи, настоящіе головорѣзы, разбойники изъ шаекъ, ходившихъ на Эксъ, на Арль и на Авиньонъ, накопи той наипи, которая въ теченіе трехъ лѣтъ перекипала черезъ безполезныя преграды закона въ графствѣ и въ окрестностяхъ устьева Роны. Въ первый же день своего прибытія въ Парижъ, 30 іюля, они показали, на что они способны. Послѣ устроенной имъ якобинцами и Сантеромъ пышной встрѣчи ихъ намѣренно повели на Елисейскія поля, въ кабакъ сосѣдній съ рестораномъ, гдѣ фильсанъ-томаскіе гренадеры, банкиры, маклера, люди почтенные и извѣстные своей привязанностью къ монархической конституціи устраивали свой обѣдъ, извѣщеніе о которомъ было сдѣлано за нѣсколько дней впередъ. Чернь, устроившая въ честь марсельскаго баталіона шествіе, группируется возлѣ ресторана, кричитъ, кидаетъ грязью, затѣмъ камнями; гренадеры выхватываютъ свои сабли. Тотчасъ-же въ отвѣтъ раздается крикъ: „Марсельцы, къ намъ!“ Послѣдніе съ проворствомъ южанъ выпрыгиваютъ изъ оконъ, перепрыгиваютъ черезъ рвы, бросаются съ саблями на

гренадеръ, одного убиваютъ, пятерыхъ ранятъ. Начало блестящее: наконецъ-то партія владѣть активными людьми; необходимо имѣть ихъ подъ рукою. Люди, работающіе такъ скоро и такъ хорошо должны быть помѣщены возлѣ тюльерійскаго дворца. Вслѣдствіе этого, въ ночь на 8 августа, мэръ, не предупреждая главнокомандующаго, собственною властью приказываетъ имъ оставить казармы на улицѣ Бланшъ и расположиться съ своими ружьями и пушками въ казармахъ Кордильеровъ. Итакъ, военная сила въ рукахъ якобинской черни; остается еще предоставить ей гражданскую власть, и жирондисты, сдѣлавшіе первый подарокъ, не замедляютъ сдѣлать и второй. 1 июля они постановили всѣ засѣданія административныхъ учреждений сдѣлать открытыми: это значило подвергнуть муниципалитеты, окружные и департаментскіе совѣты, какъ и самое Національное Собраніе необходимости выслушивать крики, оскорбленія, угрозы и деспотическія требованія присутствующимъ, то есть якобинцевъ, которые, конечно, тамъ, какъ и въ Національномъ Собраніи, составятъ большинство. 11 июля, вслѣдствіе объявленія отечества въ опасности они постановили сдѣлать непрерывными, какъ засѣданія административныхъ учреждений, такъ и учреждений сорока восьми парижскихъ секцій: это значило предать административныя учреждения и учреждения сорока восьми секцій якобинскому меньшинству, которое, благодаря своему рвенію, конечно, всегда будетъ на лицо, и найдетъ средство превратиться въ большинство. Прослѣдите за послѣдствіями и взгляните на результаты, происшедшіе отъ этого двойного декрета. Всѣ дѣловые и порядочные люди, конечно, не станутъ приходить каждый день и на цѣлый день на засѣданіе. Прежде всего они слишкомъ заняты въ своихъ контрактахъ, лавкахъ, у станковъ, чтобы такимъ образомъ убивать время. Далѣе они имѣютъ слишкомъ много здраваго смысла, благоразумія и честности, чтобы посягать на управленіе магистратомъ въ городской Ратушѣ, и чтобы воображать себя въ своемъ районѣ народомъ-самодержцемъ. Къ тому же крикливость имъ омерзительна; наконецъ, въ данный моментъ, улицы Парижа, особенно вечеромъ, не безопасны; политика подъ открытымъ небомъ увеличиваетъ тамъ драки и нападенія. Равнымъ образомъ ихъ ужъ давно не видно ни въ клубахъ, ни на трибунахъ Національнаго Собранія; ихъ не увидѣтъ также болѣе на засѣданіяхъ муниципалитета и на районныхъ собраніяхъ.—Наоборотъ, нѣтъ ничего заманчивѣе этихъ собраній для празднующихся, завсегдатаевъ кофеенъ, кабацкихъ ораторовъ, фланеровъ и болтуновъ, живущихъ „въ мебелированныхъ комнатахъ“, отщепенцевъ и паразитовъ общественной арміи, для всѣхъ тѣхъ, кто разъ выйдя изъ рамокъ общественной жизни или не сумѣвъ войти въ эти рамки, теперь стараются разбить ихъ въ куски и за отсутствіемъ частной карьеры создаютъ себѣ общественную. Для нихъ, для праздныхъ федералистовъ, сумасбродныхъ головъ, для небольшой кучки истыхъ фанатиковъ непрерывныя засѣданія, даже и всю ночь не слишкомъ длинны. Они тамъ изображаютъ либо актеровъ, либо кланеровъ, шумъ ихъ не раздражаетъ, ибо они сами его производятъ.

Они поочередно смѣняются тамъ, чтобы всегда составлять большинство, или же при недостаточной численности возмѣщаютъ ее грубостью и узурпаціей. Вопреки закону, въ районѣ „французскаго Театра“, предводительствуемомъ Дантономъ, устраняется разница между активными и пассивными гражданами, и обывателямъ даннаго округа предоставляется право присутствовать на засѣданіяхъ и голосовать. Другіе районы допускаютъ на свои засѣданія всѣхъ желающихъ, женщинъ, дѣтей, бродягъ, агитаторовъ, беспокойныхъ людей, которые какъ и въ національномъ Собраніи аплодируютъ и гикаютъ по приказанію руководителей. Въ районахъ же, не желающихъ терпѣть произвола безыменной толпы, тотъ же сбродъ бѣсноватыхъ шумитъ у дверей засѣданія и оскорбляетъ входящихъ избирателей. Благодаря этому кочующему персоналу сотрудниковъ-самозванцевъ, въ секціяхъ, какъ и въ Собраніи, главенствуютъ ярые якобинцы; въ секціяхъ, какъ и въ Собраніи, они изгоняютъ или заставляютъ умолкнуть умѣренныхъ и когда залъ на половину опустѣетъ и замолкнетъ, тогда предложенія ихъ проходятъ. Оно переносится въ сосѣдній кварталъ, тамъ пропагандируется, и спустя нѣсколько дней, обойдя весь Парижъ, возвращается въ Собраніе, какъ непреложная воля всего народа. Теперь, чтобы осуществить эту мнимую волю народа, необходимъ центральный исполнительный комитетъ и вотъ, Петіонъ верхъ слѣпоты, мэръ жирондистъ беретъ на себя трудъ его устроить, провести въ жизнь и организовать. 17 іюля онъ учреждаетъ въ залѣ коммуны центральное бюро для корреспонденцій между „районами“; каждый день избранный комисаръ долженъ туда являться съ распоряженіями своего района и получать распоряженія остальныхъ сорока семи районовъ. Безъ сомнѣнія, эти выбранные комисары совѣщаются между собою, съ президентомъ, секретаремъ, обсуждаютъ протоколы со всѣми формальностями настоящаго муниципальнаго Совѣта. Безъ сомнѣнія, такъ какъ они выбраны сегодня и имѣютъ опредѣленные полномочія, они должны себя чувствовать облеченными большими правами, чѣмъ муниципальный Совѣтъ, выбранный четыре или восемь мѣсяцевъ назадъ съ неопредѣленнымъ полномочіемъ. Безъ сомнѣнія, такъ какъ ихъ помѣстили въ городской Ратушѣ, въ двухъ шагахъ отъ муниципальнаго совѣта, они попытаются занять мѣсто послѣдняго; для этого достаточно только перемѣнить залу: стоитъ лишь перейти корридоръ.

IV.

Такимъ образомъ зарождается высиженная жирондистами ужасная парижская коммуна, 10 августа, 2 сентября, 31 мая; гадюка еще не выползла изъ гнѣзда, но уже шипитъ; за пятнадцать дней до 10 августа она начинаетъ развертывать свои кольца и мудрые государственные мужи, съ такимъ стараніемъ ее взлелѣявшіе и вскормившіе, съ ужасомъ замѣчаютъ ея плоскую и омерзительную голову. Они немедленно отступаютъ и до послѣдняго момента станутъ прикладывать всѣ свои усилія, чтобы помѣшать ей жалить. 7 августа Петіонъ лично является къ Робеспьеру, указы-

ваетъ ему опасности возстанія и просить дать срокъ Собранію для обсужденія вопроса о низверженіи короля. Въ тотъ же день Верньо и Гаде черезъ камердинера Тьерри предлагаютъ королю передать до успокоенія страны правленіе временному совѣту регента. Въ ночь съ 9 августа на 10 Петіонъ въ рѣшительномъ циркулярѣ приглашаетъ всѣ районы къ спокойствію. Но уже слишкомъ поздно. Пятьдесятъ дней возбужденія и сумятицы довели до сумасшедшаго иступленія больные умы. 2 августа толпа мужчинъ и женщинъ кидаются къ Собранію съ крикомъ: „Мщеніе! мщеніе! нашихъ братьевъ отравляютъ!“ Послѣ провѣрки факта оказалось, что въ Суассонѣ въ одной церкви, гдѣ изготовлялся солдатскій хлѣбъ, въ опару попало нѣсколько осколковъ оконнаго стекла; отсюда распространился слухъ, что 170 волонтеровъ умерло, а 700 отправлено въ госпиталь. Кровожадный инстинктъ рисуется себѣ противниковъ по своему подобію и направляетъ противъ нихъ средства, какія ему кажется были направлены противъ него. Въ комитетѣ якобинскихъ вожаковъ убѣждены въ якобы готовящемся нападении со стороны двора, увѣренность въ заговорѣ основывается не только на нѣкоторыхъ признакахъ, но и на самыхъ неопровержимыхъ доказательствахъ“.

„Это троянская лошадь, сказалъ Пани,—мы погибли, если не сумѣемъ ее опорожнить... Въ ночь съ 9 на 10 августа разорвется бомба... Пятнадцать тысячъ аристократовъ готовы перерѣзать всѣхъ патріотовъ“; въ заключеніи патріоты присваиваютъ себѣ право перерѣзать аристократовъ. — Въ послѣднихъ числахъ іюня въ секціи „Минимъ“, одинъ изъ французскихъ гвардейцевъ уже берется убить короля, если тотъ будетъ упорствовать въ своемъ veto; президентъ секціи задумалъ изгнать царевѣйцу, но кончилось тѣмъ, что царевѣйца удержался, а президентъ изгнанъ. 14 іюля въ день праздника федераціи, другой предшественникъ Лувеля и Фіески, вооруженный кортикомъ, пробрался въ одинъ изъ батальоновъ съ такою же цѣлью; во время торжества толпа ревѣла, и былъ моментъ, когда король сохранилъ свою жизнь, лишь благодаря непоколебимой рѣшительности своей стражи. 27 іюля въ Тюльерійскомъ саду прежній конституціоналистъ д'Еспремениль избитый, изрубленный, въ изодранномъ платьѣ, словно олень, преслѣдуемый черезъ Палэ-Рояль, падаетъ окровавленный у дверей казначейства. 29 іюля, въ то время, какъ адъютантъ Лафайета Бюро-де-Шюси находится въ судѣ, „въ Палэ-Рояль вносится предложеніе воткнуть его голову на острие пика“.

Когда ярость и смятеніе доходитъ до этихъ предѣловъ, разгоряченные и грубые умы не могутъ болѣе ждать. 4 августа моконсельская секція объявляетъ „Собранію, муниципалитету и всѣмъ гражданамъ Парижа, что она болѣе не признаетъ Людовика XVI королемъ Франціи.“ Президентъ ея—портной, ея секретарь приказчикъ изъ кожевеннаго рынка подкрѣпляетъ свой манифестъ, всплывшемъ въ ихъ памяти троестипіемъ изъ какой то трагедіи, и приглашаютъ всѣхъ благомыслящихъ гражданъ на совѣщаніе въ слѣдующее воскресенье на Маделенъ-сентъ-онорскомъ бульварѣ. 6 августа почтовый чиновникъ Варле отъ имени всѣхъ

подписавшихъ петицію на Марсовомъ Полѣ предлагаетъ Собранию слѣдующую программу заговора: низверженіе короля, обвиненіе, арестъ и безотлагательный судъ надъ Лафайетомъ, немедленное созваніе предварительныхъ собраний, всеобщая подача гологовъ, распущеніе всѣхъ штабовъ, возобновленіе всѣхъ окружныхъ директорій, отозваніе всѣхъ посланниковъ, упраздненіе дипломатіи, возвращеніе къ естественному состоянію.

Пусть теперь жирондисты отсрочиваютъ, торгуются, лавируютъ и философствуютъ сколько имъ угодно: ихъ нерѣшительность послужитъ лишь къ тому, что ихъ какъ робкихъ и бездѣятельныхъ отодвинуть на второй планъ.

Благодаря имъ, партія теперь имѣетъ свои совѣщательныя собранія, свою исполнительную власть, свой центральный органъ управления, свою армію пополненную, испытанную, совершенно готовую, такъ что добровольно или насильно, но программа ихъ будетъ выполнена.

V.

Прежде всего необходимо принудить Собраніе свергнуть короля и вотъ, уже неоднократно, 26 іюля, 31 іюля, 4 августа, подпольные комитеты, въ которыхъ никому неизвѣстныя личности рѣшаютъ судьбы Франціи, подавали сигналъ къ возстанію.— Съ трудомъ сдерживаемые, они соглашаются, наконецъ, „повременить до 9 августа 11 часовъ вечера“: въ этотъ день Собраніе должно рѣшить вопросъ о низложеніи короля, и они рассчитываютъ, что Собраніе подъ давленіемъ столь рѣшительной угрозы, конечно, проведетъ этотъ вопросъ; угроза вооруженнаго насилія неминуемо разсѣетъ всякія его сопротивленія.—Но 8 августа Собраніе большинствомъ двухъ третей отказывается предать суду Лафайета, этого страшнаго врага. Слѣдовательно приходится начинать двойную ампутацію, необходимую для общественнаго блага.

Когда объявляется оправданіе Лафайета, трибуны обыкновенно столь шумныя хранятъ „угрюмое молчаніе“: они ужъ получили приказаніе и готовы къ выступленію на улицѣ. Каждого депутата, голосовавшаго за Лафайета, показываютъ народу столпившемуся у дверей, поднимаются крики: „Вотъ они мошенники, плуты, подеушенные предатели. Ихъ нужно повѣсить, ихъ нужно убить.“—Ихъ закидываютъ грязью, известкой, кусками штукатурки, камнями, осыпаютъ кулачными ударами. На улицѣ Дофина, кто-то хватается Мозьера за шиворотъ, одна женщина хочетъ его ударить, но онъ отстраняетъ ударъ. На улицѣ Сентъ-Оноре какіе-то люди въ красныхъ колпакахъ окружаютъ Реньо-Босерона, и рѣшаютъ „вздернуть его на фонарь“: уже одинъ изъ нихъ, одѣтый въ куртку, схватываетъ его сзади, поднимаетъ на воздухъ, но въ это время подоспѣваютъ сентъ-опортунскіе гренадеры и спасаютъ его. На улицѣ Сентъ-Луи ударяютъ въ спину Деви, кидаютъ въ него камнями и дважды заносятъ надъ его головой

саблю. Въ галлерей фельянтинцевъ избиваютъ Дебуа и уносятъ его „табакерку, портфель и трость“. Въ кулуарахъ Собранія едва не убиваютъ Жирардена. 8 другихъ депутатовъ спасаются отъ преслѣдованій въ палатѣ-рояльской караулнѣ; за ними входитъ туда и одинъ федералистъ; „тамъ, съ глазами горящими бѣшенствомъ, неистово ударяя по столу“, онъ говоритъ болѣе извѣстному изъ нихъ Дюмоляру:

„Если ты осмѣлишься появиться въ Собраніи, я снесу тебѣ голову эту саблею“. Что касается главнаго защитника Лафайета Воблана, то послѣ трехъ нападѣній у него хватило благоразумія не возвращаться домой; но бѣшеные люди окружаютъ его домъ и кричатъ, что „восемьдесятъ гражданъ должны погибнуть отъ ихъ руки, первымъ будетъ онъ“; двѣнадцать челоуѣкъ вламываются въ его квартиру, повсюду роются, обыскиваютъ также и сосѣдніе дома, и не имѣя возможности захватить его самого ищутъ его семейство; его предупреждаютъ, что если онъ вернется въ свое жилище, то будетъ зарѣзанъ.

Вечеромъ на фельянтинской терасѣ другіе депутаты подвергаются подобнымъ же оскорбленіямъ; тщетно жандармерія старается ихъ защитить; болѣе того, „на командующаго національной гвардіей набрасываются и рубятъ его саблею“.— Между тѣмъ въ кулуарахъ якобинцевъ, „большинство Национальнаго Собранія предается анаемѣ“; одинъ изъ ораторовъ заявляетъ, что „народъ имѣетъ право составлять свои проскрипціонные списки“ и, посему случаю, клубъ рѣшаетъ напечатать и распространить имена всѣхъ депутатовъ, оправдавшихъ Лафайета.—Никогда еще физическое насиліе не высказывалось и не примѣнялось съ болѣе откровенною наглостію.

На другой день, 9 августа, всѣ входы въ Собраніе окружены вооруженными людьми, и даже въ корридорахъ виднѣются сабли. Смѣлѣе, чѣмъ когда либо, изъ галлерей несутся аплодисменты, одобрительные и торжествующіе возгласы, по мѣрѣ того какъ съ трибуны выясняются вчерашніа злодѣянія.

Двадцатый разъ президентъ призываетъ крикуновъ къ порядку; его голосъ и звонъ колокольчика заглушаются каждый разъ криками. Высказываются нѣтъ возможности: большинство изъ униженныхъ наканунѣ представителей письменно извѣщаютъ, что они не явятся болѣе на засѣданія; другіе присутствующіе заявляютъ, что они не будутъ болѣе голосовать „если имъ не будетъ обезпечена свобода обсуждения и мнѣнія“.— При этихъ словахъ выражающихъ тайное желаніе „почти всего Собранія“, „одновременно поднимаются всѣ члены правой и значительное количество лѣвой, крича: „да, да, мы не будемъ ничего обсуждать, пока не будемъ освобождены!“

Но, по обыкновенію, большинство отступаетъ назадъ въ тотъ самый моментъ, когда слѣдовало бы приступить къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ; какъ и всегда у него не хватаетъ мужества для самозащиты, когда же прочитывается одинъ за другимъ три официальныхъ увѣдомленія, указывающихъ на неиз-

бѣжность опасности, большинство окончательно погружается въ смущеніе. На этомъ же засѣданіи старшій прокуроръ департамента сообщаетъ, что возстаніе уже подготовлено, что 900 вооруженныхъ людей вошли въ Парижъ, что въ полночь раздастся набатъ, что муниципалитетъ не только терпитъ, но и покровительствуетъ мятежу. На этомъ же засѣданіи также читается и письменное сообщеніе министра юстиціи о томъ, что „законы безсилны“, и правительство болѣе не отвѣчаетъ ни за что. На этомъ же засѣданіи, мэръ Петіонъ, почти что признаваясь въ своемъ общинничествѣ, открыто высказываетъ, что постарается не прибѣгать къ общественной силѣ, потому что это означало бы „вооружить одну часть гражданъ противъ другой“. Ясно, ускользаютъ всѣ точки опоры; Собраніе, чувствуя свое полное безсиліе, окончательно падаетъ духомъ и хватаясь за соломинку, со слабостью и наивностью, характеризующими законодателей этой эпохи, составляютъ философское посланіе на тему: „инструкція народу о пользованіи своей верховной властью“.

Уже на слѣдующій день Собраніе имѣетъ возможность наблюдать, какъ народъ пользуется своею властью. Въ 7 часовъ утра, одинъ депутатъ — якобинецъ подѣзжаетъ въ извозчичьей коляскѣ и останавливается у дверей Фельянтипцевъ; его окружаетъ народъ, онъ называетъ свое имя — Дельма. Толпѣ послышалось — Дюма, имя извѣстнаго конституціоналиста; въ бѣшенствѣ его вытаскиваютъ изъ коляски и бьютъ; онъ бы погибъ, если бы во время не подошли другіе депутаты и не удостовѣрили, что это тулузскій патріотъ Дельма, а не „предатель Матье Дюма“. — Дюма же ужъ не старается войти, на Вандомской площади онъ встрѣчаетъ второе предостереженіе, не менѣе поучительное. Негодяи, сопровождаемые пошлою чернью, разгуливали съ насаженными на концы пикъ отрубленными головами, принадлежащими, по всей вѣроятности журналисту Сюля и тремъ другимъ, убитымъ за четверть часа до того; „совсѣмъ еще юноши, почти дѣти, они играли этими головами, подбрасывали ихъ на воздухъ и снова ловили на острія своихъ палокъ!“ — Безспорно депутаты правой, даже и центра поступаютъ благоразумнѣй, если вернутся домой, или совсѣмъ оттуда не выйдутъ; и дѣйствительно ихъ больше не видно въ собраніи. Послѣ полудня того же дня, послѣ поименной переключки, оказывается, что изъ числа 630 членовъ, еще присутствовавшихъ третьяго дня, 346 сейчасъ отсутствуютъ совсѣмъ, да и до того около тридцати членовъ сложили съ себя свои обязанности и устранились. Чистка основательная, подобная той, какой Кромвель въ 1648 году подвергнулъ Долгій парламентъ. Отнынѣ, законодательный органъ, руководимый 224 якобинцами или жирондистами, и 60 запуганными и мягкотѣлыми безпартийными, будетъ безъ всякаго сопротивленія покоряться приказаніямъ улицы: съ измѣненіемъ состава измѣнился и его духъ; теперь онъ является лишь покорнымъ орудіемъ въ рукахъ изуродовавшихъ его мятежниковъ, которые завладѣвъ имъ однажды при помощи преступленія, теперь стануть прикрывать имъ всѣ свои послѣдующія злодѣянія.

VI.

Въ ночь съ 9 на 10 августа ихъ правленіе начинается свою дѣятельность; насиліемъ и обманомъ созданное правленіе будетъ править насиліемъ и обманомъ.—Напрасно они въ теченіе двухъ недѣль трудились и мучились надъ секціями; послѣднія имъ еще не подчинились и въ данный моментъ, въ 11 часовъ вечера, изъ сорока восьми секцій лишь шесть оказываются на столько взвинчены и подготовлены, что немедленно посылаютъ въ городскую ратушу своихъ комиссаровъ, облеченныхъ неограниченными полномочіями. За ними вскорѣ послѣдуютъ еще и другіе; но большинство изъ нихъ все же остается инертнымъ или упорствуетъ. Слѣдовательно, необходимо прибѣгнуть къ обману или запугиванію, для этой цѣли прекрасными союзниками являются темнота, поздній часъ, смута, страхъ передъ завтрашнимъ днемъ, а также сама нерѣшительность секцій. Во многихъ секціяхъ засѣданія уже закончены или большинствомъ покинуты; въ залѣ остаются лишь нѣсколько членовъ постояннаго бюро и, пожалуй, нѣсколько человекъ, вздремнувшихъ на почти опустѣвшихъ скамейкахъ. Является делегатъ отъ возставшихъ секцій, сопровождаемый единомышленниками соответствующихъ кварталовъ и кричить, что необходимо спасать отечество: уснувшіе открываютъ глаза, потягиваются, поднимаютъ руку и голосуютъ за тѣхъ, на кого имъ указываютъ, часто за иностранцевъ, за личности никому неизвѣстныхъ, которыя завтра же будутъ отвергнуты собравшейся секціей; никакихъ протоколовъ, никакой правильной баллотировки; все дѣлается значительно быстрее: въ секціи Арсенала шестеро явившихся избирателей выбираютъ изъ своей среды трехъ представителей отъ 1400 правоспособныхъ гражданъ. Въ иныхъ мѣстахъ сборища мегеръ, ночныхъ бродягъ и буяновъ наполняютъ залы, изгоняютъ друзей порядка и проводятъ желательныя рѣшенія. Другія секціи соглашаются выбирать, но отказываются надѣлать своихъ выборныхъ неограниченными полномочіями; нѣкоторыя выставляютъ опредѣленные условія, требуютъ, чтобы ихъ делегаты дѣйствовали за одно съ законнымъ муниципалитетомъ, недовѣряя будущему комитету, заявляютъ заранѣе, что не станутъ ему подчиняться; иныя же посылаютъ своихъ комиссаровъ лишь для того, чтобы имѣть свѣдѣнія о происходящемъ, и въ то же время, вполне опредѣленно заявляютъ о своемъ намѣреніи остановить возстаніе. Наконецъ двадцать секцій совершенно воздерживаются или выражаютъ свое недовѣріе и не посылаютъ делегатовъ.—Нужды нѣтъ, обойдутся и безъ нихъ. Въ три часа утра, девятнадцать секцій, а въ семь — двадцать четыре или двадцать пять кое-какъ представлены въ лицѣ делегатовъ въ городской ратушѣ, такимъ образомъ составленъ центральный комитетъ: по крайней мѣрѣ, ничто не мѣшаетъ семидесяти или восьмидесяти интриганамъ и подчиненнымъ имъ головорѣзамъ, втершимся туда или же къмъ—то втертымъ сказаться законными, чрезвычайными, полномочными делегатами всего парижскаго на-

селенія, а слѣдовательно и начать дѣйствовать. — Едва собравшись, подъ предсѣдательствомъ Гугенена, съ Тальэномъ въ качествѣ секретаря, они къ себѣ призвали „по двадцати пяти человекъ отъ каждой секціи“, пятьсотъ внушительныхъ молодыхъ, которые будутъ ихъ охраной и исполнителями ихъ порученій. Муниципальный совѣтъ, засѣдающій въ сосѣдней залѣ совершенно безсиленъ передъ подобной бандой: къ тому же его члены, наиболѣе умѣренные и твердые въ своихъ убѣжденіяхъ, умышленно удалены, отправлены съ порученіями въ Собраніе, во дворецъ, въ различные кварталы; наконецъ, трибуны пестрятъ висѣльниками, подосланными горлодерами, и совѣту приходится совѣщаться подъ непрерывными угрозами смерти. — Вотъ почему, по мѣрѣ того, какъ наступаетъ ночь уничтожается равновѣсіе между двумя собраніями, однимъ легальнымъ, другимъ нелегальнымъ, которыя засѣдаютъ одновременно, одно рядомъ съ другимъ, словно на двухъ чашкахъ вѣсовъ. Съ одной стороны—усталость, страхъ, уныніе и бѣгство, съ другой же стороны—возрастаніе въ численности, силы и дерзости. Подъ конецъ, второе вырывается у перваго необходимыя ему постановленія для того, чтобы начать возстаніе и парализовать защиту. Въ заключеніе, къ шести часамъ утра втершійся комитетъ, именемъ народа, низлагаетъ законный совѣтъ, разгоняетъ его и размѣщается въ его крѣслахъ.

Первый же актъ новыхъ властелиновъ доказываетъ, что они знаютъ, какъ имъ поступать. Призванный въ городскую ратушу главнокомандующій, національной гвардіи, Манда,—пытается выяснитъ передъ совѣтомъ свои намѣренія и оправдать свои распоряженія. Они его схватываютъ, допрашиваютъ, отрѣшаютъ отъ должности, назначаютъ на его мѣсто Сантера и чтобы извлечь больше выгодъ изъ этого ареста, требуютъ отъ своего плѣнника удаленія половины войскъ, поставленныхъ имъ около дворца. Съ большимъ благородствомъ и прекрасно сознавая какой опасности онъ подвергается въ средѣ этихъ головорѣзовъ, онъ отвѣчаетъ отказомъ; тотчасъ его заключаютъ въ тюрьму, затѣмъ отправляютъ въ Аббей „для большей его безопасности“. Послѣ этихъ знаменательныхъ словъ, произнесенныхъ Дантономъ, одинъ изъ его единомышленниковъ, Росиньоль, выстрѣломъ въ упоръ изъ пистолета убиваетъ плѣнника въ тотъ моментъ, когда его выводятъ изъ ратуши. Послѣ трагедіи начинается комедія. Въслѣдствіе многократныхъ просьбъ Петіона, не желающаго итти противъ возстанія, къ нему командируютъ отрядъ въ 400 человекъ, который, якобы тротивъ его воли, не долженъ выпускать его изъ дому. Такимъ образомъ, прикрываясь съ одной стороны предательствомъ, съ другой—убійствомъ, возстаніе можетъ безпрепятственно развиваться на глазахъ у этого чудовищнаго лицемѣра, напыщенно жалующагося на свое добровольное заточеніе, и передъ лежащимъ на крыльцѣ ратуши трупомъ съ раздробленнымъ черепомъ. На правомъ берегу располагаются батальоны сентъ-антуанскаго предмѣстія, на лѣвомъ — батальоны сентъ-марсельскаго, брестцы и марсельцы выступаютъ и идутъ свободно,

словно на парадъ. Всѣ мѣры обороны были разстроены убійствомъ главнокомандующаго и двуличіемъ мэра: никакого сопротивленія не оказывается въ мѣстахъ обыкновенно охраняемыхъ, какъ напримѣръ, у сенъ-жанской арки, у проходовъ на мосты, вдоль набережныхъ, въ луврскомъ дворѣ. Авангардъ, состоящій изъ черни, женщинъ, дѣтей, людей, вооруженныхъ ножами, дубинами и пиками, располагается на покинутой карусельной площади и къ восьми часамъ первая колонна, подъ предводительствомъ Вестермана, показывается передъ дворцомъ.

VII.

Если-бы у короля было желаніе бороться онъ могъ бы еще защищаться, спастись и даже побѣдить. Въ Тюльери 950 швейцарцевъ и 200 дворянъ всѣ до одного готовы были погибнуть для его спасенія. Вокругъ Тюльери двѣ или три тысячи національныхъ гвардейцевъ, сливки парижскаго населенія, только что кричали при его появленіи: „Да здравствуетъ король! да здравствуетъ Людовикъ XVI! Онъ нашъ король, мы не хотимъ другого, мы хотимъ его! долой бунтовщиковъ! долой якобинцевъ! пока мы живы мы будемъ его защищать! пусть онъ станетъ во главѣ насъ! да здравствуетъ нація, законъ, конституція и король, все это составляетъ одно! Если канониры были молчаливы и казались недовольными, необходимо было ихъ немедленно обезоружить, а ихъ оружія передать въ вѣрныя руки. Четыре тысячи ружей и одиннадцать пушекъ, защищенные стѣнами и толстыми каменными постройками дворца легко могли бы справиться съ девятью или десятью тысячами парижскихъ якобинцевъ, по большей части вооруженныхъ лишь пиками, плохо руководимыхъ свѣжеиспеченными упрямыми батальонными командирами и еще хуже предводительствуемыхъ своимъ новымъ главнокомандующимъ Сантеромъ, который, какъ и всегда осторожный, остерегаюсь выстрѣловъ, держался въ сторонѣ отъ городской ратуши.

На карусельной площади стойко держались лишь восемьсотъ брестцевъ и марсельцевъ; остальные-же представляли изъ себя толпу такую же, какъ и 14 іюля, 5 октября и 20 іюня. „Дворецъ, говоритъ Наполеонъ Бонапартъ, былъ осаждаемъ самою низкою сволочюю“, бунтовщиками по профессіи, шайкою Мальярда, шайкою Лазовскаго, шайкою Фурнье, шайкою Теруана, всѣми убійцами прошедшими, настоящими и будущими, и какъ впоследствии показали событія, первый залпъ разогналъ-бы подобныхъ воиновъ.

Но у правящихъ, какъ и у управляемыхъ, утратилось понятіе о государствѣ, у однихъ вслѣдствіе гуманизма, возведеннаго въ обязанность, у другихъ, вслѣдствіе неповиновенія, возведеннаго въ право,

Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, въ высшихъ и даже среднихъ классахъ питали отвращеніе ко всякаго рода кровопролитіямъ; смягченіе нравовъ и идиллическія мечтанія ослабили воинственныя наклонности. Представители власти забыли, что охрана

общественнаго строя и цивилизаціи есть благо несравненно высшее, чѣмъ сохраненіе жизни горсточка преступниковъ и безумцевъ, что первѣйшая обязанность правительства, какъ и жандармеріи это соблюденіе порядка, съ помощью вооруженной силы, что жандармъ не можетъ быть филантропомъ, что, если на него нападаютъ при исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей, онъ долженъ пустить въ ходъ свою саблю и что онъ не выполнитъ своего долга, если вложить саблю въ ножны, изъ опасенія причинить вредъ нападающимъ на него. И на этотъ разъ, засѣдающій въ палатѣ на площади Карусели магистратъ находить, что „его отвѣтственность слишкомъ тяжела“; онъ только объ томъ и думаетъ, какъ-бы „избѣжать кровопролитія“; со скорбью и не скрывая своего сожалѣнія „взволнованнымъ голосомъ“, представители власти читаютъ войскамъ военный законъ. Они имъ „запрещаютъ нападать“, они имъ „дозволяютъ лишь отражать силу силою“; другими словами, имъ приказываютъ выдерживать первый натискъ: „Вы не должны стрѣлять до тѣхъ поръ, пока не начнутъ стрѣлять въ васъ“. Мало того, они идутъ отъ взвода къ взводу „громко заявляя, что было-бы безуміемъ сопротивляться столь многочисленной и хорошо вооруженной толпѣ и что даже одна попытка къ сопротивленію была-бы большимъ несчастіемъ“.

„Повторяю вамъ, говорилъ Леру, я считаю безуміемъ всякую мысль о сопротивленіи“. Вотъ какимъ способомъ, въ теченіи пѣлаго часа они подбодряютъ національную гвардію. „Я васъ прошу объ одномъ, говоритъ еще Леру, продержитесь еще нѣкоторое время; я надѣюсь, что намъ удастся убѣдить короля явиться передъ Національнымъ Собраніемъ“. Всегда одна и та-же тактика: лучше отдать крѣпость и выдать генерала, чѣмъ стрѣлять по мятежникамъ. А потому, они снова съ Редереромъ во главѣ отправляются къ королю и возобновляютъ свою просьбу. „Ваше величество, говоритъ Редереръ, время не терять, мы просимъ вашего разрѣшенія увести васъ“. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, послѣднихъ и наиболѣе торжественныхъ для монархіи, король колеблется. Вѣроятно, здравый смыслъ ему подсказываетъ, что отступленіе равняется отреченію: но его флегматическій умъ не способенъ разобратъ сразу во всѣхъ послѣдствіяхъ; къ тому же его оптимизмъ никогда не позволялъ ему заподозрить всей необъятности и народной глупости и всей глубины человѣческой злобы: онъ не можетъ допустить, чтобы его желаніе не проливать крови могло быть истолковано клеветниками въ обратномъ смыслѣ, т. е. въ смыслъ желанія кровопролитія. Наоборотъ, онъ является поневолѣ рабомъ всего своего прошлаго, своей привычки всегда уступать, своего рѣшенія, принятаго, объявленнаго и исполнявшагося въ теченіе трехъ лѣтъ, никогда не вести гражданской войны, рабомъ своей упорной гуманности и, главнымъ образомъ, своей религіозной кротости. Систематически онъ заглушалъ въ себѣ животный инстинктъ сопротивленія, искру гнѣва, которая зажигается въ каждомъ изъ насъ при несправедливомъ и грубомъ нападеніи; христіанинъ взялъ верхъ надъ королемъ; онъ забываетъ, что обязанность его это быть воиномъ, что, пре-

давал себя, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предаеть и государство, что безропотно покоряясь, словно баранъ, онъ ведетъ съ собою на бойню и всѣхъ честныхъ людей.— „Идемъ, сказалъ онъ, подымая правую руку, если это нужно, дадимъ это послѣднее доказательство нашей преданности“. Сопровождаемый своей семьей и своими министрами, онъ шествуетъ между двойною шпалерою національных гвардейцевъ и швейцарцевъ, приближается къ Собранію, выславшему ему на встрѣчу депутацію, и говорить, входя: „Я явился сюда, чтобы предотвратить великое преступленіе“. — И дѣйствительно, всѣ поводы къ конфликту теперь устранены. Идти на штурмъ повстанцамъ больше нѣтъ смысла, такъ какъ монархъ со всею своею семьей и со всѣмъ персоналомъ своего правленія покинулъ дворецъ. Съ другой стороны, гарнизонъ уже не можетъ начать сраженія: онъ лишился 150 швейцарцевъ и почти всѣхъ филь-сенъ-томаскихъ гренадеръ, охранявшихъ путь короля въ Собраніе; теперь онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ дворянъ, изъ 750 швейцарцевъ, изъ сотни національных гвардейцевъ; остальные, узнавъ, что король ушелъ, считаютъ свою службу законченною и расходятся.—Повидимому, все должно было бы закончиться этимъ принесеніемъ въ жертву королевской власти: Людовикъ XVI разсчитываетъ, что Собраніе въ худшемъ случаѣ низложитъ его и онъ вернется въ Тюльери простымъ смертнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, уходя изъ дворца, онъ приказалъ своему камердинеру продолжать службу во дворцѣ до возвращенія его изъ Национальнаго Собранія. Онъ не принялъ въ расчетъ требовательности, ослѣпленія и неурядицъ смутнаго времени.—Подъ угрозами канонировъ-якобинцевъ, оставшихся со своими орудіями во внутреннихъ дворахъ, привратники открываютъ ворота. Тогда врываются повстанцы, привѣтствуютъ канонировъ, достигаютъ сѣней, поднимаются по большой лѣстницѣ и требуютъ, чтобы швейцарцы сдались.—Послѣдніе отнюдь не настроены враждебно: многіе въ знакъ дружбы выбрасываютъ изъ оконъ цѣлыя пачки патроновъ; нѣкоторые даже позволяютъ себя обнять и увести. Но полкъ, въ цѣломъ, вѣрный своему назначенію, не можетъ терпѣть насилія. „Мы — швейцарцы, отвѣчаетъ сержантъ Блазеръ, а швейцарцы, оставляютъ оружіе не иначе, какъ съ жизнью. Мы, полагаю, не заслужили подобнаго оскорбленія. Если мы больше не нужны, пусть распускаютъ нашъ полкъ законнымъ образомъ. Сами же мы не покинемъ своего поста и не позволимъ себя обезоружить“. Въ теченіе трехъ четвертей часа на лѣстницѣ и въ сѣняхъ остаются совместно, лицомъ къ лицу, часто смѣшавшись два отряда, одинъ сосредоточенно-молчаливый, другой волнуемый, бурный, дѣйствующій со всею стремительностью и своеволіемъ народнаго скопища, каждый мятежникъ дѣйствуетъ отдѣльно и на свой ладъ, стараясь уговорами, запугиваніемъ или силою принудить къ сдачѣ. На верхней площадкѣ лѣстницы марселецъ Гранье держитъ двоихъ подъ руки и по пріятельски старается увести ихъ съ собою. У подножія лѣстницы толпа реветъ и угрожаетъ; крючники своими крюками захватываютъ часовыхъ за кожаные пояса ихъ амуниціи и при дружномъ взрывѣ хохота,

стаскивают ихъ, словно рыбъ, внизъ къ себѣ. Въ эту самую минуту раздается пистолетный выстрѣль, пущенный неизвѣстно съ чьей стороны. Швейцарцы даютъ залпъ сверху, очищаютъ сѣни, двory, кидаются на площадь, овладѣваютъ двумя пушками; мятежники бѣгутъ въ разсыпную, укрываются отъ выстрѣловъ. Однако, наиболее храбрые собираются за выступомъ карусельныхъ строеній, выпускаютъ въ мелкія дворцовыя строенія пушечный зарядъ и производятъ тамъ пожаръ. Въ теченіе получаса обѣимъ сторонамъ, окруженнымъ густымъ дымомъ пожара и перваго залпа, приходится стрѣлять почти что на-удачу, швейцарцы далеко еще не смяты, они едва лишь потеряли нѣсколько человекъ, какъ вдругъ является посланный королемъ Ервиль, съ приказаніемъ прекратить огонь и разойтись по своимъ казармамъ.

Они медленно, правильно смыкаютъ свои ряды и удаляются черезъ главную аллею сада. Но, при видѣ этихъ иностранцевъ въ красныхъ мундирахъ, сейчасъ только стрѣлявшихъ въ французовъ, всѣ батальоны, помѣщающіеся на террасахъ, какъ-то невольно направляютъ на нихъ свои ружья и стрѣляютъ; колонна швейцарцевъ разстраивается. Отрядъ въ 250 человекъ поворачиваетъ направо, является въ Собраніе, по приказанію короля складываетъ свое оружіе и позволяетъ себя запереть въ церкви фельянтинцевъ. Остальные погибаютъ при переходѣ черезъ садъ или падаютъ на площади Людовика XVI подъ сабельными ударами конныхъ жандармовъ. Никакой пощады: это война толпы, война не цивилизованныхъ людей, а варваровъ, война первобытная. Въ покинутомъ дворцѣ, куда лишь черезъ пять минутъ послѣ ухода гарнизона вступаютъ повстанцы, идетъ бойня, убиваютъ раненныхъ, убиваютъ двухъ хирурговъ, дѣлавшихъ перевязки, убиваютъ даже вовсе не стрѣлявшихъ швейцарцевъ и тѣхъ, которые, поднявшись на галлерею, выходящую въ садъ, кидали внизъ свои патронташи, сабли, мундиры и шляпы, крича при этомъ: „Друзья, мы съ вами, мы французы, мы за-одно съ націей!“ Убиваютъ вооруженныхъ и безоружныхъ швейцарцевъ, оставшихся на своихъ постахъ во внутреннихъ покояхъ. Убиваютъ привратниковъ-швейцарцевъ въ ихъ собственныхъ помѣщеніяхъ. Убиваютъ всѣхъ на кухнѣ, начиная съ главнаго повара и кончая послѣднимъ поваренкомъ. Женщины еще могутъ избѣжать смерти, это само собой разумѣется: Мадамъ Кампанъ, стоящую на колѣняхъ, хватаютъ за плечо, надъ ея головою заносятъ саблю, когда вдругъ снизу лѣстницы чей-то голосъ кричитъ: „Вы что тамъ дѣлаете на верху? — Какъ? — женщинъ не убиваютъ. — Подымайся ты, бездѣльница, нація тебя милуетъ“. За то нація вдоволь веселитъ свое сердце и наполняетъ свои карманы въ принадлежащемъ теперь ей дворцѣ. Въ дѣйствительности лишь немногіе честные люди приносятъ въ Національное Собраніе деньги и драгоценности; большинство же грабитъ и все уничтожаетъ. Разбиваютъ зеркала, ломаютъ мебель, выбрасываютъ изъ окна стѣнные часы, поютъ Марсельезу подъ звуки клавикордовъ, за которые усаживается какой-то національный гвардеецъ, спускаются въ погреба и тамъ напиваются до безчувствія; „въ продолженіе боѣе

чѣмъ двухъ недѣль, говоритъ одинъ очевидецъ, вокругъ дворца приходилось ступать по стекляннымъ осколкамъ отъ безчисленнаго множества бутылокъ“. Особенно въ саду: „можно было подумать, что аллеи нарочно усыпаны битымъ стекломъ“. Носильщики усаживаются на тронъ въ коронаціонныхъ одѣяніяхъ; распутная женщина ложится на постель королевы; это оргія, гдѣ грубые и низкіе инстинкты, освободившись отъ сдерживавшей ихъ узды, разгулялись во всю. Вѣглецы, возвратившіеся послѣ побѣды, прокалываютъ мертвыхъ своими копьями; проститутки, „хорошо одѣты“, забавляются обнаженными трупами. А когда разрушители наслаждаются твореніемъ рукъ своихъ, они не выносятъ вмѣшательства. На дворахъ Карусели, гдѣ на протяженіи девяти сотъ сажень всѣ зданія объаты огнемъ, пожарные тщетно четыре раза пытаются его затушить; „въ нихъ стрѣляютъ, гремятъ ихъ бросить въ огонь“, а въ Собраніе являются делегаты и грозно заявляютъ, что Тюльери горитъ и будетъ горѣть до тѣхъ поръ, пока Собраніе не постановитъ низложеніе короля.

Жалкое Собраніе, превратившееся, благодаря недавнему искаженію, въ жирондистское, дѣлаетъ нѣсколько безрезультатныхъ усилій, чтобы затормозить развивающійся ходъ событій, чтобы поддержать, какъ то оно клялось, „конституціонныя власти“, или по крайней мѣрѣ, чтобы помѣстить Людовика XVI въ Люксембургскій дворецъ, назначить воспитателя дофина, сохранить, хотя бы временно, на своихъ постахъ тѣхъ же министровъ, чтобы спасти, наконецъ, плѣнниковъ и прохожихъ.

Также подневольное и почти также, какъ и король, лишенное всякаго вліянія Собраніе теперь представляетъ изъ себя лишь канцелярію для регистраціи народныхъ желаній, а, начиная съ утра оно имѣло возможность видѣть, какъ вооруженная чернь относится къ его декретамъ.

Уже съ ранняго утра убивали у самыхъ его дверей, не смотря на всѣ выдущенныя имъ строжайшія охранительныя граматы; въ восемь часовъ, Сюло и трое другихъ были вытащены силою изъ караульни и изрублены передъ окнами Собранія. Послѣ полудня ведутъ въ городскую ратушу шестьдесятъ или восемьдесятъ безоружныхъ швейцарцевъ, сидѣвшихъ въ фельятинской церкви и дорогою, на Гревской площади ихъ убиваютъ всѣхъ до одного. Другой отрядъ, который ведутъ въ рюльскую секцію, умерщвляется такимъ же образомъ. Жандармскаго начальника Карла, вызваннаго изъ Собранія, убиваютъ на Вандомской площади, голову его насаживаютъ на остріе пика. Основателя бывшаго монархическаго клуба, Клермонъ-Тоннеръ, уже болѣе двухъ лѣтъ удалившійся отъ общественной дѣятельности, мирно проходить по улицѣ, его узнаютъ, тащатъ въ канаву и разрываютъ на куски. Послѣ такихъ предостереженій Собранію только и остается повиноваться и прикрывать, по своему обыкновенію, свою зависимость громкими словами. И если диктаторскій комитетъ, расположившійся въ городской ратушѣ, еще благоволитъ терпѣть его существованіе, такъ это только изъ снисходительности и подъ условіемъ, чтобы Собраніе не вмѣшивалось въ его теперешнія и

будущія распоряженія. Пусть оно ограничивается своею прямою обязанностью, издаваніемъ декретовъ, необходимыхъ повстанцамъ; и дѣйствительно, словно падающіе плоды съ сильно наклоненнаго дерева, эти непрерывно издаваемые декреты сыпятся горами въ протянутыя за ними руки, такъ одинъ за другимъ издаются слѣдующіе декреты: о низложеніи короля, о созваніи національнаго конвента, объ освобожденіи избирателей и избирательницъ отъ всякаго налога, о вознагражденіи избирателей при ихъ перемѣщеніи, о подчиненіи собраній произволу избирателей, объ отрѣшеніи отъ должности и арестованіи послѣднихъ министровъ и возвращеніи прежнихъ—Сервана, Клявъера и Роллана, о назначеніи Дантона министромъ юстиціи, о признаніи узурпаторской коммуны, объ утвержденіи Сантера въ его новой должности, о возложеніи на муниципалитетъ полицейскаго надзора за общественной безопасностью, о предоставленіи права всѣмъ гражданамъ арестовывать подозрительныхъ личностей, о домашнихъ обыскахъ съ цѣлью разысканія боевыхъ снарядовъ и оружія, о правѣ переизбранія всѣхъ судей Парижа подсудными имъ лицами, объ утвержденіи всѣхъ жандармскихъ офицеровъ ихъ же солдатами, объ ассигнованіи по тридцати су ежедневно на каждого марсельца со дня его прибытія, о преданіи швейцарцевъ военному суду, о немедленномъ судѣ надъ побѣжденными 10 августа; издается еще множество другихъ болѣе значительныхъ декретовъ, какъ-то: объ отрѣшеніи отъ должности комиссаровъ поставленныхъ наблюдать въ гражданскихъ и уголовныхъ судахъ за правильнымъ исполненіемъ законовъ, объ освобожденіи всѣхъ военныхъ обвиненныхъ или приговоренныхъ за нарушеніе дисциплины, объ освобожденіи всѣхъ обвиняющихся въ преступленіяхъ противъ печати и за разграбленіе зерна, о раздѣлѣ общественныхъ имуществъ, о конфискаціи и продажѣ имѣній эмигрантовъ, о переселеніи внутрь страны ихъ отцовъ, матерей и дѣтей, объ изгнаніи и ссылкѣ всѣхъ неприсягавшихъ священниковъ, объ учрежденіи скорого развода, совершаемаго въ двухъ мѣсячный срокъ, и по требованію одного изъ супруговъ; словомъ проводятся всѣ мѣры, расшатывающія собственность, уничтожающія семью, насилующія совѣсть, упраздняющія законъ, извращающія правосудіе, оправдывающія преступность и отдающія судебныя и исполнительныя учрежденія, а также выборы ближайшаго учредительнаго собранія, словомъ всѣ общественныя дѣла на произволь нагло меньшинства; это меньшинство не останавливавшееся ни передъ чѣмъ и захвативъ диктатуру, сдѣлаетъ все, чтобы ее сохранить.

VIII.

Остановимся на одно мгновеніе, чтобы бросить взглядъ на великій городъ и его новыхъ царей.

Издали Парижъ кажется клубомъ, гдѣ 700.000 бѣсноватыхъ, сгруппировавшись на общественныхъ площадяхъ, вопятъ и спорятъ; вблизи же все оказывается иначе. Всплывшая тина покры-

ваетъ собою всю поверхность и сообщаетъ рѣкѣ свой двѣтъ; но сама человѣческая рѣка течетъ въ своемъ обычномъ ложѣ и, не смотря на внѣшніе перевероты, остается почти такою же, какъ и прежде. Это городъ такихъ же людей, какъ и мы, людей управляемыхъ, занимающихся дѣломъ, веселящихся: для огромнаго большинства, даже въ революціонный періодъ, частная жизнь, слишкомъ сложная и слишкомъ всепоглощающая сама по себѣ, оставляетъ лишь самое незначительное мѣсто для жизни общественной. Отчасти вслѣдствіе рутинны, отчасти по необходимости все идетъ своимъ чередомъ: производство товаровъ, выставка ихъ, купля, продажа, изящныя искусства, ремесла и профессіи. Приказчикъ находится за своимъ прилавкомъ, рабочій и ремесленникъ въ своихъ мастерскихъ, купецъ въ своей лавкѣ, ученый среди своихъ рукописей, чиновникъ на службѣ; всѣ они прежде всего озабочены личными дѣлами, насущнымъ хлѣбомъ, сроками своихъ платежей, повышеніями въ чинахъ, своими семьями и своими удовольствіями; если заботиться обо всемъ этомъ, то день не покажется слишкомъ длиннымъ. Политика приковываетъ ихъ вниманіе не долѣе какъ на четверть часа, они ею интересуются лишь изъ пустого любопытства, смотря на нее, какъ на театральное представленіе, которое они встрѣчаютъ рукоплесканіями или шиканьемъ, не выступая, однако, сами на подмостки.

„Объявленіе отечества въ опасности—говорятъ очевидцы—ничего не измѣнило въ фізіономіи Парижа. Тѣ же забавы, та же суета... Театры полны, какъ и всегда; кабаки, увеселительныя мѣста переполнены вародомъ, національными гвардейцами, солдатами... Высшій свѣтъ попрежнему устраиваетъ увеселительныя прогулки“.—На другой день послѣ обнародованія декрета вся эта церемонія, такъ искусно подготовленная произвела лишь самое слабое впечатлѣніе. „Національная гвардія свиты, пишетъ одинъ журналистъ патриотъ, первая подавала примѣръ разсѣянности и скуки“; она была измучена безпрестанными дежурствами и караулами; и вѣроятно не разъ у нея появлялась мысль, что, отдавая все свое время націи, она не имѣетъ возможности поработать для себя.

Нѣсколько дней спустя на эту многочисленную, равнодушную и утомленную публику, манифестъ герцога брауншвейгскаго „не производитъ никакого впечатлѣнія; надъ нимъ лишь смѣются; онъ извѣстенъ лишь журналамъ и тѣмъ, кто эти журналы читаетъ... Никто не страшится коалиціи и вторженія иностранцевъ“.—10 августа „за предѣлами театра сраженія, въ Парижѣ все спокойно; на улицахъ, какъ и всегда, прогуливаются, ведутъ пріятыя бесѣды“.—19 августа, англичанинъ Муръ крайне удивляется при видѣ безпечной толпы, заполняющей Елисейскія поля, при видѣ всевозможныхъ развлеченій, праздничнаго вида, безчисленнаго множества будокъ, гдѣ подъ акомпанементъ пѣсенъ и музыки продаются прохладительныя напитки, наконецъ, при видѣ множества пантомимъ и маріонетокъ. „Дѣйствительно ли эти люди такъ счастливы, какъ кажутся?“ спрашиваетъ онъ у бывшаго съ нимъ француза. „Они счастливы, какъ боги.—Вы полагаете, что мысль

о герцоге брауншвейгскомъ ихъ вовсе не тревожить?— Могу васъ увѣрить, сударь, что ни о комъ они такъ мало не думаютъ, какъ о герцоге брауншвейгскомъ“.

Таковы холодность и равнодушіе этой огромной массы эгоистовъ, занятыхъ лишь своими личными дѣлами и всегда безразличныхъ къ своимъ правительствамъ, каковы бы онѣ ни были, это настоящее стадо не вмѣшивающееся въ ихъ дѣла, лишь бы только ему не мѣшали пастись и рѣзвиться въ волю. Что касается людей съ сердцемъ, любящихъ себя, свою родину, то они еще менѣе способны стѣснять, потому что они или уже уѣхали, или уѣзжаютъ по 1000 и даже по 2000 человекъ въ день; на послѣдней недѣлѣ іюля мѣсяца ихъ уѣхало 10.000, въ первой половинѣ сентября 15.000, всего около 40.000 волонтеровъ изъ одной только столицы, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, въ пропорціональномъ количествѣ доставляемыхъ департаментами, они составляютъ спасеніе Франціи. Благодаря этому отъѣзду храбрецовъ и инертности массы, Парижъ переходитъ въ руки народныхъ фанатиковъ. „Я горжусь тѣмъ, писалъ патріотъ Палюса, что принадлежу къ тому классу, который одержалъ побѣду надъ такъ называемыми честными людьми, къ классу санкюлотовъ, этихъ бродягъ и подонковъ Парижа“. „Три тысячи рабочихъ, говоритъ позднѣе жирондистъ Суляви, совершили революцію 10 августа противъ царства Фельянтинцевъ, противъ столичнаго большинства и противъ законодательнаго Собранія“. Только ремесленники, работники, мелкіе лавочники, не считая женщинъ, простыхъ бродягъ и отъявленныхъ бандитовъ, составляющихъ лишь двадцатую часть взрослому мужского населенія, приблизительно девять тысячъ со всѣхъ парижскихъ секцій вотируютъ и дѣйствуютъ посреди всеобщей безпечности и опѣпѣнія. На Сенской улицѣ, напримѣръ, считаютъ только семеро такихъ активныхъ гражданъ: Лякаиль, поварь; Филиппъ, „надсмотрщикъ надъ скотомъ, доставляющій ослицъ, страдающимъ грудными болѣзнями“ въ настоящее время президентъ секціи, а впоследствии убійца въ Аббей; Герардъ, „матросъ изъ Руана, который оставилъ большое плаваніе по Сенѣ и теперь переправляетъ въ небольшой своей лодочкѣ пассажировъ съ Луврскаго моста на Мазаринскую набережную“ и четверо другихъ личностей такого же сорта. Но у этихъ людей энергія замѣняетъ недостатки воспитанія и численность. Однажды Герардъ, переправивъ депутата Гюа, замѣтилъ внушительно: „твое счастье, бездѣльникъ, что съ тобою были и другіе пассажиры. Если бъ ты былъ одинъ, я бы опрокинулъ свою лодочку и этимъ доставилъ бы себѣ удовольствіе утопить хоть одного мерзавца аристократа“. Вотъ каковы „мѣстные матадоры“. Ихъ невѣжество нисколько ихъ не смущаетъ; напротивъ они гордятся своею грубостью, такъ заурядный ораторъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, рисовальщикъ по матеріи Гоншонъ, „отъ имени мужей 14 іюля и 10 августа“ приходитъ въ Собраніе и восхваляетъ политическое господство грубой бездарности, по его мнѣнію она способна внести больше свѣта, чѣмъ культивированная интеллигенція: „Всѣ эти великіе гении, украшенные красивымъ титуломъ конституціоналистовъ,

должны отдать справедливость людямъ, изучившимъ искусство управленія только по книгѣ жизни.... Руководствуясь обычаями, а не принципами, наши прекрасные умы давно занимаются политическимъ равновѣсіемъ; мы его нашли безъ всякихъ поисковъ: оно въ человѣческомъ сердцѣ. Нужна такая организація правленія, гдѣ бы бѣднякъ былъ поставленъ выше своихъ скудныхъ ресурсовъ, а богачъ ниже своихъ средствъ: равновѣсіе будетъ прекрасное“. Это понимается до конца; ихъ желанная цѣль это полная нивелировка не только политическихъ правъ, но также и главнымъ образомъ, общественныхъ положеній и имуществъ; они мечтаютъ объ „абсолютномъ, дѣйствительномъ равенствѣ“. Франція принадлежитъ имъ, если они имѣютъ смѣлость ее взять.—Съ другой стороны, если добыча ускользнетъ изъ ихъ рукъ они чувствуютъ, что погибли, потому что брауншвейгскій манифестъ, не произведши впечатлѣнія на публику, глубоко засѣлъ у нихъ въ памяти. Они думаютъ, что угрозы направлены противъ нихъ; и въ ихъ воображеніи, по обыкновенію, рисуется опредѣленная легенда: всѣхъ жителей Парижа поведутъ въ Сень-Денискую долину и тамъ станутъ избивать каждаго десятаго; но прежде всего изберутъ наиболѣе извѣстныхъ патриотовъ и станутъ ихъ колесовать, точно также поступать съ сорока или пятидесятью торговками. Уже 11 августа распространяется слухъ, что 800 человѣкъ бывшихъ королевскихъ гвардейцевъ готовы напасть на Парижъ; въ тотъ же день въ теченіе семи часовъ обыскиваютъ домъ Бомарше, пробиваютъ стѣны, раскапываютъ выгребныя ямы, въ саду перерываютъ всю землю; такой же разгромъ производятъ и въ сосѣднемъ домѣ; въ особенности женщины „выходятъ изъ себя, что ничего не найдено“, предлагаютъ возобновить обыскъ и клянутся, что въ восемь минутъ онѣ отыщутъ тайникъ.—Дѣйствительно, кошмаръ слишкомъ тяжелъ для этихъ бѣдныхъ, пустыхъ головъ; они тяготятся своимъ случайнымъ могуществомъ, а возбужденное самолюбіе, непомерная алчность, глухой и непобѣдимый страхъ производятъ ту нездоровую и злокачественную атмосферу, которая создаетъ Нероновъ, какъ при демократіи, такъ и при монархіи.

Ихъ же руководители, еще болѣе возбужденные, фанатичные и деспотичные и совсѣмъ не знаютъ удержу; наиболѣе выдающиеся изъ нихъ люди—запятнанные и они то ведутъ за собою остальныхъ или же дѣйствуютъ на свой рискъ. Изъ трехъ представителей прежняго муниципалитета мэръ, Петіонъ, въ дѣйствительности не имѣющій никакого значенія, но превозносимый на словахъ, сохраняется лишь какъ старая декорачія. Два же другихъ дѣйствуютъ и оказываютъ вліяніе; первый, Манюэль, старшій прокуроръ, сынъ привратника, непріятный и бездарный проходимецъ, укралъ изъ общественаго архива частную корреспонденцію Мирабо, поддѣлалъ ее и продалъ въ свою пользу. Помощникъ Манюэля, Дантонъ, благодаря двойной измѣнѣ, получалъ деньги отъ короля, якобы на предотвращеніе мятежа, а употреблялъ ихъ на его возбужденіе. Варле, „этотъ необычайный краснобай, велъ такую скверную и расточительную жизнь, что его мать умерла отъ горя, тогда онъ прожилъ остатки и сейчасъ у

него нѣтъ ничего“. — Другіе не считаются не только съ честью, но и съ самою элементарною честностію. Карра, который предсѣдательствовалъ въ тайномъ совѣтѣ федералистовъ и составилъ планъ возстанія, былъ приговоренъ маконскимъ судомъ къ двумъ годамъ тюрьмы за кражу со взломомъ. Вестерманъ, который предводительствовалъ передовымъ отрядомъ, укралъ у ресторатора съ улицы Пули, Жана Кра, серебряное блюдо съ гербомъ и былъ два раза высылаемъ изъ Парижа за мошенничество. Пани, начальникъ комитета надзора, былъ выгнанъ въ 1774 году изъ казначейства, гдѣ его дядя былъ помощникомъ кассира. Сержанъ, его пріятель, присваиваетъ себѣ изъ склада, завѣдываніе которымъ ему было поручено, „трое золотыхъ часовъ, перстень съ агатомъ и другія драгоценности“. Для всего комитета „взломъ печатей, ложныя показанія, подлоги“, расхищенія представляютъ заурядное явленіе; въ его рукахъ исчезаютъ груды серебра и 1.100.000 франковъ золота. Среди членовъ новой коммуны, президентъ Гюгененъ, таможенный служитель, безстыдный взяточникъ. Россиньоль, ювелирный подмастерье, замѣшанный въ убійствѣ и сейчасъ разыскивается судомъ. Геберъ, этотъ отбросъ журнализма, прежній контролеръ контрамарокъ, былъ выгнанъ изъ Варіетѣ за мошенничество. Среди этихъ рѣшительныхъ людей американецъ Фурнье, Лазовскій и Майяръ являются не только убійцами, но и ворами; и изъ ихъ-то среды выдвигается будущій генералъ парижской національной гвардіи Анріо, бывший сначала лакеемъ у одного прокурора, который выгналъ его за воровство, потомъ сторожемъ на фермѣ, откуда также былъ выгнанъ за кражу, затѣмъ полицейскимъ шпиономъ, котораго посадили за кражу въ Бисертъ и, наконецъ, ставшій батальоннымъ командиромъ и однимъ изъ сентябрьскихъ дѣятелей. вмѣстѣ съ этими разбойниками и плутами появляются изъ своихъ норъ и уродливые маньяки. Маркизь Де-Садъ, который осуществлялъ въ дѣйствительности все то, что имъ описано въ романѣ „Жюстинъ“ и котораго революція освободила изъ Бастиліи, состоитъ секретаремъ въ секціи Вандомской площади. Марать, одержимый маніей убійствъ, провозглашается въ Ратушѣ съ 23 августа главнымъ журналистомъ, политическимъ совѣтникомъ, духовнымъ отцомъ новой Коммуны и планъ, который онъ проповѣдуетъ уже три года, будучи одержимъ неотступной идеей, сводится къ массовому, немедленному убійству, безъ разсужденій. „Дайте мнѣ, говорилъ онъ Барбару, 200 неаполитанцевъ, вооруженныхъ кинжалами, съ плащами на лѣвой рукѣ вмѣсто щита и я съ ними обойду всю Францію и устрою революцію“. По его мнѣнію необходима гибель 260.000 человекъ „во имя гуманности“, такъ какъ безъ этого нѣтъ никакого спасенія остальнымъ. „Национальное Собраніе еще можетъ спасти Францію: для этого достаточно заставить всѣхъ аристократовъ носить съ собою голубыя ленты и вѣшать тѣхъ аристократовъ, которые соберутся втроемъ“. — Другое средство „подстергать въ узкихъ переулкахъ роялистовъ и фельянтинцевъ и убивать ихъ. Если среди ста убитыхъ и окажется десять патриотовъ, что за бѣда? Это только десять на девяносто, да кромѣ

того трудно ошибиться: нападайте лишь на тѣхъ, кто ѣдетъ въ каретѣ, имѣетъ лакеевъ, шелковыя платья, кто возвращается изъ театровъ: вы можете быть увѣрены, что это аристократы“.—Очевидно, теперь яacobинская чернь имѣетъ свой подходящий главный штабъ; они поймутъ другъ друга безъ затрудненія; для того, чтобы произвольныя убійства превратились въ административныя дѣйствія, уличнымъ Неронамъ стоитъ лишь зацѣпиться приказомъ Нероновъ изъ ратуши.

Второй этапъ завоеванія.

ГЛАВА I.

Правленіе шаяекъ во времена анархіи. — Случай недавней и внезапной анархіи. — Шайка является наслѣдницей павшаго правительства и ея административныхъ приѣмовъ. — II. Образование идеи убійствъ въ главной части партіи. — День, слѣдующій за 10 августа. — Судъ 17 августа. — Зловѣщій праздникъ 27 августа. — Легенда о заговорѣ тюремъ. — III. Образование идеи убійствъ у вожаковъ. — Ихъ положеніе. — Власть, захваченная ими. — Грабежи, ими производимые. — Опасности, которымъ они подвергаются. — Ихъ спасеніе заключается въ террорѣ. — IV. Ихъ намѣренія. — Актеры и ихъ роли. — Маратъ. — Дантонъ. — Коммуна. — Ея соучастники. — Согласованіе желаній и легкость операціи. — V. Работники. — Ихъ число. — Ихъ условія. — Ихъ чувства. — Дѣйствіе убійства на убійцъ. — Ихъ паденіе. — Ихъ притупленность. VI. Дѣйствіе убійствъ на публику. — Общее изнеможеніе и социальное разрушеніе. — Власть яacobинцевъ окончательно устанавливается въ Парижѣ. — Сентябристы удерживаются въ Коммунѣ и назначаются въ Конвентъ.

I.

Худшую сторону анархіи представляетъ собой не отсутствіе уничтоженнаго правительства, а зарожденіе новыхъ правительствъ низшаго свойства. Въ каждомъ распавшемся государствѣ образуются завоевательныя, неограниченныя въ своей власти шайки: такъ было въ Галліи послѣ паденія Римской Имперіи и въ царствованіе послѣднихъ потомковъ Карла Великаго; подобное происходитъ и въ настоящее время въ Румеліи и въ Мексикѣ. Искатели приключеній, преступники, люди съ запятаннымъ именемъ, лишеныя правъ, обезчещенныя, проигравшіеся въ карты, бродяги, дезертиры, бывшіе солдаты, всѣ враги труда, повиновенія и закона, всѣ они объединяются, чтобы вмѣстѣ преодолѣть червоточныя преграды, все еще сдерживающія стадную толпу; у нихъ отсутствуетъ совѣсть и они убиваютъ при всякомъ удобномъ случаѣ. На такомъ основаніи зиждется ихъ авторитетъ: въ свою

очередь они царствуют каждый въ своей области, и ихъ правленіе грубое, какъ и сама ихъ порода состоитъ изъ кражъ и убійствъ; ничего другого ждать нельзя отъ варваровъ и разбойниковъ.

Но нигдѣ они такъ не опасны, какъ въ большомъ государствѣ только что распавшемся, гдѣ неожиданный переворотъ передаетъ имъ въ руки центральную власть и тогда они считаютъ себя законными наслѣдниками павшаго правительства и по праву ведутъ общественное дѣло. А во времена анархіи воля идетъ не сверху, а съ низу, и вожаки, если хотятъ остаться таковыми, должны слѣдовать слѣпому побужденію своей шайки. Значительной, господствующей личностью, мнѣніе котораго всегда одерживаетъ верхъ, наслѣдникомъ Ршешель и Людовика XIV является посредственный якобинецъ—постоянный посѣтитель клуба, докладчикъ, уличный агитаторъ, Пани, Сержентъ, Эберъ, Варле, Энріо, Мальяръ, Фурнье, Лазовскій, или просто одинъ изъ первыхъ встрѣчныхъ, головорѣзъ изъ Марсеа, канониръ предмѣстья, носильщикъ, который подвыпилъ и за стаканомъ вина вырабатываетъ свои политическія понятія.—Справки онъ черпаетъ въ крикахъ, раздающихся на перекресткахъ и въ каждомъ домѣ указывающихъ на измѣнника, а опытность онъ пріобрѣтаетъ въ клубныхъ рѣчахъ, призывающихъ его къ веденію великой машины. Эта громадная, сложная машина, соразмѣрность частей, перепутанныхъ между собой и развѣтвляющихся на безконечныя отрасли, столько специальныхъ и нѣжныхъ аппаратовъ, которые нужно постоянно примѣнять къ мѣняющимся обстоятельствамъ, дипломатія, финансы, судъ, армія, администрація — все это, конечно, превосходитъ его ограниченное пониманіе: нельзя же бочку влить въ бутылку. Въ его узкомъ, извращенномъ, потрясенномъ отъ нагроможденія несоразмѣрныхъ понятій мозгу, складывается одна простая идея, приноровленная къ его грубымъ привычкамъ и инстинктамъ, я говорю о ихъ потребности убивать своихъ враговъ, являющихся вмѣстѣ съ тѣмъ и врагами государства, какіе бы они ни были, скрытые, явные, настоящіе, будущіе, вѣроятные или даже возможные. Онъ вноситъ въ политику свою грубость и свое смятеніе, вотъ почему такъ вреденъ его захватъ. Въ роли простого разбойника, онъ убивалъ бы ради кражи и этимъ ограничивалось бы его преступленіе. Являясь же представителемъ государства, онъ производитъ рѣзню въ громадныхъ размѣрахъ и для этого у него всѣ средства.—Такъ какъ онъ не успѣлъ еще испортить весь административный механизмъ, то подчиненныя части, какъ жандармы, тюремные сторожа, чиновники, писари и счетоводы, всѣ на своихъ мѣстахъ и постоянно находятся у него подъ рукою. Со стороны арестованныхъ никакого сопротивленія; они привыкли къ защитѣ законовъ и къ мягкости нравовъ, они никогда не рассчитывали на свои руки, какъ на защиту и не могутъ представить себѣ, что справа будетъ такъ коротка. Что касается толпы, то она лишена всякой инициативы благодаря прежней централизаціи, она инертна, пассивна, и будетъ позволять дѣлать съ собой, что угодно. — Вотъ почему

въ теченіе нѣсколькихъ дней, непрерывно, безъ торопливости и замѣшательства, съ помощью дѣловыхъ бумагъ и списковъ, — производилась рѣзня, точно операція на живодернѣ, также безнаказанно и методично, какъ производятъ уборку улицъ или отравленіе бродячихъ собакъ.

II.

Прослѣдимъ въ общихъ чертахъ прогрессъ идеи убійствъ. Эта идея составляетъ основу революціоннаго догмата, и два мѣсяца спустя, на трибунѣ якобинцевъ, Коло д'Эрбуа скажетъ совершенно справедливо: „2 сентября это главный членъ Символа вѣры нашей свободы“. Якобинцу свойственно считать себя законной верховной властью, а съ противниками обращаться не какъ съ воюющей стороной, а какъ съ преступниками. Они виновны въ нарушеніи народныхъ правъ, они внѣ закона, ихъ можно убивать когда и гдѣ угодно, они достойны казни даже тогда, если они не въ состояніи приносить вреда.— Вотъ почему 10-го Августа были переданы Швейцарцы, не стрѣлявшіе и сдавшіеся, а также и раненые, лежавшіе на землѣ, и хирурги, и вся прислуга замка, больше того даже тѣ, которые какъ де Клермонъ-Тонеръ, проходили по улицѣ и все это на официалномъ языкѣ называется теперь судомъ народа. — 11-го числа солдаты швейцарцы, собранные въ зданіе Фельянь, чуть не были всѣ перебиты; собравшаяся чернь требуетъ ихъ головы: составляется прозекъ идти къ тюрьмамъ Парижа, овладѣть заключенными и учинить надъ ними скорый судъ. — 12-го числа на базарѣ отдѣльныя группы народа поговариваютъ о томъ, что Петіонъ негодяй, потому что онъ спасъ швейцарцевъ во дворцѣ Бурбоновъ; итакъ „сегодня нужно повѣсить его и швейцарцевъ“. Въ этихъ разстроенныхъ умахъ настоящая, очевидная истина уступаетъ мѣсто противному. „Это не они атаковали, а изъ дворца шелъ приказъ бить тревогу, это дворецъ осаждалъ націю, а не нація осаждала дворецъ“. Побѣжденные являются „убійцами народа“, пойманными на мѣстѣ преступленія и 14-го Августа федераты требуютъ военнаго суда „чтобы отомстить за кровь своихъ братьевъ; но это еще все недостаточно, одного военнаго суда... Нужно не только наказывать преступленія, совершенныя въ день 10-го Августа, но нужно распространить месть народа на всѣхъ соучастниковъ“, на Лафайета, „который не былъ въ Парижѣ, но который могъ бы быть тамъ“, на министровъ, генераловъ, судей и другихъ агентовъ, виновныхъ въ томъ, что они поддерживали существующій законный порядокъ, и не признавали еще не существовавшаго якобинскаго правительства. Пусть они будутъ представлены не передъ обыкновенными судами, которые на подозрѣніи, потому что они составляютъ часть отмѣненнаго режима, но передъ исключительнымъ судомъ, своего рода „огненной палатой“, выбранной секціями, т. е. меньшинствомъ якобинцевъ; и пусть эти импровизированные судьи, съ опредѣленными убѣжденіями, выносятъ само-

державно окончательный приговоръ; нѣтъ предварительнаго допроса, нѣтъ перерыва между приговоромъ и исполненіемъ, нѣтъ ни отсрочекъ, ни промедленій. Пусть Собраніе торопится выносить декретъ: „а не то, говоритъ одинъ изъ делегатовъ коммуны, сегодня ночью, въ полночь ударятъ въ набатъ, забьютъ тревогу; народъ усталъ ждать мести: бойтесь его самосуда“. — Нѣкоторое время спустя новыя угрозы и болѣе короткій срокъ: „Если черезъ два, три часа..., судьи не приступятъ къ дѣйствіямъ, большія несчастья произойдутъ въ Парижѣ“. — Новый судъ не медлитъ въ отправленіи дѣлъ, въ теченіе пяти дней гильотинируетъ пятерыхъ невинныхъ, тѣмъ не менѣе его находятъ медлительнымъ и 23 Августа секція объявляетъ Коммунѣ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, что народъ „уставшій и возмущенный“ такой медлительностью взламываетъ тюрьмы и перерѣжетъ заключенныхъ. — Судей стараются возбудить, тащатъ къ нимъ арестованныхъ: депутація отъ Коммуны и отъ фѣдератовъ требуетъ отъ Собранія „чтобы преступники Орлеана были переведены въ Парижъ и казнены тамъ за свои преступленія“; „иначе“, говоритъ ораторъ, „мы не отвѣчаемъ за мстительность народа“. И потомъ онъ продолжаетъ въ болѣе повелительномъ тонѣ: „вы слышали и вы знаете, что будетъ, это священный долгъ“, священный долгъ относительно всѣхъ, относительно Собранія, если оно отказывается, относительно суда, если онъ оправдываетъ. Они бросаются на свою жертву, не обращая вниманія ни на юридическую, ни на законную сторону, подобно тому какъ коршунъ летитъ сквозь паутину, и почти не отклоняетъ ихъ отъ неотступной мысли. Когда г. Люсь де-Монморэнъ былъ оправданъ, присутствующая некультурная публика, смѣшавъ его съ его двоюроднымъ братомъ, бывшимъ министромъ Людовика XVI, разразилась упреками. Предсѣдатель старается возстановить истину; крики усиливаются и г. де-Монморэнъ въ опасности. Тогда предсѣдатель прибѣгая, къ хитрости, объявляетъ, что одинъ изъ присяжныхъ быть можетъ приходится родственникомъ обвиняемому и что въ такомъ случаѣ необходимо новый составъ присяжныхъ, новый судъ, это дѣло нужно разслѣдовать, а пока что, плѣнный будетъ снова отведенъ въ тюрьму. Тутъ онъ беретъ г. де-Монморэна за руку и проводитъ его не смотря на отчаянные крики и съ опасностью для самого себя; во дворѣ національный стражникъ ударяетъ его саблей, а на другой день судъ разрѣшаетъ восьми делегатамъ отъ аудиторіи удостовѣриться собственными глазами, что г. де-Монморэнъ находится въ заключеніи.

Въ тотъ моментъ, когда его оправдали было брошено трагическое восклицаніе; „Сегодня вы его освободите, а черезъ пятнадцать дней онъ насъ всѣхъ передушитъ“. — Очевидно страхъ присоединился къ ненависти. Якобинская чернь случайно сознаетъ свое небольшое число, свою узурпацію, свою опасность, которая растетъ по мѣрѣ приближенія Брунсвика. Она чувствуетъ, что взобралась на мину; а если мина взорвется! — Такъ какъ ихъ противники злодѣи, то они способны на всякую скверную выходку, на заговоръ, на рѣзню; сама она только это и дѣлала, ничего дру-

того она себя и представить не может и неизбежно она приписывает им преступную мысль, ту, что зрѣтъ въ ихъ волнующихся мозгахъ.—27 августа послѣ торжественнаго погребенія нарочно устроеннаго Сергентомъ для того, чтобы возбудить народную злобу, подозрѣнія толпы, поддерживаемыя и направляемыя переходятъ въ увѣренность: десять знаменъ, несомыхъ верховыми волонтерами показали народу длинный перечень злодѣяній, совершенныхъ „палатой и ея агентами.“ Рѣзня въ Нанси, рѣзня въ Нимфъ, рѣзня въ Монтованфъ, рѣзня въ Авиньонфъ, рѣзня въ Шапель, рѣзня въ Карпентра, рѣзня въ Шанъ де-Марсъ и т. д. Передъ такимъ парадомъ нѣтъ колебаній; впредь жены трибуновъ, всегдашатаи клубовъ, пикенѣры предмѣстій убѣждены, что фактъ этотъ исполнѣ свойствененъ аристократамъ.

А съ другой стороны, опять таки тревожный признакъ: „эта мрачная церемонія, содержаніе которой должно было вызвать сосредоточенность мыслей и возмущеніе... обыкновенно не производитъ такого впечатлѣнія.

Национальная стража въ формѣ, явившаяся сюда „повидимому, чтобы вознаграждать себя за то, что не могла показать себя въ день дѣла“, вела себя не такъ какъ подобаетъ гражданамъ, она „развлекалась и шумно выражала свою радость“; они присутствовали какъ любопытные зрители, ротозѣи, парижане, и ихъ было гораздо больше, нежели санкюлотовъ. Послѣднихъ можно по пальцамъ пересчитать; они прекрасно понимаютъ, что ихъ меньшинство, очень малое меньшинство и ихъ ярость не встрѣчаетъ отклика; торопить судъ, требовать казни—для этого существуютъ фигуранты и устроители празднествъ.

Одинъ иностранецъ, хорошій наблюдатель, спрашивающій лавочниковъ, у которыхъ покупаетъ, купцовъ, съ которыми имѣетъ дѣло, людей встрѣчаемыхъ въ кафе—пишетъ, что онъ „нигдѣ не встрѣчаетъ кровавыхъ наклонностей, только лишь на галлерей Национальнаго Собранія и въ клубѣ Якобинцевъ“. Впрочемъ на галлерейхъ крикуны—наемные, особенно женщины, которыя болѣе шумливы и которымъ менѣе платятъ“; въ клубѣ Якобинцевъ—вожаки, боящіеся неблагоприятнаго поворота дѣла или жаждущіе удовлетворенія своей злобы, такъ что бѣшеными можно назвать вожаковъ и чернь предмѣстій.—Затерявшись въ этомъ громадномъ городѣ, лицомъ къ лицу съ національной гвардіей еще вооруженной, безразличной и недовольной, патриоты испытываютъ страхъ. Въ этомъ состояніи страха лихорадочное воображеніе, ожиданіемъ доведенное до отчаянія, невольно порождаетъ призраки, страстно принимаемые за истины и теперь достаточно малѣйшаго случая, чтобы довершить легенду, помимо ихъ воли пустившую ростокъ.

1-го Сентября Жанъ Жюльенъ, приговоренный на двѣнадцать лѣтъ къ каторгѣ, былъ выставленъ на позоръ; черезъ два часа онъ приходитъ въ ярость, вѣроятно подъ вліяніемъ шуточекъ присутствующихъ. Съ грубостью свойственной людямъ его породы

онъ въ ругани излилъ свой бессильный гнѣвъ, онъ растегнулъ платье показалъ свою наготу толпѣ и подыскалъ слова наиболѣе оскорбительныя для глядѣвшаго на него народа: „Да здравствуетъ король! да здравствуетъ королева! да здравствуетъ монсееньеръ Лафайетъ! къ чорту націю!“ Вполнѣ естественно, что его чуть не изрубили; его быстро увели въ тюрьму, онъ тутъ же былъ приговоренъ и гильотинированъ, какъ зачинщикъ бунта, относившагося къ заговору 10 Августа. Такъ значитъ, заговоръ все еще существуетъ; судъ признаетъ его и признаетъ не безъ основанія. Жанъ Жюльенъ во всемъ сознался, что же онъ такое сказалъ? И на другой день, подобно ядовитымъ грибамъ, выросшимъ за одну ночь, одинъ и тотъ же рассказъ пустилъ корни въ всѣхъ умахъ.

„Жанъ Жюльенъ сказалъ, что всѣ тюрьмы Парижа думаютъ, какъ онъ, что они покажутъ себя, что у нихъ есть оружіе и что ихъ выпустятъ на улицу, когда уйдутъ волонтеры. На улицахъ встрѣчаются лишь испуганныя лица.

„Одинъ говоритъ, что Вердэнъ выданъ также какъ и Лонви; другой, покачивая головой, отвѣчаетъ, что нужно бояться измѣнниковъ внутри страны въ Парижѣ, а не явныхъ враговъ на границѣ“. На слѣдующій день романъ обогащается подробностями. „Главари и отряды роялистовъ скрываются въ Парижѣ и въ предместьяхъ; они собираются открыть тюрьмы, вооружить заключенныхъ, освободить короля и его семью, казнить патріотовъ Парижа, а также женъ и дѣтей ушедшихъ въ армію... Развѣ не естественно, чтобы мужчины заботились о безопасности своихъ дѣтей и женъ, и употребляли единственно дѣйствительное средство, чтобы остановить кинжалъ убійцы?“ — Народный костеръ зажженъ; теперь предпринимателямъ общественнаго пожара остается лишь направлять огонь.

III.

Они давно задумали его. Уже 11 Августа въ прокламаціи новая Коммуна объявляла, „что всѣ виновные погибнуть на эшафотѣ“. Своими угрожающими посланіями она предписала Национальному Собранію немедленное учрежденіе кроваваго суда. Грубая сила дала ей власть, она погибнетъ, если не удержится, а удержаться она можетъ лишь при помощи террора.—Въ самомъ дѣлѣ, разсмотрите это страшное положеніе.

При помощи смѣлаго ночного предпріятія сотня неизвѣстныхъ расположилась въ Городской Думѣ; представители одной партіи, они считаютъ или называютъ себя представителями народа, они низвергли одну изъ главныхъ властей въ государствѣ, изувѣчили и подчинили себѣ другую и царствуютъ въ столицѣ съ 700,000 душъ благодаря восьми или десяти тысячамъ фанатиковъ и головорѣзовъ. Никогда не было такого неожиданнаго переворота, который бралъ бы людей такъ низко павшихъ, чтобы поднять

ихъ такъ высоко. Журналисты самаго низшаго разряда, писакы, врущѣ безъ зазору совѣсти, болтуны тавернъ, раструженные священники и монахи, отбросы литературы, адвокатуры и духовенства, столяры, токари, лавочники, слесари, сапожники, простые рабочіе, часто безъ всякаго положенія и занятія, странствующие политиканы и общественные крикуны, которые точно площадные лѣкаря, три года какъ эксплуатируютъ народную довѣрчивость; среди нихъ много людей съ дурной славой, люди съ сомнительной честностью и съ доказанной нечестностью, люди, низко павшіе въ своей молодости и еще запятанные прежней грязью, люди выброшенные за бортъ полезнаго труда, благодаря своимъ порокамъ лишенные мѣсть и пустившіеся на контрабанду, разбившіеся на опасномъ скачкѣ, они распатали свою совѣсть, какъ ребра акробата, и не будь, революціи они бы еще ползали въ свойственной имъ грязи, въ ожиданіи Бисетра или каторги, къ которымъ они предназначались,—такъ вотъ представьте себѣ ихъ опьяненіе, когда они большими глотками пьютъ изъ бездонной чаши абсолютной власти — такъ какъ они требуютъ и примѣняютъ абсолютную власть. Благодаря своимъ особеннымъ полномочіямъ поставленныя надъ правильными властями, они переносятъ послѣднихъ лишь въ качествѣ подчиненныхъ и не тѣхъ, кто можетъ стать ихъ соперниками. Слѣдовательно они низвели законодательное учрежденіе до роли издателя и глашатая ихъ декретовъ; они заставили новыхъ выборныхъ отъ департамента, „отказаться отъ своего званія“ и ограничиться раскладкой податей и ежедневно они налагаютъ свои невѣжественныя руки на общественную службу, на финансы, армію, продовольствіе, администрацію, судопроизводство съ рискомъ, что поломаютъ всѣ колеса и прервутъ движеніе.

Сегодня они требуютъ военнаго министра или за неимѣніемъ его, его перваго помощника; завтра весь составъ бюро они держатъ подъ арестомъ въ теченіе двухъ часовъ подъ предлогомъ, что ищутъ подозрительнаго типографщика. То они опечатаваютъ кассу непредвидѣнныхъ расходовъ; то они распускаютъ комиссію о продовольствіи; то они вмѣшиваются въ судебное разбирательство, для того, чтобы усугубить процессъ, или же помѣшать исполненію приговора. Нѣтъ такого принципа, закона, правила, положенія, учрежденія или общественнаго дѣятеля, который не былъ бы во власти ихъ произвола.—Они забрали въ свои руки власть; они забрали также и деньги. Они вынудили у Собранія 850.000 франковъ въ мѣсяць, включая всякія недоимки, начиная съ 1-го Января 1792, въ общемъ, больше 6 милліоновъ, для того, чтобы содержать свою вооруженную полицію, другими словами; свои шайки; но это еще не все; „облекшись въ муниципальный шарфъ они присваиваютъ себѣ „въ общественныхъ зданіяхъ мебель и все, что есть самаго цѣннаго“.—„Изъ одного дома они уносятъ на 100.000 экю. Ихъ комиссары вывозятъ изъ Шантильи три воза, запряженные тройкой; эти три воза нагружены пожитками г. де-Конде“, и они берутъ на себя перевозку вещей „эмигрантовъ“. Въ церквахъ Парижа, они конфискуютъ „распятія,

налои, колокола, рѣшетки все, что сдѣлано изъ бронзы“ или жельза, какъ подсвѣчники, потиры, вазы, реликвии, статуи все, что „относится къ серебру“, „то что находится на алтаряхъ и въ ризницѣ“; можно догадываться о размѣрахъ добычи: чтобы увезти серебро одной церкви Мадланъ-ла-Виль-Эвекъ понадобился возъ, запряженный четверкой. — И всѣми этими деньгами, такъ свободно набранными, они распоряжаются также свободно какъ и властью. Одинъ, безъ всякаго стыда, набиваетъ себѣ карманы; другой въ кладовыхъ мебели шарить въ столахъ и уносить шкафъ, полный вещей; я уже упоминалъ о томъ, что въ складахъ Коммуны, большинство печатей оказались сломанными, исчезли цѣнное серебро, драгоценныя вещи, серебряныя и золотыя деньги; въ протоколахъ и позднѣйшихъ отчетахъ Комитетъ надзора обвиняется въ „похищеніи, въ расхищеніи, въ лихоимствѣ,“ однимъ словомъ „въ нарушеніи закона и въ безчестности“.

Когда король торопится, онъ забываетъ всякія формы и легко смѣшиваетъ ящикъ куда положены деньги государства, съ ящикомъ, гдѣ находятся его собственныя деньги.

Къ несчастью обладаніе властью и общественными богатствами держится лишь на одномъ волоскѣ. Когда вытѣсненное и и силой подчиненное большинство осмѣливается, что и случилось позже въ Ліонѣ, Марселѣ и Тулонѣ, вернуться въ собранія секціи и отмѣнить ложный указъ, присвоенный обманомъ и силой, въ тотъ моментъ благодаря волѣ верховнаго народа и въ силу своего собственнаго ученія, они становятся снова тѣмъ, чѣмъ были въ дѣйствительности узурпаторами, взяточниками, ворами; для нихъ нѣтъ середины между диктатурой и галерами.

Передъ такой альтернативой, любой изъ нихъ, если не обладаетъ исключительной уравновѣшенностью, чувствуютъ себя не въ своей тарелкѣ; имъ теперь не трудно обманывать самихъ себя, считать, что въ ихъ лицѣ — угрожаютъ государству и считать за правило, что имъ все позволено, даже рѣзня. Развѣ Базиръ не провозглашалъ съ трибуны, что относительно враговъ націи „всѣ средства хороши и справедливы“? А другой депутатъ, Жанъ Дерби, развѣ онъ не предлагалъ образовать корпусъ изъ 1200 волонтеровъ, которые „пожертвуютъ собой“, какъ нѣкогда убійцы Віе де ла Монтанъ, чтобы „сразиться грудью съ грудью, лично съ тиранами и генералами?“

А развѣ Мерлинъ де Тіонвиль не требовалъ, чтобы жены и „дѣти эмигрантовъ, нападающихъ на границу, были бы удержаны, какъ заложники“ и объявлены отвѣтственными, другими словами что ихъ можно убивать, если ихъ родные будутъ продолжать нападеніе? Только это и остается, потому что другихъ мѣръ оказалось недостаточно.

Напрасно Коммуна постановила арестовать газетчиковъ противнаго лагеря и раздала ихъ машины типографщикамъ патріотамъ.

Напрасно она лишала права занимать должности членовъ клуба

Святой Часовни, національную гвардію присягавшую Лафайету, подписчиковъ петиціи 8000 и петиціи 20000. Напрасно она участвовала обыски—даже дворець и экипажи посланника Венеціи были обысканы. Напрасно, при помощи оскорбительныхъ и повторныхъ допросовъ, она судить при гиканьяхъ и крикахъ о смерти на трибунахъ, самыхъ почтенныхъ и извѣстныхъ людей: Лавуазье, Дюпонъ де Немуръ, знаменитаго хирурга Дезольта, женщинъ, самыхъ безобидныхъ и почтенныхъ женщинъ: Госпожу де Турзель, дочь де Турзель, княгиню де Ламбалъ. Напрасно послѣ арестовъ, производившихся въ теченіе двадцати дней она хочетъ поймать весь Парижъ однимъ взмахомъ сѣтки, съ помощью ночного обыска: всѣ заставы были закрыты, вездѣ была поставлена двойная стража, часовые на набережной и дозорныя суда на Сенѣ, чтобы помѣшать бѣгству по водѣ; городъ былъ заранѣе подраздѣленъ на части и на каждую часть существовалъ списокъ подозрительныхъ; движеніе экипажей было прервано; ни одинъ гражданинъ не смѣлъ отлучиться изъ дому; послѣ шести часовъ вечера—гробовое молчаніе; на каждой улицѣ патруль изъ шестидесяти человѣкъ со штыками, семьсотъ отрядовъ санъ-кюлотовъ, дѣйствующихъ всѣ сразу и со свойственной имъ грубостью, прикладами взламывая двери; отомкнутые слесарями шкапы, пробурываемыя каменщиками стѣны, обшаренные погреба, конфискованныя бумаги и оружія, три тысячи арестованныхъ и уведенныхъ, священники, старики, калѣки, больные, и съ десяти часовъ вечера до пяти часовъ утра, точно въ осажденномъ городѣ, плачь женщинъ, подвергнутыхъ грубому обращенію, крики уводимыхъ плѣнныхъ, ругань стражи, останавливающейся въ каждомъ кабачкѣ; никогда еще не было такой общед, такой методичной экзекуціи; въ тишинѣ оцѣпенѣнія была уничтожена всякая попытка противодѣйствія.

Тѣмъ не менѣе въ это самое время добросовѣстные люди въ секціяхъ и Собраніи, возмущаются, что имѣютъ дѣло съ подобными руководителями. Депутати, одна отъ Ломбара и другая съ Хлѣбнаго Рынка, протестуютъ противъ незаконныхъ захватовъ Коммуны. Монтаньяръ Шудіе доноситъ объ измѣнахъ. Комбонъ, строгій финансистъ, не хочетъ болѣе терпѣть, чтобы счеты приводились въ безпорядокъ пачкатней плутовъ. Собраніе наконецъ начинаетъ приходить въ себя; оно беретъ подъ свое покровительство журналиста Жире, которому новыя паши послали повѣстку о приводѣ; оно призываетъ подписавшихся подъ этимъ указомъ и приказываетъ имъ не переходить на будущее время границъ закона, что они постоянно дѣлаютъ; больше того, оно распускаетъ самозванный совѣтъ и замѣняетъ его 86 делегатами, которыхъ секціи должны выбрать въ теченіе двадцати четырехъ часовъ.

Кромѣ того оно приказываетъ ему отдать отчетъ въ двухдневный срокъ, о всѣхъ захваченныхъ вещахъ и отнести въ казначейство всѣ золотыя и серебряныя вещи.

Ослабленные, вынужденные разстаться со своей добычей, самодержцы Ратуши на другой день осаждаютъ Собраніе, чтобы заставить его вернуть декреты; противъ ихъ угрозъ и угрозъ ихъ приверженцевъ Собраніе устояло.

Тѣмъ хуже для упрямецъ; если они не хотятъ видѣть блескъ сабли, они почувствуютъ ея лезвіе и остріе. Согласно предложенію Манюэля, коммуна рѣшаетъ, что до тѣхъ поръ, пока существуетъ общественная опасность, она остается на своемъ мѣстѣ; она соглашается на предложеніе Робеспьера „передать народу верховную власть“, что значитъ выпустить на улицу вооруженныя шайки; они набираютъ себѣ разбойниковъ жалую имъ въ собственность все, что они накрали въ день 10 августа.

Засѣданіе, длившееся всю ночь кончается лишь въ половинѣ второго дня; наступило воскресенье, времени терять нельзя, потому что черезъ нѣсколько часовъ соберутся выборщики, которые будутъ выбирать депутатовъ въ Конвентъ; черезъ нѣсколько часовъ, въ силу декрета національнаго Собранія, секціи, слѣдуя примѣру поданному имъ наканунѣ секціей Тамяля, можетъ быть отмѣнять самозванныхъ депутатовъ Ратуши. Чтобы остаться въ Ратушѣ и быть wybranными въ Конвентъ—вожакамъ нуженъ блестящій переворотъ, и въ тотъ же самый день.—Это день 2-го Сентября.

IV.

23 Августа рѣшеніе принято, планъ рѣзни рисуется въ ихъ головахъ и понемногу каждый, согласно своимъ, склонностямъ беретъ на себя роль, которая ему предназначена или которую онъ самъ выбираетъ. Маратъ первый сдѣлалъ предложеніе и сталъ проповѣдовать планъ дѣйствій, и съ его стороны это было вполне естественно. Это дѣло является итогомъ всей его политики: диктаторъ или трибунъ, онъ властенъ убивать и только онъ властенъ дѣлать это, главарь—головорѣзъ отвѣтственный, „скованный въ кандалахъ“, такова его программа правительства, начиная съ 14 Юля 1789 г., и онъ нисколько не краснѣетъ за нее: „тѣмъ хуже для тѣхъ, кто не можетъ понять ее“. Онъ сразу понялъ характеръ революціи, но не гениемъ, а чувствомъ, будучи самъ ограниченъ и чудовищенъ, какъ и она; вотъ уже три гѣда, какъ онъ одержимъ горячкой преслѣдованія, маніей челоуѣко-убійства; умственное обнищаніе привело его къ одной мысли, мысли убійства; онъ потерялъ самую обыкновенную способность мышленія; будучи послѣднимъ изъ журналистовъ, онъ пишетъ для простонародья и солдатъ; онъ такъ однообразенъ въ своемъ постоянномъ припадкѣ, что, когда читаешь подрядъ номера его газеты, кажется, что слышишь непрерывный хриплый крикъ, исходящій изъ комнаты умишеннаго.

Съ 12 Августа онъ начинаетъ гнать народъ въ тюрьмы „Самое вѣрное и умное средство, говоритъ онъ, это отправиться вооруженными въ Аббатство, вырвать извѣдниковъ, особенно швейцарскихъ офицеровъ и ихъ соучастниковъ и всѣхъ ихъ перебить. Что за безуміе желать вести процессъ! Они уже обвинены.

„Вы перерѣзали солдатъ; почему же вы пощадили офицеровъ гораздо болѣе виновныхъ?“

И два дня спустя его воображеніе палача идетъ еще дальше!

„Солдаты заслужили тысячи смертей... Что касается офицеровъ они заслуживаютъ быть четвертованными, какъ Людовикъ Капетъ и его сообщники Манежа“. Послѣ этого Коммуна избираетъ его какъ своего оффиціального журналиста, даетъ мѣсто въ залѣ засѣданій, отдаетъ ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и скоро позволить ему войти въ контрольный или исполнительный комитетъ.

Но подобный бѣсноватый годится лишь на то, чтобы быть подстрекателемъ и трубачемъ, самое большее, въ послѣдній моментъ онъ сможетъ фигурировать среди посредственныхъ распорядителей. Главный предприниматель совсѣмъ въ другомъ родѣ; настоящій вожакъ это Дантонъ; благодаря своему прошлому и своему положенію, благодаря своему простонародному цинизму, своимъ манерамъ, своей рѣчи, благодаря своей предпримчивости и способности приказывать, невоздержанной силѣ его умственной и физической структуры, благодаря физическому влиянію его все-поглощающей воли, онъ уже заранѣе приспособился къ своей ужасной роли. Онъ одинъ изъ Коммуны сдѣлался министромъ, онъ одинъ могъ прикрыть муниципальное посягательство покровительствомъ или инерціей центральной власти.

Онъ одинъ въ Коммунѣ и министерствѣ былъ способенъ дать толчекъ и привести въ соотвѣствіе событія среди всего сумбура революціоннаго хаоса! Теперь онъ руководитъ совѣтомъ министровъ, какъ раньше руководилъ Городской ратушей, среди непрерывнаго шума безсвязныхъ сторонъ, среди „предложеній ех абсурто, криковъ, ругани, постояннаго хожденія просителей“, онъ обзудываетъ своихъ новыхъ коллегъ „голосомъ Стентора, жемами атлета и страшными угрозами“, онъ присваиваетъ себѣ ихъ функціи, диктуетъ имъ свой выборъ, выноситъ „готовые приказы“; онъ беретъ на себя, „составляетъ предложенія, постановленія, прокламаціи, граматы“, черпая миллионы въ казначействѣ, онъ бросаетъ мѣсиво своимъ кордельерскимъ догамъ и Коммунѣ, „одному 20000 ливровъ, другому 10000 и „на революцію, за патріотизмъ:“ вотъ и весь его отчетъ. Осыпанная деньгами свора голодныхъ „крикуновъ“, и жадныхъ „интригановъ“, весь дѣйствующій, персоналъ секцій и клубовъ находится въ его рукахъ.

Съ такой свитой во времена анархіи чувствуешь себя сильнымъ; дѣйствительно, можно сказать, что августъ и сентябрь Дантонъ царствовалъ и проже онъ скажетъ: „2 Сентября, какъ и 10 Августа дѣло моихъ рукъ“.

Про него нельзя сказать, чтобы онъ былъ мстителемъ и кровожаденъ отъ природы; наоборотъ: несмотря на темпераментъ мясника, сердце у него человѣческое; рискуя скомпрометировать себя онъ идетъ противъ воли Марата и Робеспьера, и спасаетъ

своихъ политическихъ противниковъ, Дюпора, Бриссо, Жирондистовъ, бывшую правую партію *).

Про него нельзя сказать, чтобы онъ былъ ослѣпленъ страхомъ, ненавистью или теоріей: наряду съ горячностью клубиста онъ обладалъ ясностью политика; онъ не является жертвой своихъ громкихъ фразъ онъ знаетъ чего стоятъ призванные имъ же плуты; онъ не заблуждается ни на счетъ людей, ни на счетъ вещей, ни на счетъ себя самого; если онъ убиваетъ, то онъ это дѣлаетъ въ полномъ сознаніи своего дѣла; своей партіи, положенія, революціи и грубыя слова, которыя онъ бросаетъ мимоходомъ бычачьимъ голосомъ, являются живымъ выраженіемъ истины.

„Мы сволочь, мы изъ грязи вышли, съ принципами обыкновенной гуманности мы снова туда погрузились бы; мы можемъ управлять только съ помощью страха. Парижане дрались, нужно чтобы протекла рѣка крови между ними и эмигрантами“.— „Будутъ бить въ набатъ, но то не будетъ сигналомъ къ тревогѣ, то будетъ атака на враговъ родины... Что нужно чтобы побѣдить? Смѣлость, смѣлость и смѣлость“.— „Я вызвалъ сюда свою мать, ей 70 лѣтъ; я вызвалъ моихъ двухъ дѣтей, они пріѣхали вчера вечеромъ. Прежде чѣмъ Прусакі войдутъ въ Парижъ, я хочу, чтобы моя семья погибла вмѣстѣ со мной; я хочу, чтобы двадцать тысячъ факедовъ превратили Парижъ въ одно мгновеніе въ кучу пепла.“

„Во что бы то ни стало, нужно удержатся въ Парижѣ.

Республиканцевъ ничтожное меньшинство, а въ сраженіи мы можемъ лишь на нихъ рассчитывать; остальная Франція предана королю. Нужно напугать роялистовъ“.

28 Августа онъ получаетъ отъ Собранія разрѣшеніе на поголовный обыскъ, благодаря которому Коммуна переполняетъ свои тюрьмы. А 2 Сентября, чтобы парализовать—противодѣйствіе честныхъ лицъ, онъ постановляетъ смертный приговоръ противъ всѣхъ тѣхъ, кто прямо или косвенно откажется исполнять или будетъ мѣшать, какимъ бы то ни было путемъ, даннымъ распоряженіямъ и мѣрамъ принятымъ исполнительной властью. И въ тотъ же самый день онъ заявляетъ журналисту Прюдому о мнимомъ заговорѣ въ тюрьмахъ, а на слѣдующій день онъ посылаетъ къ нему своего секретаря Камилла Демуланъ, чтобы поддѣлать отчетъ объ убійствахъ **). 3 Сентября въ министерствѣ юстиціи,

*) Хюа, 167. Разсказъ его гостя, врача Ламбри, интимнаго друга Дантона большаго фанатика, и члена комитета, гдѣ разбирался вопросъ нужно ли убивать членовъ правой партіи: „Дантонъ энергично отклонилъ это кровавае предложеніе. Всѣ знаютъ, сказалъ онъ, — что я не отступлю передъ преступленіемъ, когда оно необходимо, но я гнушаюсь имъ когда оно бесполезно.“

**) Прюдомъ, Преступленія Революціи, IV, 90. 2 Сентября при звонѣ набата и пальбѣ пушки, Прюдомъ отправляется къ Дантону, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Дантонъ разсказываетъ ему небылицу и прибавляетъ: „народъ, раздраженный и во время освѣдомленный хочетъ самъ справиться съ негодяями, находящимися въ тюрьмахъ“. Появляется Камилль Демуланъ. „Послушай, говоритъ ему Дантонъ. Прюдомъ сейчасъ меня разспрашивалъ о томъ, что будутъ дѣлать“.—„Ты развѣ ему не сказалъ, возразилъ Камилль, что виновныхъ съ виновными не смѣшаютъ? Всѣ тѣ, которые будутъ удостовѣрены

на глазахъ командировъ батальона и дежурныхъ командировъ, передъ Лакруа, мэромъ Парижа, передъ Клавіеръ, Серваномъ, Монжъ, Лебрэномъ и всѣмъ исполнительнымъ совѣтомъ, кромѣ Ролана, онъ однимъ жестомъ низводитъ роль главныхъ личностей въ Государствѣ до должности пассивныхъ соучастниковъ и отвѣчаетъ честному человѣку, поднявшемуся, чтобы остановить преступленія: „Садись, это необходимо“. Въ тотъ самый день онъ отсылаетъ циркуляръ со своей собственной подписью, въ которомъ комитетъ надзора объявляетъ рѣзню и приглашаетъ „своихъ братьевъ по департаментамъ“ слѣдовать примѣру Парижа. А 10 Сентября, „не какъ министръ юстиціи, а какъ министръ народа“ поздравляетъ и благодаритъ убійцъ Версаля. Начиная съ 10 Августа черезъ Билло-Варена, своего бывшего секретаря, черезъ Фабра Эглантинъ, хранителя печати, черезъ Тальена, секретаря Коммуны и самаго интимнаго довѣреннаго, онъ присутствуетъ на всѣхъ совѣщаніяхъ Ратуши, и въ послѣдній моментъ онъ не забываетъ поставить въ комитетъ надзора своего человѣка, начальника бюро Дефорга. Машина для косьбы была не только построена у него на глазахъ и съ его согласія, но кромѣ того, въ тотъ моментъ, когда она приходитъ въ движеніе, онъ держитъ въ рукахъ рукоятку, чтобы направлять косу.

Онъ правъ: если-бъ онъ порой не тормозилъ, она сломалась бы отъ собственной игры. Маратъ, введенный въ комитетъ какъ профессоръ политическаго кровопусканія, рубить съ плеча, переходя всякія границы; были уже изданы указы объ арестѣ тридцати депутатовъ, обысканы были бумаги Бриссо, отель Ролана былъ окруженъ, Дюпора, схваченнаго въ сосѣднемъ департаментѣ, везли на бойню. Этого послѣдняго всего труднѣе спасти; нужно дѣлать страшныя усилія, чтобы вырвать у маніака требующаго его. Съ такимъ хирургомъ, какъ Маратъ и фельдшерами какъ пятьсотъ или шестьсотъ вожаковъ Коммуны секціи—нечего и подталкивать ножъ, можно заранѣе сказать, что операція будетъ основательная. Одни ужъ имена громко говорить за это: въ Коммунѣ, Манюэль, прокуроръ старшина Эберъ и Билло - Варенъ его два помощника, Хюгенинъ, Монлье, М. Ж. Шенъе, Одуинъ, Леонаръ Бурдонъ, Була и Трюшанъ, слѣдовавшіе другъ за другомъ председатели; въ Коммунѣ и въ секціяхъ, Пани, Серджентъ, Тальенъ, Росиньоль, Шометь, Фабръ д'Эглантинъ, Пашъ, Хасенфратцъ, сапожникъ Симонъ, типографщикъ Моморо; въ національной гвардіи Сантеръ, генеральный командиръ, Энріо, а за ними слѣдуетъ толпа демагоговъ квартала, фигуранты Дантона, Эбера или Робесъьера, позже гильотинированные вмѣстѣ съ главарями, однимъ словомъ, весь цвѣтъ будущихъ террористовъ. — Сегодня они дѣлаютъ свой первый шагъ въ крови, каждый въ собствен-

---

своими секціями, будутъ возвращены“. — 4-го, Демулэнъ приходитъ въ редакцію газеты и говоритъ редакторамъ: „Ну вотъ, все прошло въ поразительномъ порядкѣ. Народъ освободилъ даже многихъ аристократовъ, противъ которыхъ не было прямыхъ уликъ... Я надѣюсь, что вы дадите точный отчетъ обо всемъ этомъ, потому что журналъ Революціи — компасъ общественнаго мнѣнія“.

ной ему позѣ и согласно личнымъ побудительнымъ причинамъ, на М. Ж. Шиле донесли какъ на члена клуба Св. Часовни, онъ изувѣрь, потому что онъ подозрителенъ; Манюэль, несчастный, нервный человекъ, испуганный, увлеченный, онъ содрогнется, когда увидитъ, результатъ своего дѣла, Сантеръ, осторожный статистъ, 2 Сентября подъ предлогомъ, что ему нужно охранять багажъ, онъ взбирается на козлы остановленной кареты и сидитъ тамъ два часа, чтобы не исполнять должности главнаго командира; Пани, предсѣдатель контрольнаго комитета, хорошій подчиненный, по природѣ своей ученикъ и приспѣшникъ, поклонникъ Робеспьера, котораго онъ предложилъ въ диктаторы и Марата, котораго онъ превозноситъ, какъ пророка; Генрио, Эберъ и Россиньоль, обыкновенные мошенники въ формѣ или съ шарфомъ; Коло д'Эрбуа, комедантъ — стихоплетъ, театральное воображеніе котораго съ наслажденіемъ комбинируетъ ужасы мелодрамы *). Било-Варенъ, бывший священникъ, желчный и мрачный, хладнокровный передъ убійствомъ, какъ инквизиторъ передъ ауто-дафе; наконецъ коварный Робеспьеръ, который толкаетъ другихъ, самъ не впутываясь, ничего не подписываетъ, не даетъ приказаній болтаетъ много, всегда совѣтуетъ, показывается вездѣ, подготавливаетъ свое царствованіе, и потомъ вдругъ въ послѣдній моментъ, точно кошка, набрасывается на свою жертву и старается задушить своихъ соперниковъ жирондистовъ.—До сихъ поръ убивали или заставляли убивать; то были мятежники, это происходило на улицѣ; теперь это происходитъ въ тюрьмахъ, это дѣлаютъ судья и должностныя лица, по списку, по констатированіи личности поверхностнымъ судомъ, методично и хладнокровно, во имя общественного блага, почти также регулярно, какъ это происходило позже подъ „правительствомъ революціоннымъ“. Фактически Сентябрь является началомъ, и образцомъ; то же самое, не лучше, будетъ происходить въ самый расцвѣтъ гильотины. Только теперь орудія еще не усовершенствованы; вмѣсто гильотины употребляютъ штыки, такъ какъ стыдъ еще не уничтоженъ, то начальники скрываются за исполнителями. Но можно прослѣдить ихъ по слѣдамъ, ловить на фактахъ; имѣются всѣ ихъ автографы; они обдумываютъ операцію, они командуютъ, они руководятъ. 30 августа Коммуна рѣшила, что секціи будутъ судить арестованныхъ, а 2 сентября пять надежныхъ секцій отвѣчаютъ ей, что арестованные будутъ задушены. Въ тотъ же день, 2 сентября, Маратъ вступаетъ въ контрольный комитетъ. Въ тотъ же самый день, 2 сентября, Пани и Серженъ подписываютъ приказъ „своихъ товарищей Маяра и сообщниковъ по Аббатству и приказываютъ имъ судить“; то есть убивать, заключенныхъ. Въ тотъ же день и послѣдующіе три члена Коммуны, Эберъ, Монеъ и Россиньоль предсѣдательствуютъ поочередно въ судѣ убійцъ, въ

*) Веберъ II, 348. Коло подробно распространяется „съ радостью“ и „хладнокровіемъ“ объ убійствѣ госпожи де Ламбаль и о тѣхъ ужасахъ, которымъ подверглось ея тѣло. „Онъ прибавилъ, выдыхая отъ сожалѣнія, что еслибъ спросили его мнѣніе, онъ посоветовалъ бы подать въ закрытомъ блюдѣ, голову г-жи де Ламбаль, на ужинъ королевы“.

смирительномъ домѣ. Въ тотъ же день комиссаръ комитета надзора требуетъ въ секціяхъ санъ-кюлотовъ двѣнадцать человѣкъ, чтобы помочь рѣзать священниковъ Сенъ-Фирмэнъ.

Въ тотъ же день комиссаръ коммуны посѣщаетъ тюрьмы, въ то время, какъ тамъ душатъ и находятъ, что все обстоитъ благополучно.

Въ тотъ же день, въ пять часовъ вечера представитель коммуны, Билло-Варенъ „въ курткѣ и въ черномъ знакомомъ всѣмъ парикѣ“, ступая на трупы, говоритъ истребителямъ Аббатства: „Народъ, ты истребляешь своихъ враговъ, ты исполняешь свой долгъ“; ночью онъ снова возвращается, засыпаетъ ихъ похвалами, подтверждаетъ обѣщаніе „условленнаго“ вознагражденія; на другой день, въ полдень, онъ снова возвращается, снова поздравляетъ ихъ и раздаетъ имъ по одному луи, поощряя ихъ продолжать.

Тѣмъ временемъ, въ главномъ штабѣ, Сантеръ, вытребованный Роланомъ, лицемѣрно оплакиваетъ свое добровольное безсиліе и продолжаетъ не давать приказаній, безъ которыхъ національная гвардія не можетъ дѣйствовать. Въ секціяхъ председатели М-Ж. Шенъе, Сейро, Була, Люморо, Колод'Ербуа посылаютъ несчастныхъ на штыки. Въ коммунѣ, генеральный совѣтъ поставляетъ, что нужно взять съ мертвыхъ 12000 фунтовъ, чтобы уплатить расходы операцій. Въ комитетѣ надзора Марать и его коллеги письменно пропагандируютъ убійства въ департаментахъ. Очевидно, вожаки и подчиненные дѣйствуютъ единодушно, каждый на своемъ посту и въ своей должности; благодаря добровольному сотрудничеству повелѣніе сверху, встрѣчается съ побужденіемъ снизу, оба они смѣшиваются въ смертоносной волѣ и дѣло приводится въ исполненіе съ большой точностью, тѣмъ болѣе, что оно такъ легко. — Тюремщики получили приказъ открывать тюрьмы и не мѣшать. Изъ вѣнечей предосторожности у заключенныхъ отняли обѣденные ножи и даже вилки.

Ихъ будутъ вызывать по имени и они пройдутъ одинъ за другимъ, какъ быки идущіе на бойню и двадцати мясниковъ на тюрьму, въ общемъ двѣсти или триста, вполне достаточно, чтобы оборудовать это дѣло.

V.

Два сорта людей даютъ рекрутовъ, и здѣсь особенно можно удивляться тому дѣйствию, которое производитъ революціонный догматъ на грубые мозги. Прежде всего рекруты набираются изъ федератовъ юга, бравые молодцы, бывшіе солдаты или бывшіе разбойники, дезертиры, мошенники и хвастуны изъ всѣхъ странъ и всякаго происхожденія, поработавъ въ Марселѣ или Авиньонѣ они ѣдутъ въ Парижъ, чтобы снова приняться за дѣло. „Бѣи Богу, говоритъ одинъ изъ нихъ,—я явился сюда изъ за 180 верстъ и чертъ меня побори, если не будетъ 180 головъ у меня на штыкѣ!“

Въ виду этого, они сами образовали специальный постоянный отрядъ, и они не переносятъ, чтобы ихъ отклоняли отъ той

должности, что они сами себя выбрали. „Они не будут повиноваться побужденію ложнаго патріотизма“; они не пойдутъ на границу, ихъ мѣсто въ столицѣ, они „клялись, что будутъ въ ней защищать свободу;“ до сентября и послѣ него ихъ никакъ не могутъ отвлечь. Когда же наконецъ, имъ уплатили изъ всѣхъ кассъ и подъ всякими предлогами, они согласны покинуть Парижъ, чтобы вернуться снова въ Марсель; они дѣйствуютъ лишь внутри государства и только противъ политическихъ противниковъ. Но они очень рьяно исполняютъ свою должность; они, первые, хватаютъ 24 священника въ ратушѣ, и по дорогѣ, собственными руками начинаютъ рѣзню. Кромѣ того, есть еще бѣшеные парижской черни; есть среди ихъ приказчики или лавочники, но большинство мастеровые всевозможныхъ занятій, слесари, каменщики, мясники, каретники, портные, сапожники, извозчики, выгрузчики, портовые рабочіе, рыночные носильщики, но особенно, подѣнщики, кропатели, подмастерья и ученики, однимъ словомъ, люди, привыкшіе жить трудомъ своихъ рукъ и въ перечни ремеслъ занимающіе послѣднее мѣсто. Среди нихъ встрѣчаешь хищныхъ животныхъ, прирожденныхъ убійцъ или просто жуликовъ. Одинъ изъ нихъ, служитель аббата Сикара, котораго онъ любитъ и уважаетъ, признается что шель изъ принужденія.

Другіе просто машина, которую толкаютъ; изъ таковыхъ былъ одинъ посыльный, очень честный человѣкъ; его завлекли, напоили; обезумѣвъ, онъ убиваетъ двадцать священниковъ и черезъ мѣсяцъ умираетъ, продолжая пить, не спать и вообще вести самый неправильный, безшабашный образъ жизни. Наконецъ нѣкоторые шли съ добрыми намѣреніями, но при столкновеніи съ кровавымъ вихремъ, у нихъ закружилась голова и неожиданно, по милости революціи, они обращаются въ религію убійствъ; нѣкій Грапэнъ посланный своей секціей, чтобы спасти двухъ заключенныхъ, садится рядомъ съ Мальяромъ, судить вмѣстѣ съ нимъ въ теченіе 63 часовъ и потомъ проситъ у него свидѣтельства объ этомъ. Но у большинства взгляды того повара, который послѣ взятія Бастиліи, случайно тамъ очутившись, отрубилъ голову Г. де Лонеи, полагая, что совершилъ патріотическій актъ и считая себя достойнымъ „медали за уничтоженіе чудовища“. Это не злодѣи; а просто добрые сосѣди; видя, что въ ихъ кварталѣ есть общественное дѣло, они выходятъ изъ своихъ домовъ, чтобы подсобить. У нихъ есть доля честности, что встрѣчаешь и теперь въ людяхъ ихъ положенія.

Особенно вначалѣ, никто и не думаетъ о томъ, чтобы набивать свои карманы. Въ Аббатствѣ они добросовѣстно приносятъ на столъ комитета портфели и драгоценности убитыхъ. Если они что и присваиваютъ себѣ такъ только башмаки для своихъ босыхъ ногъ и то, испросивъ разрѣшеніе. Что касается вознагражденія, то вѣдь всякій трудъ долженъ оплачиваться, а потому между ними и вербовщиками существуютъ условія. Они живутъ трудомъ своихъ рукъ, они не могутъ отдавать своего времени даромъ, а такъ какъ работа очень тяжелая, то за день они должны полу-

чать двойную плату. Имъ нужно 6 франковъ въ день, не считая ѣды и вино, которыя даются вволю.

Одинъ трактирщикъ долженъ былъ доставить 346 кружекъ для людей Аббатства; при такой работѣ, не прекращающейсѣ ни днемъ, ни ночью и похожей на работу чистильщиковъ водосточныхъ трубъ и живодеповъ, лишь это можетъ приободрить. Запасы и жалованіе даетъ нація; вѣдь ради нея трудятся и естественно, что когда имъ противопоставляютъ какія нибудь формальности они приходятъ въ ярость, отправляются къ Ролану, къ казначею города, въ комитетъ отдѣловъ, въ комитетъ надзора, ругаясь, угрожая и показывая свои окровавленные пики. Вотъ доказательство, что они хорошо работали! Они похваляются передъ Петіономъ; они заставляютъ его цѣнить „ихъ правосудіе, ихъ вниманіе“, ихъ разборчивость, продолжительность работы, столько дней постольку то часовъ; въ нихъ нѣтъ никакого смущенія, никакого сомнѣнія въ своемъ правѣ; они требуютъ лишь „должное“; когда казначей, прежде чѣмъ уплатить имъ, хочетъ записать ихъ имена, они даютъ ихъ безъ всякаго замѣшательства. Тѣ, которые отводятъ обратно освобожденныхъ плѣнниковъ, каменщики, парикмахеры, федераты, не хотятъ „вознагражденія“, а только „освѣжиться немного“—„Мы не дѣлаемъ, говорятъ они, этого ремесла изъ за денегъ; вотъ вашъ другъ, онъ обѣцалъ намъ стаканъ водки; мы выпьемъ и вернемся на свой постъ“.—Внѣ своего ремесла, у нихъ экспансивная симпатія и быстрая чувствительность парижскаго рабочаго. Когда одинъ федератъ въ Аббатствѣ узналъ, что арестваные были лишены воды въ теченіе двадцати шести часовъ, онъ хотѣлъ непременно „уничтожить“ небрежнаго привратника и онъ сдѣлалъ бы это, „если не просьбы самихъ заключенныхъ“. Когда освобождаютъ заключенныхъ, то и стража, и убійцы всѣ въ восторгѣ обнимаютъ его; на разстояніи ста шаговъ Веберъ переходитъ изъ объята въ объятѣ; всѣ рукоплещутъ „до безумія“. Каждый хочетъ проводить плѣнника; всѣ бросились на извозчика Матона-дела-Варенъ, люди „торчатъ на козлахъ, на дверцахъ, на имперіалѣ на запяткахъ“.

Нѣкоторые изъ нихъ поразительно деликатны. Два убійца еще покрытые кровью, отводящіе кавалера де-Бертрана, хотятъ непременно подняться съ нимъ, чтобы увидать радость его семьи; послѣ ихъ ужасной работы имъ необходимо отдохнуть, испытывать пріятныя волненія. Поднявшись, они скромно ждутъ въ гостиной, пока подготовили дамъ; счастье, свидѣтелями котораго они являются, приводитъ ихъ въ умиленіе; они долго стоятъ, отказываются отъ денегъ, и поблагодаривъ, уходятъ.

Еще болѣе странны оставшіеся слѣды врожденной вѣжливости. Такъ напримѣръ одинъ носильщикъ, желая поцѣловать оправданнаго заключеннаго, начинаетъ съ того, что проситъ у него на это разрѣшеніе; „мегеры“, рукоплескавшія предшествующимъ убійствамъ, „рѣзко“ останавливаютъ стражу, которая неосторожно ведетъ Вебера въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ черезъ лужи крови. „Будьте же осторожнѣй, вы заставляете, господина идти по ручью“, однимъ словомъ, въ нихъ постоянно сказываются черты ихъ расы.

и класса; сравнительно съ остальными, они уже не стоятъ ниже или вѣбъ средняго уровня, и вѣроятно, большинство изъ нихъ, никогда не сдѣлало бы ничего особеннаго, еслибъ хорошая полиція, подобная той, что заботится о порядкѣ въ обыкновенное время, удержала ихъ въ мастерскихъ, въ кабакахъ или въ ихъ квартирахъ.

Но въ собственныхъ глазахъ, они властители, „верховность передана имъ; ихъ власть неограничена; кто подѣ сомнѣніемъ— тотъ измѣнникъ, страданія его справедливы, смерть необходима; себѣ въ совѣтники они берутъ сумасшедшихъ и шутовъ, изъ расчета или маніи проповѣдующихъ имъ все это: они похожи на короля негра, окруженнаго бѣлыми скупщиками негровъ, толкающими его на грабежъ и черными колдунами, толкающими его на убійство. Съ такими руководителями и въ такой должности чело- вѣкъ конечно не можетъ останавливаться на формахъ правосудія и на различіи справедливости.

Справедливость и правосудіе это продукты цивилизаціи, а онъ въ политикѣ дикарь. Ему постоянно папоминають о невинныхъ: „Скажите, господинъ гражданинъ, вы тоже хотите насъ убаюкать? Еслибъ проклятые Пруссаки и Австрійцы были бѣ въ Парижѣ, стали бы они искать виновныхъ? Не стали бы они рубить направо и налево, какъ Швейцарцы 10 Августа? Ну такъ вотъ, я не ораторъ, я никого не убаюкиваю, и я вамъ говорю, что я отецъ семейства, у меня есть жена и пять чело- вѣкъ дѣтей, которыхъ я хочу поручить своей секціи, а самъ пойду сражаться съ непріателемъ. Но я не хочу, чтобы разбойники, сидящіе въ тюрьмѣ, которымъ раскроютъ двери другіе разбойники, пошли бы и задушили мою жену и дѣтей. У меня трое сыновей и я надѣюсь, что въ одинъ прекрасный день они будутъ болѣе полезны родинѣ, нежели тѣ негодяи, которыхъ вы хотите сохранить. А впрочемъ, самое лучшее выпустить ихъ; мы дадимъ имъ оружіе и будемъ сражаться равнымъ числомъ; умереть здѣсь, или умереть на границѣ, все равно убить будешь злодѣями, а я имъ недорого продамъ свою жизнь. Не мной такъ другими тюрьма будетъ очищена отъ этихъ негодяевъ. Подымается общій крикъ „Онъ правъ, нечего миловать, нужно входить“. Все, что толпа допускаетъ это импровизированный судъ, чтеніе тюремной росписи, ускоренное судопроизводство; выносятъ приговоръ и убиваютъ согласно общему приговору; это упрощаетъ. Еще болѣе ужасное упрощеніе: привариваютъ и убиваютъ по категоріямъ. Швейцарцы, священники, офицеры или слуги короля, „гусеницы гражданскаго списка“: достаточно этихъ качествъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся священники и Швейцарцы, объ судѣ и не заботятся, душатъ массами.

Низведенная на такую степень, операція примѣнена къ понятіямъ операторовъ; у новаго властителя руки сильны, но умъ коротокъ и, благодаря неизбѣжному приспособленію, онъ низводитъ свое дѣло до уровня своихъ способностей.

Но въ свою очередь это дѣло портитъ и извращаетъ его. Не безнаказанно проходить то, что чело- вѣкъ, особенно чело- вѣкъ изъ народа, успокоенный старой цивилизаціей становится властите-

лемъ и палачомъ вмѣстѣ съ тѣмъ. Какъ бы онъ не возбуждался противъ своихъ паціентовъ, какъ бы онъ ни старался увлечься, крича ругательства, онъ все таки смутно чувствуетъ, что совершаетъ нѣчто ужасное и его душа, какъ душа Макбета „полна скорпіоновъ“. Онъ страшно корчится, онъ противится наслѣдственной человѣчности, что содрогается въ немъ; она не поддается, онъ раздражается и, чтобы задушить ее, за неимѣніемъ другого средства захлебывается въ ужасахъ, „совершая убійство за убійствомъ“, убійство, особенно въ томъ видѣ въ какомъ онъ его совершаетъ, холоднымъ оружіемъ и надъ беззащитными людьми, вводитъ въ его животное и нравственное строеніе два необычайныя, несоразмѣрныя ощущенія, которыя потрясаютъ его; съ одной стороны ощущеніе безконтрольнаго всевластія безъ препятствій и опасности надъ жизнью человѣческой, надъ чувствующей плотью; съ другой стороны ощущеніе кровавой, разнобразной смерти, съ ея всегда новымъ сопровожденіемъ судорогами и криками; въ былое время, въ римскихъ циркахъ отъ этого не могли отдѣлаться: тотъ, кто одинъ разъ видалъ зрѣлище возвращался ежедневно. И именно теперь каждый тюремный дворъ представляетъ изъ себя циркъ, съ той разницей, что зрители являются актерами.—И такъ для нихъ оба жгучіе напитка смѣшиваются въ одинъ; къ нравственному опьяненію прибавьте физическое, вино въ изобиліи, полные стаканы при каждомъ перерывѣ, оргія надъ трупами; и вы сейчасъ увидите какъ изъ извращаемой природы выходитъ демонъ Данте, животный и рафинированный вмѣстѣ съ тѣмъ, не только разрушитель, но и палачъ, расчетливый изобрѣтатель страданій, ликующій и гордящійся зломъ, который онъ творить.

Они веселы; вокругъ cadaго новаго трупа они танцуютъ поютъ революціонныя пѣсни; они будятъ любопытныхъ квартала, чтобы „позабавить ихъ, чтобы и они приняли участіе въ „враздѣствѣ“. „Кругомъ расположены скамейки, одни для „мужчинъ“ другія „для дамъ“; эти послѣднія болѣе любопытны; онѣ хотятъ поближе разсмотрѣть убитыхъ „аристократовъ“: вотъ почему приносятъ фонари и ставятъ ихъ по одному на трушъ.—Бойня продолжается и усовершенствуется. Въ Аббатствѣ „одинъ убійца жалуется, что аристократы умираютъ черезчуръ скоро и что только первые получаютъ удовольствіе отъ нанесенія удара“; отнынѣ ихъ будутъ ударять шпагою плашмя и ихъ заставятъ бѣжать между двумя рядами убійцъ, подобно тому, какъ нѣкогда солдатъ прогоняли сквозь строй палокъ. Если дѣло идетъ объ извѣстномъ человѣкѣ тогда особенно стараются продлить его страданіе. Въ исправительномъ домѣ федераты, пришедшіе взять Г. де Рюльеза, ругаются „ужасными ругательствами, обѣщаютъ отрубить голову тому, кто ударитъ его штыкомъ; предварительно они раздѣваютъ его до гола, потомъ въ теченіи полчаса ударами шпаги плашмя, они кромсаютъ его, истекающаго кровью, „обдираютъ его до самыхъ внутренностей.“ Всѣ чудовища, что закованныя пресмыкались въ глубинѣ сердца, всѣ сразу выходятъ изъ человѣческой пещеры, и не только злобные инстинкты съ ихъ клыками, но

также и нечистые истинки съ ихъ слизью, и обѣ стаи набрасываются на жевщицъ, которыя выдвинулись, благодаря безчестію или славѣ, на госпожу де Ламбаль, подругу королевы, на Дерю, вдову извѣстнаго развратителя, на цвѣточницу изъ Пале-Рояля, которая два года тому назадъ въ приступѣ ревности изуродовала своего любовника, національнаго гвардейца.

Тутъ къ жестокости присоединяется похоть, въ мученіе вводится профанація, въ покушеніе на жизнь покушеніе на стыдливость. Госпожа де Ламбаль была очень скоро убита, похотливые убійцы могли издѣваться лишь надъ ея трупомъ; но относительно Дерю и особенно относительно цвѣточницы они возвращаются, къ бреду Нерона, къ огненному кругу прокезцовъ.

Отъ Ирокезца до канибаловъ разстояніе не большое и нѣкоторыя переступаютъ его. Въ Аббатствѣ бывшій солдатъ, по имени Даміенъ, прокалываетъ шпагой бокъ генеральнаго адъютанта де ла Лё, погружаетъ свою руку въ отверстие, вырываетъ сердце и „подноситъ ко рту, точно для того, чтобы съѣсть его.“ „Кровь, говоритъ одинъ очевидецъ, капала у него изо рта и образовывала ему нѣчто вродѣ усовъ“. Въ исправительномъ домѣ г-жу де Ламбаль разрываютъ на куски; то, что сдѣлалъ парикмахеръ Шарло, несшій ея голову, я не могу описать; я скажу только, что другой на улицѣ Сентъ Антуана, несъ ея сердце и „кусаль его“. Они убиваютъ и пьютъ; опять убиваютъ и опять пьютъ. Наступаетъ усталость и начинается преступленіе.

Одинъ изъ нихъ, мальчикъ тележникъ, одинъ отправилъ на тотъ свѣтъ семнадцать человекъ; другой „такъ обрабатывалъ товаръ, что лезвіе его шпаги сломалось“; „вотъ уже два часа, говоритъ одинъ федератъ,“ я отрубая члены направо и налево, я усталъ больше чѣмъ каменщикъ, что два дня работаетъ надъ известкой.“ „Ихъ первый гнѣвъ улегся, они бьютъ теперь машинально. Нѣкотырые спятъ, развалившись на скамейкахъ. Другіе кучками въ сторонѣ стараются проспять свою хмель. Запахъ крови до того силенъ, что предсѣдатель гражданскаго комитета теряетъ сознание въ своемъ креслѣ, запахъ кабаковъ подымается вмѣстѣ съ запахомъ труповъ. Тяжелое, угрюмое оцѣпеніе овладѣваетъ ослѣпленнымъ разумомъ, и послѣдніе проблески его тухнутъ одинъ за другимъ, какъ дымящіяся плитки вокругъ, на застывшихъ мертвецахъ. Сквозь глущющую фізіономію палача и канибала появляется идиотъ. То идиотъ революціонеръ, въ немъ исчезли всѣ мысли, кромѣ двухъ начальныхъ, бессознательныхъ и неотвязчивыхъ, одна мысль объ убійствѣ, другая — объ общественномъ благѣ. Онъ одинокъ въ его пустой головѣ, онъ соединяются благодаря непреодолимому влеченію и можно себя представить, каковъ будетъ результатъ ихъ соединенія. „Есть ли еще работа?“ говоритъ убійца въ пустомъ дворѣ.

„Если нѣтъ, отвѣчаютъ двѣ женщины, стоящія у воротъ, нужно будетъ придумать“, и разумѣется придумываютъ. Дѣло идетъ о чисткѣ тюремъ, такъ лучше ихъ очистить всѣ и сразу. Послѣ швейцарцевъ, послѣ священниковъ, послѣ аристократовъ и

„господь съ тонкой кожей“ остаются еще обыкновенные приговоренные и осужденные, воры, убійцы и каторжники Консьержери, Шателе и башни Сень Бернара, клейменныя женщины, бродяги, старые нище и молодые арестанты въ Бисетръ и Сальпетриеръ. Все это люди ни на что не пригодные, нужно кормить ихъ, а они вѣроятно замышляютъ дурное. Напримѣръ, въ Сальпетриеръ, жена отравителя Дерю, вѣроятно такая же, какъ и онъ „интриганка, злая, способная на все“; она приходитъ въ ярьсть оттого, что сидитъ въ тюрьмѣ; еслибъ она могла, она сожгла бы весь Парижъ; она, вѣроятно, это говорила; она сказала это: еще одинъ ударъ метлы. И метла дѣлаетъ это грязное дѣло въ грязныхъ рукахъ; среди тѣхъ, кто хватается за ручку, есть и завсегдатаи тюрьмы.

Уже въ Аббатствѣ, особенно къ концу, убійцы начинали красть; въ Шателе и Консьержери, они уносятъ „все, что только стоитъ унести“, даже платья мертвыхъ, тюремныя простыни и одѣяла и маленькія сбереженія тюремщиковъ; и кромѣ того они набираютъ себѣ еще товарищей.

„На 36 освобожденныхъ арестантовъ, приходилось много убійцъ и воровъ; банда головорѣзовъ вступила съ ними въ товарищество. Было также 75 женщинъ, большей частью арестованныхъ за кражу; онѣ пообѣщали хорошо служить своимъ освободителямъ; въ самомъ дѣлѣ, позже, при жирондистахъ и кордельерахъ, онѣ становятся трикотёзами *) (tricoteus'ами) трибунъ.

Въ Сальпетриерѣ, всѣ сутенеры Парижа, бывшіе шпионы... распутники, негодяи со всей Франціи и Европы, заранѣе подготовились къ операціи“ и насиліе чередуется съ рѣзней.— До сихъ поръ убійство могло объясняться хоть кражей и распутствомъ; но въ Бисетръ оно ничѣмъ не прикрыто; утоляется плотоядный инстинктъ. Среди другихъ арестантовъ находилось 43 юноши изъ простаго народа, отъ двѣнадцати до семнадцати лѣтъ; они были отданы на исправленіе своими родителями или опекунами; стоило лишь взглянуть на нихъ, чтобы узнать въ нихъ истыхъ парижскихъ сорванцовъ, учениковъ нищеты и порока будущихъ новобранцевъ правящей толпы, и толпа бросается на нихъ съ дубинами. Убивать трудно; въ эти годы жизнь цѣнка, чтобы справиться нужно повторять удары. „Въ одномъ углу, рассказывалъ тюремщикъ, изъ ихъ тѣлъ образовали цѣлую гору. На другой день ихъ нужно было хронить, то было душу раздирающее зрѣлище. Былъ одинъ, который казалось спитъ, какъ ангель Божій; но остальные были ужасно изуродованы“. На этотъ разъ человекъ спустился ниже человека, на самую низкую ступень животнаго царства, ниже волка; волки не душатъ своихъ волчатъ.

---

*) Вязальщица.

VI.

Шесть дней и пять ночей непрерывной рѣзни, 171 убійство въ Аббатствѣ, 169 въ Исправительномъ, 223 въ Шателе, 328 въ Консвержерѣ, 73 въ башнѣ Сень-Бернара, 120 въ Кармѣ, 79 въ Сень-Фирманъ, 170 въ Бисетрѣ, 35 въ Сальпетриерѣ, среди убитыхъ 250 священниковъ, 3 епископа или архіепископа, офицеры, магистраты, бывший министръ, одна княгиня, самыя громкія имена Франціи, а съ другой стороны негръ, женщины изъ народа, мальчики, каторжники, жалкіе нищіе: теперь, кто бы онъ ни былъ малый или великій, всякій чувствуетъ себя подъ ножомъ.

Тѣмъ болѣе, что шайка увеличилась. Фурнье, Лазовскій и Бенаръ, главари убійць и воровъ, возвращаются изъ Орлеана съ 1500 головорѣзовъ; по дорогѣ они задушили г. де Бринакъ, г. де Лесара и 42 другихъ, обвиненныхъ въ нарушеніи народныхъ правъ и вырванныхъ силой у судей, кромѣ того, „по примѣру Парижа, они убили еще 21 арестантовъ, взятыхъ въ тюрьмахъ Версаля; теперь въ Парижѣ, ихъ благодаритъ министръ юстиціи, поздравляетъ Коммуна, чествуютъ и празднуютъ ихъ собственныя секціи.

Развѣ кто нибудь можетъ быть увѣренъ, что они снова не примутся за это дѣло? Можно сдѣлать шагъ въ Парижѣ или внѣ Парижа, чтобы не почувствовать на себѣ ихъ давленія, чтобы не увидѣть зрѣлища ихъ произвола?—Если выходишь на улицу, ихъ видишь въ лицѣ стражи у рѣшетки; они постоянно присутствуютъ въ комитетѣ секціи.

Малуэ, понавъ въ секцію де Руля, увидѣлъ цѣлое сборище бѣсноватыхъ, по меньшей мѣрѣ, сотня индивидуумовъ въ одной комнатѣ, подозрительные, доносчики, соучастники, ассистенты, по срединѣ длинный, зеленый столъ, заваленный саблями и кинжалами, вокругъ члены комитета, и двадцать патриотовъ въ рубахахъ, съ засученными рукавами; у однихъ въ рукахъ пистолеты, у другихъ перья“. Они подписываютъ приговоры, ругаются, угрожаютъ, говорятъ всѣ вмѣстѣ и кричатъ: Измѣнникъ, заговорщикъ,—въ тюрьму, на гильотину!—а за ними зрители кричатъ, жестикулируютъ, точно дикіе звѣри, посаженные въ одну клѣтку, скалятъ зубы и готовы броситься другъ на друга. „Одинъ изъ наиболѣе возбужденныхъ, потрясалъ шпагой, чтобы ударить своего врага, увидя меня, онъ остановился и закричалъ: Вотъ Малуэ!—Но противникъ его, болѣе занятый своимъ врагомъ, нежели мной, воспользовался этимъ моментомъ, чтобы уложить его ударомъ „приклада“. Малуэ спасенъ, это вѣрно; благодаря лишь такому роду удачи, можно бѣжать изъ Парижа. Если остаешься, тебя начинаютъ преслѣдовать мрачныя образы: на каждой улицѣ раздается ускоренный шагъ отрядовъ, ведущихъ подозрительныхъ въ комитетъ или тюрьму; вокругъ каждой тюрьмы скопленіе народа, пришедшаго „посмотрѣть на ужасы“; на дворѣ Аббатства идетъ аукціонъ; съ молотка, продаютъ платья мертвыхъ; и днемъ и ночью раздается стукъ телѣтъ, увозящихъ 130

труповъ; женщины поютъ, взобравшись на переполненную телѣгу и ударяютъ въ тактъ поголымъ тѣламъ. Есть ли такой человекъ, который послѣ одной изъ такой встрѣчъ не увидѣлъ бы себя мысленно въ комитетѣ отдѣла передъ зеленымъ столомъ, потомъ въ тюръмѣ подъ ударами саблей, а потомъ и въ телѣгѣ въ этой кровавой грудѣ?

Подобное зрѣлище заставляетъ исчезать всякую храбрость; всѣ газеты одобряютъ, блѣднѣютъ или молчатъ; никто ничему не смѣетъ противодѣйствовать. Имущества и жизни принадлежатъ тому, кто хочетъ ихъ взять. Около заставъ, на рынкахъ, на бульварѣ Тампля, жулики, украшенные трехцвѣтной лентой, хватаютъ торговцевъ, и подъ предлогомъ, что драгоценности должны быть возложены на алтарь отечества, отнимаютъ кошельки, часы, кольца и прочее, и дѣлаютъ это такъ грубо, что у женщинъ порваны уши, за то, что онѣ недостаточно скоро сняли свои серьги. Другіе, расположившись въ погребкахъ Тюильери продаютъ въ свою пользу вино и масло націи. Нѣкоторые изъ нихъ, недѣлю тому назадъ освобожденные толпой, задумываютъ рискованный шагъ; они пробираются въ кладовыя и крадутъ на тридцать милліоновъ брилліантовъ. Подобно человеку, огорошенному ударомъ въ голову, Парижъ позволяетъ дѣлать съ собой что угодно; авторы рѣзни достигли своей цѣли; крамола завладѣла властью, теперь ее не вырвать. Ни въ законодательномъ Собраніи, ни въ Конвентѣ жирондисты не могли взять верхъ надъ этимъ упорнымъ захватомъ. Она доказала блестящимъ примѣромъ, что она способна на все и она хвастается этимъ; она не переходила на мирное положеніе, она всегда тутъ стоитъ, неизвѣстная и готовая, съ ея принципомъ убійства, со своимъ быстрымъ рѣшеніемъ дѣлать, со своимъ составомъ фанатиковъ и наемныхъ убійцъ, съ Мальяромъ и Фурнье, пушками и копьями. Все, что не она, живетъ подъ ея произволомъ, со дня на день, изъ милости. Извѣстно, что собраніе не трогаетъ людей, которые на указы объ изгнаніи отвѣчаютъ рѣзней; и вопроса не можетъ быть о томъ, чтобы разбирать ихъ дѣло или сдерживать ихъ въ границахъ закона; ихъ диктатура беспорна, и они продолжаютъ чистку.

Въ теченіе одиннадцати дней арестовано отъ четырехъ до пяти-сотъ человекъ; приказъ исходилъ изъ ратуши, или изъ секціи, или отъ какого нибудь якобинца; камеры, еще обрызганныя пролитой кровью, биткомъ набиты, ходитъ слухъ, что 20 сентября, тюрьмы будутъ опустошены второй рѣзней.

Пусть Конвентъ, если желаетъ, пышно располагается въ роли правителя и приводитъ въ движеніе машину указовъ; все равно, правильно или неправильно правительство—всегда будетъ повиноваться той рукѣ, что держитъ шпагу. Благодаря импровизированному террору, якобинцы удержали свою нелегальную власть; благодаря затянувшемуся террору, они установятъ свою легальную власть. Въ ратушѣ, въ палатѣ, въ національной гвардіи, въ секціяхъ, въ администраціяхъ вездѣ они вынуждаютъ голосовать за себя; они уже заставили избрать въ Конвентъ Марата, Дантона, Фебра д'Еглантина, Камилла Демулена, Манюэля, Било-

Варена, Пани, Сержана, Коло д'Эрбуа, Робеспьера, Лежандра, Осселина, Джерона, Давида, Робера, Ла Виконтери, однимъ словомъ, подстрекателей, вожаковъ, участниковъ рѣзни. Ничего не было упущено изъ того, что могло принудить и извратить подачу голосовъ. Прежде всего избирательному собранію было навязано присутствіе народа, по этому случаю собраніе было перенесено въ большую залу якобинцевъ, гдѣ оно находилось подъ давленіемъ якобинскихъ галлерей. Потомъ, изъ предосторожности изъ голосованія были исключены всякій противникъ, всякій конституціоналистъ, всякій бывший членъ монархическаго клуба, клуба св. Часовни и клуба фельянтинцевъ, всякій подписчикъ петиціи 20000 и петиціи 8000, и когда секціи стали протестовать, ихъ требованіе было отклонено, какъ продуктъ „интриги“. Наконецъ при каждой баллотировкѣ производилась поименная переключка и каждый избиратель долженъ былъ громко подавать свой голосъ: заранее можно было быть увѣренными, что его голосованіе будетъ благопріятно: предупрежденія, которыя онъ получилъ были чрезчуръ ясны. 2 Сентября въ то время, когда избирательное собраніе впервые заседало въ епархіи, Марсельцы въ пятистахъ шагахъ оттуда, схватили въ ратушѣ двадцать четыре священника и по дорогѣ, на Новомъ мосту стали колоть ихъ пшлагами. Весь вечеръ и всю ночь, въ Аббатаствѣ, въ Кармѣ, въ исправительномъ домѣ работали рабочіе муниципалитета, и 3 Сентября, когда избирательное собраніе перенесено къ якобинцамъ, оно прошло по мосту, между двумя рядами труповъ, которыхъ убійцы приносили изъ Шателе и Консержери.

ГЛАВА II.

Департаменты. — Эпидемическій и заразительный характеръ революціонной болѣзни. — I. Ея принципъ является якобинскимъ догматомъ о верховенствѣ народа. — Официальная прокламація новаго права. — Общественное опредѣленіе новаго режима. — Его предметъ, его противники и его приемы. — Изъ Парижа онъ простирается на провинціи. — II. Въ нѣкоторыхъ департаментахъ онъ уже установился. — Примѣръ въ Варѣ. — III. Диктатура каждого якобинскаго кружка въ той мѣстности, гдѣ онъ находится. — Сентъ Африкъ во время междоусобицы. — IV. Обыкновенныя дѣйствія якобинской диктатуры. — Мѣстная шайка клубистовъ. — Ихъ составъ. — Ихъ вожаки. — V. Кочующая шайка волонтеровъ. — Качества рекрутовъ. — Выборъ офицеровъ. — Разбой и убійства. — VI. Путешествіе по Франціи въ кабинетъ министра внутреннихъ дѣлъ. — Изъ Карвасонъ въ Бордо. — Изъ Бордо въ Каенъ. — Сѣверъ и Югъ. — Изъ Шалона на Марнѣ въ Лионъ. — Конта и Провансъ. — Тонъ и отвѣты якобинскихъ администрацій. — Программа партіи.

Въ департаментахъ можно насчитать сотни дней, подобныхъ 20 Іюня, 10 Августа и 2 Сентября; существуютъ эпидемическія и заразительныя болѣзни для тѣла, существуетъ таковая и для ума — то болѣзнь революціонная. Она одновременно встрѣчается во всѣхъ пунктахъ территории и встрѣчный заразный пунктъ содѣйствуетъ заразѣ другихъ. Въ каждомъ городѣ или мѣстечкѣ, клубъ является воспалительнымъ центромъ, который разрушаетъ здоровыя части, а каждая разрушенная часть распространяетъ свои миазмы. Со всѣхъ сторонъ та же лихорадка, тотъ же бредъ,

и тѣ же конвульсіи указываютъ на присутствіе одинаковаго заразительнаго яда, и этотъ ядъ — якобинскій догматъ: благодаря ему, захватъ, кража, убійства облекаются въ политическую философію и самыя ужасныя покушенія противъ личностей и общественной собственности становятся законными, потому что они являются актами законнаго властителя, заботящагося объ общественномъ благѣ.

I.

Каждый якобинскій кружокъ въ своемъ уѣздѣ облеченъ мѣстной диктатурой; съ точки зрѣнія якобинцевъ это — естественное право, а съ тѣхъ поръ, какъ Національное Собраніе объявило отечество въ опасности, это уже является юридическимъ правомъ. „Съ этого времени, говоритъ одна ихъ очень распространенная газета, благодаря лишь самому факту этой деклараціи, „народъ Франціи собранъ, взбунтованъ... Народъ вновь завладѣлъ верховной властью“. Ея магистраты, ея депутаты, всѣ установленныя власти превращаются въ ничто, что и было ихъ сущностью. Временные и смѣняемые представители, „вы теперь являетесь лишь председателями народа; вамъ остается лишь собрать его голоса и провозгласить результаты, когда онъ торжественно подаетъ голосъ“. — Такова не только теорія якобинцевъ, но таковой является и официальная теорія. Національное Собраніе одобряетъ возстаніе, признаетъ коммуну, ступеневается, поскольку возможно слагаетъ съ себя всѣ обязанности и остается пока на своемъ мѣстѣ, чтобы только мѣсто не оставалось пустымъ. Оно воздерживается отъ приказаній, даже тогда, когда нужно назначить себѣ преемниковъ: оно лишь „приглашаетъ французскій народъ образовать національный Конвентъ“; оно сознается, что не имѣетъ права подчинить обязательнымъ правиламъ отправленіе верховности“; оно лишь указываетъ гражданамъ „порядокъ выборовъ, съ которымъ оно предлагаетъ сообразоваться“. Тѣмъ временемъ оно подчиняется всѣмъ желаніямъ того, кого называютъ верховнымъ народомъ; оно не смѣетъ противиться его преступленіямъ; оно лишь съ просьбами обращается къ убійцамъ. — Больше того: подписью своихъ министровъ оно разрѣшаетъ имъ возобновлять это и въ другихъ мѣстахъ; Роланъ подписалъ приказаніе Фурнье Орлеану, Дантонъ разослалъ по всей Франціи циркуляръ Марата, совѣтъ министровъ, чтобы преобразовать департаменты, посылаетъ самыхъ ярыхъ въ коммунѣ и въ партіи, Шомета, Фрерона, Вестермана, Одуэна, Гюгенена, Люморѣ, Кутона, Било-Варена, и другихъ, еще болѣе запятанныхъ и грубыхъ, проповѣдующихъ во всей своей красотѣ якобинскій догматъ: „Они открыто заявляютъ, что нѣтъ больше законовъ, что каждый самъ себѣ хозяинъ, потому что народъ глава; что каждая народная фракція можетъ предпринять подходящія ей мѣры во имя спасенія родины; что каждый имѣетъ право опредѣлять цѣну на рожь, брать ее изъ амбаровъ хлѣбопашцевъ, отрубать головы фермерамъ, отказывающимъ везти зерно на рынокъ. Въ Лизіе, Дюфуръ и Моморо проповѣдуютъ аграрный законъ. Въ Донѣ другіе парижскіе проповѣдники говорятъ народу: воздвигайте эшафоты; пусть валы нашего города будутъ унижены

висѣлицами, и пусть тотъ, кто не раздѣляетъ нашего мнѣнія, будетъ повѣшенъ“.—Ничего нельзя себѣ представить болѣе правительнаго, болѣе соответствующаго принципамъ; газеты выводили заключенія и объясняли народу, какое употребленіе онъ долженъ дѣлать изъ своего завоеваннаго главенства *).

Въ условіяхъ, въ которыхъ мы находимся, обширность имущества наше право; все принадлежитъ всѣмъ. Впрочемъ „необходимо совершить объединеніе имущества... уравненіе, которое бы уничтожало порочный принципъ преимущества богатыхъ надъ бѣдными. Это тѣмъ болѣе необходимо, что народъ, настоящій народъ, верховный, имѣетъ столько враговъ, сколько существуетъ во Франціи собственниковъ, большихъ купцовъ, финансистовъ и богатыхъ людей... На людей, имѣющихъ избытокъ, во времена революціи нужно смотрѣть, какъ на враговъ народнаго правительства“. Такъ что пусть „прежде чѣмъ покинуть очагъ“ и отправиться въ армію „жители каждой общины отведутъ въ надежное мѣсто, подъ охрану правительства всѣхъ тѣхъ, кого подозреваютъ въ нелюбви къ родинѣ: ихъ нужно держать въ заключеніи до конца войны; пусть ихъ охраняютъ штыками“ и каждый изъ ихъ хранителей будетъ получать тридцать су въ день. Для партизановъ павшаго правительства, для членовъ „директоріи Парижа, съ Редереромъ и Блонделемъ“ во главѣ, для офицеровъ „съ Лафайетомъ и д'Аффи во главѣ, для „депутатовъ, ревизоровъ Учредительнаго Собранія съ Барнавомъ и Ламетомъ во главѣ“, для фельянтинцевъ „для депутатовъ въ законодательномъ собраніи съ Рамономъ и Жакуромъ во главѣ“, для всѣхъ тѣхъ, кто соглашался пачкать руки, прикасаясь къ гражданскому списку „для 40.000 наемныхъ убійцъ, собравшихся во дворцѣ въ ночь съ 9 на 10 Августа... они являются необычайными чудовищами, которыхъ нужно передуть до послѣдняго. Народъ... ты возсталъ; такъ держись до тѣхъ поръ, пока не погибнетъ послѣдній заговорщикъ. Тебѣ необходимо показаться хоть разъ неумолимымъ. Поражай злыхъ терроромъ; присужденія къ смерти, которыя мы вмѣняемъ тебѣ въ долгъ, являются святымъ гнѣвомъ родины“. Ошибиться нельзя: бьютъ тревогу противъ всѣхъ установленныхъ властей, противъ всѣхъ социальныхъ преимуществъ, противъ администрацій, судовъ, штабовъ, противъ священниковъ и знати, противъ собственниковъ, капиталистовъ, рантье, тузовъ въ торговлѣ и промышленности, однимъ словомъ противъ новаго и стараго цвѣта Франціи. Якобинцы Парижа по-

*) Прюдомъ, № 1 Сентября 1792, 375, 381, 385, № 22 Сентября 528, 530.—Сф. Гильонъ де Монтеонъ, I, 144. Принципы, провозглашаемые якобинскими главарями Лиона, Шалье, Лоссель, Кюссо, Рульо и проч.: „Наступило время, когда должно исполниться пророчество: богатые будутъ на мѣстѣ бѣдныхъ, а бѣдные на мѣстѣ бог тыхъ“. — „Пусть богатые радуются, если имъ оставятъ половину ихъ имущества“. — „Если у рабочихъ Лиона не хватаетъ работы и хлѣба, они могутъ воспользоваться своей бѣдностью и овладѣть богатствами, около которыхъ они находятся“. — Ни одинъ индивидуумъ не можетъ умереть съ голоду около мѣшка съ хлѣбомъ. Вотъ пароль, который васъ за все вознаградитъ и въ которомъ вы нуледаетесь? „Умирайте или убивайте“.

даютъ сигналъ своимъ примѣромъ, своими газетами, своими миссіонерами, а въ департаментахъ люди, подобные имъ, проникнутые тѣми же принципами, чтобы броситься, они ждутъ лишь призыва.

II.

Во многихъ департаментахъ призывъ предупрежденъ, напри- мѣръ въ Варѣ, уже въ маѣ мѣсяцѣ начинаются грабежи и убійства.

Обыкновенно начинаютъ съ замковъ и монастырей, несмотря на то, что они уже стали національнымъ имуществомъ; обыкновенно ссылаются на ту причину, что администрація очень медлитъ съ исполненіемъ указовъ противъ эмигрантовъ или же на то, что замокъ расположенный на горѣ давить жителей. Нѣтъ ни одной деревни во Франціи, въ которой бы не нашлось сорока негодяевъ, всегда готовыхъ погрѣть руки и таково именно число тѣхъ жуликовъ, которые ограбили весь замокъ въ Монтору, „мебель, съѣстные припасы, вещи, даже посуду, находившуюся въ погребѣ. Та же шайка произвела ту же операцію въ замкѣ де Турнона; замокъ Салерно сожженъ; замокъ Флагоза разрушенъ; каналъ Кабри уничтоженъ; потомъ картезіанскій монастырь де Монтріе, замки въ Грассѣ, Канѣ, Режюзѣ, Брвазѣ и другіе еще опустошены и опустошенія эти производятся ежедневно“, невозможно удержать этотъ деревенскій грабегъ; господствующій догматъ раздражаетъ власть и „клубы покрывающіе департаменты“ вызываютъ повсюду броженіе анархіи. „Администраторы, судьи, муниципальные служащіе, всѣ облеченные властью и имѣющіе смѣлость, употребляютъ ее на то, чтобы заставлять уважать законъ, всѣ они выставлены передъ общественнымъ мнѣніемъ какъ враги Конституціи и свободы, потому что они постоянно говорятъ только о законѣ какъ будто они не знаютъ, что воля народа дѣлаетъ законъ и что мы народъ“. Вотъ настоящій принципъ, и здѣсь какъ и въ Парижѣ, онъ отчасъ же ведетъ къ послѣдствіямъ. „Въ большинствѣ клубовъ говорятъ лишь о томъ, что нужно опустошать имѣнія и отрубать головы аристократамъ. А кому они даютъ это позорное имя? Въ городахъ,—крупнымъ торговцамъ и богатымъ собственникамъ; въ деревняхъ тѣмъ, кого мы называемъ буржуа; повсюду мирнымъ гражданамъ, которые, будучи друзьями порядка хотѣли бы наконецъ насладиться благами Конституціи подъ сѣнью покровительствующихъ законовъ, ярость доносовъ такова, что въ одномъ изъ этихъ обществъ былъ учиненъ доносъ на крестьянина, добраго и честнаго малаго, вся аристократичность котораго состояла въ томъ, что онъ сказалъ грабившимъ замокъ сеньора, что они не будутъ спокойно наслаждаться плодомъ ихъ преступленія.

Программа якобинцевъ въ Парижѣ извѣстна заранѣе—раздѣленіе французовъ на два класса; ограбленіе одной, деспотизмъ другой, подавленіе людей состоятельныхъ, порядочныхъ и честныхъ диктатурой людей, не отличающихся этими качествами.

Здѣсь, какъ и въ Парижѣ, программа исполняется буквально. Въ Боссе около Тулона, Видалъ, капитанъ національной гвардіи,

„дважды освобождаемый, благодаря двумъ амнистіямъ“, смертью наказываетъ не только противофѣйствіе, но и ропоть. Два старика, одинъ нотаріусъ, другой токарь, жалуются на него общественному обвинителю, тогда бѣютъ тревогу, на улицѣ образуется скопленіе вооруженныхъ людей; оба челобитчика падаютъ израненными, ихъ тѣла бросаютъ въ колодезь. Нѣкоторые изъ ихъ друзей ранены, другіе пускаются въ бѣгство; семь домовъ разрушено и городскія власти „покорныя или сопричастныя“ вмѣшиваются тогда, когда все уже кончено. Нѣтъ никакой возможности преслѣдовать виновныхъ; директоръ жюри въ сопровожденіи тысячи человекъ приступаетъ къ разбору дѣла, но не можетъ добиться никакихъ показаній. Городскія власти ничего не слышали, ни тревоги, ни выстрѣловъ, раздавшихся подъ ея окнами.

Другіе свидѣтели ни слова не говорятъ и тихо признаются въ причинѣ своего молчанія: если они дадутъ показанія „они увѣрены, что будутъ зарѣзаны, какъ только удалится отрядъ“. Директору жюри тоже угрожаютъ и, спустя три четверти часа, онъ считаетъ благоразумнымъ покинуть городъ. Послѣ этого клубы Боссе и окрестностей, ставшіе смѣлѣе благодаря безсилію закона, проявляютъ себя въ движеніяхъ: „объявляютъ, что послѣ ухода войскъ, будетъ разрушено еще девятнадцать домовъ“, предлагаютъ отрубать головы всѣмъ аристократамъ, т. е. всѣмъ собственникамъ „въ этой мѣстности“. Многіе бѣжали, но ихъ бѣгствомъ не удовлетворяются. Видалъ приказываетъ жителямъ Боссе, бѣжавшимъ въ Тулонъ, немедленно вернуться; иначе ихъ дома будутъ разрушены и дѣйствительно, въ тотъ же самый день въ видѣ предупрежденія много домовъ въ Боссе, между прочимъ, домъ одного нотаріуса, разрушены или разграблены до основанія, вся городская чернь принимаетъ участіе въ дѣлѣ, „женщины и мушныны полупьяныя, а такъ какъ дѣло идетъ о томъ, чтобы красть и пить то они ничего ничего не имѣютъ противъ того, чтобы устроить то же самое и въ главномъ городѣ. И вотъ клубъ объявляетъ, что въ Тулонѣ произойдетъ новая Варфоломеевская ночь;“ тамъ есть союзники, съ ними сообщаются: каждый клубъ въ маленькихъ городахъ даетъ своихъ людей; всѣ пойдутъ подѣ начальствомъ Тулонскаго клуба. Въ Тулонѣ какъ и въ Боссе городская власть ни во что не вмѣшивается, а къ общественному обвинителю, къ администраторамъ уѣзда и департамента, будутъ приѣмляться приемы, на которые они такъ жалуются. Пусть себѣ пишутъ въ Парижъ, доносятъ на патріотовъ Національному Собранію и королю; клубъ будетъ отвѣчать дѣйствіями на ихъ бумаги. Ихъ чередъ близится; въ Тулонѣ тоже имѣются фонари и шпаги и партія убиваетъ ихъ, потому что они доносили на убійцъ.

III.

Судя по тому, на что она отваживалась, когда правительство еще существовало, можно заключать о томъ, что она будетъ позволять себѣ во времена междуцарствія. Какъ всегда, лишь приѣмы могутъ нарисовать намъ картину и чтобы познакомиться

съ новымъ правителемъ, нужно понаблюдать его въ ограниченномъ полѣ дѣйствія.

При извѣстїи о 10 Августѣ, якобинцы Сентъ-Африка, маленькаго городка въ Авейронѣ, также рѣшили спасать отечество и по сему случаю, они образовали *исполнительную власть*.

Это учрежденіе очень старо, особенно на Югѣ: вотъ уже восемнадцать мѣсяцевъ, какъ оно процвѣтаетъ отъ Ліона до Монпелье, отъ Ажана до Нима; но послѣ междоусобія оно снова начинаетъ процвѣтать: это тайное общество, оно беретъ на себя осуществленіе предложеній и инструкцій клуба. Обыкновенно они работаютъ по ночамъ, въ маскѣ или же въ большихъ надвинутыхъ шляпахъ; волосы падаютъ имъ на лицо. Ихъ имена записаны въ обществѣ на доскѣ, каждый подѣ номеромъ. Въмѣсто оружія и значка, они носятъ толстую трехугольную палку, украшенную трехцвѣтной лентой; съ этой палкой, каждый членъ „можетъ повсюду ходить“ и дѣлать, что ему вздумается. Въ Сентъ-Африкѣ, ихъ около восьмидесяти, къ нимъ нужно еще причислить и бездѣльниковъ 7-ой роты Тарна, находящейся въ городѣ; чтобы привлечь ихъ въ шайку „имъ не проповѣдуютъ грабежа“, имъ больше не говорятъ, что все въ сосѣднихъ замкахъ принадлежитъ имъ. Это происходитъ не потому, что боятся сосѣднихъ замковъ; большинство изъ нихъ опустѣли; ни въ Сентъ-Африкѣ, ни въ окрестностяхъ люди стараго строя не образовали своей партїи; нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ бѣжали священники и знать, а теперь спасаются и люди имѣющіе какой-нибудь достатокъ. Но народъ—католики; много есть недовольныхъ среди лавочниковъ, ремесленниковъ и фермеровъ, нужно образумить этихъ лѣнтяевъ.—Первымъ дѣломъ приказъ женщинамъ всѣхъ званій, работницамъ, служанкамъ, присутствовать на службѣ присяжнаго священника; а не то имъ придется познакомиться съ дубиной.

Вторымъ дѣломъ, обезоруженіе всѣхъ подозрительныхъ; ночью входятъ къ нимъ силой, врасплохъ, и кромѣ ружья, уносятъ ихъ провизию и деньги. Къ лавочнику, пожелавшему остаться равнодушнымъ являются дважды, семь или восемь человѣкъ въ одинъ прекрасный вечеръ, при помощи балки, взламываютъ его дверь; онъ спрятался подъ крышу, откуда могъ спуститься лишь на слѣдующій день на разсвѣтѣ; все унесено, все поломано въ его магазинѣ.

Третьимъ дѣломъ является „наказаніе злонамѣренныхъ“; въ девять часовъ вечера, небольшой отрядъ стучится въ дверь сапожника, находящагося на дурномъ замѣчанїи; ученикъ открываетъ; входятъ шесть человѣкъ, одинъ изъ нихъ, показывая бумагу, говоритъ бѣдному, растерявшемуся человѣку: „Я сюда явился по порученію исполнительной власти, вы приговорены къ палочнымъ ударамъ.

— Почему?—Если вы и не сдѣлали зла, то тѣмъ не менѣе вы помышляли о немъ“. И дѣйствительно его начинаютъ бить палками въ присутствїи его семьи; и много другихъ людей, какъ и онъ схваченные, какъ и онъ нещадно избиты.—Что же касается до вознагражденія за операціи, это несутъ на себѣ недо-

брожелательные; съ нихъ взимается пошлина, сообразно ихъ занятіямъ; кожевникъ или продавецъ животныхъ заплатитъ 36 фунтовъ; другой, дѣлающій шляпы, 72 фунта; а не то „онъ будетъ казненъ въ тотъ же самый день, въ девять часовъ вечера“. Никто отъ этого не избавленъ, разъ не принадлежить къ шайкѣ. Бѣдные старики, у которыхъ нѣтъ ничего, принуждены отдавать свою послѣднюю бумажку въ 5 ливровъ; у „жены землекопа“, у которой всего на всего 7 съ половиной су, отбираютъ эти гроши говоря: „на это можно выпить три кружки“. А если нѣтъ денегъ, берутъ натурой; обшариваютъ погреба, квашню, шкапы, птичій дворъ; ѣдятъ, пьютъ, ломаютъ, и предаются веселію и это происходитъ не только въ городѣ, но и въ сосѣднихъ деревняхъ.

Одинъ отрядъ дѣйствуетъ такъ энергично въ Брюскѣ, что мэръ и прокуроръ принуждены бѣжать въ поле и возвращаются лишь два дня спустя. Въ Версолѣ у присяжнаго кюрэ, въ Лапейрѣ у присяжнаго викарія, все разрушено; деньги украдены, бочки опустошены. У священника Дуйре „мебель, предметы, стекла все поломано“; изъ его вина и съѣстныхъ припасовъ устраиваютъ пирушку, бросаютъ то, что не могли съѣсть, потомъ принимаются искать священника и его брата, бывшего картезианца, крича „что нужно отрубить имъ головы, а изъ тѣла сдѣлать колбасу“.

Нѣкоторые, болѣе догадливые, набираютъ себѣ цѣлое состояніе, напримѣръ нѣкій Бурлеръ, кавалеръ въ линейномъ отрядѣ присвоилъ себѣ виноградки одной дамы, вдовы врача, бывшего мэра; онъ собираетъ виноградъ „открыто, среди бѣла дня“, въ свою пользу и заявляетъ владѣтельному, что онъ задумалъ ее, если она будетъ жаловаться, и такъ какъ она вѣроятно, пожаловалась, то онъ заставляетъ ее, отъ имени исполнительной власти, заплатить ему въ видѣ вознагражденія 50 эку. Что касается обыкновенныхъ убійцъ, то вознагражденіемъ имъ служить, кромѣ веселыхъ пирушекъ, полная распущенность. Въ одиннадцать часовъ вечера захватываютъ домъ въ то время, какъ отецъ спасается бѣгствомъ, а мужъ кричитъ подъ ударами палокъ, одинъ изъ негодяевъ становится у двери съ обнаженной шпагой въ рукѣ, а жена или дочь остается во власти остальныхъ; они хватаютъ ее за шею и держатъ ее. Напрасно она будетъ звать на помощь; „никто въ Сентъ-Африкѣ не смѣетъ ночью выходить“; никто не придетъ; на другой день мировой судья не смѣетъ даже принять жалобу, его оправданіе состоитъ въ томъ, что онъ самъ боится“. Къ тому же, 23 сентября офицеры и регистраторъ, стоявшіе на часахъ, чуть не были убиты палками и камнями; 10 октября другого офицера нашли мертвымъ; а пятнадцать дней передъ этимъ лейтенантъ изъ волонтеровъ, г. Мазіеръ „захотѣвшій исполнить свой долгъ былъ зарѣзанъ въ кровати собственными же людьми“. Естественно, что никто не смѣетъ и слова сказать и послѣ двухъ мѣсяцевъ такого режима нужно полагать, что при городскихъ выборахъ 21 Октября выборщики будутъ очень покорны. На всякій случай, изъ предосторожности, ихъ не предупреждаютъ согласно закону, за восемь дней до выборовъ; изъ вящей предосто-

рожности, имъ дають понять, что если они не будутъ подавать голосъ за исполнительную власть, имъ придется имѣть дѣло съ трехугольной палкой.

Вслѣдствіе этого, большинство воздерживается отъ голосованія. Въ городѣ, насчитывающемъ болѣе шестисотъ активныхъ гражданъ, сорокъ голосовъ дають большинство; Бургуньонъ и Сарюсъ, оба главаря исполнительной власти, избраны—одинъ мѣромъ, другой прокуроромъ, и отнынѣ власть, захваченная силой, передана имъ закономъ.

IV.

Таковъ приблизительно типъ правительства, возникающій послѣ 10 Августа, въ каждой французской общинѣ; клубъ управляетъ, но согласно обстоятельствамъ мѣняется и характеръ, и дѣйствія диктатуры.—Порой она дѣйствуетъ непосредственно черезъ исполнительную шайку, которой руководить или черезъ взбунтовавшуюся чернь, которую натравливаетъ; порой она дѣйствуетъ косвенно черезъ избирательное собраніе или же черезъ городскія власти, которыя являются ея соучастниками; если администраціи состоятъ изъ якобинцевъ, она управляетъ черезъ нихъ; если онѣ пассивны, она дѣйствуетъ помимо нихъ; если онѣ непокорны, она изгоняетъ ихъ, разбиваетъ, чтобы покорить ихъ, она идетъ не только на удары, но и на преступленіе и на рѣзню. Между убійствомъ и угрозой встрѣчаются всѣ промежуточные звенья, и на всемъ мы видимъ революціонную печать.

Во многихъ мѣстностяхъ бываетъ достаточно одной угрозы. Тамъ, гдѣ темпераментъ холоденъ, гдѣ противодѣйствіе ничтожно, тамъ не нужно и прибѣгать къ дѣйствию. Зачѣмъ убивать, на-примѣръ, въ такомъ городѣ, какъ Аррасъ, гдѣ, въ день присяги, президентъ департамента, очень осторожный миллионеръ, разгуливаетъ по улицамъ, подъ ручку съ теткой Дюшенъ, продающей въ погребѣ сухари; гдѣ, въ день выборовъ, подающіе голоса буржуа изъ трусости выбираютъ кандидатовъ, подъ предлогомъ, что нужно послать въ Парижъ „негодяевъ и разбойниковъ“, чтобы освободить отъ нихъ городъ?

Напрасный трудъ ударять людей, такъ хорошо премыкающихся.

Партія довольствуется тѣмъ, что клеймитъ ихъ какъ паршивыхъ собакъ, огораживаетъ ихъ, водить на сворѣ, притѣсняетъ. Она вывѣшиваетъ на дверяхъ караульной гауптвахты списокъ жителей, входящихъ родственниками эмигрантамъ; она производитъ домашніе обыски, она произвольно составляетъ списокъ подозрительныхъ и случалось, что въ этомъ спискѣ находились всѣ богатые. Она оскорбляетъ ихъ и обезоруживаетъ; она запрещаетъ выходить имъ изъ города, даже пѣшкомъ; она приказываетъ имъ являться ежедневно передъ комитетомъ общественной безопасности, она заставляетъ ихъ уплатить въ двадцать четыре часа всѣ контрибуціи за цѣлый годъ; она распечатываетъ ихъ письма; она конфискуетъ, уничтожаетъ и продаетъ на кладбищахъ ихъ фамильныя склепы. Все это вполне законно, какъ и

религиозное преслѣдованіе, второженіе въ частныя святилища, гдѣ служатъ мессу, удары прикладомъ и кулакомъ, наносимые служителю, принужденіе православныхъ родителей крестить своихъ дѣтей священникомъ схизматикомъ, изгнаніе монашенокъ, преслѣдованіе, заключеніе, ссылки неприсягавшихъ священниковъ.

Но, если господство клуба не всегда было кровавымъ, то его произволь всегда напоминаетъ произволь челоуѣка, вскидывающаго на плече ружье и цѣлящагося въ остановленныхъ имъ на дорогѣ прохожихъ; обыкновенно прохожіе становятся на колѣни, отдають свой кошелекъ и выстрѣла не происходитъ. Тѣмъ не менѣе выстрѣлъ всегда можетъ произойти; въ этомъ можно убѣдиться, стоитъ лишь взглянуть на сжатую руку, держащую курокъ.

Вспомнимъ лишь то негодное населеніе, что размножалось подъ старымъ строемъ, двойной кордонъ контрбандистовъ, продавцовъ корчемной соли и укрывателей, охватившей тысячу двѣсти миль внутренней таможи, браконьеровъ избилующихъ въ охраняемыхъ охотахъ, дезертировъ, послѣднихъ такое множество, что за восемь лѣтъ насчитывали шестьдесятъ тысячъ нищихъ, которыми были переполнены исправительные дома, тысячи разбойниковъ и бродягъ наводнявшихъ большія дороги; революція выпустила и вооружила всю эту дичь, а дичь, въ свой чередъ, сдѣлалась охотникомъ. въ теченіе трехъ лѣтъ бродяги съ большимъ кулакомъ образовывали ядро мѣстныхъ возстаній; теперь они входятъ въ составъ всеобщаго возстанія. Въ Нимѣ исполнительная власть имѣетъ своимъ главой „учителя танцевъ“.

Сапожникъ и актеръ, играющій въ театрѣ лакеевъ, являются демагогами въ Тулузѣ. Въ Тулонѣ, клубъ, болѣе неограниченный, чѣмъ любой азіатскій деспотъ, пополняется изъ мѣстныхъ жителей, изъ матросовъ, изъ портовыхъ рабочихъ, изъ солдатъ изъ корабельниковъ, а президентъ Сильвестръ, выгнанный изъ Парижа,— бѣшеный челоуѣкъ самаго низкаго свойства.

Въ Реймсѣ вожакомъ является разжалованный священникъ, мужъ манахини; его помощникомъ является булочникъ, который будучи солдатомъ, едва избѣгъ висѣлицы.

Въ другомъ мѣстѣ — дезертиръ, за кражу привлеченный къ суду; здѣсь — поварь или хозяинъ корчмы; тамъ — бывшій лакей. Лионъ имѣетъ своего оракула въ лицѣ странствующаго прикащика, соревнователя Марата, Шалье, горячка убійствъ котораго осложняется болѣзненнымъ мистицизмомъ; сподвижниками Шалье являются цирюльникъ, парикмахеръ, лоскутникъ, продавецъ горчицы и укуса, отдѣльвальщикъ суконъ, рабочій въ шелковомъ производствѣ, рабочій въ газовомъ дѣлѣ, но наступаетъ моментъ, когда власть падаетъ еще ниже, въ руки „веселыхъ женщинъ и мошенницъ“, которыя при помощи „небольшаго числа сутенѣровъ“, выбираютъ коммисаровъ женщинъ, „назначаютъ цѣны на съѣстные припасы и въ теченіе трехъ дней, грабятъ магазины.“ Въ Авиньонѣ хозяйничаютъ бандиты изъ Гласьеръ. Арль находится подъ игомъ судовщиковъ и носильщиковъ. Марсель принадлежитъ шайкѣ разбойниковъ, вырвавшейся изъ распутнаго дома, не признающей

ни закона, ни магистратовъ, и посредствомъ террора управляющей городомъ.—Нѣтъ ничего удивительнаго, если такіе люди, облеченные такой властью, употребляютъ ее сообразно своей природѣ, и междуцарствіе, которое есть ихъ царствованіе, охватываетъ Францію кольцомъ опустошеній, кражъ и убійствъ.

V.

Обыкновенно осѣдлая шайка клубистовъ имѣетъ себѣ помощницей кочующую шайку подобнаго же характера; я подразумеваю волонтеровъ, болѣе страшныхъ и болѣе вредныхъ, потому что они составляютъ отрядъ и вооружены. Какъ среди штатскихъ собратьевъ, такъ и среди нихъ, много босяковъ изъ города и изъ деревни; большинство изъ нихъ, не зная какъ просуществовать, были прельщены платой 15 су въ день; недостатокъ работы и хлѣба сдѣлалъ ихъ солдатами. Впрочемъ, такъ какъ каждая община должна была представить свой контингентъ, „то въ городахъ подбирали все, что находили: жуликовъ на углахъ улицъ, праздношатающихся, а по деревнямъ, всѣхъ несчастныхъ, всѣхъ бродягъ: почти все происходило или при помощи, жребія или при помощи денегъ; вѣроятно администраціи „этимъ путемъ хотѣли очистить Францію.“ Къ несчастнымъ „купленнымъ общиной“ прибавьте людей того же качества, которымъ платили богатые, чтобы замѣщать ими сыновей. Людей набирали въ социальныхъ отбросахъ, среди естественныхъ и предназначенныхъ жильцовъ исправительныхъ домовъ, домовъ призрѣнія, нищихъ и больницъ, не заботясь о качествахъ, даже физическомъ; „калѣки,“ идіоты, кривые, хромые, изуродованные или попорченные, „одни черезчуръ старые, другіе черезъ чуръ молодые и слабые, чтобы нести на себѣ всю тяжесть войны; иные такіе маленькіе, что ружья превышали ихъ головы на цѣлый футъ,“ множество дѣтей шестнадцати, четырнадцати и тринадцати лѣтъ, однимъ словомъ, оборванцы большихъ городовъ, такими какими мы ихъ видимъ и теперь, хилые и невзрачные, по самой природѣ дерзкіе и недовольные.

На границѣ оказывается, „что треть изъ нихъ не годна для службы.“ Но прежде чѣмъ дойти до границы, по дорогѣ они работаютъ какъ настоящіе „пираты“—Другіе, сильные тѣломъ и честные подъ дисциплиной постоянной опасности, къ концу года становятся хорошими солдатами. Но пока, опустошеніе, производимое ими, отъ этого не становится меньшимъ; потому что, если они не воры, то фанатики. Нѣтъ ничего болѣе опаснаго, какъ именно военное учрежденіе: уже благодаря одному тому, что у него есть сила, человѣка всегда тянетъ злоупотреблять этой силой; чтобы отрядъ оставался безвреденъ среди штатскаго населенія, нужно, чтобы онъ былъ сдерживаемъ самой сильной уздой, а именно узды-то какъ внѣшней, такъ и внутренней не хватаетъ волонтерамъ 1792 года.

Ремесленники, крестьяне, мелкіе буржуа, молодые люди, энтузіасты и поклонники господствующаго ученія, они скорѣе якобинцы, нежели патріоты. Догматъ о верховенствѣ народа опылялъ ихъ неопытныя головы; они убѣдились, „что предназначен-

ная имъ честь сражаться съ врагами республики даетъ имъ право все требовать и все смѣть. Самый ничтожный среди нихъ считаетъ себя внѣ закона, „какъ нѣкогда Конде“ и становится королемъ, самимъ собой утвержденный, полноправнымъ судьей, защитникомъ угнетенныхъ, опорой патриотовъ и бичомъ аристократовъ, распалагающій жизнями и имуществами и безъ формальностей и разсрочекъ, берущій на себя прикончить революцію въ тѣхъ городахъ, по которымъ онъ проходить.—Ужъ конечно не офицеры будутъ ему въ этомъ мѣшать. „Онъ самъ создалъ своихъ главарей и дорожить ими не больше какъ своимъ созданиемъ; имъ не только не повинуются, но ихъ даже не уважаютъ.“

Это происходитъ отъ того, что онъ выбиралъ среди подобныхъ себѣ, не принимая во вниманіе военные таланты или превосходство въ нравственной области.“ Естественно, что благодаря выбору, чины жаловались крикунамъ и демагогамъ. Интриганы, краснобаи, и особенно пьяницы взяли верхъ надъ людьми способными.“ Болѣе того, чтобы сохранить свою популяриность вновь произведенный офицеръ отправляется въ кабакъ и пьетъ вмѣстѣ со своими людьми и онъ обязанъ казаться больше якобинцемъ, нежели они сами; изъ чего слѣдуетъ, что онъ не только переноситъ ихъ распутство, но еще и вызываетъ ихъ на это. Вотъ почему, начиная съ марта мѣсяца 1792 и еще раньше, волонтеры ведутъ себя во Франціи, какъ въ покоренной странѣ. То они устраиваютъ обыски и все ломаютъ у частнаго лица; то они заставляютъ снова крестить дѣтой у священника конформиста и стрѣляютъ ортодоксальнаго отца. Тутъ они своевольно арестовываютъ; тамъ примыкаютъ къ мятежникамъ, задерживающимъ баржи съ зерномъ. Въ другомъ мѣстѣ они заставляютъ городскую власть облагать налогомъ хлѣбъ, а тамъ, они сжигаютъ и разоряютъ замки, а на заявленіе мэра, что замокъ принадлежитъ теперь не эмигранту, а націи, они отвѣчаютъ „насмѣшками“, угрожая его рѣзать.

При приближеніи 10 Августа, призракъ власти, порой внушавшій имъ страхъ, совсѣмъ исчезаетъ и теперь „имъ ровно ничего не стоитъ рѣзать тѣхъ“ кто имъ не нравится. Раздраженные тѣми опасностями, которымъ они будутъ подвергаться на границѣ, они начинаютъ войну уже внутри страны; предварительно, изъ предосторожности они мимоходомъ, отправляютъ на тотъ свѣтъ предполагаемыхъ аристократовъ и по отношенію къ офицерамъ; знати и священникамъ они поступаютъ хуже нежели ихъ союзники по клубу.

Потому что, съ одной стороны, все это дѣлается мимоходомъ, они еще болѣе увѣрены въ безнаказанности, нежели на одномъ мѣстѣ живущіе убійцы; восемь дней спустя, они затеряются въ арміи, не пойдутъ же ихъ разыскивать въ лагерѣ; они могутъ убивать въ полной безопасности. А съ другой стороны, будучи чужеземцами, вновь прибывшими людьми, они не способны какъ мѣстные жители, судить по одному имени, по платью, по титулу, по сплетнѣ въ кафе, по виду,—какъ бы безобиденъ и почтененъ не

быль человекъ, они убиваютъ его не потому, что знаютъ его, но потому, что они не знаютъ его.

VI.

Войдемъ въ кабинетъ Ролана, министра внутреннихъ дѣлъ, пятнадцать дней спустя послѣ открытія Конвента и предположимъ, что въ одинъ прекрасный вечеръ, онъ захотѣлъ бы взглянуть въ перспективѣ, на положеніе страны, которой онъ управляетъ. Его чиновники положили ему на столъ корреспонденцію за послѣднія десять недѣль, сложенную по порядку; на поляхъ онъ находитъ вкратцѣ свои собственные отвѣты; подъ глазами у него карта Франціи, и отправляясь съ Юга, онъ пальцемъ ведетъ по большому обычному пути. При каждой остановкѣ, онъ перелистываетъ соотвѣтствующее дѣло, и пренебрегая безчисленными жестокостями, онъ возстановляетъ лишь крупныя революціонныя дѣйствія. Мадамъ Роланъ, мнѣ думается, работаетъ вмѣстѣ съ нимъ, и оба супруга, сидя одни подъ лампой, предаются размышленіямъ, видя какъ дѣйствуетъ дикій звѣрь спущенный ими въ провинціи и въ Парижѣ.

Они бросаютъ сначала взглядъ на южную границу Франціи. Тамъ на каналѣ двухъ морей, въ Каркассонѣ, населеніе овладѣло тремя пароходами съ зерномъ, потребовало съѣстныхъ припасы, а потомъ уменьшеніе цѣнъ на хлѣбъ, потомъ ружья и пушки изъ склада, потомъ головы администраторовъ.

Генеральный инспекторъ служащихъ былъ раненъ ударами топора, а прокуроръ—синдикъ департамента, г. Вердье, былъ зарѣзанъ.—Министръ взглядомъ слѣдуетъ по дорогѣ изъ г. Каркассона въ Бордо, и направо и налѣво онъ встрѣчаетъ слѣди крови. Въ Калирѣ распространился слухъ, что одинъ хлѣбный торговецъ старался повысить цѣны на зерно, тогда около него образовалась толпа; чтобы спасти его, его отдали стражѣ; но волонтеры осилили стражу и выбросили купца изъ окна перваго этажа; потомъ они прикончили его „ударами палокъ и гирь“; протавивъ по улицамъ они бросили его въ рѣку.

Наканунѣ, въ Клеракѣ, г. Лартикъ-Лаша, не присягавшій священникъ былъ преслѣдуемъ по улицамъ кучкой мужчинъ и женщинъ, хотѣвшими снять съ него рясу и посадить его на осла; ему съ большимъ трудомъ удалось спрятаться въ своемъ деревенскомъ домѣ; но тамъ его всетаки нашли, привели на площадь и убили. Нѣсколько честныхъ малыхъ, желавшихъ этому помѣшать, были обвинены „въ недостаткѣ патриотизма“ и осыпаны ударами. Невозможно никакое обузданіе; департаментъ сообщаетъ министру „что въ настоящій моментъ было бы неполитично разбирать это дѣло“.

Роланъ знаетъ это изъ опыта, а письма, которыя у него въ рукахъ, показываютъ ему, что тамъ какъ и въ Парижѣ, одно убійство порождаетъ другое убійство; дворянинъ, г. д'Алесне недавно зарѣзанъ въ Неракѣ. „Все хоть чѣмъ нибудь выдающіеся граждане защищали его своими тѣлами“; но чернь осилила и убійцы, „благодаря безвѣстности“, ускользаютъ отъ преслѣдованій.—Палець ми-

нистра останавливается на Бордо; тамъ празднество Федерациі было отмѣчено тройнымъ убійствомъ.

Чтобы избѣгнуть этого опаснаго момента, г. де Лангуаранъ, главный викарій въ епархіи, удалился въ деревню Кадеранъ, находящуюся въ полъ мили разстоянія, къ мѣстному священнику, который, какъ и онъ, никогда не вмѣшивался въ политическія дѣла. 15 іюля, національная стража, разгоряченная напыщенными рѣчами, пришла къ нимъ въ домъ, взяла ихъ обоихъ, и кромѣ нихъ еще и третьяго, изъ сосѣдней деревни. Противъ нихъ не имѣется никакихъ уликъ; ни офицеры (муниципальные), ни мировой судья, къ которымъ ихъ ведутъ, не могутъ объявить ихъ виновными. Наконецъ ихъ отводятъ въ Бордо въ управленіе департамента. Но день близится къ концу, мятежная толпа теряетъ терпѣніе; она бросается на нихъ.

Восьмидесятилѣтній священникъ „получаетъ столько ударовъ, что онъ больше ужъ не сможетъ придти въ себя“; аббата изъ Пуи убиваютъ и таскаютъ на веревкѣ, привязанной къ ногѣ; г. де Лангуорану отрубаютъ голову, ее насаживаютъ на копье и относятъ домой, показываютъ служанкѣ, говоря „что хозяинъ, больше ужиналъ не придетъ“. Мученія трехъ священниковъ продолжались отъ пяти часовъ утра до семи часовъ вечера, и городская власть была объ этомъ предупреждена; но она не могла позаботиться о томъ, чтобы ихъ спасти; ея занятія были черезчуръ серьезны: она сажала дерево свободы.

Путь изъ Бордо въ Каенъ.—Палець министра направляется къ сѣверу и встрѣчаетъ Лиможъ. Тутъ тоже день, слѣдующій за Федерацией, былъ отпразднованъ, какъ и въ Бордо.

Не присягнувшій священникъ, аббатъ Шаброль схваченный шайкой мужчинъ и женщинъ былъ сначала отведенъ на караульную гауптвахту, а потомъ въ домъ мирового судьи; чтобы спасти его, его арестовали и поставили къ нему стражу, но для черни этого было недостаточно. Напрасно офицеры уговаривали ее; напрасно жандармы встали между ней и заключеннымъ; она толкала ихъ и разсыяла. Тѣмъ временемъ стекла въ домѣ разлетались въ дребезги подъ градомъ камней, а дверь дрожала подъ ударами топора; тридцать человекъ бѣшено вскарабкались на окна и спустили оттуда священника, какъ пакетъ. Въ ста шагахъ оттуда, изнемогая отъ ударовъ палками и другими предметами, онъ испустилъ духъ, голова его была раздроблена“ двадцатью смертельными ударами.

Выше, около Орлеана, Роланъ читаетъ въ дѣлѣ Луаре слѣдующія депеши: „Анархія, находится въ полномъ разгарѣ, пишетъ одинъ уѣздъ въ правленіе департамента; никакая власть больше не признается; администрація въ уѣздѣ и городскія власти такъ пали, такъ бесильны, что не могутъ заставить себя уважать... угрожаютъ убійствомъ, разрушеніемъ домовъ, грабежомъ, провозтируется уничтожить всѣ замки. Ратушь изъ Ашеръ перебирается со многими жителями въ Уозонъ и Шосси; здѣсь все ломаютъ, бьютъ, уносятъ.

16 Сентября шесть частныхъ лицъ явились вооруженными

къ г де Водейль и заставили заплатить имъ 300 фунтовъ вмѣсто штрафа, который они будто бы передъ этимъ заплатили.

Насъ предупредили, что сегодня по такому же дѣлу пойдутъ къ г. Деденей въ Ашеръ. Господину де Лори угрожаютъ тѣмъ же самымъ...

Наконецъ всѣ эти люди говорятъ, что они не хотятъ никакихъ администрацій, никакихъ судовъ, что у нихъ есть законъ, и что они будутъ приводить его въ исполненіе.

Мы очутились въ очень затруднительномъ положеніи, единственный исходъ—это молча переносить тѣ оскорбленія, которымъ мы подвергались.

Мы не прибѣгали къ вамъ за помощью, потому что мы знали, что и вы находились въ затрудненіи.—Дѣло въ томъ, что въ главныхъ городахъ лучшая часть національной гвардіи была обезоружена и теперь нѣтъ средствъ противъ возстанія. А потому въ это время, населеніе, увеличившееся благодаря скопленію „иностратцевъ“ и разныхъ проходивцевъ, вѣшаетъ комиссара, завѣдующаго зерномъ, сажаетъ его голову на копье, таскаетъ его трупъ по улицамъ, грабитъ пять домовъ и сжигаетъ имущество муниципальнаго офицера передъ дверью его дома. Послѣ этого покорныя городскія власти выпускаютъ на свободу арестованныхъ мятежниковъ и спускаютъ на одну шестую цѣну на хлѣбъ.—А оттуда дальше надъ Луарой, депеши изъ Орнъ и Кальвадосъ заканчиваютъ картину „Нашъ уѣздъ, пишетъ лейтенантъ жандармеріи, сдѣлался добычей разбойниковъ... Сотня негодеевъ только что разрушили замокъ Домпіера. Ежеминутно къ намъ поступаютъ прошенія, которыхъ мы не можемъ удовлетворить, потому что со всѣхъ сторонъ подымается общій крикъ.“ Подробности очень странныя и министръ несмотря на то, что привыкъ къ народнымъ проступкамъ, не можетъ удержаться, чтобы не отмѣтить этотъ новый характеръ выматательства. Деревенскіе жители собираются, отправляются въ замки, забираютъ женъ и дѣтей владѣльцевъ и держатъ ихъ въ видѣ залога, чтобы заставить владѣльцевъ уплатить не только за свои феодальныя права, но и за тѣ расходы, которые были вызваны этими правами: и при настоящемъ владѣтелѣ и при его предшественникахъ; тѣмъ временемъ, они поселяются у него, заставляютъ платить имъ за тѣ дни, когда они не работаютъ, опустошаютъ домъ, распродаютъ мебель.—Все это обыкновенно сопровождается убійствами. Письмо изъ Орнъ сообщаетъ министру, что въ кантонѣ Сень убитъ такой то дворянинъ, въ городѣ Беллемъ—бывшій священникъ, въ кантонѣ Пютанжъ неприсягавшій священникъ и на территоріи Алансонъ бывшій капуцинъ“. Въ тотъ же самый день, въ Каенъ прокуроръ—синдикъ Кальвадоса г. Баіе, человекъ въ высшей степени достойный былъ заключенъ въ тюрьму мѣстными яковинцами и потомъ убитъ на улицѣ прикладами, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда указъ, національнаго собранія провозглашалъ его невиновность и приказъ освободить его.

Дорога на Западъ.—Въ Руанѣ, передъ ратушей, національная гвардія, въ которую въ продолженіе часа бросали камнями, кончила

тѣмъ, что стала стрѣлять и убила четырехъ человѣкъ; повсюду въ департаментѣ происходятъ насилія по поводу зерна; хлѣбъ облагаютъ налогомъ и уносятъ силой. Но Роланъ долженъ ограничиваться политическими возстаніями. Ему нужно поторапливаться, потому что на всемъ пространствѣ масса убійствъ: съ одной стороны волнуется столица, съ другой стороны армія и каждый департаментъ, сосѣдній съ Парижемъ или близкій къ границѣ, доставляетъ свой контингентъ убійць. Таковые имѣются и въ Жизорѣ въ департаментѣ Ёра и въ Шантильи и въ Клермонѣ въ Уазѣ, въ Сентъ Аманѣ въ Па-де-Кале, въ Камбрѣ на сѣверѣ, въ Ретель и Шарлевилль въ Арденахъ, въ Реймсѣ и Шалонѣ на Марнѣ въ Трои, въ Объ, въ Мо на Сенѣ и Марнѣ, въ Версалѣ на Сенѣ и Уазѣ.—Роланъ, мнѣ думается, не раскрываетъ этого послѣдняго дѣла: онъ черезчуръ хорошо знаетъ, какъ погибли г. де Бриссакъ, г. де Лессаръ и остальные шестьдесятъ три заключенныхъ, зарѣзанныхъ въ Версалѣ; онъ самъ, лично давалъ порученія Фурнье, главарю убійць, въ настоящее время онъ вынужденъ переписываться съ этимъ негодяемъ, давать ему свѣдѣтельства „о рвеніи и патриотизмѣ“, сверхъ его воровства назначать ему сумму въ 30000 ливровъ на расходы на операцію.— Но среди другихъ депешъ, есть такія, которыя онъ не можетъ не просмотрѣть, если онъ хочетъ знать къ чему сводится его власть, въ какомъ презрѣнномъ состояніи находится власть вообще, какъ гражданскій или военный плебсъ изощряетъ свою власть, съ какой поспѣшностью онъ пресѣкаетъ самыхъ знаменитыхъ, самыхъ полезныхъ жизни, а именно жизни тѣхъ, кто управляли или управляютъ, и министръ, можетъ быть, говоритъ про себя, что настаетъ и его чередъ.

Съ самой юности филантропъ, либераль со вступленія въ Учредительное Собраніе, избранный пресѣдатель Парижскаго департамента, одинъ изъ патриотовъ наиболѣе убѣжденныхъ, великодушныхъ и чтимыхъ сначала и до конца, кто больше заслужилъ пощады, какъ не г. де-ла Рошфюко? Арестованный въ Жизорѣ по приказанію Парижской Коммуны, онъ пѣшкомъ вышелъ съ постоялаго двора въ сопровожденіи парижскаго комиссара, окруженный городскимъ совѣтомъ, конвоированный двѣнадцатью жандармами и сотней національной гвардіи; его восьмидесятилѣтняя мать и жена слѣдовали за нимъ въ каретѣ; нечего было бояться, что онъ убѣжитъ. Но относительно подозрительнаго смерти является болѣе вѣрной предосторожностью, нежели тюрьма, и 300 волонтеровъ изъ Орнъ и Сартъ, проѣздомъ находящіеся въ Жизорѣ, сбѣгаются, крича: „У насъ будетъ его голова; ничто не можетъ намъ помѣшать“. Камень попадаетъ въ високъ де-ла Рошфюко, онъ падаетъ; его стража разсѣяна, его доканчиваютъ ударами, саблями и палками и муниципальный совѣтъ успѣваетъ лишь спасти карету „съ женщинами“.

Въ рукахъ волонтеровъ, національная справедливость, проявляетъ такую рѣзкость, невоздержность, такіе неожиданные капризы, что лучше не дожидаться ея дѣйствія. Напримѣръ въ Камбрѣ дивизія жандармской пѣхоты покидаетъ городъ; вдругъ

она спохватывается, что забыла "очистить тюрьму"; она возвращается, забирает тюремщика, отводит его въ Ратушу, заставляет читать списокъ заключенныхъ, освобождаетъ заключенныхъ, преступленія которыхъ кажутся простительными и заставляетъ выдать имъ виды на жительство; но зато они убиваютъ бывшаго прокурора короля, который оказался запятаннымъ "аристократическими принципами" Потомъ лейтенанта полковника, и мало популярнаго и подозрительнаго капитана.

— Какъ бы легко и мало обосновано ни было подозрѣніе, тѣмъ хуже для офицера, на котораго оно падаетъ. Въ Шарлевилль, двѣ подводы съ оружіемъ проѣхали въ одни ворота вмѣсто другихъ для того, чтобы избѣжать скверной дороги, тогда г. Жюшери, инспекторъ мануфактуры и коммендантъ мѣстности объявляется измѣнникомъ, его вырываютъ изъ рукъ муниципальныхъ офицеровъ, убиваютъ ударами прикладовъ, бросаютъ на землю, прокалываютъ штыками. Его голову надѣваютъ на копые, и носятъ по Шарлевиллю, потомъ по Мезьеръ и наконецъ бросаютъ въ рѣку, раздѣляющую оба города. Тѣмъ временемъ жизнь муниципальныхъ офицеровъ виситъ на одномъ волоскѣ; одного схватили за воротъ, другого сбросили съ козелъ, имъ угрожаютъ, въ нихъ пѣлятъ, колотятъ ихъ ногами; въ послѣдующіе дни составляется проектъ "отрубить имъ головы и ограбить ихъ дома.

И дѣйствительно, тотъ, кто располагаетъ жизнями, располагаетъ также и имуществомъ. Ролану остается просмотрѣть два или три доклада, чтобы убѣдиться, какъ подъ прикрытіемъ патріотизма скрывается алчность. Въ Куси въ Еснѣ крестьяне семнадцати приходоу, собравшіеся, чтобы поставить рекрутовъ, съ страшнымъ крикомъ бросаются на оба дома г. Дефоссе, бывшаго депутата отъ дворянства въ Учредительномъ Собраніи; то были самые красивые дома въ городѣ: въ одномъ изъ нихъ жилъ нѣкогда Генрихъ IV. Офицеры, вмѣшавшіеся въ это дѣло, чуть не были изрублены; городскія власти спасаются. Господину Дефоссе съ его обѣими дочерьми удается скрыться въ темномъ углу сосѣдняго дома, потомъ его пріютилъ какой-то гуманный садовникъ; наконецъ съ большимъ трудомъ онъ достигаетъ Суасона. Отъ обоихъ домовъ остаются лишь стѣны. Окна, двери, панно, все поломано; 2000 ассигновоу были разорваны или украдены; всѣ документы исчезли; убытокъ оцѣнивается въ 200.000 франковъ. Грабежъ длился съ семи часовъ утра до семи часовъ вечера и, какъ всегда, закончился празднествомъ; спустившись въ погреба грабители выпили двѣ бочки вина и двѣ бочки водки; тридцать или сорокъ человекъ остались въ безпамятствѣ и ихъ съ большимъ трудомъ извлекли оттуда". Никакого преслѣдованія, никакого разбирательства дѣла; новый мэръ мѣсяць спустя, рѣшается донести объ этомъ событіи, но при этомъ онъ проситъ не называть его имени; „потому что, говоритъ онъ, генеральный совѣтъ коммуны угрожалъ ужасными дѣйствіями тому, кто напишетъ вамъ".—Такова вѣчная угроза, подъ которой находится дворянство, даже тогда, когда оно служитъ свободѣ, и вначалѣ каждаго дѣла Роланъ находитъ отчаянныя письма, лично къ нему, какъ

къ послѣдней надеждѣ.—Вначалѣ 1789 г., г. де Гуи д'Арси первый требовалъ письменно вернуть права народу; депутатъ отъ дворянъ въ Учредительномъ Собраніи, онъ первый присоединился къ третьему сословію; когда либеральное меньшинство дворянства пришло въ залу общины, онъ уже сидѣлъ тамъ восемь дней, и въ теченіе тридцати мѣсяцевъ онъ „непрестанно сидѣлъ на лѣвой сторонѣ“. Такъ какъ онъ былъ генераль-майоромъ по старшинству, то ему была поручена расправа съ 6.000 мятежниками Нуаіона, „но въ теченіе десяти дней онъ хранилъ въ своемъ карманѣ строгій приказъ, носителемъ котораго онъ былъ“, онъ подвергался оскорбленіямъ, онъ рисковалъ жизнью, ради спасенія жизни своихъ заблудшихъ товарищей, но онъ имѣлъ счастье не пролить ни одной капли крови“. Истощенный трудомъ и борьбой, почти умирающій, онъ былъ врачами возвращенъ въ деревню, но и тутъ „онъ тратилъ всѣ свои доходы на облегченіе нужды“, онъ, первый, посадилъ у себя дерево Свободы, онъ давалъ деньги на одежду и на вооруженіе волонтеровъ, „онъ внесъ въ видѣ залога, вмѣсто пятой части, треть своего дохода“. Его дѣти живутъ вмѣстѣ съ нимъ въ его имѣніи, принадлежавшемъ его роду въ теченіи четырехъ вѣковъ и мѣстные крестьяне называютъ его «своимъ отцомъ». Его поведеніе вполне миролюбивое и даже похвальное. Но онъ дворянинъ, значитъ подозрителецъ, и делегатъ Парижской Коммуны доноситъ на него въ Компьенъ, что у него будто бы находятся двѣ пушки и 550 ружей. Тотчасъ же производится обыскъ: 800 человекъ инфантеріи и кавалеріи являются въ замокъ Арси. М. де Гуи идетъ имъ навстрѣчу и передаетъ имъ ключи. Послѣ шести часовъ обыска находятъ двѣнадцать охотничьихъ ружей и тринадцать плохихъ револьверовъ, о которыхъ онъ уже заявлялъ.

Разочарованные посѣтители ворчатъ, ломаютъ, ѣдятъ, пьютъ, наносятъ уронъ на 2000 экю; все таки, по настоянію своихъ главарей, кончаютъ тѣмъ, что уѣзжаютъ. Но у М. де Гуи 60.000 ливровъ доходу; это все пойдетъ націи, если онъ эмигрируетъ; нужно принудить его къ этому; во время изгнанія можно погрѣть себѣ руки. Въ теченіе восьми дней это обсуждаютъ въ Компьенскомъ клубѣ, въ кабакахъ, въ казармѣ, а на девятый день, среди бѣла дня, 150 волонтеровъ оставляютъ городъ, говоря, что они идутъ убивать М. де Гуи вмѣстѣ съ его семьей. Онъ, предупреденный, удаляется со своей семьей, оставляя всѣ двери раскрытыми.

Общій грабежъ въ теченіе пяти часовъ; они пьютъ дорогія вина, расхищаютъ серебро; требуютъ лошадей, чтобы увезти добычу и общаются скоро снова вернуться за головой владѣтеля: Дѣйствительно, на слѣдующій день, утромъ въ четыре часа, новое нападеніе, новый грабежъ, на этотъ разъ уже рѣшительный; слуги разбѣгаются подъ выстрѣлами, а г. де Гуи, по просьбѣ деревни, у которой опустошаютъ виноградники, принужденъ покинуть страну.— Излишне дочитывать дѣло. У г. де Сентъ-Морисъ въ Худенвиллѣ, у герцога Бурбонскаго въ Нойнтеллѣ, у принца Конде въ Шантильи, у г. Фитцъ-Джемса и у другихъ побывалъ вѣкій Готье, командиръ Парижскаго реквизиціоннаго отряда и

повѣренный комитета надзора, совершая свой патриотическій объѣздъ, и Роланъ уже заранѣе знаетъ, въ чемъ состоитъ этотъ объѣздъ: это насиліе, совершаемое у отсутствующихъ или у имѣющихъ на лицо дворянъ.

Впрочемъ есть и еще любимый предметъ преслѣдованія: это духовенство, и Роланъ, которому поручено слѣдить за общественнымъ порядкомъ; спрашиваетъ себя, какъ онъ сможетъ защитить свободу и жизнь невинныхъ священниковъ, порученныхъ ему закономъ.—Въ Труа у г. Фардо, бывшаго кюрэ, не конформиста, нашли алтарь съ священными сосудами; г. Фардо арестованъ, но онъ отказывается принять гражданскую присягу; онъ былъ выхваченъ изъ тюрьмы, его заставляли кричать «Да здравствуетъ нація!» онъ опять отказался. Тогда волонтеръ, взявъ топоръ у булочника, отрубаетъ ему голову; голова, омытая въ рѣкѣ, относится въ Городскую Ратушу. Въ Мо бригада парижской жандармеріи задушила семерыхъ священниковъ и, кромѣ того, еще шесть обыкновенныхъ арестантовъ. Въ Реймсѣ парижскіе волонтеры отправляютъ на тотъ свѣтъ директора почты и его чиновника; оба они считались подозрительными, потому что многіе видѣли, какъ изъ трубы выходилъ дымъ отъ сжигаемыхъ бумагъ, той же участи подвергся и г. де-Монрозье, отставной офицеръ: этимъ открывается охота. Потомъ, съ копьями и саблями, они набрасываются на двухъ канониковъ, пойманныхъ въ полѣ, потомъ на двухъ другихъ священниковъ, потомъ на бывшаго кюрэ Св. Іоанна, потомъ на стараго кюрэ изъ Рильи; трупы изрублены на куски, части тѣла таскаютъ по всему городу, сжигаютъ на кострѣ; одного изъ раненыхъ священниковъ, аббата Александра, бросаютъ въ огонь полуживымъ. Роланъ узнаетъ сентябристовъ, которые, показывая свои окровавленные штаны, являются къ нему въ домъ требовать себѣ вознагражденія; вездѣ, гдѣ проходитъ шайка, она объявляетъ „во имя народа“, что она имѣетъ „полное право на всемъ протяженіи своего пути слѣдовать примѣру столицы“. Декретъ 26 Августа приговариваетъ 40.000 неприсягавшихъ священниковъ покинуть свои департаменты въ теченіе восьми дней, а Францію въ теченіе 15 дней; но пустятъ ли ихъ? Въ Руанѣ 8.000 священниковъ нанимаютъ суда, чтобы повиноваться декрету, но населеніе скопилось на обоихъ берегахъ Сены и не пускаетъ ихъ. Роланъ видитъ изъ депеши, что какъ въ Руанѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, они массами отправляются въ городское управленіе за паспортами, но имъ часто въ этомъ отказываютъ; больше того, въ Труа, въ Мо, въ Лионѣ, въ Доло и во многихъ другихъ городахъ поступаютъ также, какъ и въ Парижѣ, ихъ задерживаютъ, заключаютъ въ тюрьмы, „изъ боязни, чтобы они не объединились подъ германскими знаменами“; такъ что помимо ихъ воли они становятся мятежниками; ихъ объявляютъ измѣнниками и они все время находятся подъ страхомъ ножа.

Вывозъ звонкой монеты запрещенъ, и у тѣхъ что достали себѣ паспорта, на границѣ отбираютъ всѣ деньги; другихъ же бѣгущихъ на удачу преслѣдуютъ, какъ зайцевъ; имъ приходится спасаться, какъ епископу Баррауль сквозь строй копей, или какъ

аббата Гильону, сквозь строй шашекъ, если ихъ не приканчиваютъ, какъ аббата Пешера выстрѣлами изъ ружей.

Ночь надвигается; дѣль черезчуръ много и они такъ обширны; Роланъ видитъ, что изъ восьмидесяти трехъ ему удастся просмотрѣть лишь пятьдесятъ; нужно поторапливаться, и съ Запада его взглядъ снова переносится на Югъ.—Тутъ тоже происходятъ странныя зрѣлища: 2 сентября, въ Шалонѣ на Марнѣ, г. Шанляръ, восьмидѣсятилѣтній глухой старикъ, съ молитвенникомъ въ рукахъ возвращался изъ Мэли, куда онъ ежедневно ходилъ читать часы. Парижскіе волонтеры встрѣчаютъ его, находятъ, что у него набожное лицо, и приказываютъ ему кричать „Да здравствуетъ свобода!“ Онъ ничего не слышитъ и потому ничего не отвѣчаетъ. Они берутъ его за уши, а такъ какъ онъ не можетъ идти достаточно скоро, они волочатъ его; старыя уши обрываются; видъ крови возбуждаетъ ихъ, они обрѣзаютъ уши и носъ, и являются съ окровавленнымъ человѣкомъ въ ратушу. При видѣ этого нотаріусъ, стоявшій на караулѣ, человѣкъ, чувствительный испытываетъ такой ужасъ, что пускается въ бѣгство, а остальная національная гвардія спѣшитъ закрыть рѣшетку.

Парижане, толкая своего плѣнника, отправляются въ дистриктъ, потомъ въ департаментъ, „чтобы донести на аристократовъ“; по дорогѣ, они продолжаютъ бить старика, который падаетъ; тогда они отрубаютъ ему голову, разрубаютъ тѣло на куски, а голову надѣваютъ на копье. Тѣмъ временемъ, въ томъ же самомъ городѣ двадцать два дворянина, въ Бонѣ сорокъ священниковъ и дворянъ, въ Дижонѣ восемьдесятъ три главы семейства, безъ всякихъ распросовъ и свидѣтельствъ, посаженныхъ въ тюрьму и находящіеся въ теченіе двухъ мѣсяцевъ подъ страхомъ штыковъ, каждое утро спрашиваютъ себя не освободятъ ли ихъ тогда какъ въ Парижѣ чернь и волонтеры кричатъ по улицамъ о смерти.— Достаточно пустяка, чтобы вызвать преступленіе. 19 Августа, въ Оксерѣ, во время дефилированія національной гвардіи, три гражданина, присягнувъ „покинули свои ряды“, ихъ окликнули „чтобы вернуть“, тогда одинъ изъ нихъ изъ нетерпѣнія или просто вслѣдствіе плохого расположенія духа, „дѣлаетъ неприличное движеніе“; народъ, считая себя оскорбленнымъ, бросается на нихъ, устраняетъ городскую власть и національную гвардію, ранитъ одного и убиваетъ двухъ другихъ.

Пятнадцать дней спустя, на томъ же самомъ мѣстѣ убиваютъ молодыхъ церковнослужителей. „Трупъ одного изъ нихъ лежитъ въ теченіи трехъ дней на возѣ; родителямъ не позволяютъ похоронить его. „Почти въ это же время, въ одной деревнѣ саботьеровъ въ пяти миляхъ отъ Отэна четыре духовныхъ лица, снабженные паспортами, епископъ и два викарія, были арестованы крестьянами обысканы, обкрадены и убиты.—Подъ Отеномъ, а именно въ уѣздѣ Роанъ, крестьяне сжигаютъ поземельную роспись національныхъ владѣній, волонтеры вымогаютъ деньги у владѣтелей; и тѣ и другіе, вмѣстѣ или отдѣльно предпринимаютъ ужасныя вещи относительно тѣхъ, которыхъ они подозрѣваютъ въ недостатокѣ гражданственности, подъ предлогомъ религіозныхъ

убѣжденій“. Хотя разумъ Ролана и ослѣпленъ философскими общими мѣстами, тѣмъ не менѣе онъ долго разсматривалъ эту страну; всѣ названія ему хорошо знакомы; на этотъ разъ предметы и формы ярко вырисовываются въ его сухомъ воображеніи, и онъ начинаетъ сквозь слова видѣть предметы.

Палець г-жи Роланъ останавливается на Лионѣ, который она такъ хорошо знаетъ.

Два года тому назадъ она возмущалась „четвертой аристократіей города, мелкими дворянами, священниками, купцами и приказными, однимъ словомъ противъ того, кого называютъ честными людьми на языкѣ стараго режима“; теперь, она находитъ тамъ другую аристократію—уличную.

По примѣру Парижа, клубисты Лиона, руководимые Шалье, подготовили массовыя избиенія всѣхъ неблагонамѣренныхъ или подозрительныхъ; другой вожакъ Додіе, составилъ именной списокъ двухсотъ аристократовъ, которыхъ нужно повѣсить, а 9 Сентября, женщины, вооруженныя копьями, дикіе, шайки „незвѣстныхъ“ подобранныхъ центральнымъ клубомъ, идутъ очищать тюрьмы. Если рѣзня происходитъ не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ въ Парижѣ, такъ это благодаря лишь тому, что національная гвардія, болѣе энергичная, вмѣшивается въ тотъ моментъ, когда въ тюрьмѣ Роанъ, парижскій развѣдчикъ, держа списокъ въ рукѣ, перечислялъ имена по тюремной росписи; но въ другихъ мѣстахъ она явилась черезчуръ поздно—Восемь офицеровъ изъ Рояль—Полонъ, находящіеся въ гарнизонѣ въ Аухѣ, нѣкоторые изъ нихъ имѣющіе за собой двадцать, тридцать лѣтъ службы, были вынуждены, благодаря неповиновенію солдатъ, выйти въ отставку; но по просьбѣ военнаго министра они остались на своемъ посту изъ чувства патриотизма; они перевели свой полкъ изъ Ауха въ Лионъ, употребивъ на это двадцать два дня утомительной ходьбы. Три дня спустя послѣ ихъ прихода они были схвачены ночью въ кровати, отведены въ Піеръ—Ансизъ; по дорогѣ ихъ избивали копьями, а обстоятельный допросъ выяснилъ ихъ заслуги и ихъ невиновность. Яковинская чернь тѣмъ не менѣе хватаетъ ихъ въ тюрьмѣ, изъ восьми человѣкъ, она зарѣзываетъ семерыхъ на улицѣ, вмѣстѣ съ ними четырехъ священниковъ и кромѣ того безстыдно хвастается своимъ поступкомъ. Всю ночь они разгуливаютъ по городу съ головами мертвецовъ надѣтыми на копья; они заносятъ ихъ въ кафе на площади Терро они кладутъ ихъ на столъ и насмѣхаясь, предагаютъ имъ пиво; потомъ они зажигаютъ факелы, входятъ въ театръ Селестинъ и, дефилируя по сценѣ съ ихъ трофеями, они вводятъ настоящую трагедію въ притворную.—Странный и страшный эпилогъ: въ концѣ дѣла, Роланъ находитъ письмо отъ своего коллеги Дантона, который проситъ его освободить офицеровъ, убитыхъ три недѣли тому назадъ: „потому что, говоритъ Дантонъ, если нѣтъ обвиненія противъ нихъ то держать ихъ дольше въ кандалахъ будетъ возмутительною несправедливостью“. На письмѣ Дантона секретарь Ролана помѣтилъ „Дѣло кончено“—Тутъ, я думаю, оба супруга молча смотрятъ другъ на друга. Г-жа Роланъ можетъ

быть вспоминаеть, какъ въ началѣ Революціи, она сама требовала головы, особенно „двѣ знаменитыя головы“, и изъявляла желаніе, чтобы Національное Собраніе правильно вело ихъ процессъ или чтобы нашлись великодушные Деціи, которые пожертвовали бы собой, чтобы „отрубить ихъ“; ея желанія исполнились; правильный процессъ скоро начнется, а Деціями, которыхъ она призывала, кишить вся Франція.

Остается теперь Юго-Западъ, Провансъ, который Барбару представлялъ ему какъ послѣднее убѣжище философіи и свободы. Палецъ Ролана спускается и по обоимъ берегамъ наталкивается на обыкновенныя преступленія.—На правомъ берегу, въ Канталь и Гаръ, „защитники родины“ набиваютъ себѣ карманы за счетъ плательщиковъ податей, которыхъ они сами избираютъ; на новомъ языкѣ эта вынужденная подписка называется „добровольнымъ даромъ“. Бѣдныхъ рабочихъ въ Нимѣ облагаютъ налогомъ въ 50 ливровъ, другихъ въ 200, 300, 900, 1000 подъ страхомъ разоренія и дурного обращенія. Въ деревнѣ около Тараскона, волонтеры, возвращаясь къ привычкамъ прежнихъ разбойниковъ, держать саблю надъ головой матери, угрожаютъ задуть тетку, упавшую въ обморокъ, держать ребенка надъ колодеземъ и такимъ путемъ вымогаютъ у владѣтеля или фермера до 4.000 и 5.000 ливровъ; чаще всего этотъ послѣдній не смѣетъ ничего сказать, потому что въ случаѣ жалобы онъ увѣренъ, что сожгутъ его ферму и вырубятъ оливки.—На лѣвомъ берегу, въ Изеръ, лейтенантъ полковникъ Спенделеръ, схваченный чернью Тюжина, былъ убитъ, а потомъ повѣшенъ за ноги на дерево, на дорогѣ; въ Дроль волонтеры Гара взяли силой тюрьму Монтелимаръ, шашкой изрубили невиннаго; въ Воклюзѣ происходятъ безпрерывныя, повсемѣстныя грабежи. Прежніе авиньонскіе разбойники допущенные въ національную гвардію и къ общественной дѣятельности, вмѣстѣ со своей соучастицей, муниципалитетомъ, совершаютъ грабежи въ городахъ и набѣги въ деревняхъ: въ городѣ 450.000 франковъ, „добровольныхъ даровъ“ отданныхъ убійцамъ въ Гласьерѣ друзьями и родными убитыхъ; въ деревнѣ съ богатыхъ хлѣбопашцевъ требуются выкупы отъ 1.000 до 10.000 ливровъ, не считая оргій побѣды, веселія произвола, собранія денегъ по домамъ, чтобы спрыскивать посадки безчисленныхъ деревьевъ Свободы, обѣдовъ отъ 5 до 600 фунтовъ на исторгнутыя деньги, пирушекъ и порчи въ захваченныхъ фермахъ, однимъ словомъ, не считая всѣхъ злоупотребленій силы, забавляющейя своими грубыми выходками и горящейся своими посягательствами.

По этому слѣду убійствъ и кражъ, министръ доходитъ до Марселя, и мнѣ кажется, что онъ вдругъ останавливается пораженный, не потому, что онъ удивленъ народными преступленіями; несомнѣнно ему доносятъ о нихъ изъ Экса, Обанъ, Анта, Бриньоля, Эгіера, и о цѣлой серіи въ Марселѣ, одинъ въ Юлѣ, два въ Августѣ, два въ Сентябрѣ; такъ что ему пора привыкнуть. Что его смущаетъ, такъ это то, что тамъ обрывается національная связь; онъ видитъ, какъ отдѣляются департаменты, образу-

ются новыя государства, отдѣльныя, независимыя, ссылающіяся на верховенство народа. Публично и официально, они сохраняютъ на свои мѣстные нужды тѣ деньги, что собрали для центрального правительства; они опредѣляютъ наказанія своимъ жителямъ, укрывающимся во Франціи, они учреждаютъ суды, налагаютъ контрибуціи, собираютъ войско и устраиваютъ военныя экспедиціи. Собравшись, чтобы выбрать представителей въ Конвентъ, выборщики Бушь-дю-Ронъ захотѣли основать во всемъ департаментѣ царство „свободы и равенства“; по сему случаю, говорилъ одинъ изъ нихъ, они образовали „армію изъ тысячи двухсотъ героевъ, чтобы очистить тѣ уѣзды, гдѣ буржуазная аристократія подымаетъ еще свою безразсудную, дерзкую голову“. Слѣдствіемъ этого является, что въ Сонасѣ, Новѣ, Сентѣ Реми, Мальянѣ, Эйрагѣ, Гравезонѣ, Эгіерѣ, на всемъ протяженіи округовъ Тараскона, Арля и Салона этимъ тысячи двѣсти героямъ разрѣшено поселяться у частныхъ лицъ, а остальные расходы лягутъ „на подозрительныхъ гражданъ“.

Эти экспедиціи длятся шесть недѣль и даже больше; онѣ производятся и внѣ департамента, въ Маноскѣ, въ Нижнихъ-Альпахъ, а Маноскъ былъ вынужденъ заплатить 104.000 фунтовъ за передвиженіе „своимъ спасителямъ и своимъ отцамъ“, послѣ чего онъ пишетъ министру, что онъ теперь не въ состояніи выплатить подати.

Къ какому сорту людей относятся эти импровизированные правители, устроившіе эти „бродячія“ грабительства?—Объ этомъ Роланъ можетъ разспросить своего друга Барбару, ихъ предсѣдателя и исполнителя ихъ приговоровъ: „девятьсотъ человекъ, пишетъ самъ Барбару, въ общемъ мало образованныхъ, они неохотно слушаются умѣренныхъ людей, и предаются возбужденію; это ловкіе интриганы, распространяющіе клевету, мелкіе подозрительные умы, есть нѣсколько добродѣтельныхъ, но лишенныхъ всякихъ знаній, нѣсколько просвѣщенныхъ людей, но лишенныхъ храбрости, много патріотовъ, но не знающихъ мѣры, не понимающихъ философіи“, однимъ словомъ якобинскій клубъ, такой якобинскій, что „при извѣстїи о рѣзнѣ 2 сентября въ залѣ раздалися аплодисменты“; на первомъ мѣстѣ стоятъ люди, жаждные до денегъ, до мѣста, вѣчные доносчики, во всемъ видящіе мятежи или преувеличивающіе ихъ, чтобы „получать доходныя порученія“, другими словами обыкновенная свора голодныхъ аппетитовъ бросающихся на дичь.—Чтобы познакомиться съ ними основательно, Ролану остается лишь перелистать послѣднее дѣло, дѣло сосѣдняго департамента и посмотреть на ихъ коллегъ изъ Вара.

Въ этой гибели разума и честности, которую называютъ якобинской революціей, иногда кто-нибудь и всплывалъ: такъ напримѣръ администраціи департаментовъ во многихъ мѣстностяхъ стояли изъ либераловъ, друзей порядка, просвѣщенныхъ людей, неподкупныхъ и убѣжденныхъ защитниковъ закона. Чтобы отдѣлаться отъ нихъ тулонскіе якобинцы придумали ловушку, достойную Борджиа и Оливеренто шестнадцатаго вѣка. 28 Іюля,

утромъ Сильвестръ, предсѣдатель клуба, роздалъ своимъ людямъ цѣлый мѣшокъ красныхъ колпаковъ и разставилъ на видныхъ мѣстахъ эти небольшіе отряды. Тѣмъ временемъ, муниципалитетъ, его соучастникъ, является къ администраторамъ департамента и приглашаетъ побрататься съ нимъ передъ народомъ. Они довѣрчиво выходятъ, каждый подъ руку съ муниципальнымъ чиновникомъ или съ делегатомъ клуба.

Едва прошли они нѣсколько шаговъ по площади, какъ изъ каждой улицы выходитъ отрядъ красныхъ колпаковъ. Прокуроръ синдикъ, вице-президентъ департамента и двое другихъ администраторовъ схвачены, заколоты шашкой и повѣшены; другому г. Дебу удается бѣжать, онъ прячется, ночью перепрыгиваетъ черезъ городской валъ, ломаетъ себѣ ногу и остается распростертымъ; на другое утро его отыскиваютъ; шайка, предводительствуемая Жассо, портовымъ рабочимъ и Лемелемъ, именующимъ себя „городскимъ вѣшалщикомъ“, поднимаетъ его, несетъ на носилкахъ и вѣшаетъ на первомъ попавшемся фонарѣ. Другія шайки такимъ же путемъ спроваживаютъ общественнаго обвинителя, администратора округа, купца, потомъ онѣ распространяются по деревнѣ, грабятъ, убиваютъ въ загородныхъ домахъ. Напрасно комендантъ г. Дюмербюонъ, умоляетъ городскую власть объявить военный судъ. Она не только отказывается, но еще предписываетъ ему, чтобы половина войскъ вернулась въ казармы. Кромѣ того онъ освобождаетъ солдатъ, приговоренныхъ късылкѣ, и всѣхъ военныхъ, арестованныхъ за неподчиненіе. Съ тѣхъ поръ исчезаетъ всякое подобіе дисциплины и въ послѣдующій мѣсяцъ, преступленія учащаются. Администратора по морскимъ дѣламъ, г. Посселя, хватаютъ въ домѣ и надѣваютъ ему петлю на шею; его едва успѣлъ спасти, бомбардиръ, секретарь клуба. Членъ директоріи г. Сенисъ, схваченъ на своей дачѣ и повѣшенъ на площади стараго двора.

Капитанъ корабля Дезидери, юрѳ де ла Валетъ, г. Сакки де Туре обезглавлены въ предмѣстьи города, а головы ихъ посажены на три шеста. Г. де Флотъ, вице-адмиралъ, человекъ геркулесоваго сложенія, съ лицомъ такимъ строгимъ и серьезнымъ, что его называли „вѣчнымъ Отцомъ“ измѣнически завлеченъ въ арсеналъ; онъ видитъ уже спущенный фонарь, онъ выхватываетъ ружье, защищается; количество одолеваетъ его; онъ былъ зарубленъ саблей и потомъ повѣшенъ; зарубленъ также и господинъ де Рошлюръ, морской генеральный майоръ и потомъ повѣшенъ: изъ большой артеріи, перерѣзанной на шеѣ трупа текла кровь на мостовую; Бори, одинъ изъ палачей, омываетъ въ ней свои руки и окропляетъ присутствующихъ.—Барри, Лемайлъ, Жассо, Сильвестръ и другіе убійцы—вотъ новые короли Тулона, они ничѣмъ не разнятся отъ Парижскихъ; прибавьте еще нѣкаго Фижона, дающаго аудіенціи на своемъ чердакѣ и исправляющаго социальныя неравенства; онъ насильно выдаетъ замужъ дочерей богатыхъ фермеровъ за бѣдныхъ республиканцевъ или павшихъ дѣвушекъ за богатыхъ, молодыхъ людей, или же по снискъ, составленному клубомъ или муниципалитетами, беретъ выкупъ съ

богатыхъ и обезпеченныхъ людей. Чтобы дополнить портретъ шайки, отмѣтимъ, что 23 Августа она пыталась освободить 1800 каторжниковъ; но эти послѣдніе не повѣрили, они поняли, что ихъ могутъ принять за политическихъ союзниковъ, они не посмѣли выйти; часть честныхъ людей находящихся въ національной гвардіи, пришла во время, чтобы снова посадить ихъ на цѣпь. Въ теченіи еще цѣлаго года общественная власть останется въ рукахъ партіи, которая въ отношеніи общественнаго порядка, не доросла даже до понятій каторжника.

Не разъ въ теченіи этого долгаго обзора министръ почувствовалъ какъ краска стыда заливаетъ ему лицо; потому что на разговоры, съ которыми онъ обращается къ бездѣйствующимъ администраціямъ, ему указываютъ на его собственный примѣръ: „Вы хотите, чтобы мы доносили прокурору на произвольные аресты? доносили ли вы въ столицу на виновныхъ въ подобныхъ преступленіяхъ и еще въ большихъ?“—„Со всѣхъ сторонъ угнетенные обращаются къ нему, „къ министру патріоту, врагу анархіи“ къ доброму, неподкупному министру внутреннихъ дѣлъ.... котораго можно было бы попрекнуть лишь здравымъ смысломъ его жены“, а онъ въ отвѣтъ посылаетъ имъ лишь диссертациі и соболѣзнованія: „вздыхать о событіяхъ, приводящихъ въ отчаяніе департаменты, говорить о томъ, что администраціи полезны тогда, когда онъ предупреждаетъ несчастія и что отысканіе средствъ является грустной необходимостью, и онъ можетъ рекомендовать имъ болѣе активный надзоръ“.—„Стонать и находить утѣшеніе въ примѣчаніяхъ письма“, которое сообщаетъ о четырехъ убійствахъ, но прибавляетъ, что принесенныя жертвы были антиреволюціонерами“. Онъ письменно разговаривалъ съ деревенскими муниципалитетами и давалъ уроки конституціоннаго права артели каменоломщиковъ. Но въ этой области онъ былъ побитъ своими же собственными принципами и, въ свою очередь, честные якобинцы даютъ ему урокъ; они тоже умѣютъ извлекать послѣдствія ихъ своего ученія. „Братъ и другъ, господинъ, пишутъ ему изъ Руана, *чтобы не быть постоянно точно на колѣняхъ у муниципалитета*, мы объявили себя постоянной, совѣщательной секціей Коммуны“. „Пусть такъ называемыя конституціонныя власти, формалисты и педанты исполнительнаго совѣта, министръ внутреннихъ дѣлъ, пусть они хорошенько подумаютъ, раньше чѣмъ порицать дѣйствія верховной власти народа. Властитель поднимаетъ свой голосъ и заставляетъ молчать своихъ приказчиковъ; грабежи убійства, все что онъ совершилъ—справедливо“. „Развѣ вы, послѣ бури, забыли то, что сказали въ разгаръ грозы: пусть нація сама спасается? Ну, вотъ это то мы и сдѣлали..... Что.... когда по всей Франціи раздавалось провозглашеніе о низвергнутой тираниі, вы хотѣли, чтобы измѣнники, желающіе ее снова возстановить, возбуждали бы противъ себя народную месть? И гдѣ это виданы подобные министры“!

Произвольные налоги, штрафы, конфискаціи, революціонныя экспедиціи, экзекуціи, грабежи, на что тутъ можно возразить?

„Мы не говоримъ, что эти пути законны, но, приближаясь къ

природѣ, мы спрашиваемъ себя какой цѣлью задается угнетенный, когда призываетъ справедливость?

Толпиться и ждать напрасно справедливаго удовлетворенія, кто общается ему судъ? Исправьте эти злоупотребленія, или не порицайте верховный народъ, если онъ заранѣе уничтожаетъ эти злоупотребленія... Надѣмся, милостивный государь, что вы возьмете обратно ваши оскорбленія и исправите вашу вину, раньше, чѣмъ, мы огласимъ ихъ публично"... Гражданинъ министръ вамъ льститъ, вамъ черезчуръ часто говорятъ, что вы добродѣтельны; какъ только вы начнете прислушиваться къ этому, вы перестанете быть имъ... Прогоните коварныхъ разбойниковъ, вась окружающихъ, слушайтесь народа и помните, что гражданинъ министръ является лишь исполнителемъ воли верховнаго народа". Какъ бы ограниченъ ни былъ Роланъ, онъ долженъ наконецъ понять; что безчисленные кражи и убійства, которые онъ сейчасъ возстановилъ, не являются необдуманной вспышкой, приступомъ временной горячки; это манифестъ побѣждающей партіи, начало установленнаго режима. Подъ этимъ режимомъ, якобинцы Марселя пишутъ: „теперь, въ нашей счастливой странѣ, добрые преобладаютъ надъ злыми и образуютъ общество, не терпящее смѣшенія: все, что порочно прячется или уничтожается“, Программа ясна и она была комментирована дѣйствіями. Эту программу партія и излагала выборщикамъ, въ теченіе всего междуцарствія.

ГЛАВА III.

I. Второй этапъ якобинской побѣды.—Величина и количество свободныхъ мѣствъ. II. Выборы.—Призывъ къ баллотировкѣ молодыхъ людей и мѣстныхъ жителей.—Опасность умѣренныхъ, если они кандидаты.—Отказъ ихъ главарей.—Количество отсутствующихъ въ сѣздѣ избирателей. III. Составъ и настроеніе вторыхъ собраній.—Исключеніе выборщиковъ фольянтинцевъ.—Давленіе на остальныхъ выборщиковъ.—Выборные отъ умѣренныхъ принуждены сложить съ себя должность.—Отмѣна католическихъ выборовъ.—Отпаденіе якобинскаго меньшинства.—Утвержденіе ихъ выборщиковъ.—Разногласіе между официальными выборами и общественнымъ мнѣніемъ.—IV. Составъ Национальнаго Конвента.—Первоначальное число Монтаньяровъ.—Мнѣнія и чувства депутатовъ Долины.—Жиронда.—Представители жирондистовъ въ Конвентѣ.—Ихъ духъ.—Ихъ принципы.—Ихъ планъ Конституціи.—Ихъ фанатизмъ.—Ихъ искренность, ихъ культурность и вкусъ.—Чѣмъ они отличаются отъ истинныхъ якобинцевъ.—Какъ они пожимаютъ верховенство народа.—Процедура, которой они подвергаютъ инициативу индивидуумовъ и группъ.—Слабость философскаго мышленія и парламентарной власти во времена анархія.—V. Мнѣніе Парижа.—Большинство населенія остается конституціоннымъ. Непопулярность новаго режима.—Недостатокъ и дороговизна продуктовъ.—Столкновеніе съ католическими привычками.—Ростущая общая враждебность.—Отвращеніе или безразличіе относительно жирондистовъ.—Политическая отставка большинства.—Несовмѣстимость современныхъ правъ и непосредственной демократіи.—Отреченіе лавочниковъ и ремесленниковъ. Раздѣленіе, застѣнчивость, безсиліе умѣренныхъ.—Якобинцы одни составляютъ верховный народъ. VI. Составъ партіи.—Ея число и качество понижаются.—Мастеровые, мелочные торговцы, прислуга.—Рабочіе бездѣльные, наслаждающіеся жизнью.—Пригородная чернь.—Мошенники и разбойники.—Проститутки.—Сентябристы. VII. Господствующія личности. Ихъ характеръ и умъ.—Политическіе взгляды г. Соль.

I.

Такъ заканчивается второй этапъ якобинской побѣды: начиная съ 10 Августа, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, и навѣрху и внизу іерархіи, якобинцы расширяли и умножали вакансіи, чтобы потомъ заполнить ихъ.—Прежде всего во главѣ общественныхъ властей, партія ставитъ своихъ представителей, семьсотъ сорокъ девять всемогущихъ депутатовъ Конвентъ, который, не будучи ограниченъ побочными властями или установленной конституціей, произвольно располагаетъ имуществомъ, жизнью и совѣстью всѣхъ французовъ.—Потомъ при помощи этого едва установившагося Конвента, она постановляетъ полное обновленіе всѣхъ административныхъ судебныхъ учреждений, совѣтовъ и директорій департаментовъ и уѣздовъ, совѣтовъ и муниципалитетовъ общинъ, гражданскихъ судовъ, уголовныхъ судовъ, коммерческихъ судовъ, мировыхъ камеръ, мировыхъ судей, ассесоровъ мировыхъ судей, помощниковъ судей, національныхъ комиссаровъ при гражданскихъ судахъ, секретарей и регистраторовъ администрацій и судовъ. Ужъ за одно уничтожается и обязательство практики, такъ что первый попавшійся, если онъ принадлежитъ клубу, можетъ стать судьей, если даже онъ едва умѣетъ писать и читать. Незадолго до этого, во всѣхъ городахъ, гдѣ населеніе превышаетъ пятьдесятъ тысячъ, а потомъ во всѣхъ пограничныхъ городахъ, штабъ національной гвардіи долженъ былъ пройти черезъ выборы, а также и офицеры жандармеріи; въ Парижѣ и во всей Франціи впрѣдъ подвергаются выборамъ директора и контролера почты. Больше того, наравнѣ съ выборными должностными лицами административная чистка добирается и до неизбираемыхъ чиновниковъ и служащихъ какъ бы нейтрально ни было ихъ занятіе, какъ бы ни была слаба и косвенна связь ихъ службы съ политическими дѣлами, такъ, напр., сборщики и контролёры податей, инженеры, нотариусы, повѣренные, секретари и писаря администраціи лишаются мѣста, если ихъ муниципалитетъ не даетъ имъ удостовѣренія въ гражданственности. Въ Труа, изъ пятнадцати нотариусовъ, они отказываютъ четверымъ; вотъ четыре свободныхъ мѣста для своихъ, для якобинцевъ. Въ Парижѣ, „всѣ честные люди, всѣ образованные служащіе“ прогоняются изъ морского вѣдомства; военное министерство превращается въ „вертепъ, гдѣ работаютъ въ красныхъ колпакахъ, говорятъ всѣмъ ты, даже министру, гдѣ четыреста служащихъ, среди которыхъ есть женщины, стараются одѣваться какъ можно грязнѣе, доходятъ до безстыднаго цинизма, ничего не дѣлаютъ и крадутъ во всю“.—По доносу клубовъ, чистка происходитъ и на самыхъ низкихъ ступеняхъ іерархіи, среди секретарей ратуши въ деревняхъ, среди разсылщиковъ и конторскихъ мальчиковъ въ городахъ, даже среди тюремщиковъ и сторожей, церковныхъ сторожей и пономарей, лѣсничихъ, деревенскихъ сторожей, хранителей секвестровъ; нужно, чтобы всѣ эти люди были или казались якобинцами; а не то мѣсто ускользаетъ отъ нихъ, потому что всегда есть кто-нибудь, кто домогается, хлопочетъ и получаетъ. — Кромѣ служащихъ.

чистка постигаетъ также и поставщиковъ; тутъ тоже надо позаботиться о своихъ; нигдѣ приманка такъ не сильна. Даже въ обыкновенное время государство является самымъ крупнымъ потребителемъ, и въ настоящее время оно тратитъ на одну войну 200 милліоновъ: сколько можно половить рыбы въ такой мутной водѣ!—Всѣ доходные заказы, всѣ оплачиваемыя должности находятся въ распоряженіи якобинскаго народа, и онъ ихъ раздаетъ: это законный хозяинъ; вернувшись къ себѣ послѣ долгаго отсутствія, онъ даетъ или отнимаетъ, какъ ему вздумается и у себя, дома прогоняетъ всю прислугу.—Въ однихъ административныхъ и судебныхъ должностяхъ милліонъ триста тысячъ мѣстъ — все мѣста, относящіяся къ финансамъ, общественнымъ работамъ, народному образованію и Церкви; въ національной гвардіи и въ арміи, всѣ должности, начиная съ главнаго командира и кончая барабанщикомъ; вся власть, центральная или мѣстная, и громадныя права, отсюда происходящія; никогда подобная добыча не бывала вся сразу свалена на публичной площади. Для виду будутъ жребить; но исполнѣ ясно, что якобинцы и не подумаютъ отдавать своей жертвы случаю свободной баллотировки: они сохранять ее, какъ и взяли, — силой и ничѣмъ не пренебрегутъ, чтобы подчинить себѣ выборы.

II.

Для начала они проложили себѣ дорогу. Съ перваго же дня, слабыя и послѣднія гарантіи независимости, почтенности и компетенціи, которыя законъ требовалъ отъ избирателя и избираемаго, были уничтожены декретомъ. Нѣтъ больше различія между активными и пассивными гражданами; нѣтъ больше различія между цензомъ избирателя перваго разряда съ цензомъ избирателя втораго разряда; нѣтъ больше избирательнаго ценза. Всѣ французы, кромѣ прислуги, которой пренебрегаютъ, потому что считаютъ слугъ, находящимися подъ вліяніемъ своихъ хозяевъ, смогутъ подавать голосъ на первыхъ выборахъ, и они будутъ подавать голосъ не съ двадцати пяти лѣтъ, а съ двадцати одного года; благодаря этому въ выборахъ участвуютъ обѣ самыя революціонныя группы; съ одной стороны молодые люди, съ другой стороны бѣднота; число послѣдней громадно, благодаря безработицѣ, голоду, нуждѣ, — въ общемъ два съ половиной, даже три милліона новыхъ выборщиковъ; въ Безансонѣ число записавшихся удвоилось. — Такимъ путемъ якобинская кліентура допущена въ залу выборовъ, откуда до сихъ поръ она была исключена, а чтобы вѣрнѣе толкать ее, ея патроны рѣшаютъ, что каждый выборщикъ, которому придется перемѣщаться, будетъ получать 20 су за милю, кромѣ 3 ливровъ „за каждый день жительства въ опредѣленномъ мѣстѣ“.

Собирая своихъ единомышленниковъ, они отстраняютъ своихъ противниковъ. Этому способствуетъ политическій разбой, при помощи котораго они управляютъ и терроризируютъ Францію. Произвольные аресты, допускаемые грабежи и безнаказанныя убійства служатъ предостереженіемъ для кандидатовъ, не принадлежащихъ

жъ ихъ сектъ; я говорю здѣсь не о знати и не о друзьяхъ бывшаго режима, которые бѣжали или сидятъ въ тюрьмѣ, но о монархистахъ, конституціоналистахъ и о фельянтинцахъ. Всякая выборная попытка съ ихъ стороны оказалась бы безуміемъ, почти самоубійствомъ. Вотъ почему ни одинъ изъ нихъ не выдвигается, если какой-нибудь стыдливый умѣренный, какъ Дюраль де Мальянъ и фигурируетъ въ спискѣ, такъ это лишь потому, что революціонеры приняли его, не зная, и потому что онъ кланется, что питаетъ ненависть къ королевскому достоинству. Остальные, болѣе искренніе, не хотятъ облекаться въ популярность и прибѣгать къ покровительству клубовъ, потому и остерегаются являться на выборы; они прекрасно знаютъ, что это значитъ подставить свои головы подъ копыя и отдать свои дома на разграбленіе. Въ самый моментъ выборовъ, имѣнія многихъ депутатовъ разграблены изъ-за того лишь, что „въ сравнительномъ спискѣ семи поименныхъ перебилицекъ“, разосланномъ по департаментамъ Парижскими якобинцами—ихъ имена находятся на правой сторонѣ.—Изъ вѣщшей предосторожности, конституціоналисты Законодательнаго Собранія были задержаны въ столицѣ; имъ отказали въ выдачѣ паспортовъ, чтобы они не могли поѣхать въ провинцію, собирать голоса и высказывать людямъ правду о недавней революціи.—А также всѣ консервативныя газеты были закрыты, они принуждены были молчать или отрекаться.—А когда нѣтъ органа, черезъ который можно говорить и кандидата, который могъ быть представителемъ, тогда къ чему и подавать голосъ? Тѣмъ болѣе, что первыя собранія являються мѣстомъ безпорядковъ и насилія, во многихъ мѣстахъ допускаются лишь одни патріоты, умѣренный подвергается оскорбленію и подавляется большинствомъ, если онъ говоритъ, онъ находится въ опасности, даже если молчить, то и то онъ подвергается доносамъ, угрозамъ и побоямъ. Не показываться, оставаться въ сторонѣ, избѣгать быть увидѣннымъ, заставить позабыть о своемъ существованіи, таковы правила въ царствованіе паши, особенно если этотъ паша—чернь. Вотъ почему большинство воздерживается отъ выборовъ, и пустота на выборахъ огромна. Въ Парижѣ на выборахъ мэра и городскихъ чиновниковъ балотировки за октябрь, ноябрь и декабрь на 160.000 записанныхъ набираютъ лишь 14.000 выборщиковъ, потомъ 10.000, потомъ 7.000. Въ Безансонѣ изъ 7.000 подаютъ голоса 600; та же пропорція и въ другихъ городахъ, въ Труа, напримѣръ. То же самое и въ сельскихъ кантонахъ, на западѣ въ Дубсѣ, на востокѣ въ Нижней Луарѣ, лишь одна десятая часть выборщиковъ, осмѣливается воспользоваться своимъ правомъ. Источникиъ выборовъ такъ истощали и зануждали, что онъ почти изсякъ: на съѣздѣ избирателей, который прямо или косвенно назначаетъ всѣ общественныя власти, и который, для того, чтобы выразить всенародную волю долженъ былъ быть полнымъ, на семь милліоновъ не хватаетъ шести милліоновъ триста тысячъ избирателей.

III.

Благодаря этой предварительной чисткѣ, съѣздъ избирателей

оказывается большей частью якобинскимъ, слѣдовательно выборщики второго собранія будутъ большей частью якобинцы, и во многихъ департаментахъ ихъ собраніе становится самымъ анархическимъ, самымъ неугомоннымъ и узурпаторскимъ изъ всѣхъ клубовъ. Крики, доносы, клятвы, зажигательныя рѣчи, торжествующіе крики, яростныя воззванія парижскихъ комиссаровъ, делегатовъ мѣстнаго клуба, проходящихъ мимо федератовъ, и торгововъ, требующихъ оружія. Собраніе Па де-Кале освобождаетъ и рукоплещетъ женщинѣ, арестованной за то, что она была въ барабанъ во время народнаго сборища. Парижское собраніе братается съ головорѣзами Версаля и убійцами мэра въ Этампѣ. Собраніе Бушъ дю Ронъ даетъ удостовѣреніе въ добродѣтели Журдану, убійцѣ дела Гланера. Собраніе Сень-и-Марнъ рукоплещетъ предложенію вылить пушку, въ которой могла бы помѣститься въ видѣ ядра голова Людовика XVI и бросить ее врагу. — Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что избирательное учрежденіе, ничего не уважающее, не уважаетъ также и самого себя, и уродуетъ себя подъ предлогомъ очищенія. Тотчасъ же деспотическое большинство захотѣло всѣмъ управлять, и собственной властью оно изгнало выборщиковъ, которые ему не нравились. Въ Парижѣ, въ Энѣ, въ Хонѣ-Луарь, въ Лиль-Виланѣ, въ Мэнъ-е-Луарь, оно исключило какъ недостаточныхъ прежнихъ членовъ фелъянтинскихъ или монархическихъ клубовъ и подписавшихся подъ конституціонными протестами. Въ Херо оно отвергаетъ выборы кантона Сервіанъ, потому что выборные, говоритъ оно, „ярые аристократы“. Въ Орнъ оно прогоняетъ бывшаго члена учредительнаго собранія, потому что онъ подавалъ голосъ за пересмотръ и его зятя, потому что онъ его зять.

Въ Бушъ-дю-Ронъ, или Кантонѣ Сеньона оно клялось, что будетъ сохранять конституцію страны, оно разжаловываетъ „своихъ ретроградныхъ выборщиковъ, преслѣдуетъ за совершенное покушеніе“ и посылаетъ войска противъ Новъ, потому что выборщикъ Новъ, мировой судья, на котораго донесли и который находился въ опасности, бѣжалъ изъ избирательнаго вертепа. Послѣ очищенія личностей оно приступаетъ къ очищенію чувствъ. Въ Парижѣ и еще въ девяти департаментахъ, презирая законъ, оно уничтожаетъ тайную баллотировку, послѣднее пристанище застѣнчивыхъ, умѣренныхъ и заставляетъ каждаго выборщика голосовать открыто по поименной переключкѣ то есть, если онъ плохо голосуетъ,—ему угрожаютъ фонаремъ.

Самое дѣйствительное средство для того чтобы направить невѣршітельныя воли по желанному пути; во многихъ мѣстахъ во время выборовъ примѣнялись еще болѣе сильныя средства. Въ Парижѣ голоса подавались на бойнѣ, подъ копьями палачей и подъ руководствомъ предпринимателей. Въ Лю и Реймсѣ, выборщики

*) Барбару. Мемуары, 379: „Однажды, когда приступали къ выборамъ, раздалась безпорядочные крики: это противникъ революціи, онъ изъ Арля, нужно его повѣсить!“ Въ самомъ дѣлѣ на площади арестовали жителя Арля, его привели въ собраніе и стали спускать фонарь, чтобы его повѣсить.

во время засѣданія могли слышать крики убиваемыхъ священниковъ. Въ Реймсѣ сами убійцы приказывали избирательному собранію выбрать своего кандидата Друэ, содержателя почтовыхъ лошадей и Армонвиля пьяницу, чесальщика шерсти; послѣ этого половина собранія удалилась и оба кандидата убійцъ были избраны. Въ Лионѣ, два дня спустя послѣ рѣзни якобинскій командиръ пишетъ министру: „Вчерашняя катастрофа, заставляла бѣжать аристократовъ и большинство въ Лионѣ за нами обезпечено“. Изъ всеобщей подачи голосовъ, подвергаемой такой сортировкѣ, поспираемой такимъ грубымъ давленіемъ, разогрѣтой и пропущенной черезъ революціонный перегонный кубъ, операторы получаютъ то, что хотятъ, концентрированный экстрактъ, квинтэссенцію якобинскаго духа.

Впрочемъ, если получаемый экстрактъ кажется имъ недостаточно сильнымъ, тамъ, гдѣ они хозяева, они отбрасываютъ его и снова начинаютъ операцію.—Въ Парижѣ, при помощи прибавочной и провѣрочной баллотировки, новый совѣтъ Коммуны принимаетъ удаленіе своихъ „теплыхъ“ членовъ, а на мѣра, избраннаго, умѣренными, ле-Феврѣ-д'Орменсони, посыпались такія угрозы, что ему пришлось подать въ отставку. Въ Лионѣ, другой умѣренный, Нивьеръ Коль, дважды избранный 9.000 избирателями изъ числа 11.000, принужденъ дважды оставить свое мѣсто, послѣ него врачъ Жилиберъ, тоже избранъ большинствомъ голосовъ, но его хватаютъ и бросаютъ въ тюрьму; но и въ тюрьмѣ онъ все же выборный, но клубисты держатъ его въ заключеніи и не отпускаютъ даже тогда, когда вынудили у него отставку.—Въ другихъ мѣстахъ въ деревенскихъ кантонахъ, въ Франшъ-Конте, напримѣръ, кассируется много выборныхъ, если выборный католикъ. Часто якобинское меньшинство разбиваетъ голоса собирается отдѣльно въ кабачкѣ, выбираетъ своего мѣра или мирового судью и ихъ выборный утвержденъ какъ патріотъ; тѣмъ хуже для того, кто избранъ большинствомъ; подача голосовъ, большая по количеству не принимается во вниманіе, потому что „она фанатична“.

Отъ такой подачи голосовъ получится лишь тотъ отвѣтъ, который ей диктуютъ. Насколько этотъ отвѣтъ вынужденъ и ложенъ, какое различіе существуетъ между официальными выборами и общественнымъ мнѣніемъ, какъ невѣрно въ выборахъ сказалось народное чувство, это покажутъ намъ факты. Оба Севра, Майнъ и Луаръ, Вандея, Нижняя Луара, Марбіанъ и Финистеръ послали въ Конвентъ республиканцевъ антикатоликовъ и эти же департаменты будутъ не исчерпаемымъ разсадникомъ большого католическаго и монархическаго возстанія. Изъ четверыхъ депутатовъ три царевубійца являются представителями Лозеръ, гдѣ три мѣсяца спустя тридцать тысячъ крестьянъ пойдутъ подъ бѣлымъ флагомъ. Шесть царевубійцъ изъ девяти депутатовъ являются представителями Вандея, которая вся подымается во имя короля.

IV.

Какъ сильно ни было давленіе, а все таки избирательная машина не дала всего, что отъ нея требовали. Вначалѣ сессіи

на семьсотъ сорокъ девять депутатовъ находится лишь пятьдесятъ, которые оправдываютъ Коммуну, почти всѣ они были избраны, какъ въ Реймсѣ и Парижѣ, гдѣ терроръ хваталъ избирателя за горло, гдѣ онъ все время находился „подъ копьями, крюками, топорами, кинжалами и дубинами убійцъ“. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ физическое ощущеніе убійства не было такимъ реальнымъ и сильнымъ, остатокъ стыдливости мѣшалъ чересчуръ вопіющимъ выборамъ. Нельзя было запретить подающимъ голоса останавливаться на извѣстныхъ именахъ; семьдесятъ семь членовъ Учредительнаго Собранія, сто восемьдесятъ шесть Законодательнаго—входятъ въ Конвентъ и многіе, благодаря прежней практикѣ, приобрѣли нѣкоторыя познанія. Короче говоря, у шестисотъ пятидесяти депутатовъ совѣсть и разумъ лишь на половину извращены.

Разумѣется они всѣ убѣжденные республиканцы, враги традиціи, проповѣдники разума, питомцы дедуктивной политики; только пѣной этого можно было быть избраннымъ. Каждый кандидатъ долженъ былъ исповѣдывать яacobинскую вѣру или по крайней мѣрѣ знать наизусть революціонный символъ вѣры. Вслѣдствіе этого, въ самое первое засѣданіе, Конвентъ единодушно, съ энтузіазмомъ вотируетъ за уничтоженіе королевства, а три мѣсяца спустя громадное большинство судить Людовика XVI, „виновнаго въ заговорѣ противъ свободы націи и въ покушеніи на общее благосостояніе государства“.—Но подѣ политическими предразсудками все еще сохраняются социальныя привычки. Уже благодаря одному тому, что человѣкъ родился и долго жилъ въ прежнемъ обществѣ, на немъ получился его отпечатокъ, обычаи, которые онъ соблюдаетъ, отразились въ немъ подѣ видомъ чувствъ; если оно просвѣщено, упорядочено, онъ невольно перейметъ уваженіе къ собственности, къ человѣческой жизни, и въ большинствѣ характеровъ это уваженіе засѣло очень глубоко. Теорія, съ которой даже соглашаются, не можетъ уничтожить его; она преуспѣваетъ лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда она встрѣчается съ натурами грубыми отъ природы или же больными; чтобы дѣйствительно утвердиться, ей нужно напасть на рѣдкихъ наслѣдниковъ старыхъ разрушительныхъ appetitовъ, на отсталые умы, въ которыхъ дремлютъ старыя страсти; только тогда она можетъ обнаружить весь свой вредъ; потому что она пробуждаетъ жестокіе или хищническіе инстинкты варвара, хитреца, инквизитора и паши. Но у большинства, что бы она ни дѣлала, честность и гуманность остаются всегда могучими двигателями. Вышедшіе изъ средней буржуазіи, почти всѣ наши законодатели, каково бы ни было временное возбужденіе ихъ умовъ, въ сущности остаются тѣми же, чѣмъ были до сихъ поръ, адвокатами, прокурорами, купцами, священниками или врачами стараго режима, и тѣмъ, чѣмъ будутъ позже, когда они будутъ покорно давать собою управлять, или же станутъ рьяными дѣятелями Имперіи, т. е. обыкновенными культурными людьми, буржуа восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣковъ, достаточно честные въ своей частной жизни, чтобы желать быть ими и въ общественной жизни.—Вотъ почему для нихъ такъ ужасна

анархія, Марать, сентябрьскіе головорѣзы и воровы. Собравшись, они всё „почти единогласно“ подають голоса за законъ „противъ провокаторства къ преступленіямъ и убійствамъ“.

„Почти единогласно“, они хотять окружить себя стражей, набранной изъ восьмидесяти трехъ департаментовъ, чтобы защищаться противъ вооруженныхъ шаекъ Парижа и Коммуны. Первымъ предѣвателемъ они выбрали Петіона „почти полной подачей голосовъ“. Роланъ, который прочелъ имъ свой докладъ, получаетъ „самыя горячія рукоплесканія почти отъ всего Собранія“. Короче говоря, они стоятъ за идеальную республику, они противъ разбойниковъ. Отсюда происходитъ то, что они объединяются вокругъ честныхъ и убѣжденныхъ депутатовъ, которые въ двухъ предшествующихъ Собраніяхъ лучше всѣхъ защищали и чловѣчество и принципы, вокругъ Бюзо, Ланжюинэ, Петіона, Рабо-Сентъ-Этіенъ, вокругъ Бриссо, Верньо, Гаде, Женсона, Изнара и Кондорсе, вокругъ Ролана въ Дуве, Барбару, а пятьсотъ депутатовъ Долины дѣйствуютъ цѣлымъ обществомъ подъ руководствомъ ста восьмидесяти жирондистовъ, составляющихъ теперь правую партію.

Среди республиканцевъ, эти послѣдніе наиболѣе достойные и наиболѣе вѣрующіе; они пришли къ этому при помощи размышленія, изученія и системы; всё они много изучали, много читали, они моралисты и философы, послѣдователи Дидро и Руссо, они убѣждены, что абсолютная истина была открыта ихъ учителями, они пропитаны Энциклопедіей и Общественнымъ Договоромъ, какъ нѣкогда пуритане Библией. Въ этомъ возрастѣ, когда умъ становится возмужалымъ и имѣетъ склонность къ общимъ истинамъ, они сочетались съ теоріей и захотѣли перестроить общество на абстрактныхъ принципахъ. Въ этомъ случаѣ они поступили, какъ настоящіе логики, по всѣмъ правиламъ анализа: они представили себѣ чловѣка вообще, одинаковаго во всё времяа и во всѣхъ странахъ, экстрактъ и минимумъ чловѣка; они разсмотрѣли нѣсколько тысячъ или милліоновъ этихъ ограниченныхъ существъ, ихъ воображаемыя воли они обратили въ первобытное право и выдумали химерическій составъ ихъ неосуществимой ассоціаціи. Нѣтъ больше привилегій, нѣтъ больше наслѣдственности, нѣтъ ценза, всё избиратели, всё избираемые, всё равные члены верховнаго народа; всё власти даются собраніемъ и на короткій срокъ; единое собраніе, выборное и каждый годъ цѣликомъ обновляемое, исполнительный комитетъ выборный и наполовину обновляется каждый годъ, національное казначейство, выборное, треть его обновляется каждый годъ; мѣстныя администраціи выборныя, суды выборныя; референдумъ къ народу, инициатива избирательнаго учрежденія, постоянная апелляція къ монарху, который всегда спрошенный, всегда дѣйствующій, обнаружитъ свою волю не только въ выборѣ своихъ повѣренныхъ, но еще и „въ цензурѣ“, которой будутъ подвергаться законы: таковой представляютъ они себѣ конституцію. „Конституція Англій, говоритъ Кондорсе—создана для богатыхъ, конституція Америки для обезпеченныхъ гражданъ; конституція же Франціи должна быть

для всѣхъ людей“. Точно такая конституція законна; всякое учрежденіе, удаляющееся отъ этого, противно естественному праву, и оно годится лишь на то, чтобы быть низвергнутымъ.—Это то и сдѣлали Жирондисты въ законодательномъ собраніи; это было сдѣлано при помощи преслѣдованія свободы совѣсти католиковъ, насилія надъ феодальной собственностью, присвоеніемъ законной власти короля, и съ какимъ остервененіемъ противъ остатковъ стараго режима, съ какимъ снисхожденіемъ къ народнымъ преступленіямъ, съ какой непреклонностью, съ какой поспѣшностью, съ какой смѣлостью, съ какими иллюзіями, Франція была ввергнута въ европейскую войну, оружіе было отдано черни и въ уничтоженіи всякаго порядка видѣли водвореніе философіи и торжество разума. — Когда дѣло касается утопіи, жирондистъ становится сектантомъ, совѣсть молчитъ у него. Какое ему дѣло до того, что изъ десяти выборщиковъ девять не подавали голоса: онъ считаетъ себя законнымъ представителемъ отъ лица десяти. Какое ему дѣло до того, что преобладающее большинство французовъ стоитъ за конституцію 1791 г., онъ намѣревается навязать имъ свою, какое ему дѣло до того, что его прежніе противники, король, эмигранты, неприсягавшіе священники—люди, достойные уваженія или по меньшей мѣрѣ извиненія; онъ примѣнитъ къ нимъ всѣ законныя строгости, ссылку, конфискацію, гражданскую смерть, физическую смерть. Въ своихъ собственныхъ глазахъ онъ судья, его инвестиція вытекаетъ изъ вѣчной справедливости; нѣтъ ничего болѣе пагубнаго въ человѣкѣ, какъ пристрастіе къ абсолютному праву; ничто такъ не разрушаетъ, въ немъ наследственнаго зданія нравственныхъ понятій.—Но въ самой области догмата, жирондисты послѣдовательны и искренни; они понимаютъ формулу; они умѣютъ извлечь изъ нея послѣдствія; они вѣрятъ въ нихъ, какъ геометръ въ свои теоремы и какъ теологъ въ свои символы вѣры; они хотятъ примѣнить ихъ, сдѣлать конституцію, основать правильное правительство, выйти изъ варварскаго состоянія, положить конецъ уличнымъ нападеніямъ, грабежамъ, преступленіямъ, царству грубой силы и голыхъ рукъ.

Впрочемъ безпорядокъ вызываетъ въ нихъ отвращеніе не только, какъ у логиковъ, но еще какъ у людей культурныхъ и воспитанныхъ. У нихъ есть извѣстныя привычки, потребность въ приличіи и даже склонность къ элегантности. Они не умѣютъ и не хотятъ подражать грубымъ манерамъ Дантона, его грубостямъ его ругани, его мужицкой фамильярности. Они не поселились какъ Робеспьеръ у столяра, чтобы жить и ѣсть вмѣстѣ съ его семьей. Никто изъ нихъ не «считаетъ за честь» какъ Пашъ, военный министръ, спускаться обѣдать къ своему привратнику и посылать своихъ дочерей въ клубъ, чтобы дать братскій поцѣлуй пьянымъ яковинцамъ, есть одинъ салонъ, хотя строгій и педантичный, это у г-жи Роланъ. Барбару посвящаетъ стихи маркизъ, которая послѣ 2 іюня, послѣдуетъ за нимъ въ Каэнъ. Кондорсе жилъ въ большомъ свѣтѣ, и его жена,—бывшая канонисса, въ ней есть грація, серьезность, образованность, тонкость хорошо воспитаннаго человѣка. Подобные люди не; могутъ переносить

грубую, нелѣпую диктатуру вооруженной черни. Чтобы наполнить общественную казну, они хотятъ правильныхъ налоговъ, а не произвольныхъ конфискацій, чтобы сдерживать злонамѣренныхъ, они хотятъ «наказанія, а не проскрипціи», Чтобы судить государственныя преступленія, они отказываются отъ исключительныхъ судовъ, они стараются удержать за обвиненными защиту. Если они объявляютъ короля виновнымъ, они колеблятся высказаться за смерть и путемъ воззванія къ народу, стараются облегчить свою отвѣтственность. «Законовъ, а не крови», эти громкія слова, встрѣчающіяся въ комедіи ихъ времени, являются выводомъ ихъ политической мысли.—Но по сущности своей законъ, особенно законъ республиканскій долженъ быть всеобщимъ; разъ онъ изданъ, никто, ни гражданинъ, ни община, ни партія не можетъ не повиноваться ему. Это чудовищно, что одинъ городъ присваиваетъ себѣ привилегіи управлять цѣлою націей. Вліяніе Парижа, какъ и другихъ департаментовъ, должно быть низведено до одной восьмьдесятъ третьей. Чудовищно то, что въ столицѣ, гдѣ 900.000 душъ, пять или шесть тысячъ крайнихъ якобинцевъ притѣсняють секціи и одни самостоятельно производятъ выборы; въ секціяхъ, на выборахъ, всѣ граждане или, по меньшей мѣрѣ, всѣ республиканцы должны пользоваться равной и свободной подачей голосовъ. Чудовищно то, что принципъ о верховенствѣ народа употребляется на то, чтобы скрыть покушенія на верховенство народа; что подъ предлогомъ спасенія государства, первый попавшійся можетъ убить кого ему вздумается, что подъ предлогомъ сопротивленія давленію, любая толпа въ правѣ низвергнуть всякое правительство.—Вотъ почему нужно умѣрить это воинствующее право, заключить его въ законныя формы, подчинить его устойчивой процедурѣ. Если какое нибудь частное лицо желаетъ закона, реформу или общественную мѣру, пусть оно выскажетъ это въ бумагѣ, подписанной имъ и пятидесятью другими гражданами, принадлежащими къ тому же собранію; тогда его предложеніе будетъ внесено въ сѣздъ избирателей; если оно получить большинство; оно будетъ внесено въ окружной сѣздъ потому, въ случаѣ большинства оно переносится въ департаментскій сѣздъ; потому, въ случаѣ большинства, въ законодательное учрежденіе; потому въ случаѣ отверженія, во всѣ первостепенныя собранія имперіи, такъ что послѣ второго вердикта тѣхъ же самыхъ собраній, второй разъ опрошенныхъ, законодательное собраніе, преклонившись передъ большинствомъ голосовъ, должно будетъ разойтись и уступить мѣсто новому законодательному учрежденію, изъ котораго его члены будутъ исключены.—Вотъ послѣднее слово и лучшее произведеніе теоріи; Кондорсе, мудрый составитель, превзошелъ самого себя, невозможно изобразить на бумагѣ построеніе болѣе сложное, болѣе искусное, въ этой финальной статьѣ безупречной конституціи. Жирондисты думаютъ, что открыли способъ заткнуть ротъ звѣрю и верхъ возьметъ монархъ.

Какъ будто какой либо конституціей, особенно такой конституціей можно заткнуть ротъ звѣрю. Какъ будто звѣрь готовъ

протянуть шею и надѣть намордникъ! На статью Кондорсе, Робеспьеръ отъ имени якобинцевъ, отвѣчаетъ обратной статьёй: „Подчинить легальнымъ формамъ сопротивленіе давленія—это послѣдняя утонченность тирании...

Когда правительство насилуетъ права народа, возстаніе всего народа и каждой отдѣльной части народа является самымъ священнымъ долгомъ. Впрочемъ, противъ этого всегда рожущаго возстанія, политическое правобѣріе, точность мысли и талантъ рѣчи не являются достаточнымъ оружіемъ; „наши философы, говоритъ одинъ тонкій наблюдатель, хотятъ все побѣдить при помощи убѣжденій; это все равно, что говорить, будто при помощи краснорѣчивыхъ аргументовъ, блестящихъ рѣчей и плановъ конституціи, можно одержать побѣду въ битвахъ. Скоро, по ихъ мнѣнію... достаточно будетъ отнести на поле сраженія, вмѣсто пушекъ, полное собраніе Маккиавели, Руссо, Монтескье, и они не обращаютъ на то вниманіе, что эти люди какъ и ихъ труды—это глупцы, которые съ голыми руками хотятъ вступить въ бой съ головорѣзомъ, вооруженнымъ хорошей саблей“. Въ самомъ дѣлѣ парламентарная почва исчезла; вернулись къ естественному состоянію, то есть къ войнѣ и дѣло идетъ не о томъ, чтобы спорить, а о томъ, чтобы имѣть силу. Быть правымъ, убѣждать Конвентъ, получить большинство, издавать декреты—все это было бы возможно въ обыкновенное время, если у правительства была бы вооруженная сила и правильная администрація, когда сверху отъ установленной правительствомъ власти декреты большинства черезъ подчиненныхъ служащихъ переходятъ къ покорному, сочувствующему народу. Но во времена анархіи, особенно въ вертепѣ Коммуны, въ Парижѣ, какимъ его сдѣлали 10 августа и 3 сентября ничего подобнаго невозможно.

V.

И потомъ, въ этомъ большомъ Парижѣ они изолированы; въ случаѣ опасности они не могутъ рассчитывать ни на одну группу преданныхъ партизановъ. Потому что если преобладающее большинство настроено враждебно относительно ихъ противниковъ оно все таки не за нихъ; въ душѣ оно осталось „конституціоннымъ“.

„Я бы овладѣлъ, говоритъ одинъ наблюдатель, Парижемъ въ восемь дней безъ кровопролитія, будь у меня шесть тысячъ челоуѣкъ и конюхъ Лафайета, чтобы ими управлять“. Очевидно съ тѣхъ поръ, какъ роялисты уѣхали или спрячутся, Лафайетъ является представителемъ интимнаго, прежняго, неотступнаго общественнаго взгляда столицы. Парижъ терпитъ жирондистовъ, какъ и монтаньяровъ, въ качествѣ узурпаторовъ; большая публика настроена противъ нихъ, не только одной буржуазіи, но также и большинству народа противенъ установившійся строй.

Работы не хватаетъ, всѣ продукты дороги; водка стала въ три раза дороже; на рынокъ въ Пуасси приводятъ четыреста быковъ вмѣсто семи или восьми тысячъ; мясники говорятъ, что на слѣдующей недѣлѣ не будетъ больше мяса въ Парижѣ; будетъ хватать только для больныхъ. Чтобы получить небольшую порцію

хлѣба нужно стоять въ очереди въ теченіе пяти или шести часовъ у дверей булочниковъ, и разумѣется, рабочіе и хозяйки во всемъ этомъ обвиняютъ правительство. Правительство, такъ плохо заботящееся о ихъ нуждахъ, оскорбляетъ ихъ въ самыхъ ихъ интимныхъ чувствахъ, въ самыхъ дорогихъ привычкахъ, въ ихъ вѣрѣ и въ ихъ культѣ.

Въ то время народъ, даже въ Парижѣ еще очень религиозенъ, гораздо религиознѣе нежели теперь. Если проходить по улицѣ священникъ, несущій Дары, масса народу „сбѣгается со всѣхъ сторонъ, бросаются на колѣни всѣ, мужчины, женщины, молодые, старые, чтобы поклониться“. Въ тотъ день, когда мощи св. Льва проносятъ въ процессіи по улицѣ св. Мартина „всѣ падаютъ ницъ: я ни одного человѣка не видѣлъ, говоритъ внимательный наблюдатель, который бы не снялъ своей шляпы“. Въ это же время гражданки съ рынка совѣщаются, нельзя ли устроить новую процессію.

Въ послѣдующую недѣлю онѣ заставляютъ революціонный комитетъ Сентъ-Есташъ разрѣшить другую церемонію, и на этотъ разъ также каждый преклоняетъ колѣна: „каждый одобрялъ церемонію, и я не слышалъ никого, кто бы ее осуждалъ. Это зрѣлище поразительно... Я видѣлъ раскаяніе, я видѣлъ какъ каждый невольно проводилъ параллель между современнымъ положеніемъ вещей и прежнимъ; народъ во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ возрастахъ чувствовалъ стыдъ, приниженность, у нѣкоторыхъ были слезы на глазахъ“. И именно въ этой области, жирондисты въ качествѣ философовъ, болѣе нетерпимы, чѣмъ кто либо и нѣтъ причины предпочитать ихъ, ихъ противникамъ. Въ сущности для большинства парижанъ, каково бы ни было ихъ положеніе, правительство установленное, послѣдней выборной комедіей имѣетъ лишь фактическую власть; ей подчиняются, за неимѣніемъ другой, но признаютъ, что она ничего ни стоитъ; это правленіе чужихъ, самозванцевъ, суетливыхъ, неразумныхъ, слабыхъ и буйныхъ людей, оно въ народѣ, ни въ буржуазіи, ни въ конвентѣ не имѣетъ корней и по мѣрѣ того, какъ оно скользитъ по революціонному склону, оно порываетъ одну за другой нити, связывавшія его съ равнодушными людьми.

Послѣ восьми мѣсяцевъ правленія, оно лишилось общественнаго мнѣнія. „Почти всѣ, у которыхъ есть чтонибудь—умѣренные“, а всѣ умѣренные противъ Конвента. „Присутствующие жандармы говорятъ открыто противъ революціи, даже у входа въ революціонный судъ, приговоры его громко осуждаются. Всѣ старые солдаты ненавидятъ современный строй“. Волонтеры „возвращающіеся изъ арміи очень недовольны, убійствомъ короля, ужъ изъ за одного этого они охотно перевѣшали бы всѣхъ якобинцевъ“. Ни одна партія въ конвентѣ не избѣгаетъ этого общаго недоброжелательства и растущей ненависти. „Еслибъ при помощи поименной переключки рѣшался вопросъ о гильотинированіи всѣхъ членовъ Конвента, то противъ нихъ было бы девятнадцать двадцатыхъ голосовъ и въ самомъ дѣлѣ такова приблизительно пропорція выборщиковъ, которые не подавали и неподадутъ больше

голосовъ изъ страха или изъ отвращенія.—Будетъ ли побѣждена или останется побѣдительницей правая или лѣвая—это дѣло правой или лѣвой; большая публика не вмѣшивается въ дебаты воюющихъ и не будетъ беспокоиться ни за Жиранду, ни за Гору. Вспоминаются прежнія обиды нанесенныя „Верньо, Гадэ и ихъ сообщниками; публика не любить ихъ, она не довѣряетъ имъ; пусть уничтожатъ ихъ, она не придетъ къ этимъ на помощь.

Впрочемъ, предпочтенія, которыя оказываетъ большинство имѣеть мало значенія; его симпатіи, если таковыя у нея имѣются, всегда будутъ лишь платоническими. Оно не числится ни въ одномъ изъ лагерей, оно удалилось съ поля битвы, оно является лишь ставкой въ сраженіи, оно жертва и добыча будущаго побѣдителя. Такъ какъ оно не смогло и не захотѣло подчиниться политической формѣ, которую ему навязывали, то оно приговорило себя къ полнѣйшей бездѣятельности. Эта форма—непосредственное управление народомъ народа со всѣми послѣдствіями, непрерывностью собраній по отдѣламъ, открытыхъ совѣщаній клубовъ, шумомъ на трибунахъ, сборищемъ и манифестациями на улицахъ; нельзя себѣ представить ничего менѣе привлекательнаго для людей культурныхъ и занятыхъ. Въ нашемъ современномъ обществѣ, трудъ, семья и свѣтъ поглощаютъ почти все наше время; вотъ почему подобный строй подходитъ лишь празднымъ, грубымъ людямъ; у нихъ нѣтъ дома, нѣтъ занятій и они проводятъ весь день въ клубѣ, въ кабакѣ или кафе, они единственные, которые чувствуютъ себя на своемъ мѣстѣ; другіе отказываются войти въ рамку, которая кажется сдѣланной исключительно для холостяковъ, подкидышей, безработныхъ живущихъ по меблированнымъ комнатамъ, дерзкихъ на языкъ, обладающихъ сильными руками, толстой кожей и крѣпкими ребрами, опытныхъ въ дракахъ, для которыхъ туманы являются аргументами.—Тотчасъ послѣ сентябрьскихъ убійствъ, какъ только открылись заставы, много собственниковъ, не только подозрительныхъ, но и тѣхъ, что боялись стать такими, бѣжали изъ Парижа; а въ теченіе послѣдующихъ мѣсяцевъ вмѣстѣ съ опасностью начинается и эмиграція. Въ декабрѣ мѣсяцѣ какіе то листы, направленные противъ прежнихъ фельянтинцевъ ходятъ по рукамъ, „послѣ этого, многіе увѣряютъ, что въ теченіе восьми дней, болѣе четырнадцати тысячъ человекъ покинули столицу“. Послѣ доклада самого министра „многіе независимые люди по своему положенію и по своему состоянію, покидаютъ городъ, гдѣ каждый день говорятъ лишь о возобновленіи проскрипцій“.

„Трава растетъ на самыхъ прекрасныхъ улицахъ, пишетъ одинъ депутатъ, и могильная тишина царитъ въ улицахъ, Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Что касается до остающихся умѣренныхъ, то они уходятъ въ частную жизнь, отсюда слѣдуетъ, что въ политическомъ балансѣ присутствующіе вѣсятъ не больше отсутствующихъ. На муниципальных выборахъ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ на 160.000 записавшихся, воздерживаются отъ голосованія 144.000, потомъ 150.000, потомъ 153.100; конечно

эти послѣдніе вечеромъ не показываются на собраніяхъ своихъ секцій.

Чаще всего, изъ числа трехъ или четырехъ тысячъ гражданъ присутствуютъ тамъ пятьдесятъ или шестьдесятъ; иное собраніе, называемое всеобщимъ, а подъ этимъ именемъ выражающее въ конвентѣ волю народа, состояло изъ двадцати пяти выборщиковъ; человѣку разумному, другу порядку нечего дѣлать въ этихъ вертепахъ бѣсноватыхъ.

Онъ сидитъ у себя дома, какъ въ дни грозы; онъ предоставляетъ течь потокамъ краснорѣчія и не ищетъ грязи въ ручьѣ болтовни, гдѣ копошится вся тина его квартала.

Если онъ выходитъ на улицу, такъ только для того, чтобы гулять, какъ онъ это дѣлалъ прежде, чтобы слѣдовать своимъ привычкамъ, которыя у него были во времена стараго строя, своимъ привычкамъ парижанина, ротозея, говоруна, бездѣльника. „Вчера вечеромъ, пишетъ человѣкъ, чувствующій приближеніе террора, я остановился на правой сторонѣ Елисейскихъ Полей; она вся была усѣяна, кѣмъ бы вы думали? Повѣрите ли? Умѣренными, аристократами, собственниками, хорошенькими, хорошо одѣтыми женщинами, которыхъ ласкалъ весенній зефиръ. Зрѣлище было прелестное; всѣ смѣялись; лишь я одинъ не смѣялся...

Я быстро удаляюсь, проходя по саду Тюйлери, я вижу повтореніе того, что видѣлъ: сорокъ тысячъ собственниковъ, почти столько, сколько во всемъ Парижѣ, — они разсыпаны кучками тамъ и здѣсь. — Очевидно это — бараны, приготовленные для бойни. Они перестали защищаться, они предоставили всѣ свои мѣста санкюлотамъ, они отказываются отъ всѣхъ гражданскихъ и военныхъ должностей“; они избѣгаютъ службы въ національной гвардіи, они нанимаютъ замѣстителей.

Однимъ словомъ, они оставляютъ игру, въ которую, не зная ее, хотѣли играть въ 1789 г. и въ которой, начиная съ 1791 г. они постоянно проигрывали. Пусть другіе берутъ карты, особенно съ тѣхъ поръ, какъ эти карты грязны и игроки бросаютъ ихъ другъ другу въ лицо; они же будутъ зрителями и ничѣмъ другимъ они быть не хотятъ. — „А имъ пусть оставятъ ихъ прежнія увеселенія; пусть ихъ не лишаютъ права свободнаго передвиженія внутри государства; пусть не принуждаютъ ихъ идти на войну. Даже если ихъ подвергнуть самымъ тяжелымъ контрибуціямъ, они не сдѣлаютъ ни малѣйшаго движенія, даже никто не узнаетъ, что они существуютъ и самый большой вопросъ, который они подымутъ, будетъ слѣдующій: Во время республиканскаго правленія также ли веселятся, какъ и во время стараго строя?“ — „Можетъ быть они надѣются защититься при помощи безобидной нейтральности; вѣдь нельзя же предположить, что побѣдитель, кто бы онъ ни былъ, захочетъ обращаться какъ съ врагами съ людьми, заранѣе ему подчиненными?“ — „Вчера утромъ около меня какой то щеголь говорилъ: «что касается меня, то меня не могутъ обезоружить, такъ какъ у меня никогда не было оружія». — Увы! сказалъ я ему, не хвалитесь, потому что въ Парижѣ вы

найдете сорокъ тысячъ подобной сволочи, которая вамъ скажетъ тоже самое, и право это не дѣлаетъ чести Парижу“. Таково заблужденіе или эгоизмъ горожанина; онъ привыкъ пользоваться услугами хорошей полиціи, онъ не хочетъ измѣненія своихъ привычекъ и онъ не понимаетъ, что для него настало время быть въ свою очередь жандармомъ.

За рантьеромъ стоитъ промышленникъ, купецъ, лавочникъ, эти еще меньше расположены оставлять свои частныя дѣла ради общественныхъ; частныя дѣла не ждутъ,—магазинъ, контора удерживаютъ его.

Такъ напримѣръ, „продавцы вина почти всѣ аристократы, но „они никогда такъ много не продаютъ, какъ въ дни революціи народнаго возстанія“. Въ эти дни нечего рассчитывать на ихъ помощь. „Они сидятъ у себя съ тремя или четырьмя служащими,“ они очень заняты и прикидываются глухими, „Какъ же уйти, когда столько дѣла? Нужно же служить. Кто будетъ подавать, если я и мои служащіе уйдемъ?“—Они предоставили крайнимъ якобинцамъ всѣ чины въ національной гвардіи и всѣ мѣста въ городскомъ правленіи, но изъ нихъ нѣтъ главарей: Жиронда не умѣетъ ихъ объединить, министръ Гора не хочетъ ихъ назначать. Впрочемъ, они всѣ раздѣлились, они не могутъ рассчитывать другъ на друга; „нужно было бы ихъ приковать всѣхъ одинъ къ другому, чтобы добиться чего нибудь“. Наконецъ воспоминанія о сентябрѣ давятъ ихъ, какъ кшмаръ.

Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ изъ нихъ стадо, которое пугается и разсыпается при малѣйшей тревогѣ. „Въ секціи Общественнаго Договора, говоритъ офицеръ изъ національной гвардіи, одна треть изъ тѣхъ, что въ состояніи защищать секцію находится въ деревнѣ; треть прячется у себя; а остальная треть не смѣетъ ничего сдѣлать“.

Если изъ числа пятидесяти тысячъ умѣренныхъ, вы сможете объединить три тысячи, я буду очень удивленъ. А если изъ этихъ трехъ тысячъ, найдется только пятьсотъ, которые между собой согласны и достаточно смѣлы, чтобы высказывать свои мнѣнія,—я еще больше буду удивленъ. *Эти послѣдніе должны быть готовы къ сентябризаціи*“.

Они это знаютъ, вотъ почему молчатъ и гнутъ спину. — Что стало бы дѣлать даже большинство секцій, разъ доказано, что двѣнадцать разъяренныхъ безумцевъ во главѣ секціи санкюлотовъ заставили бы бѣжать сорокъ семь остальныхъ секцій Парижа?“

Благодаря этой небрежности относительно общественнаго дѣла и самихъ себя, они заранѣе предаютъ себя и въ Парижѣ, какъ нѣкогда въ Спартѣ или древнемъ Римѣ, наряду съ громадной массой подданныхъ лишенныхъ правъ, образуется маленькая деспотическая олигархія, которая, одна составляетъ верховный народъ.

VI

Это меньшинство не увеличилось послѣ 10 августа; наоборотъ.—19 ноября 1792 г., ея кандидатъ въ рагушу, Люилье по-

лучилъ лишь 4829 голосовъ. 18 іюня 1793 г. ея кандидатъ на командованіе національной гвардіей, Анріо имѣетъ лишь 4573 голоса; чтобы выбрать его, нужно два раза отмѣнять выборы, предписать открытую подачу голосовъ, избавить секціи отъ подачи гражданскихъ билетовъ, что даетъ возможность приверженцамъ являться въ разные кварталы и удваивать кажущееся число, подавая по два или по три раза свои голоса. Въ общемъ въ Парижѣ не найдется и шести тысячъ якобинцевъ. Обыкновенно, въ собраніи секцій „десять или пятнадцать“, самое большее „тридцать или сорокъ“ якобинцевъ.

„Остальные слушаютъ и машинально поднимаютъ руки...“— Триста или четыреста фанатиковъ, преданность которыхъ настолько искренна, поскольку глупа, и двѣсти или триста субъектовъ, которымъ результатъ послѣдней революціи не далъ тѣхъ должностей и почестей, на которыя они очевидно рассчитывали, — вотъ и весь активный составъ партіи, вотъ тѣ крикуны секцій и группы, единственные, которые опредѣленно высказались противъ порядка, ...апостолы новаго бунта, люди, забытые жизнью, разорившіеся, чтобы жить, имъ нужны смуты“; за ними идетъ хвостъ Марата, падшія женщины, жулики и „крикуны, получающіе по 3 ливра въ день“.

Въ самомъ дѣлѣ, качество мятежниковъ еще ниже, нежели ихъ количество. Много честныхъ людей, мелкихъ торговцевъ, продавцовъ вина, лавочниковъ, которые 10 августа были противъ двора, теперь противъ коммуны, вѣроятно сентябрьскія событія оттолкнули ихъ, они не хотятъ, чтобы снова начались убійства; напримѣръ рабочій Гоншонъ, обыкновенный ораторъ изъ предмѣстья Сентъ-Антуана, человекъ честный, незаинтересованный, довѣрчивый, поддерживаетъ Ролана, а вскорѣ, въ Лионѣ увидя вещи собственными глазами, онъ будетъ одобрять возмущеніе умѣренныхъ противъ Маратистовъ.—„Незамѣтно, почтенные классы уклоняются отъ партій, чтобы присоединиться къ здоровымъ людямъ“.

„Съ тѣхъ поръ какъ водовозы, носильщики и другіе шумятъ въ секціи, гангрена отвращенія охватываетъ фруктовщиковъ, портныхъ, сапожниковъ и другихъ“.—Мясники обоихъ классовъ и крупныя и мелкія уже аристократизованы“.—А также и торговки, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ платятъ или мужья которыхъ—якобинцы, ругаются, бранятся, клянутся, проклинаютъ“.

Сегодня утромъ, говоритъ купецъ, у меня собралось четыре или пять женщинъ; онѣ не хотятъ, чтобы ихъ называли *гражданками*; онѣ говорятъ, что плюютъ на республику. Патриотокъ можно найти лишь среди самыхъ послѣднихъ самаго послѣдняго сословія; мегеры, грабящія лавки отчасти изъ нужды, отчасти изъ зависти, „женщины ожесточенныя нуждой... завидующія лучше одѣтой лавочницѣ; а лавочница завидовала женѣ адвоката и совѣтника, а жена совѣтника женѣ богача и дворянина. Женщина изъ народа старается сдѣлать все возможное, чтобы низвести лавочницу до своего уровня“.

Итакъ, благодаря уходу своихъ болѣе или менѣе честныхъ

рекрутовъ, партія стала заключать въ себѣ лишь чернь, сначала „подчиненныхъ рабочихъ, съ радостью смотрящихъ на разгромъ своихъ хозяевъ“, потомъ самыхъ мелкихъ торговцевъ, лоскутниковъ, лавочниковъ, перепродавцовъ стараго платья, харчевниковъ. торгующихъ подъ навѣсами на кладбищѣ „Невинныхъ“ мясомъ и бобами, потомъ въ нее вошли слуги, довольные, что они теперь хозяева своихъ хозяевъ, повара, конюхи, лакеи, консерджи, слуги всякаго рода, которые вопреки закону подавали на выборахъ голоса, а для якобинцевъ они составляютъ „глухой народъ“, они убѣждены, что владѣютъ всеобщей географіей, потому что сбѣгали одинъ или два раза на „почту“, и что они знакомы основательно съ политикой, „потому что прочли *Четырехъ сыновей Эмона*“.

Въ этой грязи, выступающей изъ береговъ и разлагающейся на солнцѣ, самый большой приливъ тины и накипи даютъ большіе города. Негодяи всѣхъ профессій и занятій, гуляющіе рабочіе, мародеры социальной арміи, „люди“, которые выходятъ изъ смиреннаго дома и, пройдя свою распутную карьеру, кончаютъ тѣмъ, что снова попадаютъ въ Бисетръ. Отъ смиреннаго дома *до Бисетры*—это поговорка, распространенная среди народа. У этихъ людей нѣтъ никакой выдержки: они проживаютъ 50 ливровъ, когда у нихъ есть 50 ливровъ, проживаютъ 5 ливровъ, когда у нихъ 5 ливровъ; такъ что проживая всегда почти все, у нихъ почти никогда ничего не имѣется, они ничего не копятъ. Этотъ-то классъ людей и взявъ Бастилю, устроилъ 10 августа и проч.

Онъ же украшалъ трибуны собраній всякаго рода, „заполнялъ группы“ и въ теченіе всего времени ничего другого больше не дѣлалъ. Вотъ почему „женщина, у которой были часы, серьги, кольца, драгоценности, снесла ихъ въ ломбардъ, гдѣ потомъ они были проданы.

Въ это время много лицъ задолжались у мясника, у булочника, у продавца винъ, и проч; никто не хотѣлъ давать больше въ долгъ, у нихъ есть жена, которая имъ опротивѣла, у нихъ есть дѣти, которыя кричатъ отъ голоду, въ то время, какъ отецъ находится у якобинцевъ или въ Тюильери. Многіе изъ нихъ оставили свое положеніе, свое ремесло изъ-за лѣни или изъ за сознанія своей неспособности..... они съ неохотой смотрѣли бы на то, какъ это ремесло развивается.“

Ремесло политическаго статиста, оплачиваемаго кланера гораздо пріятнѣе, таково также мнѣніе тѣхъ бездѣльниковъ, которыхъ собрали подъ звуки трубъ работать на полѣ подъ Парижемъ.— Тамъ восемь тысячъ получаютъ каждый ежедневно 42 су въ день за „ничего недѣланье“; „рабочіе приходятъ въ восемь, девять, десять часовъ утра. Если они остаются..... такъ это для того, чтобы съ большимъ трудомъ перевезти нѣсколько тачекъ земли. Другіе играютъ въ карты весь день, а большинство уходитъ въ три, четыре часа пополудни. Если спрашивать надсмотрщиковъ, они вами отвѣчаютъ, что не въ силахъ заставить себѣ повиноваться, и что они не хотятъ, чтобы ихъ придушили.“ А когда

Конвентъ издалъ указъ о сдѣльной работѣ, мнимые рабочіе зываютъ во имя справедливости, напоминаютъ о возстаніи 10 августа и хотятъ перебить комиссаровъ. Удастся ихъ разсѣять лишь 2 ноября, плата департаментскимъ рабочимъ по 3 су; но въ Парижѣ еще достаточно безмѣрно увеличивающихъ число трутней, привыкшихъ поѣдать медъ пчель; они считаютъ себя въ правѣ быть оплачиваемыми публикой за то, что жужжать въ пустую надъ дѣлами государства.

Ариергардомъ имъ служить чернь предмѣстій Парижа, сбѣгающая при малѣйшемъ звукѣ барабана, потому что она надѣется извлечь какую-нибудь выгоду.—Авангардомъ имъ служатъ „разбойники“, первымъ дѣломъ всѣ воры, которыхъ скрываетъ Парижъ и которыхъ партія приняла, чтобы воспользоваться ими въ случаѣ надобности, во вторыхъ „много бывшихъ слугъ, посѣтели притоновъ, весь презрѣнный классъ людей“.

Разумѣется и падшія женщины принимаютъ участіе—„Гражданки, скажетъ Анріо дѣвцамъ изъ Пале-Рояля, которымъ онъ приказалъ спуститься въ садъ, гражданки, хорошія ли вы республиканки?—Да, да, нашъ генераль.—Не спрятали ли вы случайно въ вашихъ комнатахъ какого-нибудь священника, какого-нибудь Австрійца, какого-нибудь Пруссака?—„Нѣтъ, нѣтъ, мы принимаемъ только санкюлотовъ“. Воровки и проститутки, освобожденные сентябристами изъ Шателе и Консьержери, составляютъ подъ предводительствомъ „старой развратницы“ Розы Лекомбъ обиденную публику Конвента; въ большіе дни ихъ насчитываютъ семьсотъ, восемьсотъ, иногда до двухъ тысячъ, онѣ тѣснятся у дверей и на галлеряхъ.—Самцы и самки, „антисоціальные черви“ кишатъ на засѣданіяхъ Собранія, Коммуны, якобинцевъ, Революціоннаго Суда, секцій—можно себѣ представить ихъ фізіономіи.—„Мнѣ казалось, говорить одинъ депутатъ, что въ ямахъ Парижа и большіхъ городовъ подобрали все то, что было самага грязнаго, самага уродливаго, самага заразнаго....

Отвратительныя, землистыя лица, черныя или бронзовыя, на головѣ космы жирныхъ волосъ, глаза въ глубокихъ впадинахъ..... Они изрыгали самыя грубыя ругательства среди рѣзкихъ криковъ хищныхъ животныхъ,“—Среди нихъ, видишь „убійцъ 2 сентября, которыхъ я сравниваю, говорить одинъ хорошо знающій ихъ наблюдатель, съ отдыхающими тиграми, которые облизываютъ свои когти, чтобы найти еще нѣсколько капель пролитой крови въ ожиданіи новой.

Они далеки отъ того, чтобы прятаться, наоборотъ они держатъ себя очень высокомѣрно. Одинъ изъ нихъ, Пети-Мамэнъ сынъ харчевника изъ Бордо и бывший солдатъ „съ худымъ, блѣднымъ лицомъ, съ блестящими глазами, видъ у него—дерзкій, онъ носитъ на боку пару пистолетовъ за поясомъ, онъ прогуливается въ Пале Роялѣ, „сопровождаемый или издали сопутствующимъ подобными ему индивидуумами“, и онъ „вмѣшивался во всѣ разговоры“— „Это я, говорить онъ, вспоролъ Лембаль и вырвалъ у нея сердце.... Я только жалѣю, что рѣзня была такъ кратковременна, но она снова начнется; пусть только пройдутъ пятнадцать дней.“

И послѣ этого онъ громко называетъ себя.—Другой, которому не нужно называть свое черезчуръ знакомое имя, Мальеръ, руководитель убійствъ въ Аббатствѣ, имѣетъ своей главной квартирой кафе Кретіонъ на улицѣ Фаваръ; выпивая одинъ стаканчикъ за другимъ, „онъ разсылаетъ въ разныя мѣста своихъ усатыхъ молодцовъ, шестьдесятъ восемь головорѣзовъ, нагоняющихъ страхъ на сосѣдніе кварталы“; въ кафе, въ фойе театровъ они вдругъ достаютъ свои большія сабли и говорятъ безобиднымъ людямъ: „Я такой-то и если ты посмотришь на меня съ презрѣніемъ, я зарублю тебя“.—Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, подъ предводительствомъ адъютанта Анрію, отрядъ этой шайки будетъ обкрадывать и обстрѣливать крестьянъ въ окрестностяхъ Корбея и Мо. А пока что, въ самомъ Парижѣ, обстрѣливаютъ, обкрадываютъ и насилуютъ при удобнымъ случаяхъ. 25 и 26 февраля 1793 у бакалейныхъ торговцевъ, крупныхъ и мелкихъ, „за исключеніемъ нѣсколькихъ якобинцевъ“, на улицѣ Ломбаръ, на улицѣ Пяти-Бриллиантовъ, на улицѣ Боренаръ, на улицѣ Монмартръ, на островѣ Сень-Луи, въ Порту, передъ Городской Ратушей, на улицѣ Сень-Жакъ, однимъ словомъ, въ тысяча двѣсти лавкахъ грабятъ не только продукты первой необходимости, мыло и свѣчи, но также и сахаръ, водку, ваниль, индиго и чай.

На улицѣ Бурдонней, многіе выходили изъ лавокъ съ сахарными головами, за которыя они не заплатили и которыя они перепродавали. „Это продѣлка заранѣе подготовлена какъ и 5 октября 1789 года; среди женщинъ встрѣчаешь много переодѣтыхъ мужчинъ, которые не позаботились даже скрыть свои бороды“ и во многихъ мѣстахъ, пользуясь беспорядкомъ, они предаются веселію. Подъ прицѣломъ хозяинъ дома вынужденъ отдать имъ „золото, серебро, ассигновки и драгоцѣнности“, онъ еще долженъ быть доволенъ, если его жена и дочери не обезчещены у него на глазахъ, какъ въ городѣ, взятомъ приступомъ.

VII.

Таковъ тотъ политическій народъ, который начиная съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1792 года управляетъ Парижемъ, а черезъ Парижъ и всей Франціей, пять тысячъ звѣрей или негодяевъ и двѣ тысячи падшихъ женщинъ, которыхъ хорошая полиція свободно могла бы выгнать, еслибъ нужно было очистить столицу; они тоже убѣждены въ своемъ правѣ, они очень горячо относятся къ своей революціонной вѣрѣ, потому что ихъ догматы возводятъ въ добродѣтели ихъ пороки, а преступленія превращаетъ въ общественныя заслуги. Они дѣйствительно верховный народъ и намъ нужно разобраться въ ихъ скрытыхъ мысляхъ. Если кто хочетъ понять событія, долженъ замѣтить ту неожиданную тревогу, которую поднимаетъ среди нихъ процессъ короля, пораженіе Неервиндена, измѣна Дюмуріевъ, возстаніе въ Вандеѣ, обвиненіе Марата, арестъ Эбера и всякая опасность, которая одна за другой сваливаются на ихъ головы. Такъ какъ эту тревогу они не заимствуютъ отъ другихъ, она не приходитъ къ нимъ сверху, они не являются преданной арміей дисципли-

нированных солдатъ, но подозрительнымъ скопищемъ случайныхъ единомышленниковъ.

Чтобы командовать ими, имъ нужно повиноваться и ихъ руководители всегда будутъ ихъ орудіями. Если кажется, что товарь ихъ одобренъ и власть его утверждена, то это только на время, пока это выгодно, онъ является рупоромъ ихъ страстей и поставщикомъ ихъ низкихъ инстинктовъ. Такимъ былъ Петіонъ въ іюлѣ 1792 года, такимъ былъ Маратъ послѣ сентябрьскихъ дней. „Однимъ Маратомъ больше или меньше (а онъ сейчасъ появится) отъ этого ничего не измѣнится въ ходѣ событій“. „Если останется одинъ, какъ Шомьеръ напримѣръ, то и его будетъ достаточно чтобы вести шайку“, потому что сама шайка ведетъ. „Она всегда будетъ привязана, безъ всякаго уваженія къ своимъ прежнимъ патронамъ, къ тому, кто больше всѣхъ будетъ потакать ея распущенности... Они постолько любятъ Марата, Робеспьера, поскольку эти скажутъ имъ: будемъ убивать“, будемъ грабить; и какъ только вожакъ будетъ не въ курсѣ дня, они разобьютъ его, какъ препятствіе или отбросятъ его, какъ ненужную вещь. Судите сами, согласятся ли они вцутываться въ паутину, разставленную Жирондой.

Метафизической конституціи, которую имъ готовятъ, они противопоставляютъ свою конституцію уже готовую, удивительно простую, приноровленную къ ихъ способностямъ и инстинктамъ. Вспомните одного изъ ихъ корифеевъ, котораго мы уже встрѣчали, г. Соль, „толстый, маленькій, невзрачный человѣчекъ, всю свою жизнь пьянствующій, сперва онъ былъ обойщикомъ, потомъ шарлатаномъ разнощикомъ, продававшимъ по 4 су коробки съ жиромъ, чтобы вылѣчивать болѣзни почекъ“, потомъ главаремъ клакеровъ на галлерей Учредительнаго собранія, отсюда онъ былъ прогнанъ за плутовство, но снова возстановленъ въ должности въ Законодательномъ собраніи, благодаря протекціи придворнаго конюха ему было пожаловано мѣсто у входа въ собраніе, чтобы устроить патриотическое кафе, потомъ онъ получилъ награду въ 600 ливровъ, даровую квартиру, назначенный инспекторомъ трибунъ онъ сдѣлался регуляторомъ общественной мысли, а теперь „онъ одинъ изъ дикихъ хлѣбнаго рынка“. Подобный человѣкъ является типомъ, образчикомъ партіи не только по своему воспитанію, характеру и поведенію, но еще по своимъ замысламъ, своимъ принципамъ, своей логикѣ и своимъ успѣхамъ“.

„Онъ поклялся что пріобрѣтетъ состояніе, и онъ его пріобрѣлъ“.

Онъ постоянно кричалъ, что нужно убивать знатныхъ и священниковъ, ни тѣхъ, ни другихъ больше нѣтъ. Онъ постоянно кричалъ, что нужно уничтожить гражданскій списокъ и гражданскій списокъ былъ уничтоженъ. Наконецъ, поселившись въ домѣ Людовика XVI, онъ ему сказалъ, прямо въ лицо, что ему можно отрубить голову и голова Людовика XVI пала“.

Вотъ вкратцѣ исторія и портретъ всѣхъ остальныхъ; нѣтъ ничего удивительнаго, если настоящіе якобинцы понимаютъ рево-

люцію на манеръ г. Соль, если для нихъ единственной законной конституціей является окончательное учрежденіе ихъ всевластія, если они называютъ порядкомъ и справедливостью тотъ безграничный произволъ, который они проявляютъ надъ имуществомъ и жизнью, если ихъ инстинктъ, рѣзкій и необдуманнй, какъ инстинктъ боя понимаетъ лишь крайнія, разрушительныя мѣры, аресты, изгнанія, конфискаціи, экзекуціи, и все это совершается со спокойнымъ лицомъ, съ радостью, какъ патриотическая служба, въ силу нравственности, во имя народа, это совершается непосредственно, безпорядочно, собственными руками, или косвенно, руками покорныхъ избранниковъ.

Ихъ политика низводится на это; ничто не сможетъ отклонить ихъ отъ этого; они утвердились на этомъ всей тяжестью, всей силой своей безнравственности, своего невѣдѣнія и своей глупости.

Сквозь лицемѣріе обязательной показной стороны, ихъ неоступная мысль навязывается оратору, чтобы онъ изложилъ ее въ своей рѣчи, законодателю, чтобы онъ изложилъ ее въ своемъ указѣ, администратору, чтобы онъ привелъ ее въ исполненіе и начиная съ выступленія и кончая побѣдой, они подвергнутся лишь легкому измѣненію. Въ сентябрѣ 1792 года они говорили своими поступками: „Тѣ, кто не мыслятъ, какъ мы, будутъ убиты, къ намъ перейдутъ ихъ золото, ихъ драгоценности, ихъ бумажники“.

Въ ноябрѣ 1793 года, они скажутъ черезъ официальное учрежденіе революціоннаго правительства.

„Тѣ, кто не мыслятъ какъ мы, будутъ гильотинированы и мы сдѣлаемся ихъ наслѣдниками“. Если сравнить эту программу, поддерживаемую якобинской чернью, съ программой жирондистовъ, поддерживаемой большинствомъ Конвента, если сравнить конституцію Кондорсе и статью г. Соля, то легко можно увидать, которая возьметъ верхъ. „Эти разбойники Парижа, говоритъ жирондистъ, принимаютъ насъ за своихъ слугъ“, а слуга можетъ быть увѣренъ, что будетъ разсчитанъ, если будетъ противорѣчить своему хозяину. Въ первый же день, когда Конвентъ шелъ по улицамъ на засѣданіе, онъ могъ понять по нѣкоторымъ значительнымъ фразамъ, въ какія страшныя и безтолковыя руки онъ попалъ. „Къ чему выписывать столько человѣкъ для управленія Франціей? Развѣ ихъ недостаточно въ Парижѣ?“

ГЛАВА IV.

Ненадежное положеніе центральнаго правительства, ограниченнаго мѣстнымъ вѣдомствомъ I. Преимущество якобинцевъ.—Ихъ преобладаніе въ собраніяхъ секціи.—Выдержка, новый выборъ и конецъ Коммуны.—Ея новыя главари Шометъ, Эберъ и Пашъ.—Преобразование національной гвардіи.—Якобинцы избраны офицерами и унтеръ-офицерами.—Наемная шайка головорѣзовъ.—Общественный фондъ и тайны партіи.—II. Яя парламентскіе рекруты.—Ихъ характеръ и ихъ духъ.—Сентъ-Жетъ.—Насиліи учиняемыя меньшинствомъ въ Конвентѣ.—Давленіе галлерей.—Угрозы улицы. III. Отпаденіе большинства.—Дѣйствіе физическаго страха.—Дѣйствіе нравственной застѣнчивости.—Дѣйствіе политической необходимости.—Внутренняя сла-

бость жирондистовъ.—По своимъ принципамъ они являются соучастниками Монтаньяровъ.—IV. Главные указы жирондистскаго большинства.—Орудія и средства къ нападенію которыя она даетъ своимъ противникамъ.—V. Комитеты надзора послѣ 28 марта 1793.—Восстановленіе режима августа и сентября 1792.—Обезоруженіе.—Удостоверенія о гражданственности.—Насильная вербовка.—Вынужденный заемъ.—Распредѣленіе полученныхъ суммъ.—Напрасное противодѣйствіе Конвента.—Марать освобождается отъ обвиненія.—Напрасное противодѣйствіе населенія.—Манифестаціи молодыхъ людей запрещены.—Насилія и побѣда якобинцевъ въ собраніяхъ секціи.—VI. Тактика якобинцевъ, чтобы подчинить себѣ Конвентъ.—Петиція 15 апрѣля противъ жирондистовъ.—Средства, употребляемыя чтобы получить подписи.—Конвентъ объявляетъ петиціи ложной.—Коммиссія двѣнадцати и арестъ Эбера.—Проекты избѣній.—Вмѣшательство главарей Горы.—VII. 27-го мая.—Центральный, революціонный комитетъ.—Муниципалитетъ низверженный, потомъ снова восстановленный.—Априо—главный командиръ.—31 мая.—Мѣры, предпринятыя Коммуной.—2 іюня.—Арестъ двѣнадцати и двадцати двухъ.—VIII. Составъ новыхъ руководителей.—Почему Франція послѣдовала за ними.

„Гражданинъ Дантонъ, писалъ депутатъ Тома Пэйнъ, опасность разрыва между Парижемъ и департаментами растетъ съ каждымъ днемъ: департаменты послали своихъ депутатовъ въ Парижъ не для того, чтобы быть оскорбленными, а всякое оскорбленіе, которое наносится депутатамъ, является оскорбленіемъ департаментовъ ихъ выбравшихъ и посылавшихъ. Я вижу лишь одно дѣйствительное средство, которое можетъ помѣшать проявиться этому разрыву: это устроить резиденцію Конвента и будущихъ Собраній на нѣкоторомъ разстояніи отъ Парижа... Во время американской революціи я констатировалъ тѣ громадныя неудобства, которыя были связаны съ резиденціей правительства конгресса внутри какого нибудь вѣдомства. Конгрессъ сначала засѣдалъ въ Филадельфій, но послѣ четырехлѣтней резиденціи нашелъ необходимымъ оставить этотъ городъ. Онъ пробылъ нѣкоторое время въ Джерсей. Потомъ онъ былъ перенесенъ въ Нью-Йоркъ. Наконецъ покинувъ Нью-Йоркъ, онъ снова вернулся въ Филадельфію и испыталъ вездѣ неудобства происходяція отъ пребыванія правительства въ правительствѣ, онъ составилъ проектъ построить для будущей резиденціи Конгресса такой городъ, который не находился бы въ границахъ какого либо городского вѣдомства. Вездѣ, гдѣ засѣдалъ Конгрессъ муниципальная власть противодѣйствовала всенароднымъ или частнымъ путемъ, авторитету Конгресса, а народъ въ каждой этой мѣстности ждалъ, что Конвентъ придастъ ему большее значеніе нежели то, которое оно имѣетъ въ государствѣ. Тѣ же самыя недоразумѣнія происходятъ теперь во Франціи, но съ еще большими крайностями“. Дантонъ это знаетъ, онъ достаточно дальновиденъ, чтобы понять опасность; но привычка уже есть, онъ самъ ее создалъ. Начиная съ 10 августа Парижъ держитъ Францію въ подчиненіи, и горсть революціонеровъ тиранизируетъ Парижъ.

I.

Благодаря составу и поведенію собраній секцій, первый источникъ власти остался якобинскимъ и окрашивается все въ болѣе и болѣе темный цвѣтъ; вотъ почему, избирательные процессы,

которые въ правленіе законодательнаго собранія, образовали хищническую Коммуну 10 августа,—становятся постоянными и въ правленіе Конвента гораздо болѣе серьезными. „Почти во всѣхъ секціяхъ санкюлоты занимаютъ кресла, управляютъ залой, разставляютъ караулы, назначаютъ цензоровъ и ревизоровъ.

Пять или шесть шпионовъ, которымъ платятъ по 40 су, присутствуютъ въ засѣданіи съ самого начала и до конца; это люди готовые на все. Они же предназначаются и для того, чтобы переносить приказы изъ одного комитета въ другой, такъ что-если санкюлоты одной секціи не достаточно сильны, они призываютъ санкюлотовъ сосѣдней секціи.

Въ подобныхъ собраніяхъ, выборы происходятъ заранѣе и всѣ выборныя мѣста невольно остаются въ рукахъ партіи. Не смотря на враждебность со стороны Законодательнаго Собранія и Конвента, совѣту Коммуны удалось удержаться въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ; потомъ въ декабрѣ, когда онъ вынужденъ наконецъ разойтись, онъ снова появляется, поддерживаемый подачей голосовъ: онъ усиленъ и дополненъ соумышленниками, во главѣ стоятъ три руководителя, прокуроръ-синдикъ, товарищъ прокурора и мэръ, всѣ три — авторы или зачинщики сентябрьскихъ убійствъ. Шометь, такъ называемый Анаксагоръ, бывший юнга, потомъ нотариусъ, затѣмъ приказчикъ, всегда въ долгу, болтливый и пьяница; потомъ Эберъ, прозванный „отецъ Дюшенъ“, а этимъ все сказано: и Пашъ, услужливый подчиненный, лстивый интриганъ, который эксплуатировалъ свой простоватый видъ и лицо честнаго человѣка, чтобы пробиться въ военное министерство, гдѣ все подверглось грабежу, который, родившись въ каморкѣ консьержа, возвращается туда обѣдать изъ расчета или изъ любви.—Кромѣ гражданской власти, якобинцы присвоили себѣ и военную власть.

Вскорѣ послѣ 10 августа, національная гвардія была подраздѣлена на столько батальоновъ, сколько секцій, и каждый батальонъ сталъ такимъ образомъ „вооруженной секціей“; послѣ этого можно догадаться изъ кого онъ состоитъ и какихъ демагоговъ онъ выбираетъ себѣ въ офицеры и унтеръ-офицеры.

„Нельзя больше давать, пишетъ одинъ депутатъ, названія національной гвардіи тому сброду людей, вооруженныхъ копьями, и замѣстителей перемѣшанныхъ съ буржуа, которые послѣ 10 августа несутъ въ Парижѣ военную службу“.

Дѣло въ томъ, что 110.000 именъ стоятъ на бумагѣ; въ случаѣ призыва всѣ записанные, если они не были обезоружены, могутъ явиться, но обыкновенно всѣ они сидятъ у себя дома, и платятъ санкюлотамъ, чтобы они ихъ замѣняли. Но для того, чтобы нести ежедневную службу въ каждой секціи есть оплачиваемый резервъ приблизительно изъ ста человѣкъ, всегда однихъ и тѣхъ же. Такъ что въ Парижѣ образуется шайка изъ четырехъ или пяти тысячъ головорѣзовъ, среди которыхъ можно встрѣтить тѣхъ, что фигурировали въ Сентябрѣ, Мальяра со своими 68 людьми въ Аббатствѣ, Готье съ его 40 людьми въ Шантильи, Одуинъ, прозванный *Сатеромъ кармелитовъ* и его 350 людей въ пред-

мѣстяхъ Парижа, Фурнье, Лазовскій и его 1500 человекъ въ Орлеанѣ и Версалѣ.—Что касается до ихъ жалованія и жалованія ихъ штатскихъ помощниковъ, то этимъ партія не затрудняется; потому что вмѣстѣ съ властью она захватила и деньги. Не считая сентябрьскихъ грабежей, не говоря о безчисленныхъ доходныхъ мѣстахъ, которыми она располагаетъ, (одинъ Пашъ роздалъ четыреста мѣстъ, другія четыреста роздалъ Шометь), Коммуна располагаетъ 850.000 франками въ мѣсяцъ на свою военную полицію. Казну также не оставляютъ въ покоѣ и общественныя деньги переходятъ въ карманы ея кліентовъ.

Милліонъ въ мѣсяцъ обходятся ничего не дѣлающіе рабочіе, которыхъ она собрала при звукѣ трубы, чтобы устроить лагерь подѣ Парижемъ; 5 милліоновъ поддерживаютъ мелкихъ торговцевъ столицы противъ пониженія цѣнъ. Чтобы удержать цѣны на хлѣбъ тратится 12,000 франковъ въ день. Къ этимъ правильно добываемымъ суммамъ прибавьте еще тѣ суммы, которыя она похищаетъ или вымогаетъ. Съ одной стороны, въ военномъ министерствѣ Пашъ учиняетъ непрерывный грабежъ и хищничество: послѣ мѣсяца администраціи, онъ умудряется оставить дефицитъ въ 130 милліоновъ „безъ квитанцій“; съ другой стороны герцогъ Орлеанскій, ставшій Филипомъ - Эгалите привлеченный къ суду своими бывшими наемниками съ веревкой на шеѣ, почти задушенный, долженъ внести въ казну почти все свое состояніе; чтобы спасти свою жизнь, онъ соглашается вотировать за смерть короля, это показываетъ, что онъ пойдетъ и на другія жертвы; вѣроятно, изъ 74 милліоновъ долговъ, большая часть происходитъ отсюда.

Партіи принадлежатъ мѣста, чины, оружіе и деньги; она хозяйничаетъ въ Парижѣ, ей остается только подчинить себѣ изолированный Конвентъ, который она окружаетъ со всѣхъ сторонъ.

II.

Благодаря выборамъ, она уже выдвинула свой авангардъ, пятьдесятъ депутатовъ, и благодаря обаянію, которое она представляетъ для натуръ вспыльчивыхъ и деспотичныхъ, для грубыхъ темпераментовъ, для ограниченныя умовъ, для подозрительной честности, для старыхъ религіозныхъ и социальныхъ злобствованій, ей удастся черезъ шесть мѣсяцевъ удвоить это число. На скамьяхъ крайней лѣвой, вокругъ Робеспьера, Дантона и Марата, первоначальное ядро сентябристовъ привлекаетъ людей себѣ подобныхъ: сперва такихъ гнилыхъ, какъ Шабо, Тальена и Барраса, изверговъ, какъ Фуше, Жюфруа и Жавога, пылкихъ и одержимыхъ какъ Давидъ, буйныхъ, какъ Карье, полусумасшедшихъ и злыхъ какъ Жозефъ Лебонъ, простыхъ фанатиковъ, какъ Левасеръ, Бодо, Сентъ-Андре, Роммъ и Леба, потомъ особенно будущихъ представителей кулачной расправы, людей грубыхъ, властныхъ и ограниченныхъ, превосходныхъ солдатъ въ политической милиціи: Бурбота, Дюкенуа, Гевбеля, Бенгаболя, „куча невѣждъ, говоритъ Дантонъ, лишенныхъ здраваго разсудка и становящихся патріотами только тогда, когда они пьяны, Маратъ, Лежандръ родятся лишь на то,

чтобы рѣзать мясо; другіе умѣютъ голосовать лишь вставаніемъ или сидѣніемъ; но за то у нихъ сила, у нихъ нервы.

Среди этихъ энергичныхъ ничтожествовъ, возвышается молодое чудовище съ спокойнымъ и прекраснымъ лицомъ, Сенъ Жюсть, своего рода скороспѣлый Силла, который въ двадцать пять лѣтъ выдѣляется среди общаго уровня и благодаря жестокости сумѣлъ проложить себѣ дорогу, за шесть лѣтъ до этого онъ вступилъ въ жизнь домашней кражей; будучи въ гостяхъ у своей матери онъ ночью бѣжалъ, унося съ собой серебро и драгоценности, которыя онъ прокутилъ въ гостинницѣ на улицѣ Фроманто, въ центрѣ парижской проституціи; послѣ чего, по просьбѣ своихъ, его заключили на шесть мѣсяцевъ въ арестный домъ. Вернувшись домой, онъ занялся сочиненіемъ грязной поэмы, по образцу „Дѣвственницы“, Вольтра; потомъ вдругъ неожиданно окунулся съ головой въ революцію. Кровь закаленная наукой, колоссальная гордость, воображеніе напыщенное, мрачное, одолеваемое кровавыми воспоминаніями Рима и Спарты, умъ лживый, искалѣченный, любящій парадоксы, наглые софизмы и смертоубійственную ложь, всѣ эти опасныя составныя части, соединившіяся въ горниль отвернутаго и концентрированнаго честолюбія, долго въ тиши кипѣли въ немъ и привели къ крайности, къ автоматичной упорности, къ поверхностной политикѣ утописта, диктатора и истребителя. Очевидно подобное меньшинство не согласится подчиниться правилу парламентскихъ дебатовъ, она внесетъ въ споры крики, проклятія, угрозы, безпорядокъ, драки съ кинжалами, пистолетами, саблями и даже боевыми ружьями.

„Подлые интриганы, клеветники, изверги, чудовища, убійцы, подлецы, свиньи, вотъ ихъ обыкновенныя обращенія, и это еще слабое проявленіе ихъ буйности. Бываютъ засѣданія, когда председатель принужденъ трижды дѣлать видъ, что закрываетъ собраніе и кончаетъ тѣмъ, что разбиваетъ звонокъ. Они ругаютъ его, они заставляютъ его сойти съ кресла, они требуютъ „чтобы онъ былъ разжалованъ“. Базиръ хочетъ „вырвать у него изъ рукъ“ декларацию; Бурдонъ изъ Уазы кричитъ, „что онъ убьетъ его, если тотъ осмѣлится прочесть ее“. Зала превратилась въ арену гладиаторовъ. Порой всѣ монтаньяры бросаются со своихъ скамей, а навстрѣчу этой человѣческой волнѣ, спускающейся слѣва, подобная же волна спускается справа; обѣ сталкиваются посреди залы, среди криковъ и разъяренныхъ жестовъ и въ одну изъ этихъ стычекъ, монтаньяръ достаетъ свой пистолетъ, а жирондистъ Лезе-Денерре свою шпагу. Во второй половинѣ декабря, выдающіеся члены партій „постоянно преслѣдуемые, угрожаемые, оскорбляемые“, доведенные до того, что не могутъ спать у себя дома, вынуждены имѣть при себѣ оружіе для защиты и послѣ казни короля они „почти всѣ“ приходятъ вооруженные на засѣданіе Конвента. Въ самомъ дѣлѣ, каждый день они могутъ ожидать нападенія, а они не хотятъ умирать безъ мести; въ ночь съ 9 на 10 марта ихъ всего 43 человѣка и они условливаются броситься всѣмъ вмѣстѣ „при первомъ враждебномъ движеніи, на своихъ противни-

ковъ, чтобы истребить какъ можно больше“ прежде, чѣмъ погибнуть.

Это отчаянное, но единственное средство, потому что, кромѣ бѣшеныхъ въ залѣ, противъ нихъ—и бѣшенные трибуны, а тамъ тоже есть сентябристы.

Самая низкая якобинская чернь обстунаетъ ихъ умышленно, сперва въ старой залѣ манежа, потомъ въ новой залѣ Тюльери. Вокругъ себя и надъ собой они видятъ ежедневно цѣлый полкъ противниковъ, „восемьсотъ или девятьсотъ головъ биткомъ набившихся на большой галлерей подъ глубокимъ, глухимъ сводомъ“. И кромѣ того по сторонамъ еще тысяча или полторы тысячи человекъ на боковыхъ трибунахъ. Въ сравненіи съ этимъ галлерей въ Учредительномъ и Законодательномъ собраніяхъ были совсѣмъ спокойны. „Ничто такъ не позоритъ Конвентъ, пишетъ посторонній наблюдатель, какъ дерзость аудиторіи“; въ дѣйствительности указомъ запрещены всѣ проявленія одобренія или неодобренія; но „указы этого нарушаютъ ежедневно и никогда никто не былъ за это наказанъ“. Напрасно большинство возмущается противъ шайки подкупленныхъ негодяевъ, которая осаждаетъ его и угнетаетъ, протестуя и возмущаясь, оно тѣмъ не менѣ сноситъ эти угнетенія и притѣсненія. „Ужасная борьба, говоритъ одинъ депутатъ, крики, ропотъ, стукъ ногами, свистки... Самую грязную ругань изрыгали трибуны“.—„Уже давно, говоритъ другой, здѣсь нельзя говорить, если не получишь отъ нихъ разрѣшенія“. Когда Бюзо получаетъ слово противъ Марата, „они приходятъ въ ярость, кричатъ, топчутъ ногами, угрожаютъ“; каждый разъ, когда Бюзо хочетъ начать говорить, крики покрываютъ его голосъ и онъ стоитъ полчаса на каедрѣ и не можетъ кончить своей фразы.. Особенно при поименной переключкѣ, крики становятся похожими на крики обезумѣвшей толпы, слѣдящей въ испанскомъ циркѣ глазами и душой за сраженіемъ пикадоровъ и быка; „вопли канибаловъ“—каждый разъ, когда депутатъ подаетъ голосъ не за смерть короля, а за воззваніе къ народу; безконечные свистки каждый разъ, когда депутатъ подаетъ голосъ за обвиненіе Марата. „Я заявляю, говорятъ депутаты трибуны, что я здѣсь не свободенъ; я заявляю, что мнѣ приходится говорить подъ страхомъ ножа“. При входѣ въ залу Шарлю Виллетъ объявляютъ: „что онъ будетъ убитъ, если не подастъ голоса за смерть короля“.—И эти угрозы бросаются не въ пустую; 10 марта въ ожиданіи общаго возстанія „предупрежденные трибуны.. заряжаютъ свои пистолеты“. Въ маѣ мѣсяцѣ, оборванные, наемныя женщины, которыя образовали клубъ подъ названіемъ: „Женщины Братства“, являются съ самаго утра и становятся на караулъ въ кулуарахъ Конвента; онѣ рвутъ билеты, розданные тѣмъ, кто не принадлежитъ къ ихъ шайкѣ; онѣ завладѣваютъ всѣми мѣстами; онѣ показываютъ пистолеты и кинжалъ и говорятъ, что нужно отрубить тысячу восемьсотъ головъ, чтобы все пошло хорошо“.

За этими первыми двумя рядами нападающихъ, есть еще третій, густой, страшный, потому что онъ теменъ и безконеченъ, я говорю о той смутной массѣ анархистской шайки, разсыпанной по

всему Парижу и всегда готовой возобновить 10 августа и 2 сентября. Отъ коммуны, отъ якобинцевъ, отъ кордельеровъ, отъ епископства, отъ собраній отдѣловъ, отъ группъ, томящихся въ Тюльери, на улицахъ постоянно исходятъ зажигательныя предложенія и призывы къ возстанію.

„Вчера, пишетъ предсѣдатель секціи Тюльери, въ одно и то же время и въ разныхъ пунктахъ Парижа на улицѣ Бакъ, Марэ, въ церкви Сентъ-Еустаха, во дворцѣ Революціи, на террасѣ Фельянтинцевъ, негодяи взываютъ къ грабежу и убійству.“

На другой день, на террасѣ Фельянтинцевъ, т. е. подъ самыми окнами Конвента, толпа кричитъ: „требуютъ убійства Луве за то, что онъ донесъ на Робеспьера.“

„Только и говорятъ пишетъ министръ Роланъ, о заговорахъ, о планахъ убійства.“—Три недѣли спустя въ теченіе нѣсколькихъ дней „объявляютъ возстаніе въ Парижѣ;“ министра предупреждаютъ „что хотѣли стрѣлять изъ вѣстовой пушки“, а големы, на которыя обрушится это возстаніе, уже заранѣе указаны. Въ послѣдующій мѣсяцъ, несмотря на ясный и недавній законъ, „избирательное собраніе печатаетъ и раздаетъ даромъ списокъ субъектовъ, приписанныхъ къ клубамъ Св. Часовни и Фельянтинцевъ; она постановляетъ также напечатать и раздать списокъ восьми тысячъ и двадцати тысячъ, а также списокъ клубовъ 1789 и Монтегю.“ Въ январѣ мѣсяцѣ „разносчики выкрикиваютъ на улицѣ имена аристократовъ и роялистовъ, подававшихъ голосъ за воззваніе къ народу.“ Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ выставлены на плакатахъ, и Тибо, епископъ изъ Кантала, занятый чтеніемъ афиши, касающейся его, слышитъ возлѣ себя: „Я хотѣлъ бы познакомиться съ этимъ епископомъ изъ Кантала, я бы ему показалъ.“ Головорѣзы указываютъ пальцемъ на депутатовъ, выходящихъ изъ собранія и кричатъ: „нужно изрубить этихъ негодяевъ!“—Съ каждой недѣлей предзнаменованія возстанія учащаются какъ молніи на грозовомъ небѣ. 1-го января разносится слухъ, что заставы должны быть закрыты въ ту же ночь и снова начнутся обыски.“

7 января послѣ предложенія Гравилье, Коммуна проситъ у военнаго министра 182 пушки, находящіяся въ складахъ Сентъ-Дени, чтобы разставить ихъ между секціями. 15 января, Гравилье предлагаютъ остальнымъ сорока семи секціямъ назначить, какъ и 10 августа, спеціальныхъ комиссаровъ, которые соберутся въ Епископствѣ и будутъ наблюдать за общественной безопасностью. Въ тотъ же день, чтобы Конвентъ не заблуждался насчетъ этихъ происковъ, на хорахъ громко говорятъ, что пушки привезены въ Парижъ „чтобы устроить противъ Конвента 10-ое августа.“ Въ тотъ же день нужно употребить военную силу, чтобы помѣшать разбойникамъ броситься въ тюрьмы „и снова возобновить убійства“ 28 января Пале-Рояль, центръ веселящихся людей, окруженъ Сантеромъ въ восемь часовъ вечера и арестовываются, приблизительно, шесть тысячъ человекъ, у которыхъ не были найдены билеты о гражданственности,“ послѣ этого они будутъ подвергнуты суду своей секціи.

Не только сверкаетъ молнія, но уже раздаются отдѣльные удары

грома. 31 декабря нѣкій Лувенъ, котораго Маратъ назвалъ агентомъ Лафайета, задушенъ въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ и тѣло его волочатъ по улицамъ до самаго Морга. 25 февраля происходитъ грабежъ лавочниковъ, по настоянію Марата, подъ покровительствомъ Коммуны. 9 марта типографія Горза разрушена двумястами людей, вооруженныхъ саблями и пистолетами. Въ этотъ же вечеръ и на другой день возстаніе направляется противъ самаго Конвента; комитетъ Якобинцевъ призываетъ къ возстанію всѣ секціи Парижа, чтобы „освободиться“ отъ депутатовъ, аппелянтовъ и министровъ; общество Кордельеровъ приглашаетъ парижскія власти „овладѣть государствомъ и арестовать всѣхъ измѣнниковъ депутатовъ.“ Фурнье, Варле и Таленіонъ побуждаютъ Коммуну „объявить возстаніе и закрыть заставы;“ всѣ улицы вокругъ Конвента заняты „диктаторами убійствъ,“ Петіонъ и Берноувиль узнаны, ихъ преслѣдуютъ, угрожаютъ смертью; ярыя сходки на террасѣ фельянтинцевъ, чтобы „судить всенародно,“ чтобы „рубить головы и посылать ихъ въ департаменты“.

Къ счастью идетъ дождикъ, что всегда охлаждаетъ народное рвеніе и депутатъ Финистера, Кервлеганъ убѣгаетъ и находитъ въ предмѣстьѣ Сентъ-Марго батальонъ брестскихъ волонтеровъ, недавно прибывшихъ и еще не измѣнившихъ; они прибѣгаютъ какъ разъ во время, чтобы освободить Конвентъ. Таково существованіе большинства, подъ тройнымъ давленіемъ Горы, трибунъ и виѣшней черни, и съ каждымъ мѣсяцемъ, особенно послѣ 10 августа, давленіе это усиливается.

III.

Съ каждымъ мѣсяцемъ, подъ этимъ давленіемъ, большинство смиряется.—Нѣкоторыхъ покоряетъ просто физическій ужасъ: во время процесса короля при третьей поименной переключкѣ, когда голоса за смерть раздавались съ трибунъ, депутатъ, сосѣдъ Дону „жестами высказывалъ энергичное порицаніе. Наступаетъ и его чередъ; трибуны, вѣроятно, замѣтившія его движенія“, раздражаются такими страшными угрозами, что въ теченіе нѣсколькихъ минутъ его совершенно не слышно; „наконѣцъ тишина возстановляется и онъ подаетъ голосъ за смерть.“

Другіе, какъ Дюранъ де Мальянъ предупреденные Робеспьеромъ, что партія самая сильная есть вѣрная, говорятъ себѣ что будетъ благоразумнымъ не противорѣчить волнующемуся народу, и принимаютъ рѣшеніе „держаться постоянно въ сторонѣ подъ защитой своего молчанія и своего ничтожества.“ Среди пятисотъ депутатовъ изъ Долины много такихъ; ихъ начинаютъ называть „жабами изъ Мара“—черезъ шесть мѣсяцевъ они сами низводятъ себя до положенія молчаливыхъ фигурантовъ или вѣрнѣе манекеновъ — человекъ-убійца, и при одномъ взглядѣ Робеспьера „ихъ испуганная душа уходитъ въ пятки“ еще до паденія жирондистовъ, „пораженные настоящимъ, они не находятъ въ своей душѣ никакого подъема,“ они обнаруживаютъ на своемъ лицѣ „блѣдность испуга или безпомощное состояніе отчаянія.“ Камбасерэ лавируетъ, потомъ прячется въ свой законодательный комитетъ.

Бареръ, рожденный лакеемъ, отдастъ свое ложное краснорѣчіе въ распоряженіе вѣроятнаго большинства до того момента, когда его ужасная риторика стала принадлежать господствующему меньшинству.

Сіесь, послѣ того какъ голосовалъ смерть, хранить упрямое молчаніе отчасти изъ-за отвращенія, отчасти изъ-за осторожности: „И на что, говоритъ онъ, мой стаканъ вина въ этомъ потокѣ водки?“—Многіе, даже въ самой Жирондѣ, въ своихъ собственныхъ глазахъ скрашиваютъ свои понятія софизмами. Есть такіе, которые, „считая себя популярнымъ лицомъ, боятся скомпрометировать себя. Иногда ищутъ предлогъ въ необходимости сохранити свое вліяніе для болѣе важныхъ случаевъ. Иногда представляются или даже искренне говорятъ, „пустъ себѣ дѣйствуютъ безумные ихъ, по крайней мѣрѣ, скорѣе узнаютъ и это ослабитъ ихъ“.—Иногда приводимые доводы скандальны и смѣшны. По мнѣнію Барбару нужно подавать голосъ за немедленную казнь, потому что это лучшее средство, чтобы оправдать Жиронду и заткнуть рты клеветникамъ якобинцамъ. По мнѣнію Верме нужно голосовать за смерть, напрасно голосовать за изгнаніе. Людовикъ XVI будетъ растерзанъ, прежде чѣмъ дойдетъ дограницы.

Наканунѣ ареста, Верньо говоритъ г. де Сегюру: „чтобы я голосовалъ за смерть! вы оскорбляете меня, если считаете меня способнымъ на такой недостойный поступокъ“. И онъ пустился объяснять ужасную несправедливость, бесполезность и даже опасность этого дѣла. „Если я останусь одинъ, говоритъ онъ, то и то не буду подавать голоса за смерть;“ а на другой день, онъ подавалъ голосъ всѣмъ извѣстно за что; онъ тоже извиняется, говоря „что онъ не считалъ возможнымъ положить на одни вѣсы общественное дѣло и жизнь одного человѣка“. Пятнадцать или двадцать депутатовъ, увлеченные его примѣромъ, также какъ и онъ подавали свои голоса и этого числа было достаточно, чтобы перенести большинство.—Та же слабость и въ другіе рѣшительные моменты. Верньо долженъ былъ донести о заговорѣ 10 августа, но онъ приписываетъ его аристократамъ и признается Луве, „что онъ не хотѣлъ назвать настоящихъ заговорщиковъ изъ страха разозлить людей жестокихъ и безъ того склонныхъ на всякія крайности. Дѣло въ томъ, что жирондисты, какъ нѣкогда конституціоналисты, черезчуръ мягки относительно своихъ противниковъ, и они подчиняются силѣ, вмѣсто того, чтобы рѣшиться самимъ примѣнять ее.

„Подчинить себѣ партію, говоритъ одинъ изъ нихъ, это можно было сдѣлать, передувивъ ее, что было бы, впрочемъ, не трудно. Всему Парижу, какъ и намъ, надоѣло ея иго и еслибъ мы хотѣли и умѣли устраивать возстанія, она была бы скоро вся уничтожена. Но какъ заставить пойти на такія ужасныя мѣры людей, упрекавшихъ въ этомъ своихъ противниковъ? Тѣмъ не менѣе, эти мѣры спасли бы родину“. Вотъ почему, неспособные дѣйствовать, не знающіе, что говорить, принужденные лишь протестовать, мѣшать исполненію революціонныхъ декретовъ, взывать къ департаментамъ противъ Парижа—они являются препятствіи-

емъ для людей практическихъ, вовлеченныхъ въ самый разгаръ дѣятельности. — Разумѣется, Карно также честенъ, какъ и они, постольку, поскольку „можетъ быть честенъ фанатикъ, „разиня“. Разумѣется, Камбонъ не менѣе неподкупенъ, чѣмъ Роланъ и онъ высказался также опредѣленно, какъ и Роланъ, противъ 2 сентября, коммуны и анархій. — Но Карно и Камбону, проводящимъ свои ночи, одинъ за установленіемъ бюджетовъ, другой за изученіемъ картъ, нужно прежде всего правительство, доставляющее милліоны и арміи—слѣдовательно, единодушный Конвентъ, а разнѣтъ другихъ средствъ, Конвентъ приневоленный, т. е. очищенный отъ своихъ неговорчивыхъ, разномыслящихъ ораторовъ, — другими словами, имъ нужна диктатура парижской черни. Послѣ 15 декабря 1792 г., Камбонъ подчинился и даже возвелъ диктатуру черни въ европейскую систему; съ этого времени онъ проповѣдуетъ всеобщую республику, строй, въ которой администраторы будутъ бѣдняки, а подчиненными будутъ богачи, короче говоря, восстановление привилегій въ обратномъ направленіи; слова Сейса уже оправдываются: дѣло идетъ не о томъ, чтобы примѣнять принципы революціи, а о томъ, чтобы отъ нихъ спасти людей. Передъ этой необходимостью, становящейся все болѣе острой, много нерѣшительныхъ депутатовъ слѣдуютъ теченію, предоставляютъ дѣйствовать монтаньярамъ и отпадаютъ отъ жирондистовъ.

Но кромѣ этихъ измѣнъ, что еще очень важно, такъ это, что Жиронда поступаетъ предосудительно. Она не только не умѣетъ образовать союза, общества; одна мысль о коллективныхъ поступкахъ ее возмущаетъ, такъ какъ каждый изъ ея членовъ хочетъ быть самостоятельнымъ, вести себя по своему, вносить свое предложеніе, не предупреждая остальныхъ и при случаѣ голосовать противъ своей партіи; но кромѣ того, благодаря своему абстрактному принципу, она находится въ согласіи со своими противниками и на роковой покатости, гдѣ ее еще удерживаютъ инстинкты чести и гуманности, этотъ общій догматъ, какъ скрытая тяжесть, заставляетъ ее скользить все ниже и ниже, до самой бездонной пропасти, гдѣ государство, слѣдуя опредѣленію Жанъ-Жака, всемогущее, философское, антикатолическое, антихристіанское, авторитарное, нивелирующее, нетерпимое и пропагандирующее, конфискуетъ воспитаніе, нивелируетъ имущество, преслѣдуетъ церковь, насилуетъ совѣсть, уничтожаетъ индивидуума и при помощи военной силы предписываетъ такой же строй и за границѣ. Въ сущности если не принимать во вниманіе грубыхъ, опрометчивыхъ насилій, то жирондисты, исходящіе изъ тѣхъ же принциповъ, что и Гора, направляются къ той же цѣли, что и Гора; вотъ почему партійный предразсудокъ ослабляетъ въ нихъ нравственное отвращеніе; въ тайникахъ ихъ души революціонный инстинктъ согласуется съ ихъ врагами, и очень часто они сами выдаютъ себя. — Благодаря этимъ разнымъ и частнымъ слабостямъ, большинство уменьшается и получается 279 голосовъ противъ 228; съ другой стороны, благодаря отступленіямъ, она отдаетъ нападающимъ одинъ за другимъ всѣ главные посты въ обществен-

ной крѣпости, такъ что, при первомъ же нападеніи, ей придется бѣжать или просить пощады.

IV.

Она въ принципѣ подавала голосъ за департаментскую гвардію но передъ протестами Горы, она не осмѣлилась осуществить свой принципъ.

Она была защищаема въ теченіе шести мѣсяцевъ и спасена 10 августа провинціальными федератами, но вмѣсто того, чтобы организовать этихъ случайныхъ союзниковъ въ постоянный отрядъ преданныхъ защитниковъ, она предоставляетъ Пашу и Якобинцамъ разбивать ихъ и совращать.—Она нѣсколько разъ издавала указы о наказаніяхъ сентябрьскихъ зачинщиковъ, но послѣ ихъ угрожающей петиціи она постоянно отсрочиваетъ разбирательство. Она привлекла къ суду Фурнье, Лазовскаго, Дефіе и другихъ вожаковъ, которые собирались 10 августа побросать ихъ изъ оконъ, но послѣ ихъ наглой защиты, она отпускаетъ ихъ свободными и готовыми снова приняться за то же дѣло.—Въ военномъ министерствѣ она возвышаетъ одного за другимъ тайныхъ якобинцевъ, Паша и Бушота, которые не переставая будутъ дѣйствовать противъ нея. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ она допускаетъ паденіе Ролана, свою самую вѣрную опору и на его мѣсто назначаетъ Гара идеолога, умъ котораго весь состоящій изъ общихъ желаній, порождаютъ упущенія, ложь, измѣны подъ тяжестью своей непосильной должности. Она голосуетъ за убійство короля и благодаря этому образуется непроходимая лужа крови между ней и честными людьми. Она втягиваетъ націю въ войну принциповъ и вызываетъ противъ Франціи европейскую лигу; а благодаря этому, на границѣ грозитъ сентябрьская опасность, а внутри государства возстановляется сентябрьскій строй. Она заранѣе куетъ самыя ужасныя орудія будущаго террора, благодаря декрету устанавливающему революціонный судъ съ Фукье-Тэнвилль въ роли общественнаго обвинителя и обязательствомъ, чтобы каждый присяжный произносилъ вслухъ свой приговоръ; благодаря декрету, присуждающему къ гражданской смерти и конфискаціи имущества всякаго эмигранта „и того и другого пола“, даже простого бѣглеца, даже того, кто вернулся шесть мѣсяцевъ тому назадъ; благодаря декрету „ставящему внѣ закона“ аристократовъ и враговъ революціи;“ благодаря декрету, который въ каждой общинѣ опредѣляетъ налогъ на богатыхъ, чтобы соразмѣрить цѣну хлѣба съ заработкомъ; благодаря декрету подвергающему каждый мѣшокъ съ зерномъ описи, благодаря декрету постановляющему „принудительный заемъ миллиарда у богатыхъ;“ благодаря декрету, чтобы въ каждомъ большомъ городѣ набирали войско наемныхъ сапюлотовъ, „чтобы держать аристократовъ подъ страхомъ копей“, наконецъ, благодаря декрету, который, учреждая комитетъ общественнаго спасенія, создаетъ центральный двигатель, который будетъ быстро маневрировать всѣми этими серпами. Ко всѣмъ этимъ снарядамъ для общаго разрушенія, она прибавляетъ еще одинъ,

специально противъ самой себя. Она не только снабжаетъ своихъ противниковъ въ коммунѣ миллионами, которые имъ нужны, чтобы оплачивать свои пайки; она не только выдаетъ въ видѣ ссуды разнымъ секціямъ сотни тысячъ франковъ; которые имъ нужны, чтобы поить своихъ крикуновъ; но кромѣ того, въ послѣдніе дни марта, какъ разъ тогда, когда ей случайно удалось спастись отъ перваго нападенія якобинцевъ, она избираетъ въ каждой секціи контрольный комитетъ, она разрѣшаетъ ему обыски на дому и обезоруживаніе подозрительныхъ; она допускаетъ, что бы онъ производилъ аресты и облагалъ податью; для облегченія этой операціи она приказываетъ, чтобы списокъ жителей каждаго дома включающей „имя, отчество, фамилію, возрастъ и профессію“ былъ прибитъ къ каждой двери; она приказываетъ снять копию, чтобы подвергнуть его контролю. Наконецъ она и сама ему подчиняется и „не принимая во вниманіе неприкосновенность представителя французской націи, она постановляетъ, что въ случаѣ политическаго доноса ея собственные члены могутъ быть преданы суду.

V.

„Мнѣ кажется, пишетъ одинъ насмѣшливый наблюдатель, что я слышу, какъ вы говорите партіи: Смотрите у насъ есть средство, но мы не хотимъ воспользоваться имъ, чтобы дѣйствовать противъ васъ; нѣтъ смѣлости въ томъ, чтобы нападать на васъ, когда вы слабы. Общественная сила вытекаетъ изъ двухъ принциповъ, изъ законной власти и изъ вооруженной силы. И вотъ мы хотимъ сначала создать комитеты надзора, во главѣ которыхъ мы поставимъ васъ, потому что при помощи этой розги вы можете сбѣжъ всѣхъ честныхъ людей Парижа и приводить въ порядокъ общественное настроеніе. Мы хотимъ сдѣлать еще больше, а то жертва была бы неполная: мы хотимъ подарить вамъ нашу вооруженную силу, разрѣшая вамъ обезоруживать людей, которые покажутся вамъ подозрительными. Что касается насъ самихъ, то мы готовы отдать вамъ даже наши карманные ножи; мы остаемся одни съ нашими добродѣтелями и талантами. Но берегитесь, если вы выкажете неблагодарность и посмѣете покушаться на наши священныя особы, мы найдемъ мстителей въ департаментахъ. А какое вамъ дѣло до департаментовъ, ожесточенныхъ другъ противъ друга, разъ васъ больше не будетъ?“ Нельзя себѣ представить ничего болѣе точнаго, какъ это краткое изложеніе, ничего болѣе обоснованнаго, какъ это предсказаніе. Отнынѣ, благодаря декретамъ конвента якобинцамъ принадлежитъ не только вся исполнительная власть, какъ это встрѣчается въ культурныхъ странахъ, но также и произвольная власть древняго тирана или современнаго паши; сильная всевластная рука, выбравъ индивидуума, опускается на него, чтобы отнять оружіе, свободу и деньги. 28 марта въ Парижѣ снова возстановляется тотъ строй, который начался 10 августа и кончился 2 сентября.

Въ полдень заставы закрываются, всѣ мосты и проходы преграждены, на углу каждой улицы стоитъ часовая, никто не-

можетъ выйти за предѣлы своей секціи; никто не можетъ передвигаться въ своей секціи, если не показываетъ карточки гражданственности; дома окружены, много людей арестовано и въ теченіе двухъ послѣдующихъ мѣсяцевъ обыски и аресты не прекращаются, благодаря произволу комитетовъ надзора. Почти во всѣхъ секціяхъ комитетъ составляютъ санкюлоты, не отцы семейства, не сороколѣтніе люди давно живущіе въ кварталѣ, „но иностранцы и молодые люди, которые ищутъ стать чѣмъ нибудь,“ честолюбивые подчиненные, невѣжественные головорѣзы, деспотичные самозванцы, инквизиторы неискусные, ожесточенные и подозрительные.

Сперва, обезоруженіе подозрительныхъ. „На любого гражданина производится доносъ, и это подозрѣніе тотчасъ же доводится до свѣдѣнія комитета“; достаточно того, что его гражданскій билетъ былъ ему выданъ всего мѣсяць тому назадъ, чтобы делегатъ съ десятью вооруженными людьми явился къ нему съ обыскомъ. Въ одной секціи собранія и въ первый же день обезоруживаютъ 57 человекъ, обвиненныхъ въ „недостаткѣ патриотизма и въ недоброжелательствѣ къ республикѣ“, обезоруживаютъ не только повѣренныхъ, нотаріусовъ, архитекторовъ и другихъ почтенныхъ буржуа, но кромѣ того еще мелкихъ торговцевъ или лавочниковъ, шляпочниковъ, красильщиковъ, слесарей, механиковъ, золотильщиковъ, лимонадчиковъ. Другая секція вопреки закону, присоединяетъ сюда же весь блокъ подписчиковъ петиціи „восьми тысячъ“ и петиціи „двадцати тысячъ“: „благодаря такимъ проискамъ, говоритъ одинъ наблюдатель, всѣ ружья, находящіеся въ Парижѣ, числомъ болѣе ста тысячъ перейдутъ въ руки партіи“. Противники не могутъ получать оружія даже въ магазинахъ, потому что благодаря постановленію Коммуны „никто не можетъ покупать оружія безъ свидѣтельства, выданнаго комитетомъ надзора своей секціи“.—Съ другой стороны, благодаря праву давать или отказывать въ гражданскихъ билетахъ, каждый комитетъ вмѣшивается не только въ общественную жизнь гражданъ, но и въ частную. Тотъ, у кого нѣтъ билета, не можетъ получить паспорта, чтобы путешествовать, а если онъ купецъ ему это необходимо; онъ не можетъ сохранить за собой мѣста, если онъ чиновникъ, служащій въ администраціи, повѣренный или нотаріусъ; поздно нельзя ни выйти изъ Парижа, ни вернуться. Если гуляешь, то рискуешь быть арестованнымъ и представленнымъ между двумя стражами передъ комитетомъ секціи; если возвращаешься къ себѣ домой, рискуешь, что тебя посѣтятъ, какъ укрывателя священниковъ или знати. Парижанинъ, открывая утромъ окно, можетъ увидать свой домъ, окруженнымъ отрядомъ революционеровъ, если въ карманѣ у него нѣтъ необходимаго свидѣтельства.

Но въ глазахъ якобинскаго комитета, патриотизмъ существуетъ лишь въ якобинизмѣ, такъ что можно себѣ представить, какъ они охотно даютъ свидѣтельство противникамъ или даже равнодушнымъ, какимъ испытаніямъ, какимъ разпросамъ они ихъ подвергаютъ, къ какимъ хожденіямъ, просьбамъ, мольбамъ и ожиданіямъ они ихъ принуждаютъ, съ какой настойчивостью они

отсрочиваютъ, съ какимъ наслажденіемъ они отказываютъ. Бюзо являлся четыре раза въ комитетъ Четырехъ Націй, чтобы получить билетъ для своего слуги и ничего не могъ добиться.

Вотъ еще другое болѣе дѣйствительное средство, чтобы держать въ подчиненіи недоброжелательныхъ. Въ каждой секціи комитетъ съ помощью одного члена Коммуны назначаетъ рекрутовъ въ экспедицію въ Вандею, и онъ назначаетъ ихъ одного за другимъ, по своему выбору: это освободить Парижанъ отъ двѣнадцати тысячъ антиякобинцевъ и возстановить миръ въ собраніяхъ секціи, гдѣ противники бывали такъ неудобны.

Въ виду этого комитетъ будетъ выбирать преимущественно среди нотаріусовъ и повѣренныхъ, служащихъ въ банкѣ и въ администраціи, молодыхъ купцовъ и чиновниковъ, однимъ словомъ среди холостяковъ буржуазіи и полубуржуазіи; таковыхъ имѣется въ Парижѣ болѣе двадцати пяти тысячъ; согласно постановленію будутъ брать одного изъ двухъ, того, кто на худшемъ счету, а это заткнетъ ротъ другому и помѣшаетъ ему говорить въ секціи не то, что слѣдуетъ.

Въ то время, какъ одна рука держитъ человѣка за воротъ, другая шаритъ у него въ карманахъ. Въ каждой секціи, комитетъ надзора съ помощью члена Коммуны выбираетъ всегда людей обезпеченныхъ произвольно или по слухамъ исчисляетъ ихъ доходъ и посылаетъ имъ приказъ уплатить столько то, соразмѣрно ихъ излишку, согласно прогрессивному налогу. Допускаемая необходимая сумма будетъ 1500 франковъ въ годъ для главы семейства, кромѣ 1000 франковъ для жены и 1000 франковъ для каждаго изъ дѣтей; если излишекъ равняется отъ 15000 до 20,000 франковъ, то съ обладателя взыскиваютъ 5000; если отъ 40.000 до 50.000, то взыскиваютъ 20.000; но ни въ какомъ случаѣ излишекъ не долженъ превышать 30.000; все, что сверхъ этой цифры принадлежитъ государству. Первая треть этой неожиданной контрибуціи должна быть выплачена въ теченіе сорока восьми часовъ, вторая треть въ теченіи двухъ недѣль, а послѣдняя треть въ теченіе мѣсяца и все это подъ опасеніемъ строгаго наказанія. Тѣмъ хуже для плательщика, если оцѣнка преувеличена, если его доходъ случайный и мнимый, а взносы онъ можетъ получить лишь въ будущемъ, если онъ не можетъ достать наличныхъ денегъ, если, какъ у Франкера, антрепренера Оперы „у него лишь одни долги“.—„Въ случаѣ отказа, писать ему комитетъ секціи Добрый Совѣтъ, твое движимое и недвижимое имущество будетъ распродано революціоннымъ комитетомъ, а ты самъ будешь объявленъ подозрительнымъ“.—Этотъ еще пока лишь зачетныя деньги, „комитетъ согласенъ требовать въ данный моментъ лишь часть твоего излишка“; остатокъ будетъ взятъ потомъ. Уже на трибунѣ якобинцевъ Деффе оцѣниваетъ въ 640 милліоновъ состояніе 100 самыхъ богатыхъ нотаріусовъ и финансистовъ Парижа; списокъ ихъ именъ отсылается муниципалитетомъ въ секціи, чтобы быть дополненнымъ; если взять у нихъ лишь одну десятую часть, то и тогда это составитъ 64 милліона, а если хорошенько подавить эти „губки“ то

можно получить гораздо больше. „Нужно, говорит Робеспьеръ, чтобы у самаго богатаго француза было не больше 3000 ливровъ дохода“. На контрибуціи взятыя съ „господъ“ будутъ вооружать санкюлотовъ, будутъ платить ремесленникамъ за присутствіе на собраніяхъ секціи, будутъ кормить безработныхъ рабочихъ“ уже въ силу реквизиціи все становится добычей: въ конюшнѣ хватаютъ выѣздныхъ лошадей, въ сараяхъ у старыхъ дамъ, большей частью вдовыхъ, послѣднія коляски и кареты, которыя еще имѣются въ Парижѣ.

Подобными средствами партія эксплуатируетъ врожденную зависть и старую вражду бѣдняка къ богачу; она привлекаетъ къ себѣ бѣдняковъ и бродягъ и благодаря мускуламъ своихъ дѣятельныхъ кліентовъ она разбиваетъ послѣднія слабыя, временныя, неустойчивыя препятствія, поставленныя ей національнымъ Конвентомъ и парижскимъ населеніемъ.

13 апрѣля, Маратъ обвиняемый въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, наконецъ арестовывается возмущеннымъ большинствомъ и 24 появляется передъ революціоннымъ судомъ. Но революціонный судъ, какъ и всѣ новыя учрежденія, состоитъ изъ якобинцевъ чистой воды и кромѣ того партія вообще приняла свои мѣры. На аудіенціи свиту Марата составляютъ „городскіе комиссары, представители многихъ секцій, делегатовъ отъ всѣхъ патріотическихъ обществъ“, кромѣ того много „добрыхъ патріотовъ“ заранее заняли залу „съ самаго ранняго утра, остальные залы суда, корридоры, дворы, прилегающія улицы“ кишатъ санкюлотами, *готовыми отомстить за оскорбленія, которыя могутъ быть нанесены ихъ второму защитнику.*

Разумѣется, онъ говоритъ не какъ обвиняемый, „а какъ апостоль и мученикъ“; его слова покрываются рукоплесканіями, его единогласно освобождаютъ; вѣнчаютъ лаврами и торжественно относятъ въ Конвентъ; онъ поетъ пѣснь побѣды и жирондистское большинство должно терпѣть его присутствіе въ ожиданіи того времени, когда оно будетъ терпѣть проскрипціи.— Умѣренные съ улицы также безсильны, какъ и умѣренные въ законодательномъ учрежденіи, они поднимаются лишь для того, чтобы быть побѣжденными. 4 и 5 мая двѣ группы въ пятьсотъ или шестьсотъ человѣкъ, хорошо одѣтыхъ и не вооруженныхъ, собрались въ Елисейскихъ поляхъ и въ Люксембургѣ, чтобы протестовать противъ постановленія Куммуны, которое выбрало ихъ для экспедиціи въ Вандею; они кричатъ: Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ законъ! Долой анархистовъ! Къ чорту Марата, Дантона, Робеспьера!

Разумѣется, наемная стража Сантера разсѣиваетъ французовъ арестовываетъ тысячу человѣкъ; впредь и остальные будутъ воздерживаться отъ всякой шумной манифестаціи на общественной подкладкѣ. Тогда за неимѣніемъ ничего лучшаго они по нѣскольку разъ являются, особенно въ первыхъ числахъ мая, въ собранія секцій; они образуютъ тамъ большинство и предпринимаютъ рѣшенія противъ якобинской тираніи, въ секціи Добрый Совѣтъ, въ секціяхъ Марсея и Единства, Люиллье освисганъ, Марату

угрожаютъ, Шометь выданъ. Но все это лишь горячая солома; чтобы дѣйствительно властвовать въ этихъ постоянныхъ собраніяхъ нужно было-бы, чтобы умѣренные были бы такими же усердными, какъ и санкюлоты и всегда готовыми драться. Къ несчастью молодежь 1793 не имѣютъ еще того грустнаго опыта, той глубокой злобы и атлетической силы, которая поддержитъ ихъ въ 1795 г. „Послѣ того вечера, когда всѣ стулья были поломаны о спины соперниковъ, они слабѣютъ и больше не возвращаются, а пятнадцать дней спустя, профессиональные головорѣзы торжествуютъ по всей линіи.—Чтобы лучше уничтожить всякое противодѣйствіе, убійцы всѣ объединились и ходятъ изъ секціи въ секцію на помощь другъ другу. Подъ именемъ депутаціи или подъ предлогомъ помѣшать смутѣ, кампанія даровыхъ молодцовъ, посланная сосѣдней секціей является въ залъ и тотчасъ превращаетъ меньшинство въ большинство или же при помощи криковъ направляетъ подачу голосовъ. Иногда, въ поздній часъ, когда зала почти пуста, они объявляютъ себя генеральнымъ собраніемъ и въ числѣ пятнадцати, двадцати членовъ, отвергаютъ рѣшенія дня. Иногда же, когда благодаря муниципалитету, на ихъ сторонѣ полиція, они призываютъ на помощь военную силу и выгоняютъ упрямецевъ. А такъ какъ нужны примѣры, чтобы принудить къ окончательному молчанію, то тѣ пятнадцать или двадцать, что сами назвали себя публичнымъ собраніемъ и пять или шесть, которые образуютъ комитетъ надзора, издаютъ указы объ арестѣ своихъ самыхъ значительныхъ оппонентовъ. Въ городскихъ тюрьмахъ вице-президентъ секціи Добрый Совѣтъ, мировой судья секціи Единства узнаютъ, что не безопасно представлять въ Конвентъ адресъ противъ анархистовъ или подписывать воззваніе противъ Шомета.—Къ концу мая, въ собраніяхъ секціи никто не осмѣливается и рта разинуть противъ якобинскаго предложенія; часто всѣ присутствующіе состоятъ изъ однихъ якобинцевъ; такъ напримѣръ, въ Гравилье они прогнали всѣхъ тѣхъ, кто не принадлежалъ къ ихъ шайкѣ, и отнынѣ ни одинъ „интриганъ“ не осмѣливается показаться въ собраніи.—Ставъ господствующимъ сословіемъ, получивъ полную власть, чтобы обезоруживать, запрещать, отрѣшати отъ должности, облагать налогами, держать въ тюрьмѣ мѣшающихъ имъ людей,—они теперь могутъ, имѣя муниципалитетъ своимъ союзникомъ и руководителемъ, направлять противъ Конвента, полученные отъ него орудія, напасть на жирондистовъ въ ихъ послѣднемъ убѣжищѣ и овладѣть послѣднимъ, еще не отданнымъ имъ фортомъ.

VI.

Для этого имъ нужно сразу продѣлать во всѣхъ секціяхъ то, что они дѣлаютъ въ каждой секціи отдѣльно: силой и обманнымъ путемъ они встали на мѣсто настоящаго народа и благодаря имъ, передъ Конвентомъ встаетъ призракъ народнаго порицанія.—Изъ муниципалитета, заседающаго въ городской ратушѣ и изъ центрального тайнаго собранія, скрывающагося въ епархіи, отпра-

вляются развѣдчики, которые въ одно и то же время представляютъ одинъ и тотъ же адресъ во всѣ секціи Парижа: „Вотъ петиція, которую нужно подписать.—Прочтите ее.—Напрасно читать, она уже принята большинствомъ секцій“.—Этотъ обманъ иногда удается и нѣкоторые довѣрчиво подписываютъ, не читая. Во многихъ секціяхъ читаютъ и отказываются подписывать; въ другихъ читаютъ и переходятъ къ порядку дня. Что тогда происходитъ? Интриганы и вожаки ждутъ пока не уйдутъ всѣ добрые граждане; тогда, оставшись хозяевами, они рѣшаютъ, что нужно подписать петицію и подписываютъ. На другой день, когда граждане приходятъ въ секціи, имъ даютъ подписать петицію, и еще похваляются рѣшеніемъ принятымъ наканунѣ. Если они хотятъ сдѣлать какія-нибудь возраженія, имъ отвѣчаютъ этими страшными словами: „Подписывайте, а то не получите гражданского билета“.—Въ видѣ одобренія этой угрозы, многія секціи, гдѣ хозяйничаютъ редакторы списка проскрипцій, рѣшаютъ, что гражданскіе билеты будутъ перемѣнены и не подписавшіеся не получаютъ новыхъ. Но этими приемами не ограничиваются: по улицамъ разставляютъ людей, вооруженныхъ штыками, чтобы заставлять прохожихъ подписываться“. Все значеніе городской власти открыто брошено на вѣсы. „Коммиссары Коммуны сопровождаемые секретарями со столами, чернилами, бумагами и реестрами, прохаживаются по Парижу при звукахъ барабана и предшествуемые милиціей“. Время отъ времени они „торжественно останавливаются“ и произносятъ рѣчи противъ Бриссо, Верньо, Гаде, послѣ этого они спрашиваютъ и собираютъ подписи. Петиція такимъ путемъ исторгнутая и отнесенная мэрмомъ въ Конвентъ отъ имени главнаго совѣта Коммуны и тридцати пяти секцій, выдаетъ двадцать двухъ жирондистовъ, какъ измѣнниковъ и настойчиво требуетъ ихъ изгнанія.—Другой разъ оказывается, что подобное требованіе, представленное также отъ имени сорока восьми секцій, утверждено лишь тринадцатю или четырнадцатю секціями. Порой политическое тщеславіе еще болѣе безстыдно. Приходятъ мнимые депутаты изъ предмѣстья Сентъ-Антуанъ и указываютъ Конвенту на революціонную программу. „Если вы не примите ее, мы объявимъ возстаніе; 40.000 человекъ ждутъ у двери“. Дѣло въ томъ, что пятьдесятъ бездѣльниковъ мало извѣстныхъ въ предмѣстьѣ“, предводительствуемые бывшимъ обобщикомъ, ставшимъ потомъ полицейскимъ, собрали по дорогѣ всѣхъ, кого находили въ мастерскихъ и лавочкахъ, и вся эта масса, собранная на площади Вандомъ, не знаетъ даже, что говорится отъ ея имени.—Какъ ни искусственно это волненіе, а все таки полезно производить его; это указываетъ Конвенту на настоящаго хозяина и это подготавливаетъ чернь для настоящаго нападенія. Въ тотъ день, когда Марать былъ освобожденъ, вся его „жабья лужа“, самки и самцы, явилась вмѣстѣ съ нимъ; подъ предлогомъ, что она хочетъ префелировать передъ Конвентомъ, она ворвалась въ залу, расфѣлалась по скамьямъ и поддерживаемая галлерейми, среди бури рукошлесканій и криковъ, она снова возвела въ трибуны зачинщика возстанія, грабежа и убійствъ.—

Тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что давленіе было очень энергичное и настойчивое, Конвентъ, уступающій по столькимъ пунктамъ, не соглашается изуродовать себя. Онъ объявляетъ жгивой петицію, поданную противъ двадцати двухъ; онъ учреждаетъ комиссію изъ двѣнадцати членовъ, чтобы найти въ бумагахъ Коммуны и секцій законныя доказательства заговора, замышляемаго якобинцами противъ народнаго представительства; мэра Паша вызываютъ въ судъ; рассылаются приказы объ арестѣ Эбера, Добсана и Варле.—Но такъ какъ недостаточно было проявленія народной воли и Конвентъ, вмѣсто того чтобы повиноваться, бунтуетъ, то остается только примѣнить силу.

„Съ 10 августа, говоритъ трибунъ Верньо; не перестаютъ открыто призывать къ убійству“.—Этотъ моментъ ужасенъ, пишетъ 12 мая одинъ наблюдатель и онъ очень похожъ на тѣ моменты, которые готовили 2 сентября“.—Въ тотъ же вечеръ у якобинцевъ, одинъ членъ клуба предлагаетъ „прежде чѣмъ разойтись, уничтожить всѣхъ изверговъ“.—Я изучилъ Конвентъ, говоритъ онъ; часть его состоитъ изъ изверговъ, съ которыми нужно расправиться. Нужно, чтобы погибли всѣ партизаны Дюмурезы и всѣ заговорщики; нужно достать вѣстовую пушку и закрыть всѣ заставы“.—На слѣдующее утро „на стѣнахъ Парижа расклеиваются афиши, приглашающія Парижанъ „торопиться передумать государственныя людей“.—„Нужно съ ними покончить“—вотъ лозунгъ санкюлотовъ.—На слѣдующей недѣлѣ у якобинцевъ „внезапный мятежъ“ находится въ порядкѣ дня. То что мы раньше называли святымъ изступленіемъ свободы, патриотизмомъ, превратилось въ ярость бѣснаго народа, которого можно сдержать и подчинить лишь силой. Среди этихъ несчастныхъ нѣтъ ни одного, кто не согласился бы на контръ-революцію, при условіи, что ему дадутъ раздавить собственными руками, собственными ногами, тѣхъ черныхъ, которые на особо плохомъ счету... Заключение: возстаніе произойдетъ въ тотъ день, часть, моментъ, когда партія будетъ считать, что она можетъ съ пользой и безъ риску пустить въ ходъ всѣхъ парижскихъ разбойниковъ, а въ ратушѣ, въ епархіи, у якобинцевъ, бѣснующіеся самага низкаго разряда строить уже планъ рѣзни.

Будетъ найденъ изолированный домъ съ тремя комнатами подрядъ, въ нижнемъ этажѣ и съ маленькимъ дворомъ; ночью схватятъ двадцать двухъ жирондистовъ и отведутъ ихъ въ эту заранѣ приготовленную бойню; одного за другимъ ихъ толкнутъ въ послѣднюю комнату; тамъ ихъ убьютъ, потомъ пообрасаютъ тѣла въ яму, вырытую посреди двора и зальютъ известкой; потомъ будутъ распространены слухи, что они эмигрировали и въ доказательство будутъ напечатаны ложныя корреспонденціи. Членъ городской полиціи заявляетъ, что эту операцію очень легко произвести: „Мы ихъ сентябризуемъ, но не сами, для этого у насъ есть люди, которымъ мы хорошо заплатимъ“. Никакого возраженія со стороны присутствующихъ монтаньяровъ, Леонарда Бурдона и Лежандра; послѣдній говоритъ только, что нельзя трогать жирондистовъ въ Конвентѣ; внѣ Конвента—

„они изверги, смерть ихъ спасетъ республику“, и актъ этотъ законенъ; „еслибъ вокругъ него погибали всѣ негодяи черной партіи, то онъ не противодѣйствовалъ бы ихъ уничтоженію“. Нѣкоторые вмѣсто двадцати двухъ депутатовъ требуютъ тридцать два, а нѣкоторые даже триста; къ этому еще прибавятъ подозрительныхъ каждой секціи и уже составлены десять или двѣнадцать списковъ изгнанниковъ.

Въ ту же ночь, въ одинъ и тотъ же часъ ихъ отведутъ въ Кармъ около Люксембурга, а „если недостаточно будетъ мѣста“, то въ Бисетръ; тамъ „они исчезнутъ съ лица земли“.

Нѣкоторые вожаки хотѣли бы поручить чистку Парижа прозорливости народнаго инстинкта. Отрывочными, неопредѣленными словами они говорятъ народу:

„Вставай и дѣйствуй, сообразно движеніямъ твоей души, такъ какъ я не могу дать тебѣ совѣтовъ, это заставило бы бѣжать тѣхъ, которыхъ ты долженъ уничтожить“.

Варле же наоборотъ, предлагаетъ проектъ общественнаго спасенія, очень точный и полный, состоящій изъ пятнадцати статей, „убрать депутатовъ Долины и остальныхъ депутатовъ Учредительнаго и Законодательнаго Собраній, знатныхъ, священниковъ, приказныхъ и проч.; уничтожить всю эту расу, Бурбуновъ, и упразднить министровъ“.

Съ другой стороны, Эберъ говоря о жирондистахъ, пишетъ въ своей газетѣ, „что скоро пробьетъ часъ ихъ смерти“ и что, „когда будетъ пролита ихъ порочная кровь, крикуны изъ аристократовъ уберутся въ склепы, какъ 10 августа“.

Разумѣтся, профессиональные убійцы предупреждены. Нѣкій Лафорэ, лоскутникъ на набережной Дувра, вмѣстѣ съ своей женой отличившейся 2 сентября, высчитываетъ „что въ Парижѣ найдется шесть тысячъ санюлотовъ, готовыхъ рѣзать по первому сигналу, скверныхъ депутатовъ и восемь тысячъ подписавшихъ адреса въ Конвентѣ противъ Коммуны. Другой сентябристъ, командиръ батальона Ботаническаго сада, Анрію, встрѣтивъ портовыхъ рабочихъ, говоритъ имъ своимъ хриплымъ голосомъ: „Здраствуйте товарищи, вы намъ скоро понадобятся, и для лучшей работы; не деревья, а трупы придется вамъ перевозить на вашихъ тачкахъ.—Ну что же, это недурно, отвѣчаетъ одинъ изъ рабочихъ полушьянымъ голосомъ; мы поступимъ также, какъ 2 сентября; это дастъ намъ заработокъ“, „у Шайнара, главнаго слесаря, машиниста монетнаго двора заготавливаются кинжалы... и женщины трибуны получили уже 200 штукъ“. Наконецъ, 29 мая, у якобинцевъ, Эберъ предлагаетъ „напасть на членовъ комиссіи Двѣнадцати“, а другой якобинецъ объявляетъ, „что узурпировавшіе диктаторскую власть“, понимайте подъ этимъ жирондистовъ, „находятся внѣ закона“.

Все это является крайне неразумнымъ, бесполезнымъ или по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ средствомъ, и вожаки Горы, Дантонъ, Робеспьеръ, самъ Марать, наилучше освѣдомленные и наименѣе ограниченные, понимаютъ, что такая грубая рѣзня воз-

становить противъ себя уже и безъ того возставшіе департаменты.

Не нужно ломать законодательное орудіе, нужно употреблять его, имъ воспользуются для того, чтобы произвести надлежащее изувѣченіе: такимъ путемъ операція издали будетъ казаться законной и украшенной обычными фразами, въ силу чего произведетъ впечатлѣніе на провинціаловъ. Уже 3 апрѣля у яacobинцевъ, Робеспьеръ, всегда подозрительный и сдержанный, опредѣляетъ заранѣе будущее возстаніе.

„Пусть добрые граждане соберутся въ своихъ секціяхъ; пусть они принудятъ насъ арестовать депутатовъ измѣнниковъ“. Нельзя себѣ представить ничего болѣе осторожнаго, а съ принципиальной точки зрѣнія и болѣе тактичнаго. Народъ всегда имѣетъ право сотрудничать вмѣстѣ со своими представителями и на трибунахъ это происходитъ ежедневно.

Изъ крайней предосторожности, хорошо его рисующей, Робеспьеръ отказывается вмѣшиваться въ это дѣло. „Я не способенъ предписывать народу средства къ спасенію; это не дано одному человѣку; это не дано мнѣ, истощенному четырехлѣтней революціей и ужаснымъ зрѣлищемъ торжества тираніи. Мнѣ, изуренному лихорадкой, лихорадкой патриотизма.

Я сказалъ; въ данный моментъ мой долгъ исполненъ“.

Впрочемъ онъ предписываетъ муниципалитету „соединиться съ народомъ, образовать съ нимъ тѣсный союзъ“.—Другими словами Коммуна предстоитъ совершить переворотъ; не нужно, чтобы выступала Гора.

Но она „посвящена въ тайну“, ея главари держатъ веревочки отъ грубыхъ пачцовъ, пляшущихъ на публичныхъ подмосткахъ въ Городской Ратушѣ; „Дантонъ и Лакруа писали на столѣ комитета Общественнаго Спасенія“, тотъ дерзкій вызовъ, который ораторъ коммуны прочтетъ 31 мая въ Конвентѣ, и въ теченіе этихъ семи рѣшительныхъ дней, Дантонъ, Робеспьеръ, Марать, совѣтники, директора, руководители будутъ вести, толкать, удерживать въ границахъ ихъ программы статистовъ возстанія.

VII.

Это траги-комическая драма въ трехъ дѣйствіяхъ, изъ которыхъ каждое заканчивается однимъ и тѣмъ же и всегда предвидѣннымъ событіемъ: одинъ изъ главныхъ машинистовъ, Лежандръ, позаботился заранѣе объявить объ этомъ. „Если дѣло будетъ длиться такъ долго, говоритъ онъ Кордельерамъ, если Гора будетъ продолжать быть безсильной, я призову народъ и скажу трибунамъ: Спускайтесь сюда, будемъ вмѣстѣ совѣщаться“.—Для начала 27 мая по поводу ареста Эбера и его соучастниковъ, Гора, поддерживаемая галлерейями, приходитъ въ ярость. Напрасно высказывалось и высказывается большинство. „Если будетъ сотня добрыхъ гражданъ, мы устоимъ, говоритъ Дантонъ.

„Предсѣдатель, кричитъ Марать Изнару, ты тиранъ, безчестный тиранъ.—Я требую, говоритъ Кутанъ, чтобы предсѣдатель былъ разжалованъ.—Въ Аббатство предсѣдателя!“—Гора рѣшила,

что онъ не будетъ предсѣдательствовать; она поднимается со скамей, бросается къ нему, угрожаетъ, убійствомъ, криками, покрываетъ его голосъ усталый изнуренный, онъ принужденъ покинуть свое кресло; такимъ же путемъ она прогоняетъ и замѣнившаго его Бойе-Фонфредъ и кончаетъ тѣмъ, что сажаетъ на предсѣдательское кресло одного изъ своихъ соучастниковъ Эро де Сешель. — Тѣмъ временемъ въ Конвентъ силой ворвалось много вооруженныхъ людей „они размѣстились по кулуарамъ, они затрудили всѣ проходы“; депутаты Мельянъ, Шиаппъ и Лидонъ, пожелавшіе уйти, арестовываются, Лидону „приставляютъ къ груди шпагу“, и вожаки, находящіеся внутри зданія, возбуждаютъ, защищаютъ и оправдываютъ своихъ соумышленниковъ, находящихся на улицѣ. — Со свойственной ему дерзостью, Маратъ, узнавъ, что командиръ Раффа удаляетъ народъ изъ кулуаровъ, подходит къ нему „съ пистолетомъ въ рукѣ и арестовываетъ его“: потому что нужно уважать народъ, священное право петиціи и подателей петиціи. „Пятьсотъ или шестьсотъ вооруженныхъ человѣкъ“, ждутъ у дверей залы; въ послѣдній моментъ къ нимъ на подмогу подходятъ еще два отряда, изъ Гравилье и изъ Круа-Ружъ.

Число ихъ превышаетъ число предназначенныхъ имъ скамеекъ, они заполняютъ залу, присоединяются къ депутатамъ. Уже за полночь; многіе депутаты, изнуренные усталостью и отвращеніемъ, удалились; Петіонъ, Ла-Сурсъ и другіе хотятъ выйти „но не могутъ протиснуться сквозь угрожающую толпу“. Въмѣсто отсутствующихъ, просители сами присваиваютъ себѣ званіе представителей Франціи, они подають голоса вмѣстѣ съ Горой, а предсѣдатель, якобинецъ, вмѣсто того чтобы удалить ихъ, приглашаетъ ихъ „удалить всѣ препятствія, мѣшающія благу народа.“ Въ этой жестикулирующей толпѣ, при полусвѣтѣ дымящихся лампъ, среди возни, трибунъ нельзя слышать какое предложеніе голосуютъ; нельзя разобрать, кто сидитъ, кто встаетъ; и такимъ путемъ проходятъ два декрета, одинъ, освобождаетъ Эбера и его соучастниковъ, другой кассируетъ комиссію Двѣнадцати.

Тотчасъ же гонцы, ожидавшіе исхода дѣла, бѣгутъ съ доброй вѣстью въ Городскую Рагушу, а Коммуна торжествуетъ и рукоплещетъ.

Но на слѣдующій день, несмотря на терроръ и ярость Горы, большинство отмѣняетъ обезоруживающій ихъ декретъ, и новый декретъ удерживаетъ комиссію Двѣнадцати. Опять сначала нужно приниматься за операцію; но впрочемъ не совсѣмъ сначала, потому что Эберъ и другіе арестанты остаются на свободѣ и большинство, которое изъ чувства стыдливости или инстинкта самосохраненія, вернула прежнее мѣсто своей передовой гвардіи, соглашается также изъ слабости или изъ надежды на примиреніе освободить плѣнниковъ.

Значитъ все-таки оно потерпѣло пораженіе въ борьбѣ; его противники, ободрившись, снова начинаютъ атаку и ихъ тактика остается таже, которой они придерживались 10 августа.

Производнымъ, случайнымъ правамъ правительства нужно противопоставить высшее, неотчуждаемое право народа и замѣнить

законныя власти, по природѣ своей ограниченныя, властью революціонной, по своей сущности абсолютной. Вотъ почему секція рынка подъ вице-предсѣдательствомъ сентябриста Мальяра, приглашаетъ остальныхъ сорокъ семь выбрать по два комиссара „съ неограниченной властью“. Въ тридцати трехъ секціяхъ, очищенныхъ, терроризованныхъ или опустошенныхъ, якобинцы, одни или почти одни, избираютъ самыхъ рѣшительныхъ въ шайкѣ, а именно иностранцевъ и негодяевъ, въ общемъ шестьдесятъ шесть комиссаровъ, которые 29-го вечеромъ собираются въ епархію и избираютъ изъ своей среды девятерыхъ, чтобы составить подъ предсѣдательствомъ Добсана центральный и революціонный исполнительный комитетъ. Нельзя себѣ представить ничего болѣе неизвѣстнаго какъ этихъ девятерыхъ, всѣ они какія-то равнодушныя личности, напоминающія маэновъ и маріонетокъ; восемь дней спустя, когда они сыграютъ свою роль и когда они не будутъ больше нужны, ихъ спрячутъ за кулисы. Но пока что, они являются посланниками верховнаго народа, они всемогущи; потому что народъ передалъ имъ свое вѣдѣніе; у нихъ однихъ эта власть, потому что ихъ ижестьатура еще нова и они рисуются точно фигуранты, разодѣтые въ золото и пурпуръ, изображающіе въ Оперѣ конклавъ кардиналовъ или имперскій сеймъ: никогда политическая комедія не перерождалась въ такой безстыдный фарсъ.—31-го, въ половинѣ седьмого утра, Добсанъ и его сообщники являются въ генеральный совѣтъ Коммуны и объявляютъ ему, что онъ низложенъ. Съ поразительной угодливостью совѣтъ признаетъ себя низверженнымъ и выходитъ изъ залы. Тогда съ торопливой поспѣшностью и благодарностью Добсанъ возстановляетъ его въ его функціяхъ во имя народа и объявляетъ, что онъ заслужилъ благодарность родины. Въ это же время, другой демагогъ Варле продѣлываетъ ту же операцію въ совѣтѣ департамента, и оба учрежденія, освященные новымъ крещеніемъ, присоединяются къ шестидесяти шести комиссарамъ, чтобы вмѣстѣ диктовать. — Все это вполне законно, и Конвентъ не можетъ противиться этому; онъ былъ призванъ только для того, чтобы судить тирана и дать конституцію; верховный народъ не далъ ему другого права“, всѣ его другія дѣйствія, его указы объ арестахъ являются узурпаціей и деспотизмомъ. Впрочемъ Парижъ лучше, чѣмъ онъ, является представителемъ Франціи; потому что онъ „экстрактъ всѣхъ департаментовъ, отраженіе общественнаго мнѣнія“, авангардъ патріотизма.

„Помните 10 августа; до этой эпохи, мнѣнія въ республикѣ дѣлились; но какъ только былъ нанесенъ рѣшительный ударъ, все умолкло“.

Не бойтесь департаментовъ, при помощи террора и инструкцій мы направимъ умы такъ, какъ захотимъ. Спорщики упрямятся, они не хотятъ созыва первичныхъ собраний. „А развѣ они нужны были 10 августа? А развѣ департаменты тогда не поддерживали Парижъ? Они и теперь сдѣлаютъ то же самое; вѣдь Парижъ спасаетъ ихъ“.

Вслѣдствіе этого, новое правительство передаетъ командование военной силой, вѣрному человѣку Анріо, одному изъ сентябрьскихъ убійць. Потому оно приказываетъ достать вѣстовую пушку; съ другой стороны, оно велитъ бить тревогу, звонить въ набатъ, закрыть заставы; почтовая администрація арестовывается, письма перехватываются и распечатываются; данъ приказъ обезоруживать подозрительныхъ и отдавать ихъ оружіе „патріотамъ; будутъ платить 40 су въ день бѣднымъ гражданамъ, если они будутъ нести службу“. Наканунѣ всѣ надежные люди были предупреждены; а потому, на слѣдующее утро въ яacobинскихъ секціяхъ комитетъ надзора выбралъ самыхъ бѣдныхъ, чтобы передать оружіе въ тѣ руки, которыя дѣйствительно достойны сражаться за свободу“, и онъ роздалъ всѣ ружья „добрымъ республиканцамъ изъ рабочихъ“. Съ часу на часъ, по мѣрѣ того, какъ подвигается день, власть въ непокорныхъ секціяхъ переходитъ на сторону силы, въ Финистерѣ, въ Бють-де-Муланъ, въ Ломбарѣ, въ Фратерните, въ Марэ, ободренные санкюлоты захватываютъ власть, прерываютъ совѣщаніе умѣренныхъ, а послѣ полудня ихъ делегаты присягаютъ въ Ратушѣ.

Между тѣмъ Коммуна, влача за собой призракъ народнаго единодушія, закидываетъ Конвентъ безконечнымъ числомъ угрожающихъ петицій. Подобно 27 мая податели петицій завладѣваютъ залой и „дружески присоединяются къ членамъ лѣвой партіи. „Тотчасъ-же, по предложенію Левассера, Гора, зная, что ея позиція за ней сохранится“ покидаетъ ее и переходитъ къ правымъ.

Захваченная въ свой чередъ, правая партія отказывается отъ совѣщанія; Верньо предлагаетъ Собранію пойти присоединиться къ вооруженной силѣ, стоящей на площади и встать „подъ ея покровительство“, онъ выходитъ вмѣстѣ со своими друзьями и большинство, лишенное своей главы, снова впадаетъ въ свои сомнѣнія.

Вокругъ нея шумъ и суматоха. Въ залѣ крики Горы, подателей петицій, галлерей кажутся непрерывнымъ гуломъ грозы. Въ залы, на улицѣ, съ минуту на минуту можетъ быть двадцать или тридцать тысячъ человѣкъ столкнутся другъ съ другомъ; батальонъ изъ Бють де Муланъ вмѣстѣ съ отрядами, посланными сосѣдними секціями, засѣлъ въ Пале-Рояль, и Анріо кричитъ повсюду, что богатая секція центра нацѣпили себѣ бѣлую кокарду и посылаетъ противъ нихъ санкюлотовъ предмѣстевъ Сентъ-Антуана и Сентъ-Марсо; съ обѣихъ сторонъ направлены пушки. Не нужно подносить фитиль къ этимъ заряженнымъ пушкамъ, не нужно подавать сигналъ къ гражданской войнѣ, нужно „предупредить послѣдствія движенія, которое могло бы быть пагубнымъ для свободы“, нужно какъ можно скорѣе возстановить и обезпечить общественное спокойствіе. Итакъ, большинство полагаетъ, что проявляетъ мужество, если отказываетъ Коммунѣ въ арестѣ Двадцати Двухъ, и министровъ Леброна и Клавьера; взаменъ она соглашается уничтожить комиссію Двѣнадцати; она утверждаетъ постановленіе, въ которомъ Коммуна

обязуется платить по 40 су въ день тѣмъ рабочимъ, которые находятся подъ ружьемъ; входъ на трибуны она объявляетъ свободнымъ и, высказывая благодарность всѣмъ секціямъ, какъ защищавшимъ ее, такъ и нападавшимъ, она объявляетъ общую федерацію на слѣдующее 10 августа, она братается въ Пале-Рояль съ батальонами, которыхъ клевета вооружила другъ противъ друга и которые, выйдя изъ заблужденія, обнимаются вмѣсто того, чтобы убивать другъ друга.

И на этотъ разъ все преимущество на сторонѣ Коммуны. Не только многія ея просьбы превратились въ декреты, но и ея революціонное крещеніе остается дѣйствительнымъ, ея исполнительный комитетъ безмолвно признается, новое правительство продолжаетъ исполнять свои обязанности, ея узурпация становится священными, генераль Анріо сохраняетъ командованіе всей вооруженной силой, всѣ его диктаторскія мѣры безъ помѣхи приводятся въ исполненіе. Новый предлогъ, чтобы продолжать ихъ усиливать. „На вашей сторонѣ лишь полъ-побѣды, пишетъ Эберъ въ своемъ „Пэръ-Дюшенъ“, всѣ эти подлецы, интриганы еще живы“. Вечеромъ 31 мая Коммуна издаетъ указы объ арестѣ министровъ Клавьера и Лебрэна, Ролана и его жены. Въ тотъ же вечеръ и на слѣдующій день въ теченіе всего дня и всей ночи, и еще на слѣдующій день въ сорока восьми секціяхъ, комитеты надзора, согласно инструкціямъ Ратуши, перечитываютъ списки кварталовъ, вписываютъ новыя имена, посылаютъ комиссаровъ, чтобы обезоружить и арестовать подозрительныхъ.

Если кто плохо отзывался о революціонныхъ комитетахъ, кто противился покушеніямъ 31 мая или не участвовалъ въ толпѣ 10 августа, или плохо голосовалъ въ прежнемъ Законодательномъ Собраніи, тотъ долженъ быть арестованъ: это какое-то всеобщее одновременное нападеніе; по всѣмъ улицамъ можно встрѣтить арестованныхъ людей, отводимыхъ подѣ стражей въ комитетъ секціи или тюрьму, первымъ долгомъ журналистовъ „антипатріотовъ“; кромѣ того конфискуются листки и газеты перестаютъ появляться; мастерскія Горза разрушены, машины опечатаны. Даже самъ Прюдомъ посаженъ въ тюрьму. Въ секціяхъ Общественнаго договора, Братства, Марэ, Марселя, — уничтожены послѣднія сопротивленія и Коммуна, успокоившись насчетъ улицы, можетъ снова начать свою атаку противъ Конвента.

Она велѣла въ каждой секціи составить „списокъ рабочихъ санкюлотовъ“ и назначаетъ имъ по 6 франковъ, которые Конвентъ долженъ уплатить, чтобы вознаграждать ихъ за ихъ временную безработицу: это награда за возстаніе, а такъ какъ нѣтъ ничего болѣе дѣйствительнаго, какъ наличныя деньги, то для того, чтобы составить эту сумму, Пашу приходится отобрать у колонистовъ Сень-Доминга 150,000 франковъ; 2 іюня повѣренные расхаживаютъ по рядамъ и раздаютъ ассигнаціи въ 5 ливровъ. Чтобы удержать людей подѣ ружьемъ, каждый батальонъ сопровождаетъ продовольственныя кареты; желудокъ долженъ быть сытымъ, а рюмочка вина является хорошимъ утѣшеніемъ въ патріотизмъ; Анріо возвращаетъ изъ Курбвуа батальоны волонте-

ровъ, которые за нѣсколько дней передъ этимъ были посланы въ Вандею, это все „авантюристы, безпутные, хищные, которыхъ позже прозовутъ „героями 500 ливровъ“.

Подъ рукою имѣются еще гусары Розенталя, нѣмецкіе гусары, не понимающіе по французски, они будутъ глухи на всѣ законныя предложенія. Наконецъ, вокругъ Конвента, онъ разставляетъ своихъ любимыхъ санкюлотовъ, а именно канонировъ, состоящихъ изъ однихъ якобинцевъ; они тащатъ за собой самую громоздкую часть артиллеріи, 163 пушки, съ рѣшетками и углемъ, чтобы раскалить ядра. Итакъ значитъ Тюльери окруженъ шайкой головорѣзовъ и бѣсноватыхъ; національная гвардія, въ пять или шесть разъ болѣе многочисленная, не можетъ придти на помощь Конвенту; ее оттѣснили за подъемный мостъ, который находится за деревянной заставой, отдѣляющей Карусель отъ дворца. Она привязана къ своимъ постамъ, она низведена до роли неподвижной декораціи, она бездѣйствуетъ по неволи; дѣйствуютъ лишь мятежники, составляющіе ея авангардъ.—Съ самаго утра вестибюли, лѣстницы, кулуары Конвента наводняются обыкновенными посѣтителями трибунъ и наемными женщинами; „усатые мужчины“, вооруженные пистолетами и шпагами, запрѣдили отлучаться командиру и его офицерамъ; законная гвардія была замѣнена чрезвычайной и всѣ депутаты оказались въ плѣну.

Если кто нибудь изъ нихъ долженъ выйти на нѣкоторое время, такъ это происходитъ подъ надзоромъ четырехъ солдатъ, они „отводятъ его, ждутъ и возвращаются съ нимъ“. Если кто-нибудь смотритъ въ окно, въ него прицѣливаются; стараго Дюзю бьютъ, Буасси д'Англа хватаютъ за горло, такъ что его рубашка и галстухъ порваны въ клочки. Въ теченіе семи часовъ, Конвентъ остается подъ арестомъ, а когда онъ издаетъ приказъ объ удаленіи осаждающей его вооруженной силы, Анрио отвѣчаетъ приставу, передающему ему указъ: „скажи твоему предѣдателю подлецу, что я плюю на него и на его собраніе и если черезъ часъ онъ не отдастъ мнѣ двадцати двухъ, я начну его разстрѣливать“.

Въ залѣ, большинство, покинутое своими вожакими и побитыми ораторами, слабѣетъ съ часу на часъ. Бриссо, Петіонъ, Гаде, Жансонне, Бюзю, Саль, Гранженевъ и другіе, двѣ трети Двадцати Двухъ остались дома удержанные друзьями. Появившійся было Верньо молчитъ, потомъ уходитъ; вѣроятно Гора, выигрывающая въ его отсутствіи, способствовала этому, четыре другихъ жирондиста, до конца остающіеся въ собраніи,—Изнаръ, Дюзю, Лантена и Фоше, соглашаются подать въ отставку; когда генералы отдають свои шпаги, солдаты отдають свои ружья. Одинъ лишь Ланжюиннэ, который не жирондистъ, но католикъ и бретонецъ, говоритъ противъ посягательства, которому подвергается народное представительство; ему кричатъ, чтобы онъ замолчалъ, его осаждаютъ на кафедрѣ; мясникъ Лежандръ, размахивая руками, кричитъ ему: „Спускайся или я тебя прикончу“, группа Монтаньяровъ бросается на помощь къ Лежандру, къ горлу оратора приставляютъ револьверъ; какъ онъ не убѣждаетъ.

какъ онъ ни цѣпляется за трибуну, вокругъ него, въ его партіи убѣжденія слабѣютъ.

Въ этотъ моментъ Бареръ предлагаетъ Конвенту прекратить засѣданіе, чтобы идти совѣщаться „среди вооруженной силы, которая будетъ ихъ защищать“. За неизмѣнимъ ничего лучшаго большинство цѣпляется за эту послѣднюю надежду. Конвентъ подымается, несмотря на крики трибунъ, спускается по большой лѣстницѣ и доходитъ до входа въ Карусель. Тутъ, предсѣдатель монтаньяровъ, Эро де Сепель, читаетъ Анріо декретъ, который въ корректной формѣ предлагаетъ ему удалиться; много монтаньяровъ послѣдовало за большинствомъ и всячески разжигаютъ возстаніе; Дантонъ жметъ руку Анріо и говоритъ ему шепотомъ: „Не уступай, не бойся, мы хотимъ лишь убѣдиться, что собраніе свободно; стой твердо на своемъ“. Послѣ этого наглый Анріо снова обрѣтаетъ свою увѣренность и голосомъ пьяницы говоритъ предсѣдателю: „Эро, народъ возсталъ не для того, чтобы выслушивать фразы. Ты добрый патриотъ; клянешься ли ты своей головой, что Двадцать Два будутъ выданы черезъ двадцать четыре часа?—Нѣтъ.—Въ такомъ случаѣ я ни за что не отвѣчаю. Къ оружію канониры, къ пушкамъ!“ Канониры хватаютъ зажженные фитили, кавалерія обнажаетъ шпаги, а инфантерія цѣдится въ депутатовъ.—Оттолкнутый съ этой стороны, несчастный Конвентъ, поворачиваетъ налѣво, пересѣкаетъ сводчатый проходъ, слѣдуетъ по большой аллеѣ сада, доходитъ до Подъемнаго моста, чтобы найти выходъ. Но выхода нѣтъ; мостъ поднять; кругомъ непроницаемая стѣна изъ жоей и ружей; вокругъ депутатовъ кричатъ: „Да здравствуетъ Гора! да здравствуетъ Маратъ! На гильотину Бриссо, Верньо, Гаде Жансонне! Надо пустить дурную кровь!“ и Конвентъ, подобно стаду барановъ, напрасно крутится въ своей оградѣ. Тогда, чтобы вернуть ихъ въ стойло, какъ лающая, сторожевая собака, прибѣгаетъ Маратъ на своихъ короткихъ ногахъ, сопровождаемый шайкой своихъ оборванцевъ и кричитъ: «Пусть вѣрные депутаты возвращаются на свои мѣста!» Маниально, опустивъ голову, они возвращаются; тотчасъ же залъ закрывается и они снова подъ стражей. Чтобы принять участие въ ихъ совѣщаніяхъ вмѣстѣ съ ними вошло много постороннихъ лицъ. Чтобы наблюдать и торопить дѣло, санкюлоты со штыками на ружьяхъ жестикулируютъ и угрожаютъ на галлереяхъ. И внутри, и внѣ собранія необходимость схватила ихъ своей желѣзной рукой и давить ихъ за горло. Гробовое молчаніе. Наконецъ приподымается паралитикъ Кутонъ; его друзья несутъ его на рукахъ на каеэдру; будучи интимнымъ другомъ Робеспьера, этотъ человѣкъ пользуется огромнымъ значеніемъ: онъ садится и начинаетъ своимъ мягкимъ голосомъ: «Граждане, всѣ члены Конвента должны быть теперь увѣрены въ своей свободѣ... Теперь вы понимаете, что вы свободны въ вашихъ рѣшеніяхъ».— Вотъ заключительное слово комедіи; ничего подобнаго нѣтъ даже у Мольера.

При рукоплесканіяхъ галлерей сентиментальный калѣка въ заключеніе требуетъ, чтобы арестовали Двадцать Двухъ, комитета

Двѣнадцати, министровъ Клавіера и Лебрэна. Никто не возражаетъ на его предложеніе, „потому что физическая потребность даетъ себя знать и чувство ужаса распространилось въ Собраніи“. Многіе говорятъ про себя „что въ концѣ концовъ нечего жалѣть арестованныхъ, сидя у себя, они будутъ внѣ опасности... лучше причинить небольшое зло, чѣмъ подвергнуться большимъ опасностямъ“. Другой восклицаетъ: „лучше лишиться голосованія, чѣмъ измѣнить своему долгу!“ Предпринимаются разныя уловки, совѣсть спокойна. Двѣ трети Собранія объявляютъ, что они не принимаютъ больше участія въ совѣщаніи, что они воздерживаются, что они не подаютъ голоса ни за, ни противъ. Только пятьдесятъ членовъ правой поднимаются за жирондистовъ; Гора, возросшая отъ присоединившихся инсургентовъ или любителей, одна подаетъ голосъ и выноситъ наконецъ декретъ. Съ этого времени Конвентъ, самъ себя изуродовавшій, уничтоженъ навсегда, онъ становится правительственной машиной въ рукахъ клики; побѣда якобинцевъ совершилась, и побѣдитель можетъ начать игру въ гильотину.

VIII.

Разсмотримъ ихъ въ этотъ рѣшительный моментъ: я не думаю, что когда либо, въ какой-нибудь странѣ можно было бы наблюдать такой контрастъ между націей и ея правителями. Благодаря цѣлому ряду измѣненій, партія вернулась къ прежнему своему составу, къ черни; отъ грандіознаго волненія 1789 ей осталась лишь пѣна, все остальное было отвергнуто или само ушло, сначала высшій классъ, духовенство, дворянство и парламентары, потомъ средній классъ, промышленники, купцы и буржуа, наконецъ и цвѣтъ низшаго класса, мелкіе собственники, фермеры, ремесленники, однимъ словомъ, представители всѣхъ профессій, состояній и ремеселъ, всѣ, у кого былъ доходъ, капиталъ, заведеніе, всѣ, кто пользовался почтеніемъ, уваженіемъ, кто получилъ образованіе, умственную и нравственную культуру. Въ іюні 1793 года, партію составляютъ лишь безработные рабочіе, городскіе и деревенскіе бродяги, завсегдагаи больницъ, посѣтители подозрительныхъ домовъ, опозоренное и опасное населеніе, развратники, безпутные, негодяи всѣхъ видовъ и въ Парижѣ, откуда она управляетъ всей остальной Франціей, ея составъ набирается среди этихъ человѣческихъ отбросовъ, среди золотушной и эпилептической черни, которая унаслѣдовавъ испорченную кровь, своимъ собственнымъ безпутствомъ вноситъ въ цивилизацію, вырожденіе, слабоуміе, неустойчивость своего изнуреннаго темперамента, свои отсталые инстинкты, свой слабо развитый мозгъ. Во что она превратила общественную власть, объ этомъ скажутъ намъ три, четыре современныхъ свидѣтеля; Мы познакоимся съ людьми практики и, инициативы, совершившими послѣдній переворотъ, и лучше всего ея характеризующими. Въ Конвентѣ, послѣ 2 іюня „почти половина депутатовъ воздерживается отъ участія въ дѣлахъ; бѣжало и исчезло болѣе ста пятидесяти; безгласные, бѣглецы, арестованные, пригово-

ренные—вотъ ея дѣло, а вечеромъ 2 іюня ея возлюбленный, ея руководитель совѣсти грязный выродокъ, шарлатанъ, мономанъ и убійца каждое утро, подливающій ей политическій ядъ, Маратъ, получилъ наконецъ произвольную власть, которой онъ добивался четыре года, власть Марія и Силлы, власть Октавія, Антонія и Лепида, власть вписывать или вычеркивать имена на проскрипціонномъ листѣ: „по мѣрѣ того, какъ ему читали, онъ указывалъ на прибавленія или уничтоженіе и по одному его указанію, безъ всякаго совѣщанія съ Собраніемъ, имена прибавлялись или вычеркивались“.

Въ городской Ратушѣ, 3 іюня, въ залѣ королевы арестованные Петіонъ и Гаде увидѣли собственными глазами тотъ центральный комитетъ, что поднялъ возстаніе и который благодаря чрезвычайнымъ полномочіямъ господствуетъ надъ всѣми установленными властями. „Они храпѣли, одни, распростершись на скамейкахъ, другіе облакотившись на столы; одни были съ босыми ногами, другіе были въ туфляхъ, почти всѣ они были грязные, плохо одѣтые съ взъерошенными волосами, съ пистолетами за поясомъ и съ саблей на перевязи. Повсюду были разбросаны бутылки, куски хлѣба, остатки мяса, кости, покрывали полъ; воздухъ былъ ужасный. Тутъ главарь шайки не Шометъ, у котораго есть и были нѣкоторыя недоразумѣнія съ судомъ, не Пашъ, который втихомолку лавируетъ подъ маской своего швейцарскаго равнодушія, а другой Маратъ, болѣе грубый и главное болѣе подлый — Эберъ, который пользуется случаемъ, чтобы подкладывать топлива въ печь своего „Отца Дюшена“, онъ печатаетъ 600000 экземпляровъ, требуетъ, чтобы ему замлатили 135000 ливровъ за номера, отсылаемые въ армію и зарабатываетъ на этой поставкѣ 75 процентовъ. — На улицѣ дѣйствующія личности дѣлятся на двѣ группы, одна военная, другая гражданская, первая состоитъ изъ головорѣзовъ, которые войдутъ въ составъ революціонной арміи. „Эта армія, которую считаютъ новымъ учрежденіемъ, существуютъ на самомъ дѣлѣ съ 1789. Первое ядро ея образовали агенты герцога Орлеанскаго. Она увеличилась, организовалась, получила командировъ, постоянное мѣсто-пробываніе, свой пароль, свой языкъ. Всѣ резолюціи совершались при ея помощи; это она приводила въ движеніе народныя массы. Она заставляла нести бюстъ Неккера и закрывать театры 12 іюля 1789, она заставляла бѣжать народъ въ Версаль 5 октября, арестовать короля въ Тюильери 20 апрѣля 1791?.. Предводимая Ветерманомъ и Фурнье, увеличенная каторжниками изъ Бреста и Марселя, она составляетъ центральный батальонъ въ нападении 10 августа 1792, она исполняла сентябрьскія избіенія; она защищала Маратистовъ 31 мая 1793?.. Ея составъ соответствуетъ вполнѣ ея похожденіямъ и функціямъ. Она заключаетъ въ себѣ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ, разбойниковъ Авиньона, подонки Марселя, Брабанта, Ліежа, Швейцаріи, Генуи. При помощи заботливой сортировки составъ ея будетъ провѣренъ, укрѣпленъ, усиленъ и превращенъ въ законный отрядъ янычаръ; разъ она будетъ „увеличена праздными парикмахерами, лакеями, лишенными мѣстъ, уличными бунтарями, бездѣльниками, которые не въ

состояніи заработать свой хлѣбъ честнымъ трудомъ“, тогда она сможетъ поставить отряды въ Бордо, въ Ліонъ, въ Дижонъ, Нантъ и кромѣ того останется еще „десять тысячъ мамелюковъ, чтобы сдерживать столицу“. Что касается гражданскаго состава, то онъ заключаетъ во-первыхъ, завсегдатаевъ секцій, которымъ платятъ по 40 су за засѣданіе, во-вторыхъ, группу статистовъ, которые въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, должны изображать народъ; приблизительно тысяча клакеровъ и крикуновъ „изъ нихъ двѣ трети—женщины“. Въ теченіе всего времени, когда я былъ свободенъ, говоритъ Болье, я долго наблюдалъ за ихъ пріемами: это волшебный фонарь, все время находящійся въ движеніи. Изъ Конвента они переходятъ въ революціонный судъ, изъ суда къ якобинцамъ или въ коммуну, засѣдающую вечеромъ... Они едва успѣвали удовлетворять свои естественныя потребности; часто они обѣдали и ужинали на своемъ посту, когда дѣло касалось какой-нибудь важной мѣры или серьезнаго убійства“. Во главѣ обѣихъ шаекъ стоитъ Анріо, бывший плутъ, потомъ полицейскій шпіонъ, потомъ онъ сидѣлъ за кражу въ Бисетрѣ, потомъ сталъ сентябрьскимъ убійцей; нѣкогда въ предмѣстьяхъ, на подмосткахъ онъ выкидывалъ всякія штуки въ костюмъ генерала; отсюда и пошла его военная форма и популярность; это типичный хвастунъ, всегда пьяный, весь пропитанный водкой. Дуракъ, хрипунъ, съ лицомъ подергивающимся нервнымъ тикомъ, однимъ словомъ, внѣшность совсѣмъ подходящая. „Когда онъ говоритъ, раздается вопль, точно онъ страдаетъ цынгой; раздается гробовой голосъ, а затѣмъ, все лицо его начинаетъ дергаться; онъ трижды моргаетъ глазомъ, и только послѣ этого его лицо принимаетъ нормальное состояніе“.—Марать, Эберъ и Анріо, сумасшедшій, негодяй и звѣрь—не будь ножа Шарлотты Корде, можно съ вѣроятіемъ сказать, что это тріо, овладѣвшее прессой и вооруженной силой, съ помощью Жака Ру, Леклерка, Венсана, Ронсана и другихъ, удалило бы Дантона, уничтожило бы Робеспьера и стало бы править Франціей. Таковы совѣтники, любимцы и вожаки правящаго класса.

И тѣмъ не менѣе, это правительство Франція терпитъ и подчиняется ему.—Правда, города Ліонъ, Марсель, Тулонъ, Нимъ, Бордо, Каенъ и другіе города, чувствуящіе себя подъ ножомъ, отвращаютъ ударъ, встаютъ противъ мѣстныхъ якобинцевъ; но это лишь инстинктивное движеніе: они не помышляютъ о томъ, чтобы образовать государство въ государствѣ, какъ это предполагаетъ Гора, ни узурпировать центральную власть, какъ это дѣлаетъ Гора. Ліонъ кричитъ; „Да здравствуетъ республика единственная и недѣлимая!“ онъ съ почестями принимаетъ комиссаровъ Конвента, пропускаетъ лошадей и подвозъ оружія, предназначеннаго для Альпійской арміи; чтобы взбунтовать его, понадобятся бессмысленныя требованія парижскаго деспотизма, какъ для того, чтобы поднять Вандею, понадобилась грубая настойчивость религіознаго преслѣдованія. Не будь давленія, тяготящаго надъ сознаніемъ и постоянной опасности, которой подвергаются жизни, ни одинъ городъ, ни одна провинція не отложились бы. Даже подъ

такимъ правительствомъ, правительствомъ инквизиторовъ и палачей, ни одна группа, кромѣ Ліона и Вандей не дѣлаетъ усилій, чтобы порвать связь, образовать кантонъ и жить отдѣльно. Национальный союзъ очень крѣпокъ, благодаря вѣковой централизаци; родина одна и когда родина въ опасности, когда вооруженный чужестранецъ нападаетъ на границу, всѣ слѣдуютъ за тѣмъ, кто несетъ знамя, кто бы онъ ни былъ, узурпаторъ, авантюристъ, мошенникъ или головорѣзъ, пусть только онъ идетъ впереди и крѣпко держитъ знамя. Если вырвать у него это знамя, если оспаривать его право, если прогнать его и замѣнить другимъ—дѣло общественное было бы погублено. Честные люди жертвуютъ своимъ отвращеніемъ ради общественнаго спасенія, и для того чтобы служить Франціи, они служатъ его недостойному правительству.—Въ военномъ комитетѣ, офицеры инженеры и офицеры генеральнаго штаба проводящіе дни за изученіемъ карты, помышляютъ лишь о томъ, чтобы хорошо читать ее; одинъ изъ нихъ д'Арсонъ, руководилъ снятіемъ осады съ Дюнкерка и Мобежъ; никто не превосходитъ его въ проникательности, въ практическихъ знаніяхъ, въ быстротѣ глазомера и въ воображеніи; у него горячая душа и голова, богатая знаніями. „Я говорю о немъ такъ, говоритъ Малле-дю-Панъ, потому что я былъ близко съ нимъ знакомъ въ теченіе десяти лѣтъ; онъ не болѣе революціонеръ, чѣмъ я“. Карно дѣлаетъ большее; онъ отдаетъ свою честь, подписывая, вмѣстѣ со своими коллегамъ изъ Комитета общественнаго Спасенія, вмѣстѣ съ Билло-Вареномъ и Кутономъ, вмѣстѣ съ Сенъ-Жюстомъ и Робеспьеремъ, постановленія, которыя не что иное какъ убійства. Самоотверженіе бросаетъ въ арміи рекрутовъ сотнями тысячъ, буржуа, крестьянъ, начиная съ волонтеровъ 1791 и кончая реквизиціей 1793, и послѣдніе сражаются не только за Францію, но еще и главнымъ образомъ за революцію.—Такъ какъ теперь, когда шпага обнажена, растущая взаимная ожесточенность оставляетъ въ покоѣ лишь самыя крайнія части. Послѣ 10 августа и особенно послѣ 21 января дѣло идетъ не о томъ, чтобы договариваться съ старымъ строемъ, удалять мертвыя части или колючія занозы, примѣнять его къ современнымъ потребностямъ, устанавливать гражданское равенство, ограниченную монархію, парламентарное правительство. Дѣло идетъ о томъ, чтобы не подвергаться военнымъ экзекуціямъ Брунсвика, мести эмигрантовъ, реставраціи и усиленію стараго феодальнаго и фискальнаго строя. Этотъ старый строй большая, крестьянская масса ненавидитъ его по опыту и по традиціи, всей накопленной ненавистью, которую можетъ породить непрестанное, вѣковое хищеніе; ни за что она не потерпитъ возвращенія сборщика податей, досмотрщика, „соляного пристава“, а для нея весь старый строй сводится къ этому; такъ какъ при революціи она почти совсѣмъ не платитъ налоговъ. Насчетъ этого ея убѣжденіе вполне опредѣлено, точно и непоколебимо; какъ только она замѣчаетъ вдали возможное возстановленіе податей, десятины и правъ сеньора, она рѣшается биться на смерть. Что касается ремесленниковъ и мелкихъ буржуа, то для нихъ

возбуждающимъ средствомъ является грандіозная перспектива широко раскрытой карьеры, неограниченныя повышенія, чины, даваемые по заслугамъ; а главное то, что мечты ихъ еще нетронуты. Тамъ, въ лагерѣ, передъ лицомъ врага благородныя общія идеи, превратившіяся въ рукахъ парижскихъ демагоговъ въ кровавыя извращенія, въ воображеніи офицера и солдата остаются чистыми. Свобода, равенство, права человѣка, торжество разума, всѣ эти смутныя и великія образы предстаютъ у нихъ передъ глазами, когда они подъ картечью взбираются на крутизны Жемапъ, или когда стоятъ босыми ногами въ снѣгахъ Вогезовъ. Упавъ съ неба на землю, они не осквернены, не искажены подъ ногами, они не превратились въ ихъ рукахъ въ уродливыя карикатуры. Они не занимаются грязнымъ дѣломъ, политикой и гильотиной. Они не являются опброй клуба, крикунами секціи, инквизиторами комитетовъ, наемными доносчиками, поставщиками эшафота. Они находятъ вѣкъ революціоннаго шабаша, присутствіе опасности, возвращаетъ ихъ къ здравому смыслу; понявъ неравность талантовъ и необходимость повиновенія, они страдаютъ, голодаютъ, смѣло подвергаются пулямъ, они сознаютъ свое безкорыстіе, свои жертвы, они герои и они могутъ смотрѣть на себя, какъ на освободителей. Эта мысль воспламеняетъ ихъ гордость. По мнѣнію одного извѣстнаго наблюдателя „многіе изъ нихъ думали, что одни только французы являются разумными существами“... Въ нашихъ глазахъ жители остальной Европы сражавшіеся за сохраненіе цѣпей были лишь жалкими глупцами или негодьями, продававшими себя тиранамъ, нападавшимъ на насъ. Пить и Кобургъ были главарями этихъ негодяевъ... и олицетвореніемъ всего вѣроломнаго и глупаго, что есть на свѣтѣ:

Въ 1794, все наше внутреннее серьезное чувство заключалось въ одной идеѣ: *быть полезнымъ родинѣ*. Все остальное, одежда, пища, повышеніе, было въ нашихъ глазахъ жалкой, скоро преходящей мелочью. Такъ какъ не было общества, то и *устыжи общества* для насъ не существовали. Наши собранія были празднества, трогательныя церемоніи, развивавшія въ насъ любовь къ родинѣ. На улицѣ, когда мы встрѣчали надпись въ честь молодого барабанщика Барра, глаза наши наполнялись слезами.. Это чувство было нашей единственной религіей, и дѣйствительно таковая существовала. Когда въ націи духъ такъ силенъ, то она спасается, несмотря на своихъ правителей, каковы бы ни были безумія послѣднихъ, каковы бы ни были ихъ преступленія, такъ какъ она своей храбростью искупаетъ ихъ недостатки, прикрываетъ ихъ преступленія своими подвигами.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

